A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River. The map includes labels for various districts and landmarks, such as 'Isle', 'Grande', 'La Fontanka R.', 'La Petite Nevka R.', and 'Neva R.'. The text is overlaid on the map in a serif font.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

3

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2013

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 3

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 3

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2013

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. А. Завьялов, В. А. Лапшин, Е. Н. Носов,
Н. Ф. Соловьёва (ответственный редактор, составитель)

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьёв
Корректор Е. С. Молчанова

Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 3
(охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьёва;
ИИМК РАН. – СПб.: Периферия, 2013. – 288 с.: ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS. [№] 3
(rescue archaeology) / ed. by N. F. Solovyova;
IHMC RAS. – SPb.: Periferia, 2013. – 288 pp.: ill.

ISBN 978-5-906168-02-3

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Третий номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, осуществленных Отделом охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2011–2012 гг.

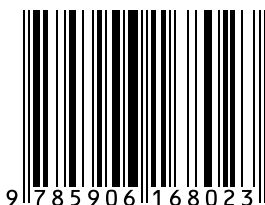
Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The third number of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St.-Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2011–2012 by the Department for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-906168-02-3

УДК 902/904
ББК 63.4

© ИИМК РАН, Санкт-Петербург, 2013
© Отдел охранной археологии ИИМК РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) является головным учреждением РАН при проведении фундаментальных археологических исследований на Северо-Западе России и в ряде ее регионов, где традиции Ленинградской/Санкт-Петербургской школы до наших дней являются приоритетными. В рамках академических программ ИИМК РАН ведет разносторонние исследования в различных районах России и за рубежом. Вместе с тем масштабный рост строительных работ на новостройках и в зонах освоения новых земель заставляет академические учреждения уделять большое внимание обследованию и изучению археологических объектов на вновь вводимых в хозяйственную деятельность территориях. ИИМК РАН, руководствуясь законодательством Российской Федерации, принимает в этом непосредственное участие.

Итоги охранных археологических исследований ИИМК РАН уже традиционно находят отражение в выпускаемом институтом Бюллетене. Настоящий выпуск посвящен в основном итогам 2012 г., когда сотрудниками института было выполнено более 40 договоров на проведение охранно-спасательных археологических мероприятий в зонах хозяйственного освоения территорий. В рамках заключенных договоров проводились следующие виды работ: 1) составление исторических справок по объектам; 2) разведывательные археологические исследования на предмет выявления наличия культурного слоя; 3) наблюдения за земляными работами хозяйствующих субъектов; 4) составление проектов организации археологических работ; 5) охранно-спасательные археологические раскопки.

Масштабные археологические исследования проводились в Туве, Красноярском и Краснодарском краях, Ленинградской области (Выборг и Ивангород) и на территории Санкт-Петербурга.

Санкт-Петербург, как место расположения ИИМК РАН, естественно, входит в зону приоритетных исследований института. Археологические работы на территории Санкт-Петербурга (Ленинграда) начались еще в середине 50-х гг. прошлого века. Тогда это порой казалось экзотикой, но уже первые раскопки в Летнем саду и на других объектах показали, что «поздняя» археология дает массу интересных деталей для воссоздания ранней истории города.

В проводимых ИИМК РАН археологических исследованиях на территории Санкт-Петербурга, в получении и анализе материалов активно участвуют сотрудники кафедры археологии СПбГУ, Государственного Эрмитажа и привлеченные специалисты из других профильных организаций города и страны.

В 2012 г. на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей специалистами ИИМК РАН проводились разноплановые охранно-спасательные мероприятия (от археологического надзора за земляными работами и разведочной шурфовки до масштабных раскопок). Раскопки, проведенные в исторической части города, пополнили источниковедческую базу ранней истории Санкт-Петербурга, что нашло отражение в статье В. А. Лапшина и Н. Ф. Соловьёвой, посвященной археологии Петербурга, в сборнике «Археология Москвы – линия жизни», изданном в Москве в 2012 г.

Наиболее ранние материалы получены при исследованиях в южной части Петроградской стороны – первоначальном ядре города, основанного в 1703 г. На пересечении Большой Посадской и Малой Монетной улиц в 2011–2012 гг. была вскрыта площадь 1584 кв. м. Здесь обнаружено кладбище первых строителей Санкт-Петербурга, по-видимому, крестьян из близлежащих ижорских или карельских деревень. Кладбище находилось в 700 м от Заячьего острова, на котором возводились земляные бастионы Петропавловской крепости. Уже в 1710-е гг. через него прокладывается Большая Посадская улица и начинается застройка жилого квартала.

В других частях Петроградской стороны выявлен более поздний материал. Этот район города после перемещения официального центра на левый берег Невы на полтора столетия превратился в провинциальную окраину с деревянной застройкой и небольшими кривыми улочками. Только строительный бум конца XIX – начала XX вв. преобразил до неузнаваемости Петроградский остров. Разведочные шурфы по адресу ул. Куйбышева, д. 13 (бывшая Большая Дворянская), несмотря на наличие застройки на всех планах XVIII в., выявили срубную постройку первой половины XIX в. как наиболее раннюю. Исследования в северной части Петроградской стороны дали еще более поздний материал – середины – второй половины XIX в. (ул. Чапаева, д. 16А) и второй половины XIX в. (Левашовский пр., д. 24). Среди

археологических находок на последнем объекте следует отметить памятную настольную медаль, посвященную празднованию тысячелетия российского государства, отчеканенную в 1862 г. В результате проведенных разведочных работ по адресу ул. Кропоткина, д. 1, лит. А был выявлен участок погребенной почвы XIX в. с остатками деревянных столбовых конструкций и слоем щепы, характерных для исторической части Санкт-Петербурга времен активного деревянного строительства. При проведении аварийно-спасательных раскопок на Пионерской ул., д. 16, лит. А обнаружены фрагменты трех срубов и каменной постройки XIX в.

Интересные результаты дал надзор за земляными работами на шпиге Меншикова бастиона Петропавловской крепости. Выяснилось, что внутри каменного бастиона почти полностью сохранился вал деревоземляной крепости 1703 г., верх которого выявлен на отметке 7,2 м БС; расчищены остатки дерновой облицовки вала с укреплением дерна деревянными кольями, полы которого были подрезаны при возведении внешней и внутренней стен каменного бастиона. Надзор за земляными работами при реставрации Петропавловского собора в крепости выявил кирпичное основание портика, сооруженного в 1727 г. Д. Трезини и разрушенного во время пожара 1756 г.

Наиболее масштабные исследования на площади 2000 кв. м в 2012 г. были проведены в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом. Участок находится на значительном удалении от первоначального центра города, поэтому неожиданным стало открытие горизонта деревянной застройки середины XVIII в., датированного монетами второй четверти этого столетия. Уже в 1760–1770-е гг. здесь начинается строительство «казенного питейного дома», упоминаемого в архивных материалах лишь с середины XIX в. Столь раннее развитие квартала, удаленного от центра города, по-видимому, связано с переправой, соединявшей устье Охты с левым берегом Невы и функционировавшей еще до основания Санкт-Петербурга, по крайней мере, в эпоху шведского города Ниена. Разведочными шурфами на ул. Смольного, д. 6, севернее Смольного монастыря, выявлены культурный слой первой половины XVIII в. с монетами 1730-х гг. и остатки деревянных конструкций XVIII–XIX вв.

«Булавочные уколы» разведочных шурфов в Центральном районе позволяют постепенно воссоздавать сложную картину неравномерного сложения городской территории. Вдали от центра города XVIII в. (Лиговский пр., д. 123, лит. А) обнаружен культурный слой второй половины XVIII – первой четверти XIX

вв., характеризуемый монетами 1758–1816 гг. Разведочные шурфы по адресу ул. Зодчего Росси, д. 2, лит. К выявили участок слоя второй половины XVIII в. Археологический надзор за земляными работами на Круглом рынке (наб. Мойки, д. 3 лит. А) позволил проследить ранее неизвестные архитектурные детали постройки Д. Кваренги конца XVIII в. По адресу набережная р. Мойки, д. 102, лит. А на раскопе площадью 94 кв. м были частично исследованы сохранившиеся фрагменты Литовского замка – городской тюрьмы, существовавшей на этой территории с 1780-х гг. до 1929 г. На Сенной площади в ходе надзорных работ прослежены границы фундамента церкви Успения Пресвятой Богородицы. На Васильевском острове (8-я линия В.О., д. 61, корп. 2, лит. В) в разведочных шурфах обнаружены остатки православного кладбища, существовавшего при церкви Благовещения во второй половине XVIII – начале XIX вв.

Охранные археологические исследования охватывали и пригороды – территорию Большого Санкт-Петербурга. Разведочные шурфы на трассе локального газопровода в пос. Усть-Ижора дали материалы для интересных археологических и исторических наблюдений. Предварительная экологическая реконструкция этого района эпохи средневековья позволяет более достоверно очертить на местности границы Невской битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 г.

В юго-западной части г. Кронштадт по адресу ул. Сургина (бывш. Цитадельская), д. 14, лит. А в разведочных шурфах обнаружен слой погребенной почвы второй половины XVIII – XIX вв. В юго-западной части о. Котлин, ограниченной КАД, Кронштадским шоссе и береговой линией Финского залива, непереотложенный культурный слой не зафиксирован.

Часть археологических исследований связана с проведением реставрационных работ. В г. Петродворец, в северо-восточной части парка Александрия, для нужд реставрации археологически исследовался дворцовый комплекс конца XIX в. – Нижняя дача Николая II. Определено местоположение утраченных Кухонного и Служебного корпусов, зафиксирована мощность культурного слоя и особенности каменных фундаментных конструкций Нижней дачи.

В центральной части Дворцового парка г. Гатчина были проведены археологические исследования, целью которых являлось определение исторического местоположения деревянного пешеходного моста на Пихтовый остров, сооруженного в первой четверти XIX в. и ныне утраченного. В процессе исследования были обнаружены остатки свай от моста.

Продолжены археологические исследования охранного характера и в Ленинградской области. В Ивангороде Кингисеппского района проведены археологические раскопки, связанные с реставрацией Ивангородской крепости. Исследованы основания западного прясла и северо-западной и юго-западной башен первоначальной крепости 1492 г. В результате были открыты: слой первоначального строительства крепости 1492 г.; слой пожара и разрушения 1496 г.; слой пожара и разрушений последней четверти XVI в. (1581 г. или 1590 г.); основания юго-западной и северо-западной башен, а также западного прясла крепости 1492 г.; входные проемы в указанные башни.

В Выборге завершен цикл исследований 2004–2012 гг. в средневековой части города (ул. Выборгская, д. 8). В результате было выявлено и изучено 10 строительных горизонтов. Получена большая коллекция предметов материальной культуры XV–XVIII вв.

Самым значительным в 2012 г. стал проект «Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино», целью которого является проведение охранно-спасательных мероприятий в рамках Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» в зоне строительства железной дороги. Инвестиционный проект «Строительство железнодорожной линии Кызыл–Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы республики Тыва», реализуемый при государственной поддержке за счет средств инвестиционного фонда Российской Федерации, утвержден распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2006 г. № 1708-р.

История изучения археологических памятников Тувы и Красноярского края насчитывает более 100 лет. Всю вторую половину минувшего столетия вплоть до настоящего времени археологи ИИМК РАН ведут планомерные исследования различных памятников регионов. В результате исследований накоплен бесценный материал по древним культурам региона от эпохи неолита до раннего средневековья, эти районы получили широкую международную известность в качестве ключевых для понимания характера и динамики развития многих историко-культурных общностей эпохи камня, бронзы, средневековья и нового времени. Материалам, полученным в результате исследований памятников этих регионов силами специалистов ИИМК РАН, посвящен ряд монографий, изданных в России и за рубежом. Культурно-исторические ценности региона составляют «Золотой фонд» культуры Российской Федерации и всего мира.

Их сохранение, изучение и ознакомление с результатами исследований широкой общественности является одной из первоочередных задач при освоении новых территорий. В рамках планирующегося строительства железной дороги Кызыл–Курагино сложилась ситуация, при которой, с одной стороны, строительные работы угрожают существованию археологических памятников, с другой стороны, возникает уникальная возможность углубленного изучения памятников археологии и в целом культурно-исторического наследия регионов.

В 2011 г. Русским географическим обществом был начат крупный многолетний проект «Открой тайну Долины царей», предназначенный для российских и зарубежных студентов и молодежи, желающих принять участие в археологических экспедициях на трассе будущей железной дороги в качестве волонтеров. Специалисты ИИМК РАН в рамках этого проекта разработали программу археологических исследований, проводили раскопки и осуществляли научное руководство волонтерами. В составе двух экспедиций ИИМК РАН на территории Красноярского края и Тувы работали специалисты из Санкт-Петербурга, Москвы, Кызыла, Минусинска, Абакана, Омска, Кемерово, Ростова, Нижнего Новгорода, Мурманска и других городов России. К участию в проекте были приглашены археологические организации: ИА РАН (Москва) и ТИГИ (Кызыл).

Железная дорога Кызыл–Курагино пересечет в меридиональном направлении Западный Саянский горный хребет и будет проходить по долинам горных рек Ус, Оя, Уюк и Ээрбек, по которым в древности были проложены кочевые тропы, соединявшие разные регионы Южной Сибири и Центральной Азии. Именно эти территории насыщены археологическими памятниками различных эпох – от каменного века до средневековья.

В 2009 и 2010 гг. ИИМК РАН проводил разведку по трассе проектируемой железной дороги. В процессе работ выявлено более 80 археологических объектов, расположенных в различных частях трассы. Поскольку 51 археологический памятник попадает в зону строительства линейной части железной дороги, было принято решение об их полном научном изучении.

На территории республики Тыва в 2011 г. экспедиция ИИМК РАН исследовала археологические объекты на могильниках Эки-Оттуг 1 и Саускен 3 и на стоянке Кара-Орга. В 2012 г. исследовались курганы на могильниках Ээрбек 2, Ак-Даг 2, Бай-Даг 6,

Черная речка 1, Кадылын 1, Эки-Оттуг 1–12. На могильниках Бай-Даг 2 и 4 раскопано по одному поминальному сооружению, на могильнике Эки-Оттуг 2 – два объекта, включающие восемь курганов с 40 погребениями, в том числе детскими, кенотафами и культовыми выкладками. В исследованных курганах обнаружены предметы вооружения, бронзовые поясные бляшки, выполненные в скифском зверином стиле, колчаные крюки, наборы конской узды, остатки органических материалов. Курганы относятся к монгун-тайгинской, алды-бельской, уюкской и саглынской культурам с IX по II вв. до н.э. В некоторых курганах встречаются впускные захоронения кокзельской культуры первых веков н.э. В Пий-Хемском кожууне на берегу Белого озера исследованы два поминальника кокзельской культуры и уникальный комплекс из двух пристроенных друг к другу курганов раннескифского времени (могильники Белое озеро 3а и 4).

На территории Красноярского края раскопки археологических памятников в 2012 г. проводились на двух участках трассы будущей железной дороги.

В долине р. Иджим в Ермаковском районе исследования проводились одновременно на нескольких объектах. Основные усилия были сосредоточены на раскопках могильника Маральское 2 (I тыс. до н.э.). В межкурганном пространстве зафиксированы прямоугольные каменные выкладки сложного ритуально-поминального сооружения III–II тыс. до н.э. Аналогичный памятник был исследован на могильнике Аргалыкты 2 в 1965 г. Саяно-Тувинской экспедицией А. Д. Грача. Исследованы участки поселений Черноусово 3 (III тыс. до н.э.), Усть-Иджим 1 и Сухорослово 2, курганные могильники Сухорослово 1 и Сухорослово 3. Эти памятники располагаются на последнем степном островке южного склона Саян, на древней тропе, связывающей современную Туву и Хакаско-Минусинскую котловину, перед входом на ее труднопроходимый горно-таежный участок. Вероятно, в эпоху ранней бронзы здесь не существовало долговременных поселений со стационарными постройками. Удобные террасы реки Иджим использовались древними путешественниками только для кратковременных стоянок, где можно было

отдохнуть, пополнить запасы продуктов и подготовиться к тяжелейшему переходу через горные перевалы Саян.

На территории Курагинского и Каратузского районов исследованы три памятника поселенческого типа скифского времени: Рощинское 1, Рощинское 2 и Старая Копь 1, относящиеся к подгорновскому (финальная часть) и сарагашенскому этапам тагарской культуры (VI–III вв. до н.э.). Выявлены два ранее неизвестных памятника поселенческого типа – Ирба 2 и Ирба 3. Масштабные исследования проведены на многослойном памятнике Ирба 2. Кроме того, проводились мероприятия по обеспечению сохранности памятников, расположенных близи проектируемой трассы, и дополнительные обследования, в ходе которых заложено свыше 150 шурфов.

Результаты полевого сезона 2012 г. проекта «Кызыл–Курагино» широко освещались в СМИ и на каналах телевидения. Сотрудники ИИМК РАН выступили с докладами об итогах сезона на международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова, прошедшей в ИИМК РАН в октябре 2012 г. Краткая информация об итогах работ опубликована в Санкт-Петербурге в 2012 г. в сборнике «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями», посвященном этой конференции.

Обзору нумизматических находок из раскопок ИИМК РАН в Санкт-Петербурге за 2010–2012 гг. посвятил статью В. Н. Седых. В целом численность коллекции, собранной на территории Ниеншанца, Санкт-Петербурга и Выборга, составляет более 3000 экземпляров.

Редакция Бюллетеня в дальнейшем готова не только освещать итоги всех ежегодно проводимых археологических работ на территории Санкт-Петербурга и регионов Российской Федерации, но и публиковать материалы комплексных аналитических исследований находок из археологических раскопок предыдущих лет.

Е. Н. Носов, Н. Ф. Соловьёва

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Предварительное археологическое исследование кладбища при церкви Благовещения на Васильевском острове	13
<i>Е. К. Блохин, А. О. Поликарпова</i>	
Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1)	25
<i>В. А. Лапшин, А. Ю. Городилов</i>	
Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2012 году (раскоп 2)	35
<i>В. А. Лапшин, В. О. Глухов</i>	
Археологический надзор за земляными работами на Круглом рынке	41
<i>В. А. Лапшин, А. Ю. Городилов, Д. Д. Ёлишин</i>	
Архитектурно-археологические исследования у Казанского собора и в Воронихинском сквере (сезон 2011 года)	47
<i>С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых</i>	
Археологический надзор за земляными работами на шпиге Меншикова бастиона Петропавловской крепости	63
<i>В. А. Лапшин, В. И. Кильдюшевский</i>	
Археологические работы в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом	73
<i>В. А. Лапшин, К. А. Михайлов, И. А. Гарбуз, Н. Ю. Новосёлова, А. Г. Фурасьев</i>	
Археологические исследования территории бывшего «Литовского замка» на набережной р. Мойки в 2012 году	95
<i>С. А. Семёнов</i>	
Археологические исследования поселения Усть-Ижора	137
<i>О. И. Богуславский, А. А. Лазарев</i>	
Археологические исследования средневекового Выборга в 2011–2012 гг.	145
<i>А. И. Сакса, А. М. Смирнов</i>	
Исследования в урочище Ушково под Новгородом в 2011 году	153
<i>С. А. Семенов, А. М. Смирнов</i>	
Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году	185
<i>С. В. Александров, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков</i>	
Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл–Курагино	197
<i>М. Е. Килуновская, Вл. А. Семенов</i>	

Охранные археологические раскопки на поселении Железнодорожное (Крымский район Краснодарского края)	223
<i>С. Л. Соловьёв, А. Ю. Городилов, Т. Р. Садыков</i>	
Экспериментально-трасологическое исследование кремней, импортированных на территорию Карельского перешейка в каменном веке – эпоху раннего металла	233
<i>Е. Ю. Гиря, Д. В. Герасимов, Д. Н. Фёдорова</i>	
Находка памятной медали «Свершившемуся тысячелетию государства российского»	249
<i>В. А. Лапшин, А. А. Лазарев</i>	
Ивангородская керамика конца XV–XVI вв.	253
<i>В. П. Петренко (†), В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов</i>	
Обзор нумизматических находок из раскопок ИИМК РАН 2010–2012 гг.	269
<i>В. Н. Седых</i>	
Список сокращений	283
Правила оформления рукописей	284

CONTENTS

Preface	5
Preliminary Archaeological Research at the Annunciation Church Cemetery on Vasilievsky Island	13
<i>E. K. Blokhin, A. O. Polikarpova</i>	
Archaeological Explorations at Bolshaya Posadskaya Str. in 2011 (Trench 1)	25
<i>V. A. Lapshin, A. Yu. Gorodilov</i>	
Archaeological Explorations at Bolshaya Posadskaya Str. in 2012 (Trench 2)	35
<i>V. A. Lapshin, V. O. Glukhov</i>	
The Archaeological Supervision of the Earthworks at the Round-market	41
<i>V. A. Lapshin, A. Yu. Gorodilov, D. D. Yolshin</i>	
Architectural-archaeological Explorations beside the Kazan Cathedral and in the Voronikhin Park (2011)	47
<i>S. Yu. Kargopol'tsev, M. Yu. Kargopol'tsev, V. N. Sedykh</i>	
The Archaeological Supervision of the Earthworks on the Menshikov Bastion Spire of the Peter and Paul Fortress	63
<i>V. A. Lapshin, V. I. Kildyushevskii</i>	
Archaeological Works in the Area between the Tuskaya Str. and Smolny Prospect	73
<i>V. A. Lapshin, K. A. Mikhailov, I. A. Garbuz, N. Yu. Novoselova, A. G. Furasiev</i>	
The Archaeological Survey of the Territory of the Former «Lithuanian Castle» on the Embankment of the Moika River in 2012	95
<i>S. A. Semenov</i>	
Archaeological Works at the Ust-Izhora Settlement	137
<i>O. I. Boguslavskii, A. A. Lazarev</i>	
Archaeological Explorations of the Medieval Vyborg in 2011–2012	145
<i>A. I. Saks, A. M. Smirnov</i>	
Explorations in the Ushkovo Stow near Novgorod in 2011	153
<i>S. A. Semenov, A. M. Smirnov</i>	
The Brief Overview of the Work of Sayan Archaeological Expedition of IHMC RAS in 2012	185
<i>S. V. Aleksandrov, N. A. Bokovenko, I. P. Lazarev, A. V. Polyakov</i>	
Works of Tuvan Archaeological Expedition along the Line of the Kyzyl–Kuragino Railway	197
<i>M. E. Kilunovskaya, V. A. Semenov</i>	

Rescue Archaeological Excavations at the Zheleznodorozhnoe Settlement (Krymsk District, Krasnodar Region)	223
<i>S. L. Solovyev, A. Yu. Gorodilov, T. R. Sadykov</i>	
Experimental-Traceological Study of Flints Imported to the Territory of the Karelian Isthmus in the Stone Age and the Early Metal Period	233
<i>E. Yu. Giryva, D. V. Gerasimov, D. N. Fedorova</i>	
The Discovery of a Commemorative Medal to «The Accomplished Millennium of the Russian State»	249
<i>V. A. Lapshin, A. A. Lazarev</i>	
Ivangorod Ceramics of the Late 15th – 16th Centuries	253
<i>V. P. Petrenko(†), V. I. Kildyushevskii, A. V. Kurbatov</i>	
Overview of the Numismatic Finds from the Excavations of IHMC RAS in 2010–2012	269
<i>V. N. Sedykh</i>	
List of Abbreviations	283
Notes for Authors	284

Предварительное археологическое исследование кладбища при церкви Благовещения на Васильевском острове

Е. К. Блохин, А. О. Поликарпова

В мае 2012 г. Отделом охранной археологии ИИМК РАН были проведены предварительные археологические исследования территории бывшего монастырского подворья, расположенного по адресу ул. 8-я линия В.О., д. 61, корп. 2. Работы производились на основании договора с ООО «Восток-Сервис-Спецодежда», в связи с проектируемым строительством на месте обследуемого участка шестиэтажного офисного здания (рис. 1).

Судя по архивным и картографическим данным, освоение обследуемого участка начинается достаточно рано. На плане Санкт-Петербурга 1698 г. через него проходит дорога от «рыбной тони барона де ля Гарди» к рыбацким домикам, сам участок покрыт лесом, постройки и иные сооружения на участке отсутствуют (рис. 2).

Картина меняется после того, как Васильевский остров был отнят у А. Д. Меньшикова. В 1716 г. Д. Трезини составил проект его застройки, отображенный на плане И. Б. Хомана 1718 г. (рис. 3). К юго-западу от участка на месте 8-й линии был намечен канал, а сама территория участка застроена одинаковыми небольшими домами. Этому проекту суждено было воплотиться лишь отчасти. Фактическую застройку участка можно наблюдать на Академическом плане Санкт-Петербурга 1738 г. Здесь на месте 8-й линии уже прорыт канал, а на самом участке (в его южном углу) изображены два небольших строения. Основная же часть территории осталась необустроенной (рис. 4).

К середине XVIII в. картина несколько меняется. Связано это в первую очередь со строительством Благовещенской церкви к северо-западу от участка обследования. Впервые церковь изображена на плане И. Ф. Трускотта 1753 г. Согласно этому плану, северо-западная часть интересующей нас территории была расположена в пределах церковного участка и не была застроена, а юго-западная занята наибольшими деревянными строениями (рис. 5). Впрочем, на подобных планах проектируемая застройка зачастую наносилась наряду с существующей, поэтому однозначно ответить на вопрос, существовали ли вышеупомянутые строения, нельзя.

Остановимся подробнее на истории Благовещенской церкви и Благовещенского сада. Деревянная церковь Благовещения была построена в 1740–1742 гг. В 1750 г. началось сооружение нового двухэтажного каменного храма. Инициатором и руководителем строительства как деревянной, так и каменной церкви был Санкт-Петербургский купец Иродион Чиркин, содержатель питейных домов, кабаков и пивоваренных заводов на Васильевском острове. Церковь была освящена в 1762 г. Храм Благовещения относится к числу наиболее своеобразных с архитектурной и градостроительной точки зрения сооружений Васильевского острова. Небгато украшенная, высокая пятикупольная церковь с отдельным куполом над алтарем и трехъярусной колокольной несколько необычна для петербургской церковной архитектуры и своим обликом скорее напоминает московские храмы. Церковь, уникальный памятник русского зодчества XVIII в., представляет собой крестообразное в плане трехэтажное здание, увенчанное луковичными главами. В архитектуре церкви соединяются черты допетровского и консервативного русского провинциального церковного строительства XVIII – начала XIX вв. Во внешнем облике храма изящно переплетаются классические черты и стиль раннего петербургского барокко. Елизаветинское барокко, в период расцвета которого возводился храм, не нашло отражение в его внешних формах. Имя зодчего – создателя храма – неизвестно, но, основываясь на имеющихся архивных данных, с большой долей вероятности можно предположить, что автором проекта был Джузеппе Трезини, племянник знаменитого Доменико Трезини.

Строительство колокольни было закончено в 1780 г. Колокольня церкви – самая высокая на Васильевском острове, ее высота 42 м, высота креста 4 м. В 1790-х гг. проведены работы по расширению храма. К алтарной части пристроена открытая обходная галерея, позже переделанная в закрытую. Прежняя фасадная стена таким образом оказалась внутри галереи. Продолжены работы по благоустройству храма. Храм состоял из двух церквей – нижней (теплой) и двусветной верхней (холодной). Кроме того, небольшая церковь имела в третьем ярусе. Надстроены

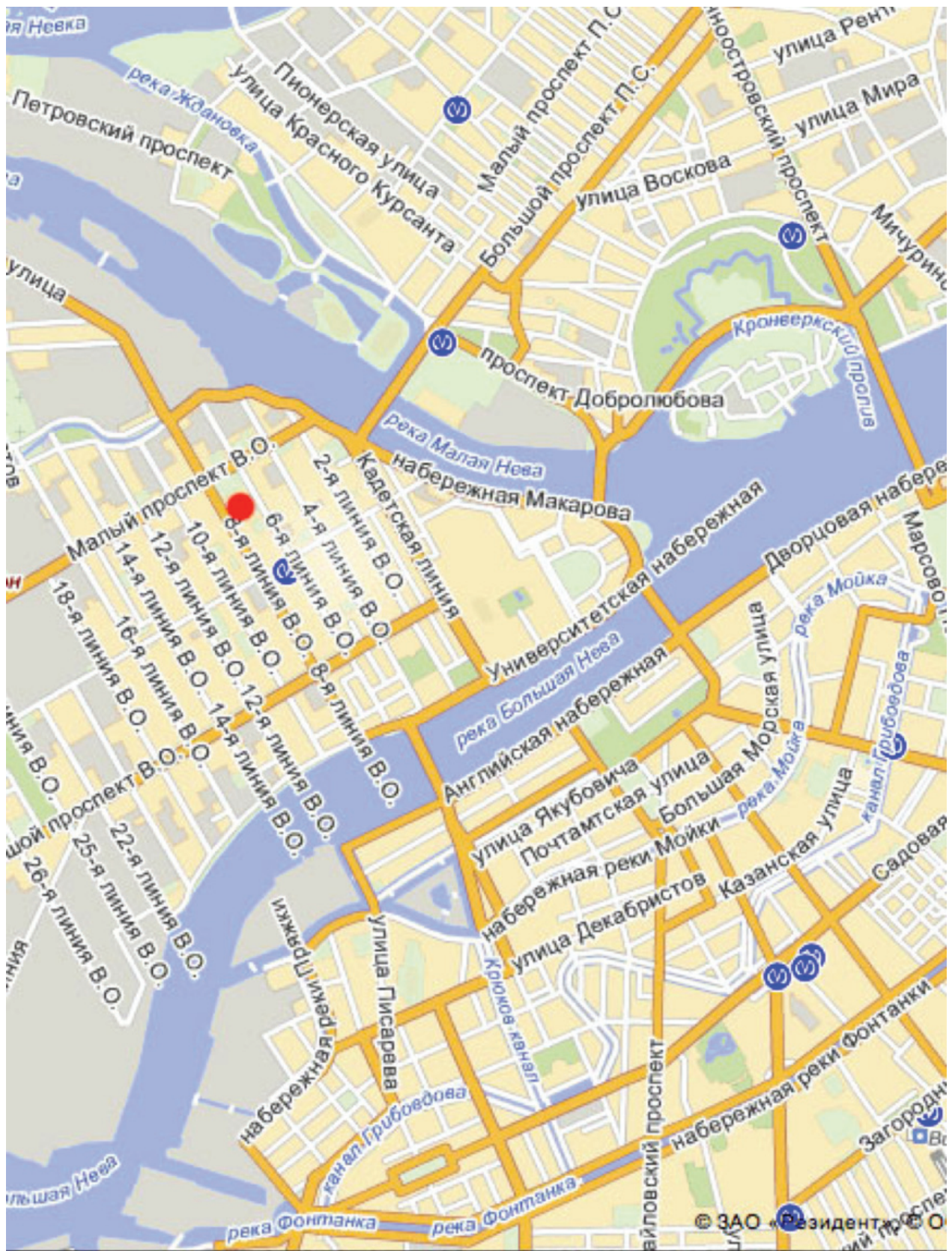

Рис. 1. Фрагмент карты г. Санкт-Петербурга с указанием участка проведения работ

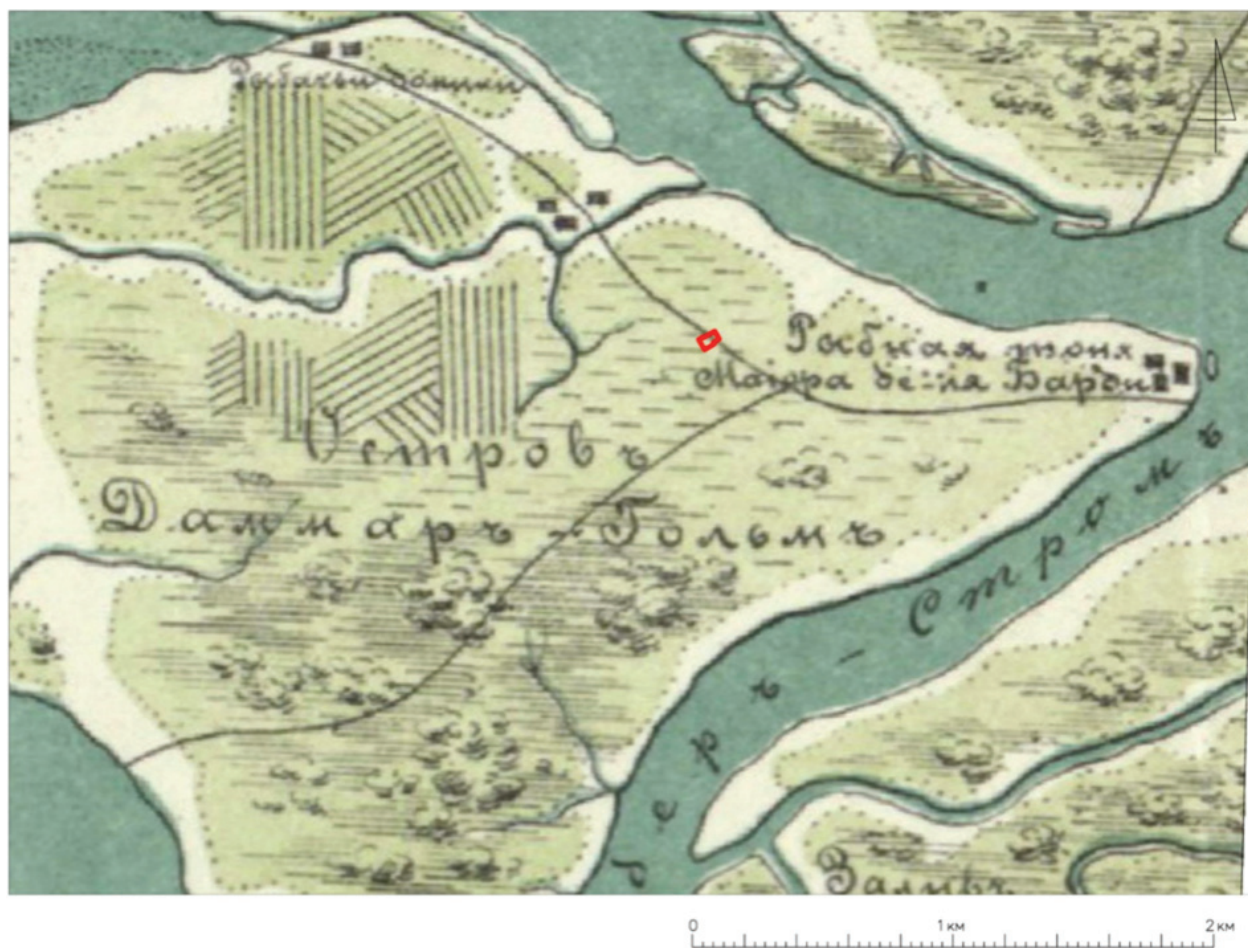

Рис. 2. Фрагмент плана А. Крониорта 1698 г. с указанием участка работ

боковые приделы первого этажа. Усердием надворного советника И. Шарапова устраиваются два придела в верхнем храме по обеим сторонам главного престола. К 1843 г. сооружаются новые иконостасы нижнего храма. В середине XIX в. храм стал Монастырской церковью расположившегося здесь женского Воскресенского Новодевичьего монастыря. Позже, в 1854 г., монастырь переехал во вновь построенное для него здание на Московском проспекте, а церковь вновь возвращается ее прихожанам. Благовещенская церковь считалась одной из самых посещаемых в Петербурге. Во второй половине XIX в. при храме действовало Благовещенское благотворительное общество. В специально построенном доме общество поместило три учреждения: дешевые квартиры, приют для престарелых и приют для детей. В приюте была открыта школа. В 1885 г. при приходе был создан склад религиозно-нравственной литературы и учреждена приходская библиотека. В 1900 г. торжественно отмечалось 150-летие со дня основания церкви. В 1922 г.

здание было отнесено к первой категории охраны, как архитектурный памятник Елизаветинской эпохи. В этом же году разворачивается кампания по изъятию церковных ценностей. Из храма были изъяты часть риз, икон и предметов церковной утвари. Музейная комиссия постановила передать эти «предметы» в Эрмитаж. В 1925 г. был произведен ремонт церкви.

В 1935 г. церковь была закрыта, с 1936 г. в ее здании расположилось ОКБ ВОТИ, вскоре переименованное в Ленинградское отделение монтажной конторы десятого Главного управления Народного комиссариата авиационной промышленности. В 1939 г. на церковном участке было построено здание заводоуправления, закрывшее обзор храма со стороны 8-й линии и нарушавшее весь ансамбль Благовещенской церкви, сквера и бывших церковных зданий, а сам храм окружили глухим забором. Храм серьезно пострадал во время Великой Отечественной Войны. В 1952 г.

Рис. 3. Фрагмент плана И. Б. Хомана 1718 г. с указанием участка работ

был восстановлен купол центральной главки. В 1992 г. в ответ на просьбу митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского второй и третий этажи храма были возвращены церкви. Нижняя церковь была передана приходу в 1994 г. В соответствии с Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г., здание храма получило статус памятника архитектуры республиканского значения.

Благовещенский сад

В 1738 г. при церкви Благовещения Пресвятой Богородицы образовалось кладбище. В 1845 г. его территория стала внутренним монастырским садом, а в 1854 г. вошла в состав ансамбля церкви. На плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г. на месте кладбища показан сад с регулярной планировкой, дошедшей до наших дней, которая полностью сложилась к 1832 г. На кладбище похоронены многие ученые: изобретатель токарного станка А. К. Нартов, географ – исследователь Камчатки – С. П. Крашенинников и другие.

Непосредственно на исследуемом участке строений, связанных с Благовещенской церковью, возведено не было. На планах конца XVIII – начала XIX вв. территория обозначена как незастроенная. На плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г. к югу от участка, вплотную к нему, обозначено каменное здание – дом купца Бобкова, а остальная его территория отдана под огороды (рис. 6). На плане 1860 г. постройки на участке отсутствуют. Та же картина наблюдается на планах 1884 и 1904 гг., с той лишь разницей, что к северу от участка, вплотную к его границам, расположено каменное здание Синодального подворья.

Впрочем, со всех сторон от участка обследования на протяжении XIX в. велась активная строительная деятельность. В начале XIX в. к югу от участка находился каменный дом купца Бобкова, впервые фиксируемый на плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г. Дом, по-видимому, был

Рис. 4. Участок на «Академическом плане» 1738 г.

построен архитектором М. А. Овсянниковым. После смерти владельца дом перешел в ведомство церкви, и в 1828 г. в нем расположилась греко-униатская коллегия. После ее упразднения дом с униатским Никольским храмом перешел к восстановленному в 1845 г. Новодевичьему монастырю. В это же время произведена реставрация дома по проекту А. Ф. Щедрина. Когда девять лет спустя монастырь переехал на Московское шоссе, то Синод, сохранив храм, стал использовать здание как подворье для приезжих архиереев. Свое название оно получило от близлежащей Благовещенской церкви. Хотя подворье постоянно ремонтировали, к концу XIX в. оно так сильно обветшало, что В. А. Косяков разработал проект его полной перестройки в русско-византийском стиле. Эти работы начались в 1898 г. и были завершены к 18 декабря 1899 г., когда архиепископ Новгородский и Старорусский Феогност освятил в присутствии обер-прокурора К. П. Победоносцева расположенную на третьем

этаже и обновленную церковь. Несмотря на близость приходского храма, богослужения в подворье усердно посещало окрестное население, так как в них часто участвовали синодальные архиереи. В 1909 г. к зданию пристроен дворовой корпус, а в 1919 г. церковь была закрыта. В 1926 г. иконостас вывезен в Музей отжившего культа. В послевоенные годы здесь размещался архив городского хозяйства, затем библиотека Северо-Западной академии государственной службы. В здании сохранилась роспись «Явление святого Николая Чудотворца перед императором Константином в Константинополе» (Никитенко, Соболев, 2007. С. 341–342).

В конце XIX в. в глубине участка № 63 возле сада Синодального подворья М. Ф. Еремеев возвел трехэтажное каменное здание по заказу Общества вспомоществования приходским бедным при Благовещенской церкви. Несколько ранее, в 1882 г.,

Рис. 5. Фрагмент плана И. Ф. Трускотта 1753 г. с указанием участка работ

архитектор К. Н. Вербицкий построил двухэтажный приют Благовещенского Благотворительного общества – дом № 65 (ныне детский сад), а в 1889 г. – трехэтажный жилой дом № 69 (рис. 7) (Никитенко, Соболев, 2007. С. 342). В настоящее время какие-либо строения здесь отсутствуют, однако в центре участка сохраняются подвалы и фундаменты снесенного здания заводууправления, построенного в 30-е гг. XX в.

В ходе предварительного археологического обследования территории было заложено четыре археологических шурфа общей площадью 16 кв. м. Два шурфа были расположены в северной и восточной части территории, а другие два – в западной части площадки. Первоочередной целью исследования было установление степени сохранности горизонтов XVIII в., связанных со строительством деревянного и каменного храмов, а также выявление границы распространения кладбища к югу от церкви Благовещения.

В результате этих работ выяснилось, что в юго-западной части участка (шурфы 1 и 4) слои XVIII в. не сохранились, и, вероятно, были уничтожены в ходе строительной деятельности в течение XIX в. В северо-восточной части обследованной территории (шурфы 2 и 3) был прослежен ряд близко расположенных христианских погребений, позволяющих достаточно точно локализовать участок кладбища при церкви Благовещения.

Шурф 1

Шурф, размерами 2,00 x 2,00 м, расположен в западной части обследуемого участка в 3,50 м к западу от бетонного фундамента снесенного здания, занимающего центральную часть участка, ориентирован параллельно структуре окружающих улиц. Шурф заложен с целью проследить наличие культурных напластований к югу и юго-западу от церкви Благовещения. Высотная отметка дневной поверхности в месте заложения шурфа 3,00 м БС.

Рис. 6. Фрагмент плана Ф. Ф. Шуберта 1828 г. с указанием участка работ

Верхняя пачка культурных отложений представлена слоями строительного мусора, накопившегося на протяжении XX в. Так, дневная поверхность представлена техногенным слоем строительного мусора толщиной 0,35–0,45 м (серая мешаная супесь с включениями строительного мусора XX в. и фрагментами дерна, прорезанными корнями растительности), формирование которого отчасти связано с разрушением современного здания, расположенного в центральной части обследуемого участка.

Под слоем строительного мусора был прослежен плотный слой серой мешаной супеси с включением кирпичной крошки мощностью 0,35–0,70 м. В нижней его части встречены значительные скопления фрагментов кирпичей. При разборке слоя были зафиксированы многочисленные культурные остатки, позволяющие отнести его к середине–второй половине XX в. (куски цементного раствора, обломки железных труб с винтовой нарезкой, оконное стекло, резиновые трубки и т.п.).

Под слоем серой мешаной супеси с кирпичной крошкой был открыт слой мешаной темно-серой супеси толщиной 0,30–0,10 м, образованный рядом тонких прослоек различной степени гумусированности и характеризующийся наличием линз мелкого светло-серого песка. В слое также зафиксированы фрагменты современного строительного мусора и предметы материальной культуры XX в. Очевидно, что формирование данной пачки слоев имеет отношение к строительству на территории участка в середине XX в. здания заводоуправления (в настоящее время снесенного) и сопутствующему благоустройству территории.

Под пачкой слоев строительного мусора на отметках 1,97–1,85 м БС залегал слой светло-коричневой гумусированной супеси с включением кирпичной крошки толщиной 0,25–0,30 м, в отдельных местах кирпичная крошка образовывала плотные линзы. Контакт с вышележащим слоем нечеткий. Исходя из того, что при разборке этого

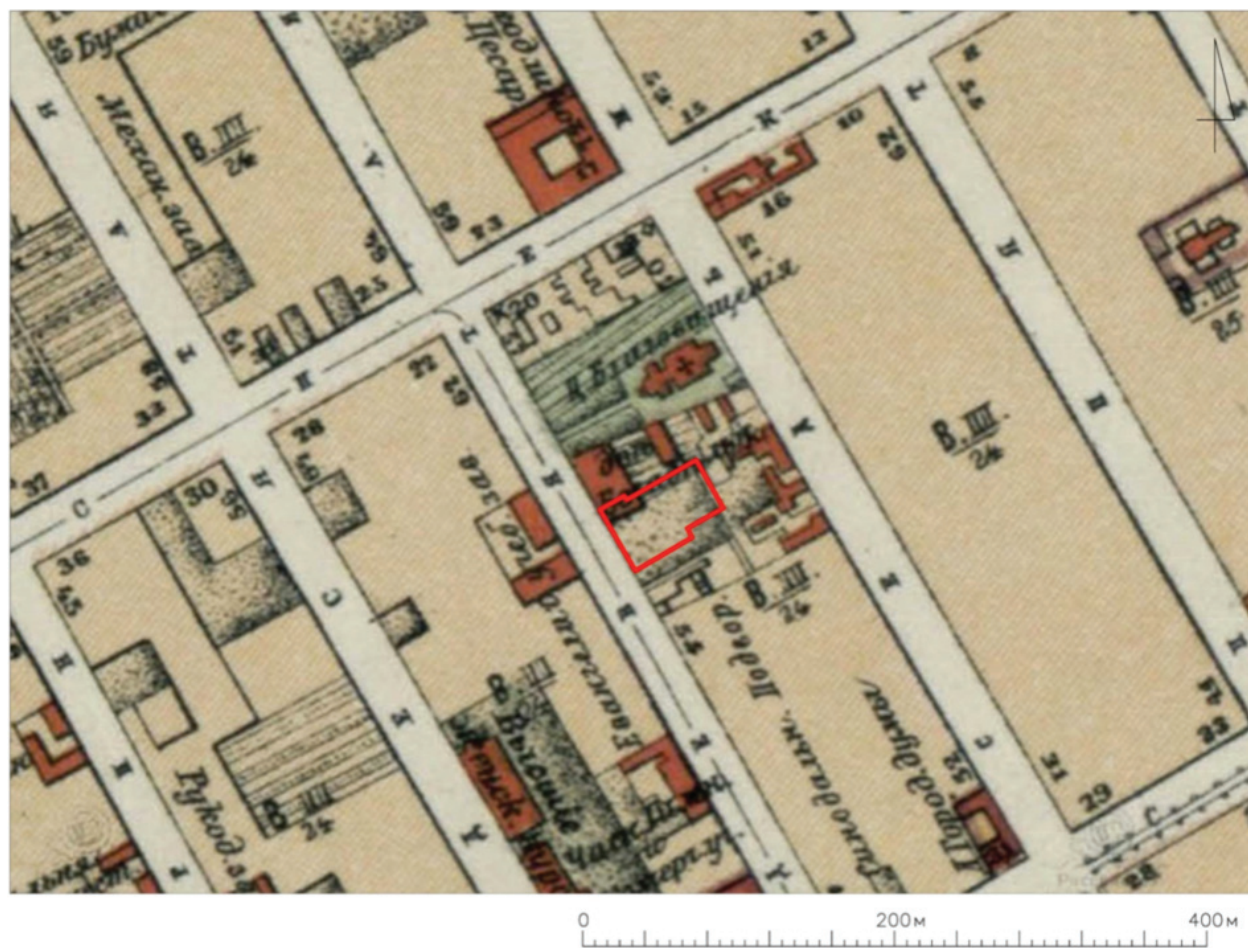

Рис. 7. Фрагмент плана 1904 г. с указанием участка работ

слоя были встречены артефакты материальной культуры XIX в., а материал советской эпохи отсутствовал, можно сделать вывод о времени формирования слоя – во второй половине XIX в. (вероятнее всего, при строительстве соседнего здания Благотворительного общества по адресу 8-я линия В.О., д. 63).

Ниже, на отметках 1,70–1,61 м БС, залегал слой темно-серой сильнугумусированной супеси (погребенной почвы) толщиной 0,12–0,17 м, предметов материальной культуры в нем не найдено. Ниже, на отметках 1,52–1,54 м БС, прослежен слой желто-серой материковой супеси с вкраплениями гумуса (результат действия корневых систем растений).

Шурф 2

Шурф, размерами 2,50 x 2,00 м, расположен в северо-западном углу территории, на участке, засаженном деревьями, ориентирован параллельно

осям улиц; заложен с целью проследить культурные напластования к югу от церкви Благовещения. Высотные отметки дневной поверхности в месте заложения шурфа составили 3,15–3,20 м БС.

Верхние напластования шурфа представлены слоем дерна толщиной более 0,50 м, обильно пронизанного корнями деревьев, кустарника и трав. Под слоем дерна залегал слой плотного желтого песка толщиной 0,25 м, в котором встречаются крупные линзы белой вязкой извести. Под слоем песка прослежен слой серой мешаной супеси с включениями битого кирпича мощностью 0,15–0,20 м. Данная пачка слоев содержит множество фрагментов строительного мусора (фрагменты битого кирпича, бетона, осколки бутового камня, железная арматура) и предметы материальной культуры XX в. Очевидно, все вышеописанные слои связаны с выравниванием территории и ее благоустройством на протяжении XX в. (в первую очередь, при постройке кирпичного зда-

ния в 1939 г.). В целом толщина культурных напластований достигает 1,00 м.

Начиная с уровня 2,10 м БС, в шурфе прослежен слой темно-серой гумусированной супеси с незначительными включениями кирпичной крошки мощностью до 0,55 м. Под слоем темно-серой гумусированной супеси на большей площади шурфа зафиксирован слой битого кирпича толщиной 0,20 м. Из слоя темно-серой гумусированной супеси происходят предметы материальной культуры XIX в., в том числе орнаментированный фрагмент стебля курительной трубки.

Ниже, на отметках около 2,00 м БС, прослежена прослойка сильно гумусированной коричневой супеси толщиной около 0,10 м. В этом слое не было встречено предметов материальной культуры, однако характер слоя и его стратиграфическое положение позволяют предположить, что время его формирования относится к периоду существования на данной территории монастырского сада. Под прослойкой коричневой супеси залегает слой желто-серой мешаной материковой супеси мощностью до 0,12 м. Дальнейшее исследование привело нас к выводу, что этот слой образовался в период функционирования кладбища в результате рытья могильных ям. При расчистке этого слоя были обнаружены незначительные участки слоя темно-серой гумусированной супеси (погребенной почвы) (рис. 8; 9), прорезанные четырьмя или пятью яма-

ми, вытянутыми по линии восток–запад и заполненными желто-серой мешаной материковой супесью (рис. 10).

Яма 1 обнаружена в северной части шурфа, уходит в его западную стенку; размеры открытой части 1,20 x 0,50 м.

Яма 2 обнаружена в восточной части шурфа, уходит в его северо-восточную стенку; размеры открытой части 0,70 x 0,50 м.

Ямы 3 и 4 обнаружены вдоль юго-восточной стенки шурфа, уходят в его юго-восточную стенку. Яма 3, вероятно, прорезает яму 4. Размеры их открытых частей 0,85 x 0,40 м и 0,70 x 0,30 м, соответственно.

Яма 5 обнаружена у южной стенки шурфа, почти полностью уничтожена ямами 3 и 4; размеры открытой части 0,55 x 0,10 м.

Шурф 3

Шурф, размерами 2,00 x 2,00 м, расположен в юго-западном углу территории, ориентирован параллельно осям улиц, заложен с целью проследить культурные напластования к югу от церкви Благовещения (рис. 11). Высотные отметки дневной поверхности в месте заложения шурфа 3,10–3,15 м БС.

Верхние напластования шурфа представлены слоями мелкозернистого песка, смешанного с серой гумусированной супесью, прослойкой щебня и асфальтовой крошки и слоем подсыпки желтого крупнозернистого песка. Под слоем желтого песка залегают тонкие прослойки мешаной темно-серой супеси, перемежающиеся с прослойками строительного мусора, в которых встречено множество предметов материальной культуры XX в. Данные слои, несомненно, связаны с выравниванием территории и ее благоустройством в течение XX в. Толщина культурных напластований достигает 1,00–1,20 м.

Начиная с отметок 2,00 м БС, в шурфе прослежен слой светло-коричневой гумусированной супеси с включениями кирпичной и известковой крошки мощностью до 0,15 м. Под слоем светло-коричневой гумусированной супеси зафиксирован слой темно-серой сильно гумусированной супеси толщиной 0,20 м. В нижней его части встречаются линзы битого кирпича.

Ниже, на уровне 1,70 м БС, прослежена прослойка сильно гумусированной коричневой супеси толщиной 0,10–0,20 м. В этом слое не было встречено предметов материальной культуры, однако стра-

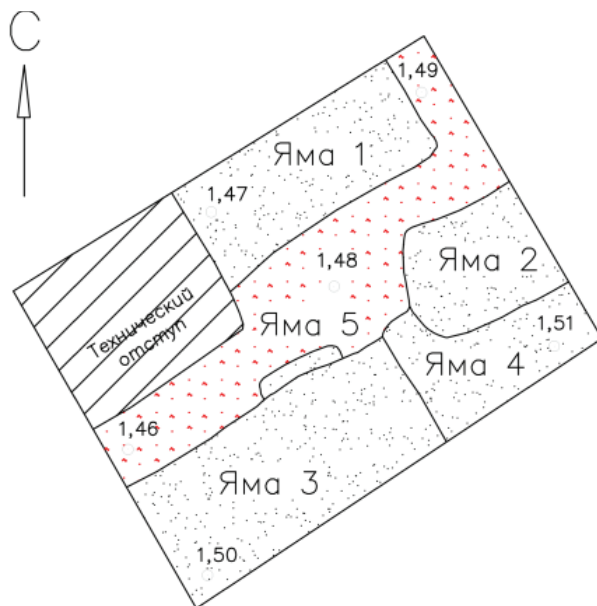

Рис. 8. Шурф 2. План на уровне могильных ям

Рис. 9. Шурф 2. Юго-западная стенка. Нижняя часть слоев

Рис. 10. Шурф 2. Зачистка на уровне могильных ям

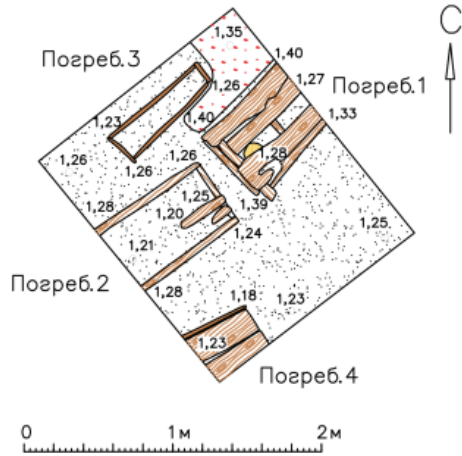

Рис. 11. Шурф 3. План на уровне погребений

тиграфические наблюдения и анализ истории исследуемого участка позволяют предположить, что слой сформировался в период существования на данной территории монастырского сада. Под прослойкой коричневой супеси залегает слой желто-серой пестрой мешаной материковой супеси. В ходе разборки этого слоя был открыт незначительный участок темно-серой сильногумусированной супеси (погребенной почвы), в остальной части шурфа уничтоженной могильными ямами, в которых были раскрыты верхние доски четырех деревянных гробов, ориентированных по линии восток–запад (рис. 12).

Погребение 1 обнаружено в восточной части шурфа, уходит в его восточную стенку; размеры открытой части гроба 0,65 x 0,50 м. К нему относятся две доски крышки гроба (ширина 0,10 м, толщина 0,02 м) и поперечная перекладина (ширина 0,03 м). У западной стенки гроба частично расчищен человеческий череп.

Погребение 2 обнаружено в западной части шурфа, уходит в его западную стенку; размеры открытой части 0,70 x 0,45 м. К ней относятся

Рис. 12. Шурф 3. Зачистка на уровне погребений

верхняя часть стенок гроба (толщина 0,02 м) и одна доска крышки.

Погребение 3 обнаружено в северной части шурфа. Размеры его открытой части 0,75 x 0,25 м. К ней относится верхняя часть стенок гроба (толщина 0,015 м).

Погребение 4 обнаружено в южном углу шурфа, размеры его открытой части 0,40 x 0,20 м.

Шурф 4

Шурф, размерами 2,00 x 2,00 м, расположен в западной части обследуемого участка, в 2 м к востоку от ограды Синодального подворья вдоль 8-й линии, и ориентирован параллельно последней. Заложен с целью проследить наличие культурных напластований в западной части участка, непосредственно прилегающей к 8-й линии. Высотная отметка дневной поверхности в месте заложения шурфа 2,96 м БС.

Дневная поверхность представлена техногенным слоем строительного мусора толщиной 0,43–0,55 м, формирование которого отчасти связано с разрушением современного здания, расположенного в центральной части обследуемого участка. Слой представляет собой серую мешаную супесь с включениями строительного мусора XX в. и с фрагментами дерна, прорезанными корнями растительности.

Под слоем строительного мусора залегал слой серой мешаной супеси с включениями битого кирпича, мощностью 0,45–1,00 м. В слое встречены значительные скопления фрагментов кирпичей, зафиксированы многочисленные предметы культуры XX в., куски цементного раствора, обломки железных труб с винтовой нарезкой, оконное стекло, резиновые трубки и другой бытовой мусор, позволяющий отнести время формирования этого слоя к середине – второй половине XX в.

Под слоем серой мешаной супеси с включениями битого кирпича был открыт слой плотной гумусированной супеси с фрагментами кирпичной крошки, толщиной 0,40 м. В слое найдено незначительное количество предметов материальной культуры XIX в. В северо-западной части шурфа слой был прорезан ямой неправильной формы размерами 0,60 x 1,45 м, глубиной 0,32 м, заполненной вышележащим слоем серой мешаной супеси с включениями битого кирпича.

Ниже этого слоя, на отметках 1,60–1,65 м БС залегал слой плотной гумусированной супеси (погребенной почвы) толщиной 0,15–0,20 м, предметов

материальной культуры в нем не обнаружено. Ниже, на отметках 1,37–1,39 м БС, лежал слой желто-серой материковой супеси с вкраплениями гумуса (результат действия корневых систем растений).

Таким образом, в результате предварительного археологического обследования в северо-восточной части бывшего монастырского сада был обнаружен участок христианского кладбища, известного по архивным и картографическим данным, принадлежащего церкви Благовещения и функционировавшего во второй половине XVIII – начале XIX вв. На большей части обследованного участка прослежен сильногумусированный слой, сформировавшийся в период существования здесь монастырского сада. Кроме того, на всей территории открыты слои строительства, относящиеся к возведению построек Благотворительного общества и Общества вспомоществования бедным при Благовещенской церкви в 1880-е гг.

Источники и литература

Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д., 2007. Дома и люди Васильевского острова. М.; СПб.

Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1)

В. А. Лапшин, А. Ю. Городилов

В июле–сентябре 2011 г. Отделом охранной археологии ИИМК РАН были проведены археологические исследования в Петроградском районе Санкт-Петербурга по адресу ул. Большая Посадская, д. 12, на пересечении с Малой Монетной ул. (рис. 1). Первоначально на территории было заложено 12 разведочных шурфов, в большей части которых был зафиксирован культурный слой XVIII–XIX вв.; кроме того, в одном из шурфов было выявлено два грунтовых человеческих захоронения. В августе для исследования обнаруженных объектов в южной части территории обследования был заложен раскоп площадью 650 кв. м, давший богатый материал для изучения истории раннего Петербурга.

Участок обследования расположен в южной части Петроградского острова. Согласно планам Петербурга начала XVIII в. и письменным свидетельствам современников, освоение этой местности началось в самом начале XVIII в., но преобладала здесь не регулярная застройка, характерная в целом для Санкт-Петербурга, а спонтанная (посадская). Вот как об этом пишет П. Н. Столпянский: «Нельзя не увидеть, что эти кварталы разбивались без предварительного плана, а так, как Бог на душу положит, как кому удобней было селиться: закоулки, переулочки, тупички, неизвестно почему появившиеся площадки: все это показывало, что архитектора здесь не было, что и самому Петру Великому было недосуг вначале смотреть, чтобы строились в порядке, а когда и было обращено внимание, то помочь горю было затруднительно: нужно было начинать сначала... Заселение, как показывает само название улиц, или в то время слободок, шло по принципу соединения в одну слободку людей однородных занятий или сословий... Большая Посадская, наоборот, говорила, что ее обыватели люди, взятые из посадов других городов, люди торговые, коммерческие. Монетная... были понятны всем и каждому... здесь жили монетного дела мастера» (Столпянский, 1909. С. 79–80).

При раскопках выяснилось, что общая мощность культурных напластований превышает 2 м и охватывает почти всю историю становления и развития города. Собран разнообразный и разновременный материал (рис. 2–4).

Первоначальный период освоения участка, исследованного при раскопках, связан с функционированием на нем кладбища (рис. 5). Планиграфия распространения могил, а также их стратиграфическое положение свидетельствуют о том, что кладбище функционировало достаточно небольшой промежуток времени в первые годы строительства Санкт-Петербурга.

Хозяйственное освоение участка также начинается достаточно рано. Уже в 1710-х гг. по территории кладбища прокладывают дорогу, проходящую примерно в тех же границах, что и современная Большая Посадская улица, а территорию к северу от дороги отводят под домовладение (рис. 6). В этот период основная часть территории используется под сельскохозяйственные нужды (горизонт 5). Датируют слой монеты 1704–1713 гг.

Следующий период хозяйственного освоения участка относится к 1720–1740-м гг. (рис. 7). В это время происходит первоначальное благоустройство дороги, а именно – укладка булыжной мостовой, фрагменты которой зафиксированы в южной части раскопа, и прокопка сточной канавы вдоль дороги. Внутри домовладения также происходят значительные изменения. Здесь возводится деревянный настил, связанный с благоустройством двора (горизонт 4). Объект датируют монеты 1713–1716 гг., находившиеся непосредственно под настилом, и монеты 1731–1738 гг., найденные на настиле. Значительную хозяйственную нагрузку маркирует и большое количество хозяйственных ям, связанных с настилом. К данному периоду относится значительная часть археологического материала, собранного при раскопках.

Завершение функционирования деревянного настила происходит, видимо, в 1740-х гг., после чего территория раскопа опять отводится под сельскохозяйственные нужды. Во второй половине XVIII в. здесь формируется мощный пахотный слой темно-коричневого суглинка. Постройка № 2, связанная с ним, зафиксирована в северной части раскопа (горизонт 3). На проезжей части Большой Посадской улицы в это время не происходит значительных изменений. Первоначальное мощение

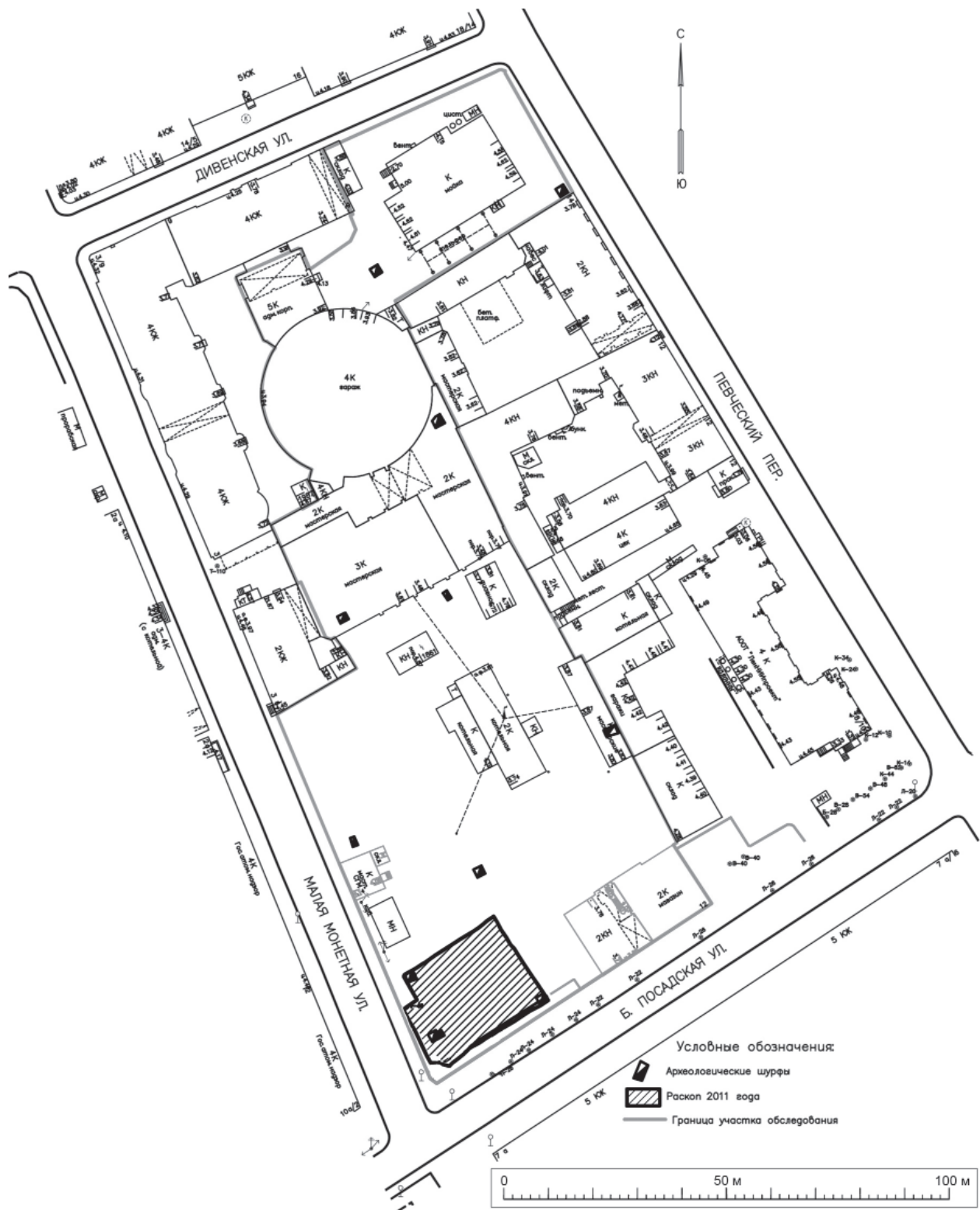

Рис. 1. Расположение раскопа 1 и шурфов по адресу Большая Посадская ул., д. 12

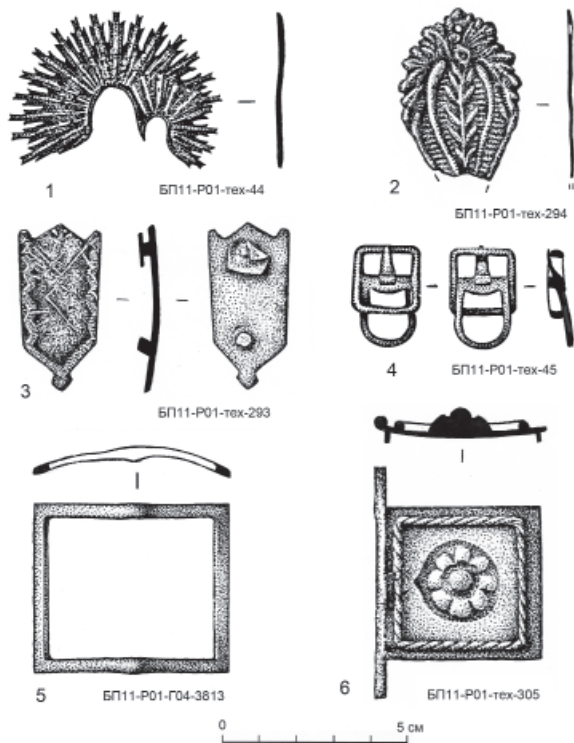

Рис. 2. Находки из верхних техногенных отложений:
1-6 – цветной металл

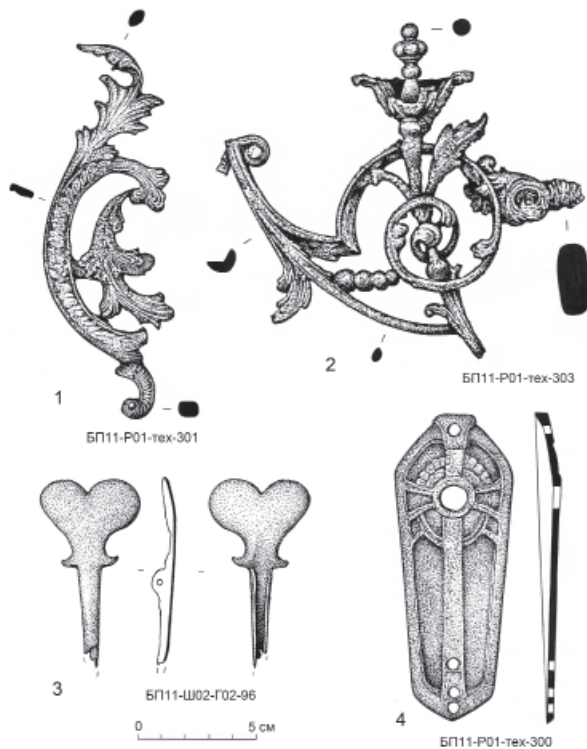

Рис. 3. Находки из верхних техногенных отложений:
1-4 – цветной металл

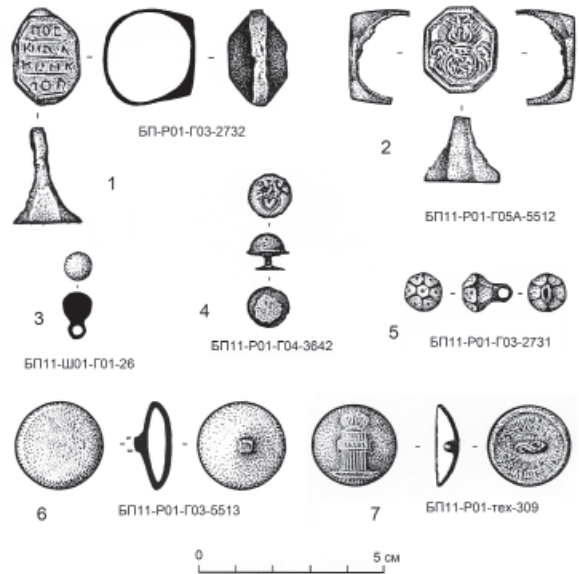

Рис. 4. Находки из горизонтов 1-5:
1-7 – цветной металл

булыжником, очевидно, приходит в негодность, и дальнейший ремонт проезжей части происходит путем подсыпки дороги линзами грунтов различных типов.

В начале XIX в. на территории домовладения возводится постройка № 1, представляющая собой дощатую каркасно-столбовую конструкцию (горизонт 2).

В 1830-х гг. на территории исследования происходят существенные изменения. В это время участок принадлежал инженеру-капитану А. Риппасу (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Т. 11. Д. № 8309. Л. 3 и 4). Все обветшавшие деревянные строения на участке сносятся, а на их месте возводится деревянный дом на каменном подвале (горизонт 1), просуществовавший с незначительными перестройками до 40-х гг. XX в.

Видимо, во время войны верхняя часть дома была разобрана на дрова, в послевоенное время дом был окончательно разрушен, а территория заасфальтирована.

В данной статье мы остановимся на ранних этапах освоения участка в начале XVIII в., когда еще не были проложены Большая Посадская и Малая Монетная улицы, а на исследуемой территории располагалось кладбище. Всего зафиксировано 37 могильных ям (рис. 5). Однако кладбище

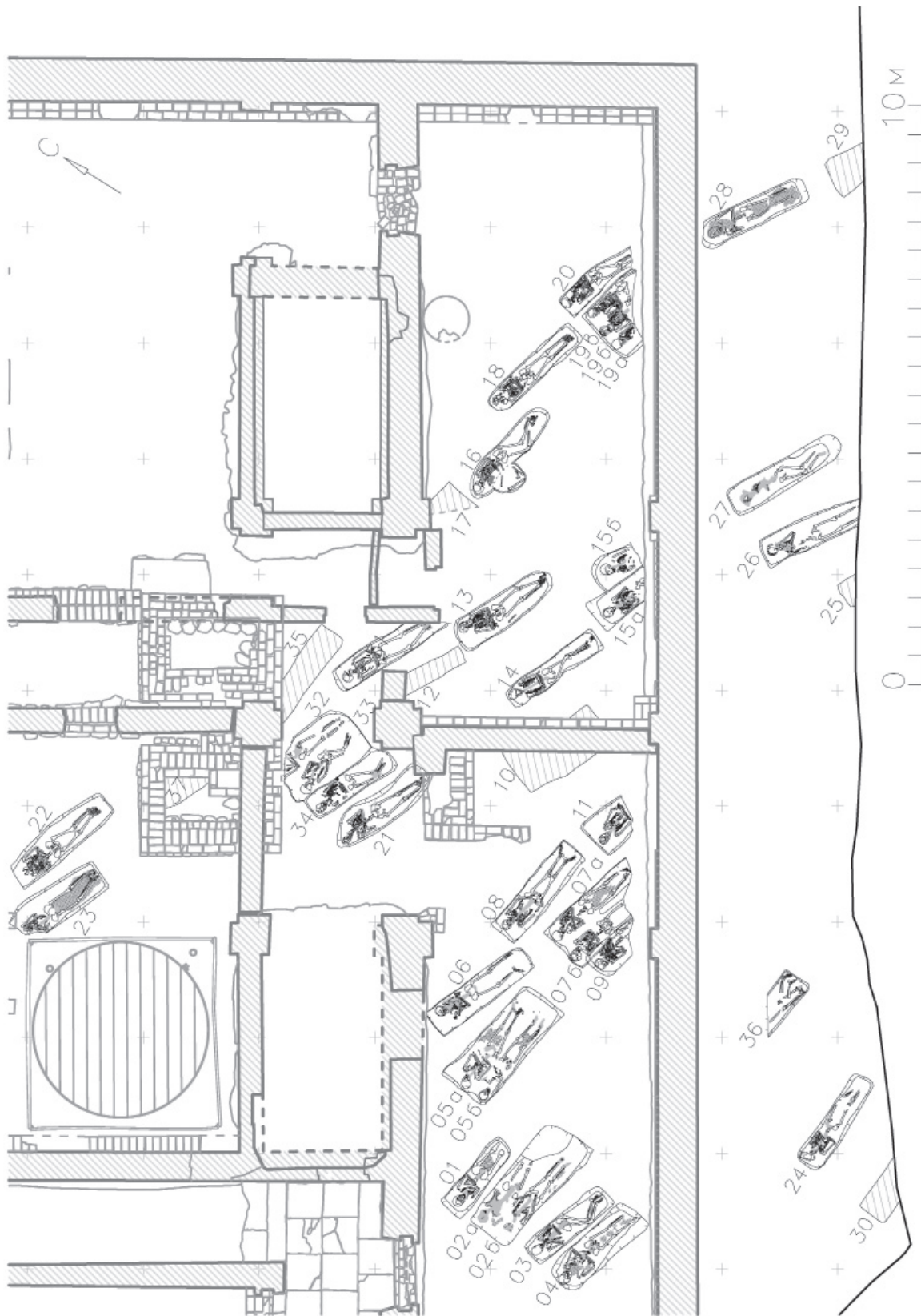

Рис. 5. План исследованных погребений

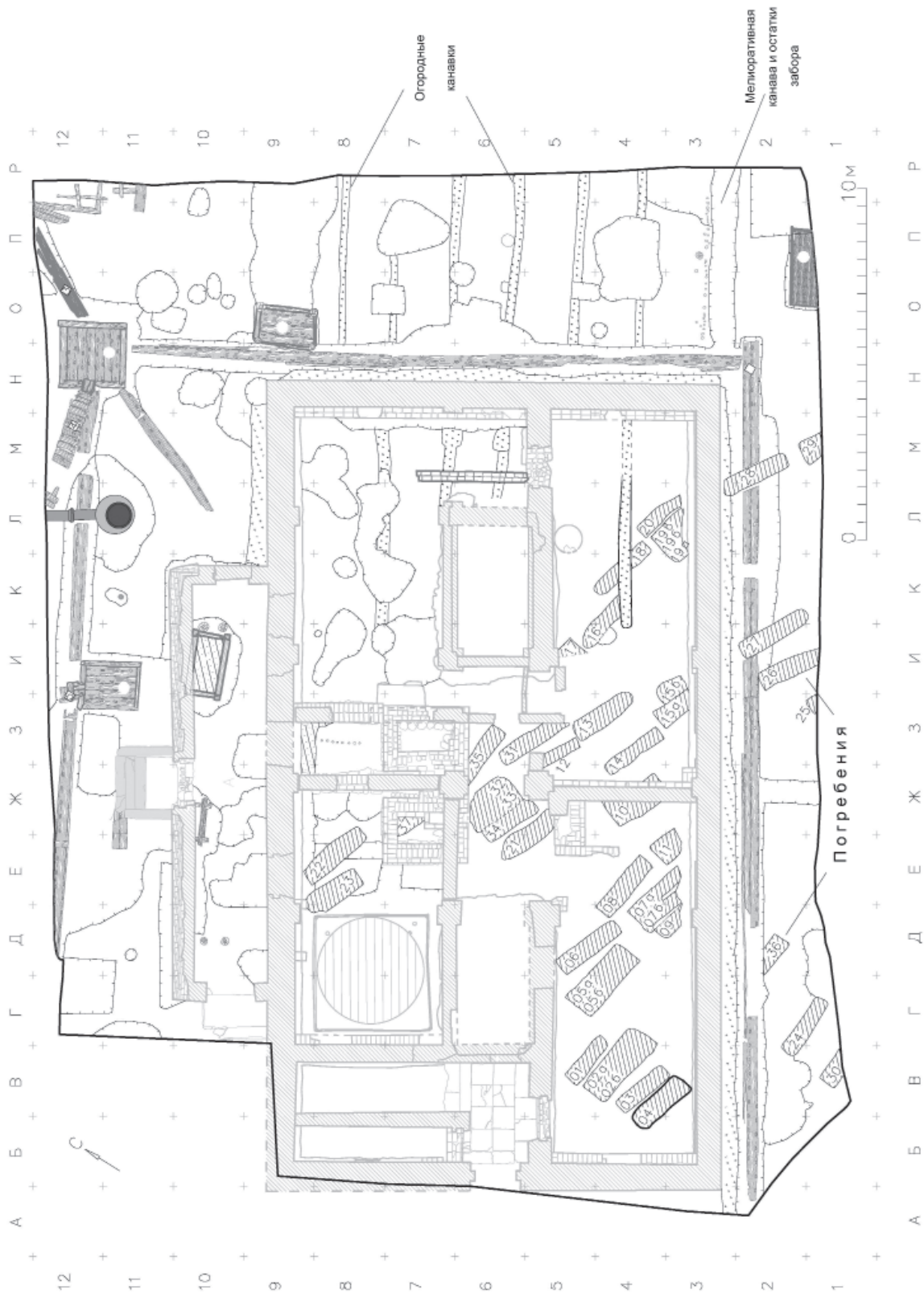

Рис. 6. План нижнего горизонта раскопа

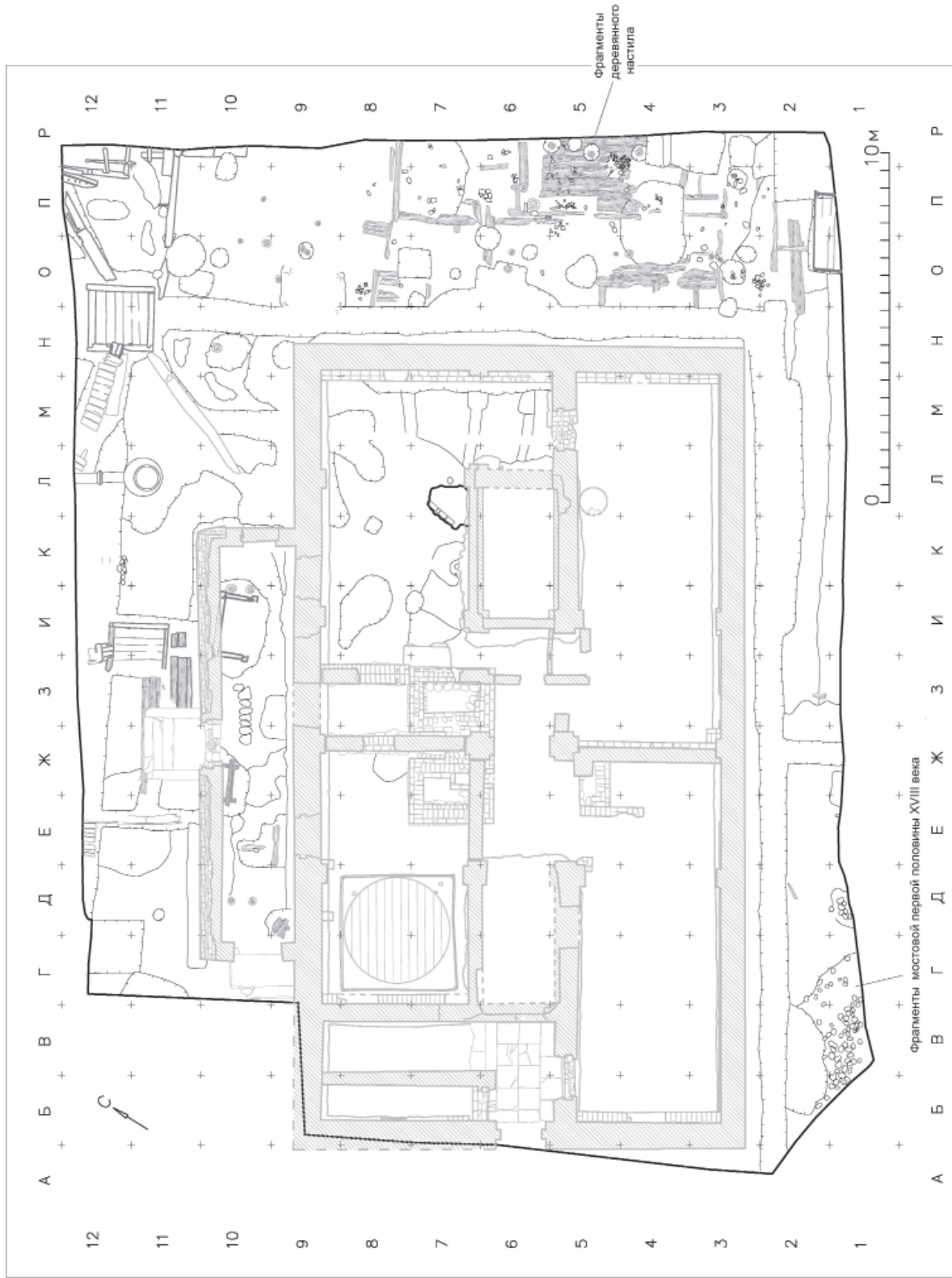

Рис. 7. План раскопа с конструкциями первой половины XVIII в.

не было исследовано полностью. В пределах раскопа находится лишь его северная часть, территория кладбища продолжается на юг и на запад – под улицы, за пределы раскопа. В пределах зафиксированной части кладбища могильные ямы распределяются неравномерно. В ряде случаев удается выделить компактные группы по три–пять могильных ям, расположенных в один ряд: погребения № 1–4; № 7а, 7б, 8, 9; № 21, 32, 33, 34. В таких группах торцы могильных ям образуют одну линию, и могильные ямы расположены на небольшом расстоянии друг от друга, в пределах 0,05–0,30 м. Однако наряду с такими группами встречены и погребения, расположенные относительно обособленно, например, № 24, 26–28. В целом плотность могил достаточно большая, в среднем по кладбищу расстояние до соседних могил не превышает 0,60–0,90 м. Однако есть и «пустоты» – участки площадью 5–10 кв. м, на которых могильных ям не зафиксировано.

Все захоронения совершены по обряду труположения в могильных ямах, схожих по своим параметрам. Для индивидуальных захоронений размеры могильной ямы равнялись в среднем 1,80–2,00 х 0,50 м. У коллективных погребений длина могильной ямы не менялась, а по ширине на каждого индивида отводилось 0,40–0,50 м. Глубину могильных ям в большинстве случаев зафиксировать не удалось, поскольку верхние части были уничтожены при строительстве каменного дома в 30-е гг. XIX в. У тех погребений, которые располагались за пределами дома, глубина составляла 0,60–0,70 м. Дно у могильных ям ровное, без выраженных перепадов; погребенные расположены непосредственно на дне ямы.

Основная масса захоронений – индивидуальные погребения, но также зафиксированы четыре коллективных: три двойных (№ 2а и 2б; № 5а и 5б; № 32 и 33) и одно погребение, содержащее три костяка – № 19а, 19б и 19в. Возможно, коллективным являлось и погребение № 36, но, в связи с тем, что большая часть его уничтожена при строительстве дома, сказать что-либо определенное сложно.

Все погребенные лежат на спине, череп расположен лицевой частью вверх или в сторону стенки могильной ямы. Положение рук варьируется. Преобладает скрещенное положение рук, при котором они согнуты под углом 90°, а кисти находятся в районе локтевых суставов. Встречены также следующие положения: кости рук согнуты симметрично под острым углом и перекрещены кистями в области грудины; кости рук согнуты под тупым углом, кисти перекрещены в районе таза;

одна рука была согнута под очень острым углом до физиологического предела, вторая – под углом около 45–90°. Ноги обычно вытянуты параллельно друг другу, реже – согнуты под тупым углом. Все погребенные ориентированы схожим образом: головой на запад с небольшим отклонением к северу.¹

Погребения совершены без гробов. В ряде случаев на костяке или в непосредственной близости от него удалось зафиксировать фрагменты рогожи грубого плетения, являвшимися остатками той материи, в которую были завернуты погребенные. Особенно хорошо сохранилась рогожа в погребении № 28. Здесь она зафиксирована практически по всему скелету, в том числе и на лице. Кроме рогожи в погребениях иногда встречался органический тлен, по своей фактуре отличный от рогожи (иногда похожий на валяную шерсть) – скорее всего, остатки погребальной одежды. У ряда погребений зафиксировано потемнение костей нижней части ног, наиболее интенсивное в районе пяточных костей и ограниченное серединой берцовой кости. Возможно, подобное потемнение возникало при разложении кожаных сапог.

У шестнадцати погребенных зафиксированы бронзовые кресты-тельники.² Обычно они располагались в районе грудной клетки, реже под черепом. Стилистически кресты делятся на три группы. Наиболее детальная на сегодняшний день классификация русских православных крестов, основанная на материалах фондов Российского этнографического музея, принадлежит А. Б. Островскому (2007). Для нашей темы ценность представляет также классификация крестов-тельников XVII в. Э. П. Винокуровой (1999).

Первая группа – тип III-1-1-Б по А. Б. Островскому (рис. 8) из погребений № 4, 5б, 7б, 23, 24: прямоконечные, без обрамляющих выступов, без заполнения углов средокрестия, без расширения полупланок; на лицевой стороне изображен крест (Островский, 2007. С. 168, № 29–31; С. 64, рис. 41 – XVIII в.). По Э. П. Винокуровой (1999. С. 333–334, рис. 7), это тип I подтип 1: концы прямые, углы прямые, простая форма. На лицевой стороне в центральной части изображен восьмиконечный Голгофский крест. На крестах № 3642, 4225, 4227, 5494 полустертые надписи: в верхнем конце ИЦЦ, на средней планке IC и XC. На полустертом

¹ Результаты антропологического определения в настоящее время готовятся к печати.

² Крест, зафиксированный в погребении № 1 сохранился чрезвычайно плохо, поэтому при классификации использованы только 15 крестов-тельников.

фрагменте креста № 4220 – терновый венец на средокрестии Голгофского креста, но сам крест не читается.

Вторая группа (рис. 9) – тип III-3-1-Б по А. Б. Островскому (Островский, 2007. С. 197–198, № 122; С. 75, рис. 57 – XVIII в.) из погребений № 2а, 2б, 5а, 15а: прямоконечные, с заполнением углов и без обрамляющих выступов, в углах – луч, с изображением Голгофского креста. По Э. П. Винокуровой (1999. С. 336, рис. 10), это тип I подтип 3: концы прямые, углы прямые, лучи на средокрестии. На лицевой стороне в центральной части изображен восьмиконечный Голгофский крест, в углах – полустертые надписи. На оборотной стороне – литой орнамент. На лицевой стороне крестов № 4218 и 4222 свободная поверхность вокруг Голгофского креста заполнена цветной эмалью. На кресте № 4416 – терновый венец на средокрестии Голгофского креста, эмали нет.

Третья группа (рис. 10) – тип III-3-2-Б по А. Б. Островскому из погребений № 13, 15б, 16, 19б, 19в, 20: прямоконечные, без обрамляющих выступов, с заполнением углов средокрестия растительным элементом, с изображением Голгофского креста (Островский, 2007. С. 199, № 126–130; С. 77, рис. 59–62 – XVIII в.). По Э. П. Винокуровой (1999. С. 337, рис. 12.1), это тип I подтип 4, вариант 2: концы прямые, углы прямые, шарики на волютах, на лицевой стороне Голгофский крест. Крест № 4224 – на лицевой стороне терновый венец на средокрестии Голгофского креста, на оборотной – текст молитвы (буквы полустерты).

Рассмотрим планиграфическое распределение выделенных типов крестов. Кресты типов III-1-1-Б и III-3-1-Б встречены в западной части кладбища – все погребения, содержащие такие кресты, расположены западнее линии квадратов «3». Необходимо отметить, что кресты этих двух типов

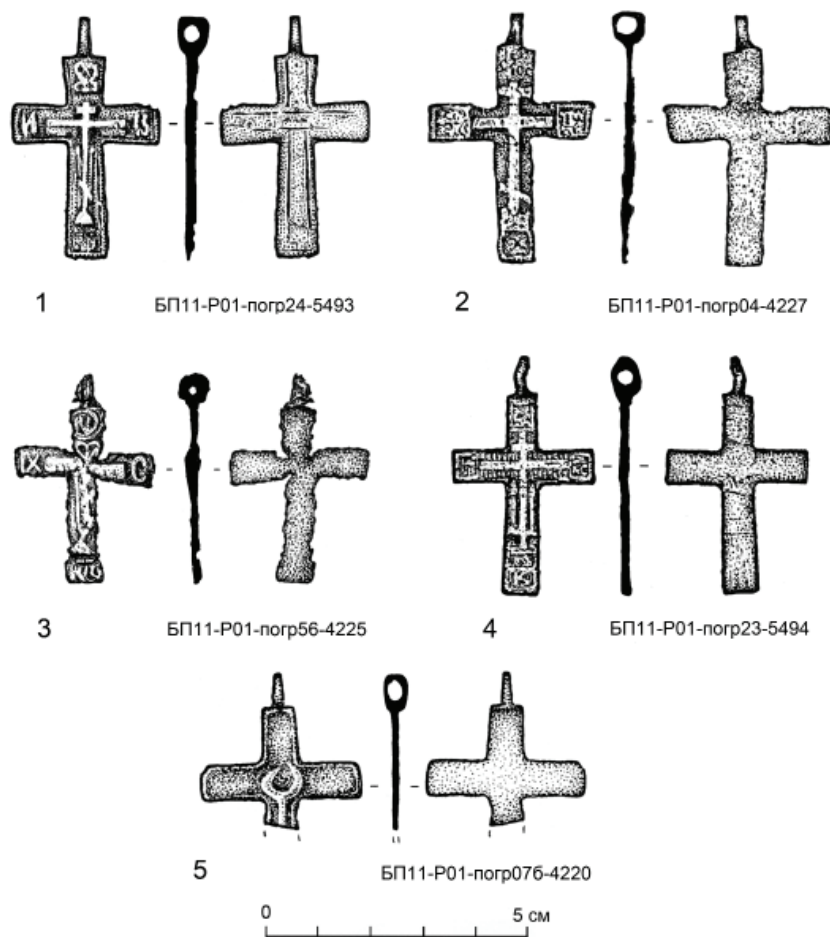

Рис. 8. Кресты-тельники типа III-1-1-Б (по А. Б. Островскому) из погребений на Большой Посадской ул.

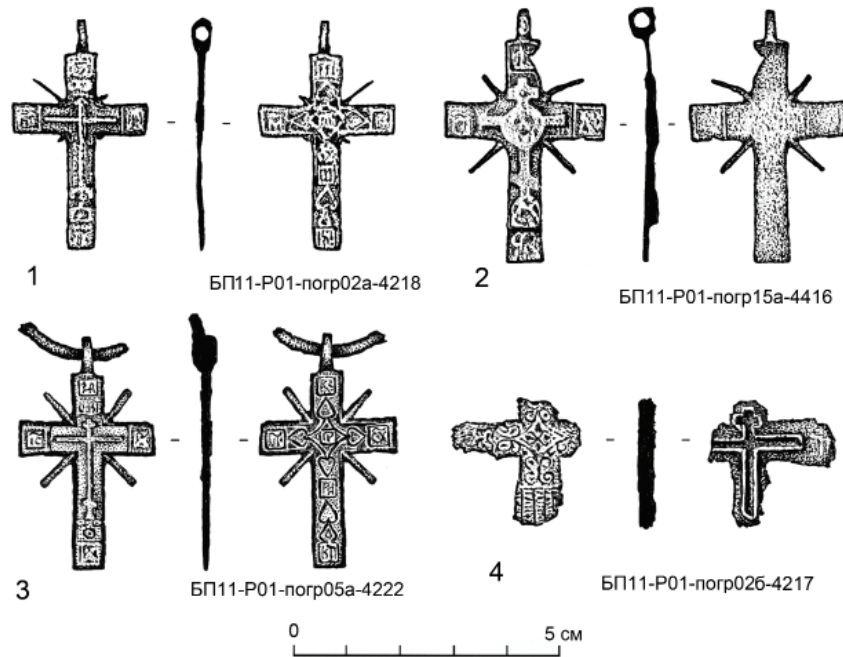

Рис. 9. Кресты-тельники типа III-3-1-Б (по А. Б. Островскому) из погребений на Большой Посадской ул.

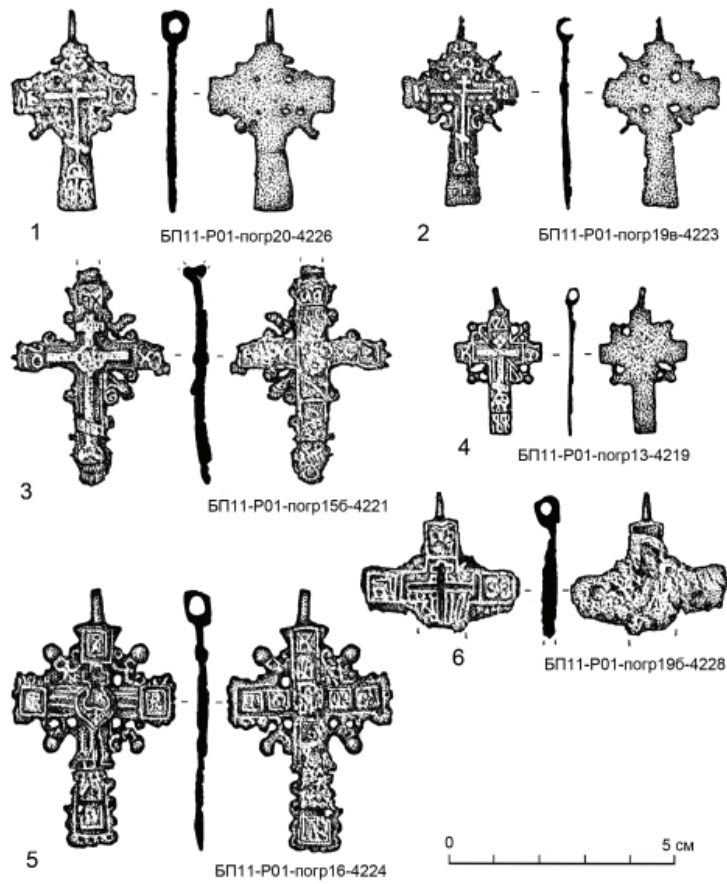

Рис. 10. Кресты-тельники типа III-3-2-Б (по А. Б. Островскому) из погребений на Большой Посадской ул.

могут встречаться у двух индивидов в пределах одной могильной ямы: погребения № 5а и 5б. Кресты третьего типа (III-3-2-Б) встречены только в восточной части кладбища. На кладбище зафиксирован один случай наложения могил, когда у обоих погребенных содержатся кресты. Это погребения № 15а и 15б. Здесь могильная яма погребения № 15а, в котором найден крест типа III-3-1-Б, нарушает могильную яму погребения № 15б, содержащую крест типа III-3-2-Б.

В целом описанные типы крестов датируются в рамках XVII–XVIII вв., резких изменений в иконографии в этот период, по-видимому, не происходило, так как уже в XVII в. в России значительным становится влияние барокко. Не следует забывать, что подавляющее число крестов поступило в музейные собрания из частных коллекций и не имело археологических дат.

Кладбище первых строителей Санкт-Петербурга функционировало очень недолго: уже в 1710-х гг. по его территории прокладывают дорогу, проходящую примерно в тех же границах, что и современная Большая Посадская улица, а территорию к северу от дороги отводят под домовладение.

Источники и литература

- Винокурова Э. П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII в. М.
- Островский А. Б., 2007. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. СПб.
- Столянский П. Н., 1909. Петербург пятьдесят лет тому назад. СПб.

Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2012 году (раскоп 2)

В. А. Лапшин, В. О. Глухов

Археологические исследования по адресу Санкт-Петербург, ул. Большая Посадская, д. 12 велись летом 2012 г. на месте строительства жилого комплекса и являлись продолжением исследований 2011 г. (раскоп 1, площадь 650 кв. м). В результате работ был вскрыт участок площадью 934 кв. м (рис. 1). Выделены два основных строительных горизонта, с которыми связаны остатки каменных и деревянных построек и других сооружений XVIII – начала XX вв. (рис. 2; 3).

Нижний строительный горизонт (горизонт 2, первая половина XVIII в.; рис. 2)

Основу горизонта составляет слой темно-коричневой гумусированной супеси. С этим слоем связаны остатки деревянных сооружений XVIII в. Из наиболее интересных объектов данного горизонта следует отметить два сохранившихся деревянных настила (постройки 2 и 3) в центральной части раскопа. Они представляли собой плохо сохранившиеся полы временных деревянных сооружений.

Постройка 2 находилась на кв. О–Т–19–21. Пятно ямы вытянутой формы, размерами 8,20 x 5,50 м, было зафиксировано на отметках 2,20–2,90 м БС. Края ямы пологие, дно неровное. Заглублена в материк на 0,40–0,60 м. В заполнении гумусированная супесь с кирпичной крошкой. На дне ямы был выявлен деревянный настил размерами 5,50 x 4,00 м, длинной осью ориентированный по линии СВ–ЮЗ. Набран из досок шириной 0,50–0,40 м и толщиной 0,02 м, перпендикулярно положенных на две поперечных лаги и скрепленных кованными железными гвоздями. Конструкцию пререзает яма 35 и ряд бетонных свай. Под деревянным настилом зафиксирована прослойка светло-серой мешаной супеси. В верхних слоях засыпки постройки были найдены многочисленные остатки красноглиняных, сероглиняных, сероошечных и белоглиняных сосудов, фрагменты белоглиняных курительных трубок, а также фрагменты сосудов из фаянса и стекла.

Постройка 3 находилась на кв. У–Х–19–21. На отметках 2,24–2,60 м БС обнаружено скопление деревянных плах длиной 0,20–0,70 м, а также часть деревянного настила размерами 2,50 x 3,40 м, состоящего из досок шириной 0,15–0,30 м и дли-

ной до 2,50 м, толщину досок установить не удалось в связи с плохой их сохранностью. Также сохранились остатки четырех поперечных лаг длиной 2,00–4,00 м и шириной 0,10–0,50 м. На уровне 2,80 м БС на кв. Ф–Х–20 среди скопления досок зафиксирован развал сероглиняного сосуда, а также монета 1705 г. Северо-восточная часть настила уничтожена в ходе прокладки коммуникаций XX в.

При зачистке нижнего горизонта в западной части раскопа прослежена сеть углубленных канавок, заполненных темным гумусированным грунтом с кирпичной крошкой. Канавки расположены на одинаковом расстоянии друг от друга (1,45–1,80 м). Максимальная зафиксированная длина 8,90 м, глубина до 0,50 м, ширина около 0,25 м. Часть канавок длинной осью были ориентированы по линии СВ–ЮЗ, другая часть – по линии СЗ–ЮВ. Конфигурация канавок образует при этом квадратные ячейки. Ширина их колеблется от 0,80 до 1,10 м. Внутри заполнения канавок обнаружены остатки плохо сохранившихся деревянных плах длиной 1,00–3,70 м, шириной до 0,36 м.

Выявлено 27 ям различного хозяйственного назначения, относящихся к нижнему строительному горизонту. Археологический слой характеризуется кухонной и столовой посудой XVIII в., белоглиняными курительными трубками, печными изразцами белого цвета, расписанными кобальтовой краской и др. Нижний горизонт датируют девять монет первой половины XVIII в., пять из них (1705–1718 гг.) относятся ко времени правления Петра I, три (1730–1739 гг.) – Анны Иоанновны и одна (1745 г.) – Елизаветы.

Верхний строительный горизонт (горизонт 1, XIX – начало XX вв.; рис. 3)

Горизонт образует слой темно-коричневого суглинка с примесью кирпичной крошки. С этим слоем связаны остатки каменных построек 1, 4–7 и других сооружений XIX – начала XX вв.

Постройка 1 находилась в северо-восточном углу раскопа. Сохранился фундамент из битого кирпича и булыжника на цементном растворе. Размеры попавшей в раскоп части 18,75 x 7,50 м, общая

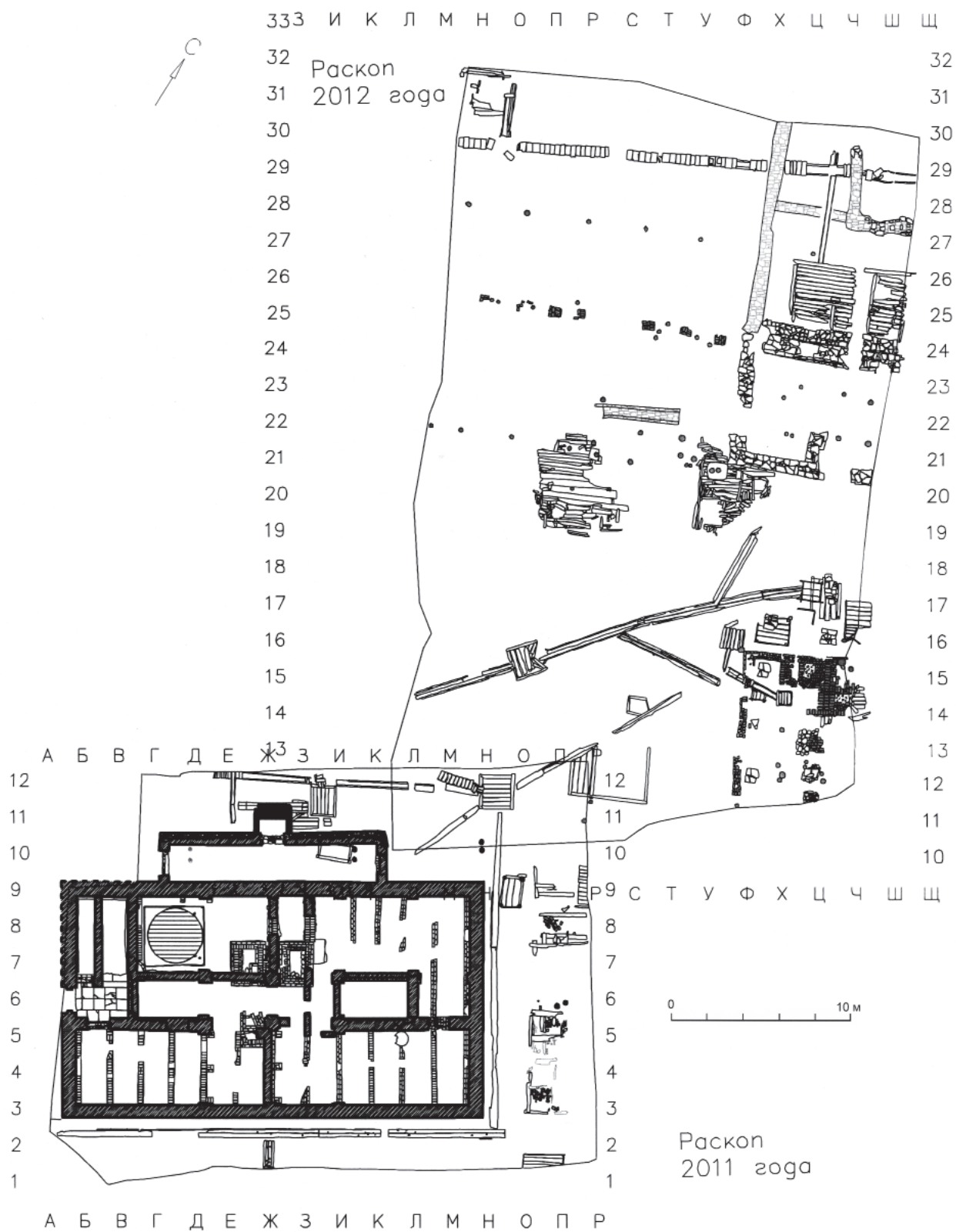

Рис. 1. Сводный план раскопов 2011 и 2012 гг. на Большой Посадской ул., д. 12

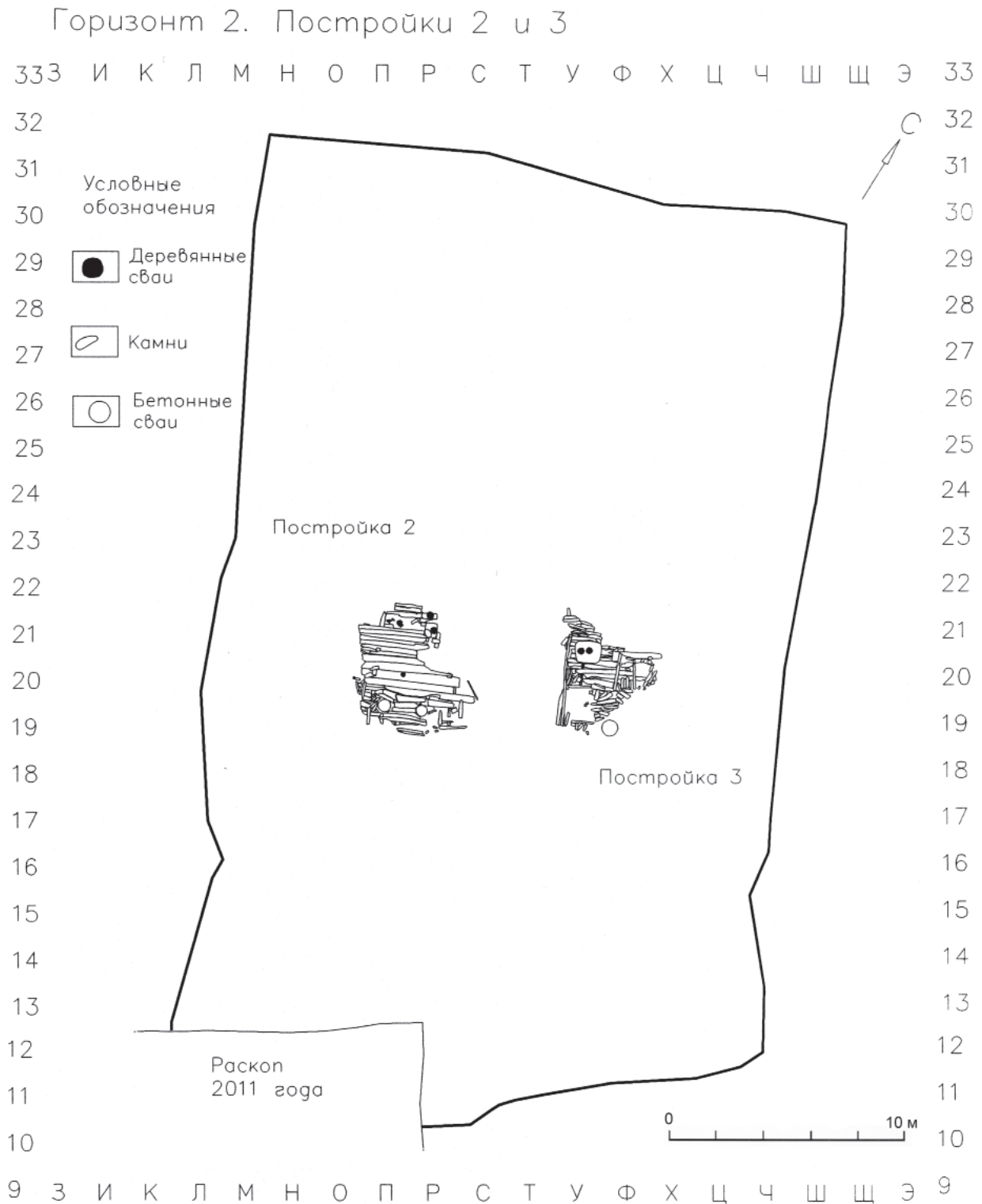

Рис. 2. Большая Посадская ул., д. 12. Раскоп 2012 г. План построек нижнего строительного горизонта

Горизонт 1. Постройки 1, 4, 5, 6, 7

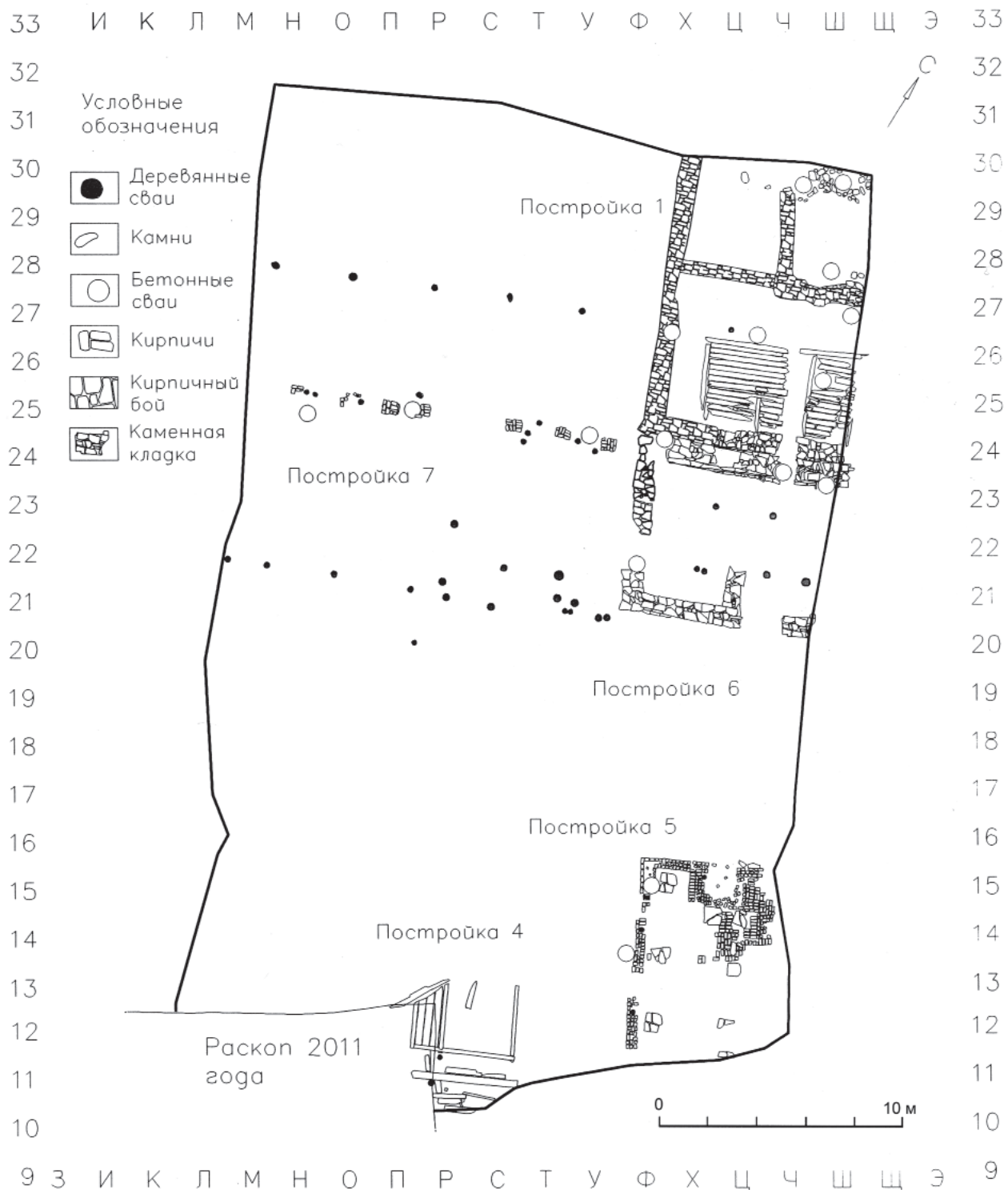

Рис. 3. Большая Посадская ул., д. 12. Раскоп 2012 г. План построек верхнего строительного горизонта

площадь постройки по сохранившимся внешним контурам составила 95,80 кв. м. Пространство фундамента было разделено на три части тремя внутренними стенами, пересекающимися Т-образно и образующими три помещения. Внутри большей юго-восточной части фундамента под слоем строительного мусора на отметках 2,50–2,30 м БС обнаружен деревянный настил, очевидно, являвшийся полом полуподвального помещения. Размеры настила 8,00 x 4,00 м. Набран из досок шириной 0,20 м, толщиной 0,02 м, перпендикулярно положенных на четыре поперечных лаги. С постройкой связана система деревянных дренажных желобов, пересекающих раскоп с юго-запада на северо-восток, вдоль северного края раскопа. По всей видимости, сооружение постройки по времени связано с известным по архивным данным строительством гаража К. Л. Крюммеля в 1913–1914 гг. Находки из внутреннего заполнения фундамента постройки относятся к концу XIX – первой половине XX вв.

Постройка 6 находилась южнее, сохранился прямоугольный в плане фундамент, сложенный из 5–10 рядов плитняка. Постройка вплотную примыкала к вышеописанной постройке 1. Размеры сохранившейся части фундамента 7,20 x 8,70 м, общая площадь постройки по сохранившимся внешним контурам составила 62,60 кв. м. В разрезе имеет максимальную высоту 1,80 м, а ее максимальная ширина составляет 0,80–0,90 м. Культурные напластования внутри фундаментной кладки были полностью уничтожены при прокладке коммуникаций второй половины XX в. На отметках 2,29–2,40 м БС в пределах внутренних границ фундамента выявлено два ряда вертикально стоящих столбов диаметром 0,20–0,30 м. Расстояние между сваями 1,00–2,00 м. Вероятно, данная конструкция служила опорой для пола здания. В мешаных слоях внутреннего заполнения постройки найдено незначительное количество фрагментов красноглиняных и сероглиняных сосудов.

Постройка 7 находилась к западу от постройки 6. Были вскрыты остатки основания деревянной конструкции, представлявшей собой четыре ряда свай, по пять–семь в ряду. Предположительные размеры сооружения 17,00 x 12,60 м. Сваи были изготовлены из сосновых бревен толщиной 0,20–0,30 м, забитых с интервалами 1,50–5,00 м и образующих сетку. На дне ям в большинстве случаев фиксируется подкладка из плашек. В центральной части конструкции ряд из деревянных свай чередовался с кирпичными фундаментными основаниями на известняковом растворе размерами 0,50 x 0,70 м, высотой в пять–восемь кирпичей. В кладке встречены кирпичи с клеймами «1846», «PATENT»,

«A. BALD», «Л. Р». В заполнении столбовых ям зафиксированы фрагменты красноглиняных, белоглиняных и сероглиняных сосудов, фрагменты стеблей белоглиняных голландских трубок, фрагменты бутылок из каменной массы с клеймом «SSELTE...», фрагменты фаянсовой посуды.

Постройка 5 находилась в юго-восточной части раскопа. Размеры попавшей в раскоп части постройки 4,80 x 8,00 м. Сохранилась северная и западная части фундамента фасада. Он представлял собой ленту из фрагментов кирпича и кирпичного боя шириной 0,40 м на известняковом растворе, уложенных на деревянные подкладки из продольных бревен шириной 0,10–0,20 м. С внутренней стороны фундамент был укреплен деревянными столбами, вкопанными в землю вертикально. В кладке использованы 1/2, 3/4 кирпича, редко целые (0,25 x 0,06 м). Высота сохранившейся части фундамента 0,40–0,70 м (пять–девять рядов кирпичей). Цокольная часть сохранилась на высоту трех–пяти кирпичей. Кроме того, внутри пространства постройки были зафиксированы два ряда из шести выкладок плитнякового фундамента, размерами 0,80 x 0,80 м, сохранившихся на ту же высоту, что и кирпичные стены. Рядом с фундаментами в грунт были впущены деревянные сваи, также образующие ряды, параллельные кирпичному фундаменту. Сваи были вкопаны вертикально и вместе с плитняковыми останцами образовывали сетку. Данная конструкция, очевидно, служила основанием для деревянного пола здания. В северо-западной части внутреннего пространства фундамента обнаружены основания двух печей, вплотную примыкающих к северной стенке дома. С северо-западной стороны за пределами фундамента также сохранились три аналогичные вышеописанным столбовые фундаментные кладки из плитняка, служившие, по-видимому, основанием для легкой деревянной пристройки к дому. Помимо кладок из плитняка за пределами северного фасада и внутри здания были зафиксированы остатки деревянной системы водоотвода, деревянные творильные короба, а также траншея с трубой водопровода XX в.

Постройка 4 находилась западнее постройки 5. Был выявлен деревянный сруб, вероятно, служивший для хозяйственных нужд дома Риппаса (см. раскоп 2011 г.). Котлован постройки впущен в материк на глубину 0,60 м. Северная часть сруба была разрушена в результате сооружения системы водоотвода. Размеры сохранившейся части составили 2,90–3,40 м. Сруб сложен из массивного бруса, в сечении 0,30 x 0,20 м. Всего зафиксировано пять венцов. Бревна сложены без остатка, имеют

сложное соединение – с шипом. Во всех стенках сруба зафиксированы отверстия диаметром 0,03 м. Скорее всего, это свидетельствует о том, что сруб был сложен из бруса, бывшего некогда частью корабельных деталей. С западной части к срубам примыкал настил из досок, лежавших на четвертом снизу венце – очевидно, остатки сеней или крыльца. В южной части заполнения найдена деревянная плаха – остаток пола сооружения. Ниже фиксируются остатки бревенчатого основания пола: бревна длиной 2,80–3,10 м были уложены вдоль стенок сруба и посередине на деревянные плахи, положенные перпендикулярно; они поддерживались рядами небольших вертикальных кольев. После выборки грунта на уровне материкового дна в северо-западной части сруба был найден колодец, представлявший собой деревянную бочку диаметром 0,70 м и глубиной 0,70 м, впущенную в материк. В засыпке сруба найдены обломки строительной и облицовочной керамики, находки из железа, цветного металла, стекла, керамики и кожи. Основная масса находок датируется второй половиной XIX в.

В культурных напластованиях верхнего горизонта найдены семь монет первой половины – середины XVIII в., пять из которых (1705–1720 гг.) относятся ко времени правления Петра I, одна (1735 г.) – Анны Иоанновны и одна (1760 г.) – Елизаветы Петровны. Очевидно, эти монеты попали сюда из отложений нижнего строительного горизонта в результате поздних перекопов.

В слое техногенных напластований, перекрывающем верхний строительный горизонт, найдены две монеты второй половины XIX в. и четыре монеты советского периода 1924–1939 гг.

Коллекция археологических находок, полученных в результате раскопок, включает около девяти тысяч экземпляров. В их составе представлена строительная керамика (кирпичи, черепица, печные изразцы и трубы); посуда из красной, серой и белой глины, фарфора, фаянса и стекла; бытовые предметы из черного и цветного металла; фрагменты кожаной обуви; кресальные кремни. Массовым датирующим материалом являются импорты: глиняные курительные трубки для нижнего горизонта, бутылки из каменной массы для верхнего.

Следует отметить многочисленные находки курительных трубок: белоглиняных (1244 фрагмента) и красноглиняных турецкого типа (девять фрагментов). На 40 фрагментах чашек с пятками имеются клейма. Наиболее часто встречаются клейма с изображениями короны (8 экз.), кувшина

(5 экз.), букв «Т» и «С» по двум сторонам пятки (3 экз.), чайника, а также весов, крепостной стены, фигуры стоящего человека, морского конька, змеи, птицы, косы, четырех звездочек, разделенных вертикальной чертой по две звездочки на каждую сторону, букв «OT.DA», буквы «М» с двух сторон пятки, букв «S» и «P», вписанных друг в друга, букв «HM», букв «I» слева и «G» справа пятки, двойное клеймо: справа – две точки, а слева – танцующая обнаженная девушка. Орнаментация и клейма белоглиняных трубок свидетельствуют об их изготовлении в Голландии в XVIII в. Красноглиняные трубки распространились в России после Азовской войны.

Импортная керамика из так называемой каменной массы представлена 121 фрагментом бутылок. На 68 экземплярах имеются фрагменты клейма. В большинстве случаев можно распознать клеймо по внешней поверхности стенки бутылки в виде изображения льва в круге и надписи вокруг него «SELTERS» и «ZOGTHUM NASSAU» с надписью снизу, что свидетельствует о том, что это бутылки из-под сельтерской воды, которую импортировали из Германии в XIX в. Также встречаются другие клейма производителей сельтерской минеральной воды: круг, в центре которого три изображения оленьих рогов, внутри по кругу надпись «M. MARIENBAD», внизу под кругом буква «A», «M Num: 49»; клеймо по краю у самого основания бутылки: четыре точки, создающие ромб, и надпись «AMSTERDAM», «Mo. Num 43»; круглое клеймо с надписью внутри по краю «MINERALWASSER.KARLS...», в центре изображение льва в короне, стоящего на задних лапах, вокруг льва надпись «HEINRICH NATTONI».

Нижний строительный горизонт раскопа 2 соотносится с горизонтом 5 раскопа 1 2011 г. В 1710-х гг. прокладывается Большая Посадская улица и происходит хозяйственное освоение участка. Обращает на себя внимание уникальная для этого времени концентрация монет Петра I, чеканенных в 1705–1720 гг., – 30 экз. с двух раскопов. Во второй половине XVIII в. наблюдается запустение квартала; по-видимому, участок используется под сельскохозяйственные нужды. Таким образом, впервые фиксируются регрессивные периоды в формировании участка одной из центральных частей Санкт-Петербурга XVIII в. Постройки верхнего строительного горизонта соотносятся с горизонтом 1 раскопа 1 2011 г. – строительством в 1838 г. дома Риппаса и последующими его перестройками.

Археологический надзор за земляными работами на Круглом рынке

В. А. Лапшин, А. Ю. Городилов, Д. Д. Ёлшин

В декабре 2011 – январе 2012 гг. Отделом охранной археологии ИИМК РАН был проведен археологический надзор при прокладке пристенной траншеи вокруг объекта историко-культурного наследия «Круглый рынок» по адресу: г. Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, д. 3 литера А на общей площади 90 кв. м.

Местность, на которой расположено здание Круглого рынка, начала осваиваться достаточно рано – еще в петровское время. Уже на плане И. Б. Хоманна, отражающем застройку середины 1710-х гг., на месте Круглого рынка вплотную к берегу р. Мойки изображено деревянное здание, обозначенное как «Финский рынок». Такое название рынок получил благодаря находящейся неподалеку финской церкви. Позже, в 1720–1730-е гг., рынок стал называться Харчевым. Основными покупателями рынка были жители расположенных в непосредственной близости слобод – Немецкой и Греческой. Харчевый рынок сгорел в 1732 г. Площадь, возникшая на месте сгоревшего рынка, стала называться Аптекарской. Аптекарская площадь простояла в таком виде до 1780-х гг., когда здесь было построено деревянное круглое здание рынка. Каменное здание рынка, дошедшее с перестройками до наших дней, было построено в 1785–1790 гг. по проекту архитектора Джакомо Кваренги (рис. 1). Новый рынок включал в себя 21 лавку, они сдавались в аренду частным торговцам. Торговые помещения были образованы поперечными стенами, вход посетителей в которые осуществлялся из галереи, на которую попадали по наружным лестницам. В начале 1930-х гг. здание Круглого рынка было перестроено под жилье, в результате перестройки архитектурный облик здания был значительно преобразован: наружная галерея рынка была закрыта окнами, в юго-восточной части была возведена трехэтажная пристройка, со стороны двора были пристроены обходные коридоры-галереи, а также разрушены участки продольных стен. В 1969 г. было принято

решение о проведении реставрации здания с возвращением исторического вида. В 1970–1971 гг. был проведен капитальный ремонт. После этого в 1970-е гг. в здании размещалось швейное предприятие «Ленинградодежда». Историческое здание в очередной раз подверглось изменениям – вся наружная аркада была полностью застеклена.

Археологический надзор проводился в связи с работами по укреплению фундаментов и прокладкой электрических кабелей в пристенной траншее шириной 0,60 м и глубиной 0,50 м от современной поверхности (рис. 2).

Культурный слой в пределах поднадзорной траншеи представлял собой строительный мусор XVIII–XIX вв., многократно нарушенный более поздними внедрениями. Несмотря на небольшие ширину и глубину траншеи, расчистка и фиксация позволили выявить основные моменты строительной истории этой части здания, атрибутировать большинство выявленных конструкций, уточнить строительно-технические характеристики. Функция некоторых конструкций, в том числе относящихся к первоначальному строительному периоду, осталась неясной и может быть изучена лишь при вскрытии более широкой площадью. Обследование было осложнено и тем, что кладки выше современной поверхности на момент работ были уже оштукатурены, а несколько рядов кладки ниже поверхности повреждены в ходе укрепительных работ (переложены современной кирпичной кладкой) и иногда залиты бетоном. На некоторых участках работы по бетонированию фундаментов были выполнены до начала проведения археологического надзора. Для удобства описания участки стен были пронумерованы от 1 до 34, начиная от самого северного отрезка на северо-западной стене здания, сохранившего первоначальные кладки, в направлении против часовой стрелки (рис. 2). Участки кладки под пилястрами именуется номерами участков, которые пилястра разграничивает, указанными через «/».

Рис. 1. Круглый рынок на плане Санкт-Петербурга 1828 г. (фрагмент)

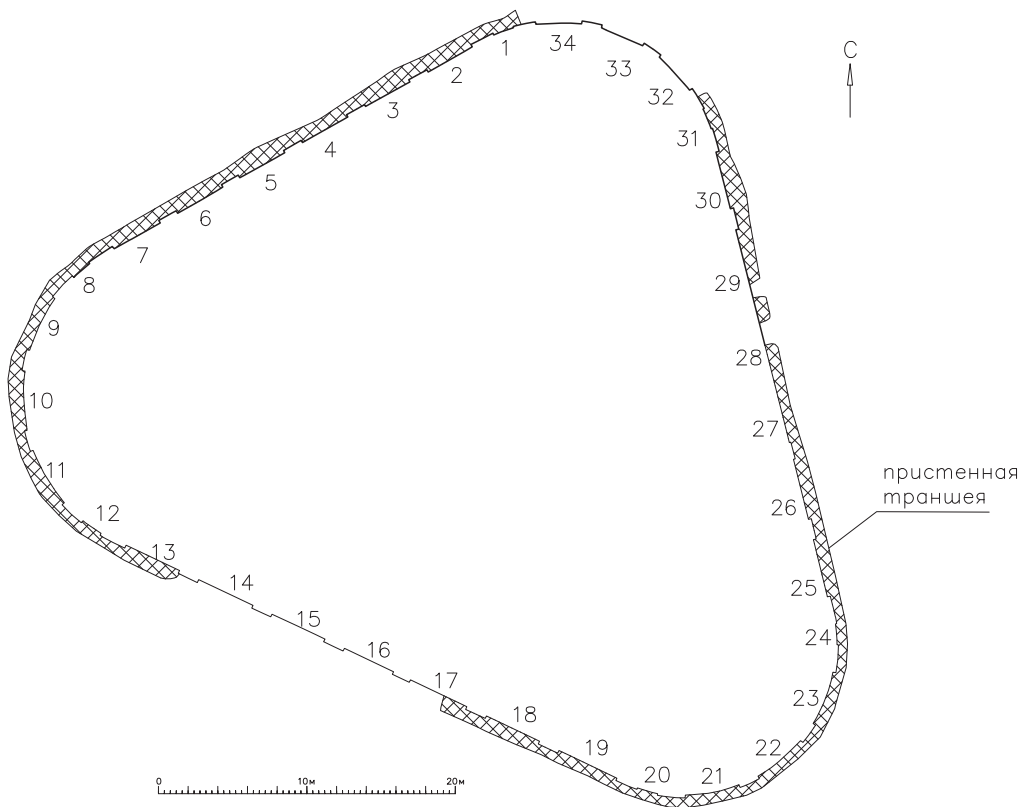

Рис. 2. Круглый рынок. Схема участков археологического надзора

Фасадная поверхность цокольной части Круглого рынка, открытая в траншее, сохранила первоначальные кладки XVIII в. в очень небольшом объеме. Кладки более чем наполовину были уничтожены поздними перестройками – проемами-спусками в подвальный этаж здания, устроенными во второй половине XIX – начале XX в. Коммуникации XX в. во многих местах затронули оставшиеся участки. Наилучшая сохранность кладок зафиксирована под пилястрами, разделяющими участки фасада здания.

Фундамент XVIII в. сложен из известняковой плиты. Верхние отметки фундамента отличаются в разных частях здания. В основном верх фундамента фиксируется в отметках 2,60–2,70 м БС. В пределах траншеи фундамент был выявлен лишь в нескольких местах и на небольшую глубину. Выше обреза фундамента почти на всем протяжении фасадов был уложен кирпичный цоколь (зафиксировано до девяти рядов – пилястра 5/6). Стык фундамента и цоколя осуществлен по-разному: в некоторых местах зафиксирован уступ фундамента в 0,10 м (участки 1, 4/5, 5/6) – 0,17 м (участок 31/32), в других – кирпичная кладка сложена заподлицо с внешней поверхностью фундамента (участки 1/2, 2/3, 9/10). Сопряжение цокольной части с фасадными стенами повсеместно утрачено.

Сохранность кирпичной кладки зафиксирована в основном на участках непосредственно под фасадными пилястрами. Первоначальные кладки сложены в технике верстовой (голландской) перевязки на желто-коричневом известковом растворе. Изредка наблюдается сбивка перевязки, а в двух случаях участки кладки сложены в тычковой технике (участки 8/9, 19). Кирпич, употребленный в кладке, имеет размеры в среднем 0,26 х 0,12–0,125 х 0,055–0,06 м, без клейм.

Непосредственно под пилястрами цокольная часть сложена из известняковой плиты на разную глубину. Чаще всего это один–три ряда плит (участки северо-западного фасада, а также участки 22/23, 24/25, 26/27, 29/30), уложенных на кирпичную кладку цоколя. Очевидно, низ каменного цоколя пилястр маркирует уровень поверхности XVIII–XIX вв. Сопряжение с кирпичной кладкой цоколя выполнено по-разному: заподлицо, с отступом и консольным выступом (рис. 3). Под пилястрами южного угла и восточного фасада (участки 18/19, 19/20, 20/21, 21/22, 23/24, 25/26) каменный цоколь гораздо мощнее (кирпичной кладки не зафиксировано на всю открытую глубину). Эти цоколи выполнены как отвесно, так и менее ак-

куратно, с уступами. На стыках участков 18 и 18/19, 19 и 19/20, а также 23/24 и 24 хорошо видно, что кирпичная кладка была разбита для устройства каменного цоколя пилястр. Плохая сохранность кладок и незначительная глубина вскрытия не позволили выяснить, относятся ли эти переделки к первоначальному этапу строительства, или они были связаны с более поздней починкой нижних и подземных частей пилястр.

На участках 1, 12, 20, 31, имеющих сейчас на фасаде большие плоские ниши вместо окон, на уровне цоколя выявлены откосы ниш или оконных проемов, опускающихся до обреза фундамента. На участке 12 такой проем на уровне цоколя сдвинут на 0,36 м от нынешних границ фасадной ниши. На участке 20 низ проема отмечен тычковым рядом кирпичей (2,80 м БС). Аналогичный по расположению участок 24 также имеет два тычковых ряда в основании ниши, но на гораздо более высокой отметке (2,98 м БС).

Лицевая поверхность кирпичной кладки цоколя соответствует фасадной поверхности пилястр; на участках ниш стеновая кладка отступает от поверхности цоколя. Только в трех случаях зафиксированы явные нишеобразные углубления в цоколе (участок 11 – отметка основания ниши 2,85 м БС, участок 13 – отметка основания ниши 2,70 м БС, участок 25 – отметка основания ниши 2,72 м БС).

В двух случаях зафиксированы перпендикулярные кирпичные выступы-стенки, перевязанные с кирпичной кладкой цоколя: в левой части участка 6 (ширина 0,72 м) и в правой части участка 17 (ширина не менее 0,40 м). Назначение их неясно. На участках 13 (ширина 0,26 м) и 22/23 (ширина 0,62 м) зафиксированы перпендикулярные конструкции-стенки из кирпича XVIII в., приложенные к цокольным кладкам без перевязки. По причине плохой сохранности и незначительной площади вскрытия их назначение также неясно.

Около пилястры 1/2 зафиксированы остатки первоначальной конструкции, сложенной на желто-коричневом известковом растворе. Ее нижнюю часть составляют три ряда известняковых плит общей толщиной 0,32 м. На верхней плите (2,76 м БС) уложен один ряд кирпича, ложками, перпендикулярно поверхности стены. На ряд кирпича положена каменная плита ступени (3,00 м БС) с соответствующим профилем. Скорее всего, это фрагмент крыльца одного из входов в первый этаж постройки, пол которого был выше дневной поверхности времени строительства.

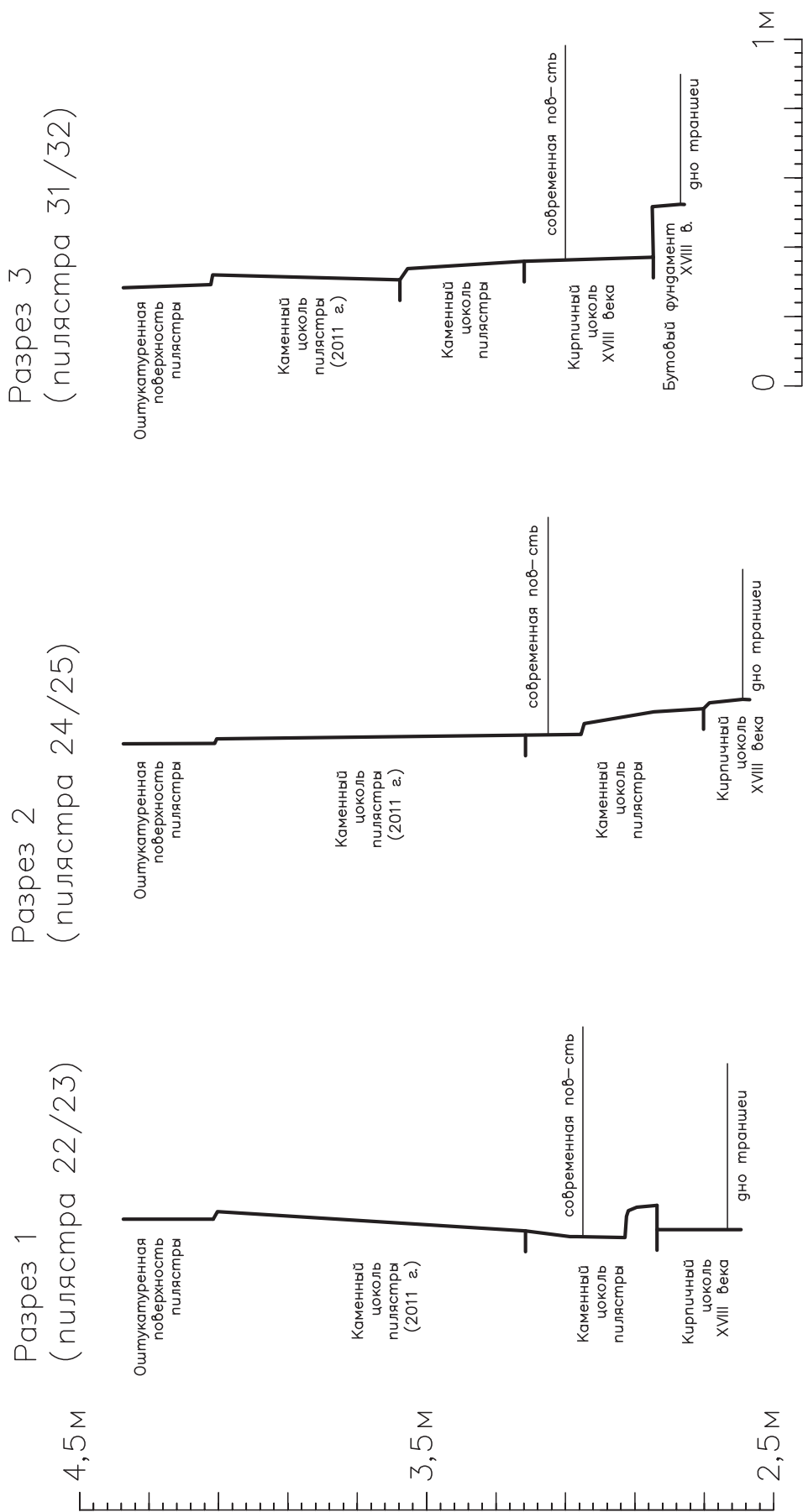

Рис. 3. Круглый рынок. Схематические разрезы цокольной части здания: 1 – пилыстра 22/23; 2 – пилыстра 24/25, 3 – пилыстра 31/32

Фрагменты первоначальной отмостки, выполненной из известняковых плит и кусков кирпича с применением желто-коричневого известкового раствора, зафиксированы также на участках 6 (2,75 м БС), 7 (2,65 м БС), 17 (2,60 м БС), 25 (2,63 м БС), 26 (2,74 м БС). Вероятно, отмостка первоначально окружала все здание, но была почти полностью утрачена при позднейших перестройках.

Перестройки XIX в. связаны с устройством многочисленных входов в подвальный этаж (в каждом прясле стен участков 1, 8, 12, 20, 24, 31, кроме глухих участков с первоначальными окнами). Вероятно, какие-то входы в подвал существовали и в первоначальных конструкциях, но их достоверных следов не зафиксировано. Возможно, уже упомянутые кладки на участках 6 и 17 относились к ним. Очевидно, необходимость устройства большого количества входов возникла в результате передачи в индивидуальное пользование отсеков подвального этажа, тогда же изолированных друг от друга. Цокольная кладка стен и фундаменты были при этом пробиты большими проемами. Входы в подвал на северо-западном фасаде и в западной части южного фасада (участки 2–7, 11, 13), а также на участках 25 и 26 были размещены в их правой части, на восточном фасаде и в восточной части южного фасада (участки 18, 19, 22, 23 (?), 28, 29, 30) – в левой части, на участке 10 – в центре.

Грани проемов были оформлены новой кирпичной кладкой из более толстых (0,07 м) кирпичей на известковом растворе, иногда с уступами под дверные переплеты. Ширина проемов составляет в среднем 1,65–1,75 м (на участке 2 – 2,64 м). Около проемов устроены приямки с каменными лестничными спусками (хорошо сохранились ступени на участке 2). Ширина лестниц составляет 1,50–1,80 м. Нижняя ступень лестницы спуска на участке 25 зафиксирована на отметке 2,08 м БС. С двух сторон спуски были ограничены кладкой из известняковых плит, шлифованных с одной стороны, употребляемых для облицовки цоколей. Плиты обращены к спуску гладкой стороной, наружу – рваной. Исключение составляет одна из таких конструкций с правой стороны от входа на участке 10. Ее ширина 1,22 м. С двух сторон кладка оформлена плитами, а внутреннее заполнение представляет кирпичная кладка.

Идентичность способа оформления спусков, аналогичность раствора и параметров кирпича в прикладках однозначно свидетельствуют об одновременности устройства входов и спусков. К сожалению, датировать эту реконструкцию точнее, чем в пределах второй половины XIX – начала XX вв., по археологическим данным невозможно.

На участке 3 зафиксирована перпендикулярная стенка толщиной 0,27 м, сложенная на белом известковом растворе. Стенка врублена в первоначальную кладку под гранью фасадной пилястры между участками 2 и 3. Поверхность перегородки, обращенная к участку 3, имеет плотную штукатурку. Вероятнее всего, это стенка небольшой пристройки XIX в.

К кладке под пилястрой 9/10 приложена Г-образная кладка на цементоподобном растворе с использованием кирпичей второй половины XIX в. (клеймо «Поршнево»). На участке 11 в первоначальную кладку врублена перпендикулярная кирпичная перегородка шириной около 0,50 м. Назначение этих поздних конструкций осталось неясным, также как и перпендикулярных тонких перегородок, приложенных к основанию пилястры 12/13 (сложена из кусков плит и кирпичей) и к участку 13 (сложена из кусков плит).

В XX в. проходы в подвальный этаж были заблокированы. Судя по всему, проемы были практически одновременно заложены кирпичной кладкой из кирпича машинного производства (советского времени) на цементном растворе. Исключение составляют входы на участках 4, 22 и 23. Вход на участке 22 заложен отесанными известняковыми плитами, возможно, раньше, чем прочие входы. Вход на участке 4 заложен кирпичом XX в. на известковом растворе. Проем на участке 23, не оформленный по сторонам прикладками и поребриками, заполнен грунтом. Верх проемов, вероятно, был превращен в световые окна подвалов. Приямки со ступенчатыми спусками были частично разобраны и засыпаны, очевидно, одновременно с прекращением функционирования входов.

В ходе археологического надзора, несмотря на небольшую глубину и ширину обследованной траншеи, удалось сделать существенные выводы относительно выявленных конструкций. Выполнена характеристика технологических особенностей первоначальной кирпичной цокольной части Круглого рынка. Удалось определить местоположение и форму крыльца одного из входов первого этажа в восточной части северного фасада. Определено, что к первоначальным конструкциям относятся лишь две из выступающих за фасадную линию кладки. Выявлены необычные цоколи пилястр юго-восточного угла здания, выполненные из известняковых плит на большую глубину. Не исключено, что замена цоколей пилястр произошла в ходе одного из ремонтов здания в XIX в. Все выявленные конструкции входов в подвальный

этаж, сохранившие прямки ступенчатых спусков и их облицовку, а также кирпичные прикладки-границы проемов относятся, судя по формату кирпича и строительному раствору, ко второй половине XIX – началу XX вв. В советское время практически одновременно все проемы были заложены, а входы засыпаны. Зафиксированы и другие остатки пристроек XIX в.

Архитектурно-археологические исследования у Казанского собора и в Воронихинском сквере (сезон 2011 года)

С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых

Историческая часть Санкт-Петербурга всегда представляет особый интерес для историков и археологов. Поскольку город в центре плотно застроен, а улицы и дворы ныне покрыты асфальтом или замощены плиткой, нельзя упускать хотя бы малейшую возможность для исследований. Даже если это не раскопки в чистом виде, а сопровождение строительных работ, можно получить ценный материал и расширить наши знания об истории возведения северной столицы. В очередной раз такой случай представился при прокладке кабельных линий электромагистрالی на северном участке Казанской улицы. Археологические работы здесь – от Воронихинской ограды до Невского проспекта – были проведены одним из авторов статьи в апреле – июле 2011 г. по заказу КГИОП г. Санкт-Петербурга (координатор работ А. Н. Любос) и строительной компании «Петроком» (координатор работ К. В. Алексеев).

Основные задачи исследований включали наблюдение и фиксацию (графическую и фото) земляных работ по раскрытию траншеи для строительства люков и прокладки электрокабелей, оценку состояния и характера раскрываемого слоя, конструктивных особенностей и глубины залегания встреченных остатков сооружений, изучение полученной стратиграфии *in situ* в соответствии с культурным контекстом зоны объекта, анализ возможных находок. Сопровождение работ по прокладке кабелей в подкоолье Воронихинской ограды на двух участках проходки с частичным демонтажем верхней части фундамента и прилегающей арки ливневой канализации потребовало археологической зачистки и шурфовки грунта в створе траншеи. Кроме того, осуществлялся общий контроль при производстве ремонтно-восстановительных работ на территории Казанского и Воронихинского скверов – дорожки, газоны, зеленые насаждения, люки дренажно-ливневой канализации.

Общая площадь территории археологического контроля составила около 2500 кв. м, включая восемь шурфов у Воронихинской ограды. При зачистке слоя использовалась методика ручного послойного раскрытия грунта с поэтапной фиксацией необходимых промеров и параметров

конструкций. В ходе исследований был получен ценный исторический материал и составлен подробный отчет о характере и особенностях встреченных в слое объектов и артефактов.

Архитектурно-исторической доминантой в зоне проведения работ является собор в честь Казанской иконы Божией Матери, возведенный в 1801–1811 гг. по проекту архитектора А. Н. Воронихина (1759–1814). Как раз в период написания этих строк собор отметил двухсотлетний юбилей своего освящения (рис. 1). Ранее здесь находилась церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная в 1733–1737 гг. по проекту архитекторов М. Г. Земцова и И. Я. Бланка. Храм был сложен из кирпича, шпиль колокольни был выполнен из дерева. Несмотря на скромный экстерьер, его особенностью было близкое расположение к Невской перспективной дороге (проспекту). После разборки церкви на этом месте была устроена мощеная камнем площадь, перекрытая позднее сквером перед северным фасадом Казанского собора. Основной объем отделочных работ в соборе был завершен в 1812 г., а южный портик был достроен в 1818 г. Кроме того, до 1829 г. под руководством О. Монферрана продолжалось устройство интерьеров и доделка элементов внутреннего убранства собора.

В 1836–1837 гг. в царствование императора Николая I на площади перед северным фасадом собора были установлены памятники (скульптор Б. И. Орловский, архитектор В. П. Стасов) главнокомандующим русской армии времен Отечественной войны 1812 г. фельдмаршалам М. Б. Барклаю де Толли и М. И. Кутузову (захоронен в западном приделе собора). На этом завершилось, за исключением прилегающих скверов, формирование ансамбля Казанского собора. Забегая вперед, отметим, что одной из задач строительных работ в 2011 г. было обеспечение безопасности фундаментных конструкций памятника М. Б. Барклаю де Толли, в непосредственной близости от которого осуществлялась прокладка траншеи.

Подробные исторические данные по обстоятельствам и этапности строительства Казанского собора приведены в фундаментальном исследовании

Рис. 1. Вид на Казанский собор с Невского проспекта. Популярная открытка. Конец XIX в.

довании архитектора Петербургской епархии А. П. Аплаксина (1879–1931), изданном в 1911 г. Известный представитель столичной школы «неорусского стиля» архитектор А. П. Аплаксин в 1910 г. осуществил комплекс реставрационных работ в Казанском соборе к столетнему юбилею его постройки. По мнению архитектора, за сто лет уровень дневной поверхности (далее – УДП) у собора оказался выше на 2 аршина 6 вершков (в метрической системе – около 1,70 м), т.е. здание Казанского собора уже тогда серьезно «вросло» в грунт (Аплаксин, 1911. С. 13). Уместно добавить, что в 1909 г. к двухсотлетию Полтавской битвы архитектор А. П. Аплаксин осуществил комплекс реставрационных работ с постройкой часовни в Сампсониевском соборе, также археологически изученном нами в 2007–2008 гг. (Каргапольцев С., Каргапольцев М., Седых, 2009. С. 164–174; 2010. С. 258–271). Из современных изданий по истории Казанского собора отметим вполне репрезентативный и исчерпывающий очерк издательства «Артдеко» (Казанский собор, 2001).

История строительства собора имеет и прямое отношение к ландшафту окружающей территории, поскольку в период его возведения были демонтированы прилегающие строения и сформировались облик и планировка Казанской улицы (в советский период ул. Плеханова). Прежняя конфигурация городского квартала к западу от церкви Рождества Пресвятой Богородицы была зафиксирована на плане адъютанта Географического департамента Академии наук И. Ф. Трускотта в 1753 г., более известном как план М. И. Махаева (План столичного города Санктпетербурга, 1753), и плане 1776 г., составленном под руководством главного архитектора «Комиссии каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы» Алексея Квасова. Данный план включал и аксонометрические чертежи П. де Сент-Илера, выполненные в 1764–1773 гг. (Новый план столичного города, 1776).

Сформировавшаяся планировка северного участка Казанской улицы, мало чем отличающаяся от современного ее состояния, зафиксирована на пла-

нах 1821 и 1828 гг., составленных в Военно-Топографическом Депо (План города С. Петербурга, 1821; Подробный план столичного города С. Петербурга, 1828). Самый известный и детальный из них выполнен генерал-майором Ф. Ф. Шубертом (1789–1865) – выдающимся военным топографом и ученым-геодезистом, активным участником Отечественной войны 1812 г. (рис. 2).

Существует и целая серия иных, менее известных карт и планов Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв., по которым можно детально определить характер прилегающей к Казанскому собору местности (Собрания карт Санкт-Петербурга, 2010).

Другим важным историческим объектом обследуемой территории, попавшей в зону строительных работ, является так называемая Воронихинская решетка – ограда, построенная по проекту А. Н. Воронихина в 1811–1812 гг., напротив западного фасада Казанского собора, по другую сторону одноименной улицы (эскизы цоколя и колонн ограды, а также повторяющихся пролетов чугунной решетки были выполнены архитектором еще в 1805 г.). По замыслу А. Н. Воронихина,

ограда должна была эстетически и композиционно связать северную, южную и западную колоннады Казанского собора и отграничить общий его периметр от городской застройки, однако южная полуциркулярная и западная прямая колоннады так и не были построены. Причин на то было несколько: в 1811 г. умер покровитель А. Н. Воронихина граф А. С. Строганов, в 1812–1814 гг. состоялась тяжелая для России война с Наполеоном, совершенно опустошившая имперскую казну, а 23 февраля 1814 г. от удара скончался и сам А. Н. Воронихин. Не обрели завершения и устои-пилоны ограды, которые Андрей Никифорович планировал увенчать скульптурами святых Первоверховных апостолов Петра и Павла. Тем не менее даже в неполной, по авторскому замыслу, реализации ограда является ярчайшим памятником русского классицизма начала XIX в.: длиной 153 м, полуциркулярная в плане, на высоком гранитном двухъярусном цоколе, включающем 14 колонн дорического ордера с каннелюрами, увенчанных гранитными шарами, с двумя устоями-пилонами на северной и южной оконечностях. Пятнадцать чугунных пролетов решетки были отлиты на чугунолитейном заводе Ч. Берда (рис. 3).

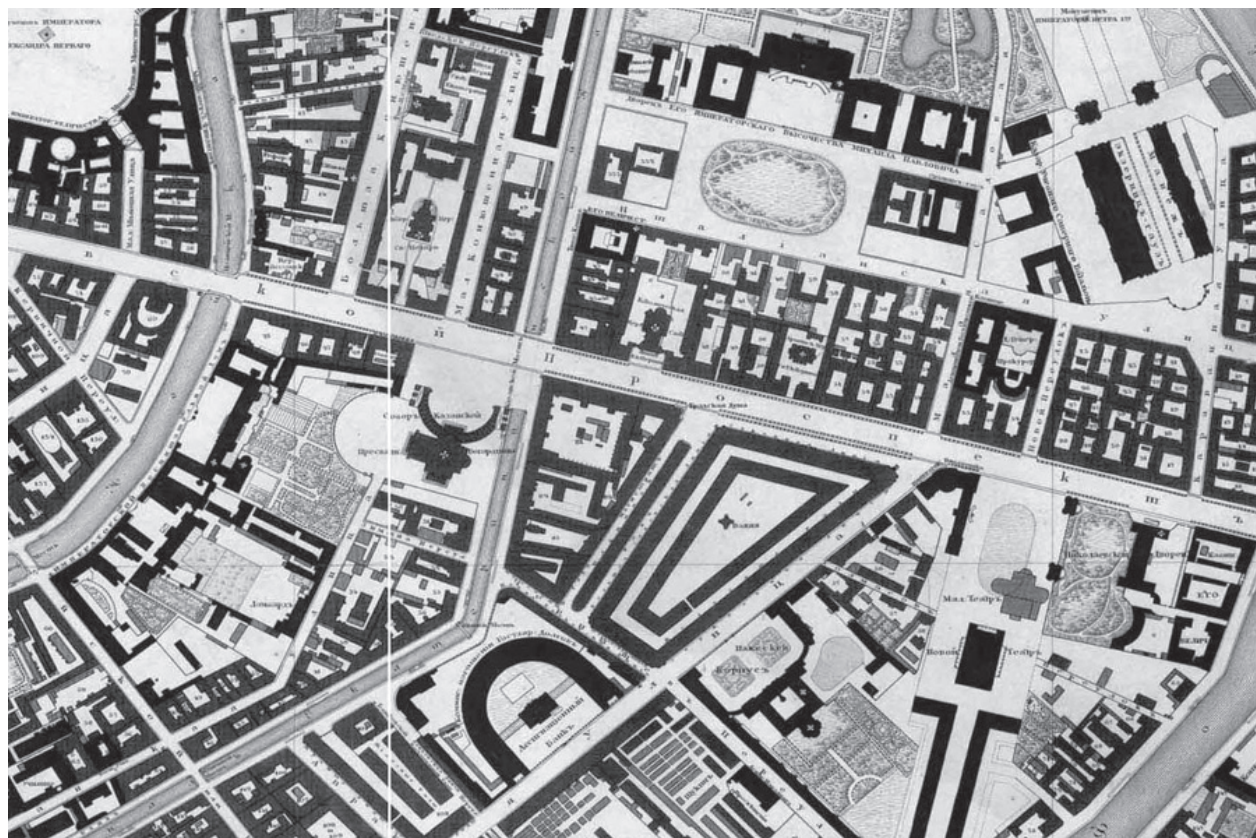

Рис. 2. Фрагмент плана Ф. Ф. Шуберта с указанием Казанского собора и прилегающих улиц, 1828 г.

Рис. 3. Центральная часть Воронихинской ограды (1811–1812 гг.) на Казанской улице. Современное фото. Вид с юго-востока

С северной стороны периметр ограды замыкал флигель Сиротского дома, построенный в 1809–1810 гг., предположительно по проекту самого А. Н. Воронихина. Спустя 30 лет его перестроил и дополнил третьим этажом архитектор П. С. Павлов. Ныне в этом здании располагается седьмой корпус общежития аспирантов РГПУ им. А. И. Герцена (рис. 4). Южную часть периметра ограды в 2003–2005 гг. композиционно замкнуло многоэтажное здание многофункционального коммерческого центра с модным ныне стеклянным фасадом работы архитекторов М. А. Рейнберга и А. Г. Шарова (ул. Казанская, д. 3А), завершив, таким образом, двухвековую историю формирования архитектурного облика северной оконечности Казанской улицы. Спорная эстетика этого сооружения до сих пор широко обсуждается городской общественностью и уже признана одной из многочисленных градостроительных ошибок нашего времени (рис. 5).

Первоначально периметр между оградой и западным фасадом Казанского собора был вымощен

булыжным камнем и представлял собой большую площадь, как, впрочем, и по другим сторонам собора. В 1865 г. площадь у западного фасада была превращена в сквер (проект академика архитектуры Г. Х. Штегемана и садовника И. Альвардта), а в 1899–1900 гг. аналогичная работа была проделана перед северным фасадом. В советское время, с 1932 по 1991 гг., Казанский собор был Музеем истории религии и атеизма. Богослужения в нем в этот период не проводились.

В 1935 г. центральную часть сквера у западного фасада украсил гранитный фонтан-конеполка работы Ж. Тома де Томона. Созданный еще в 1809 г., фонтан первоначально находился на Царско-сельской дороге и питался водой из источника на Пулковских высотах (рис. 6). Точных данных о дате асфальтирования Казанской улицы в нашем распоряжении не имеется. Однако хорошо известно, что Невский проспект был покрыт асфальтом еще в довоенное время. В любом случае валунное мощение проезжей части прекрасно сохранилось под

Рис. 4. Северная часть Воронихинской ограды в соотношении с Казанским собором и Сиротским домом (ныне седьмой корпус РГПУ им. А. И. Герцена)

асфальтом, что хорошо маркирует УДП данного участка местности дореволюционного периода.

В завершение обзора укажем, что в 2001 г. на территории у Казанского собора были осуществлены археологические наблюдения археологами КГИОП г. Санкт-Петербурга в ходе обследования собора специалистами НПИ «Спецпроектреставрация» (главный архитектор проекта М. И. Коляда) и фирмы «Эркон» (архитектор Б. С. Лапшин). Серия заложённых тогда шурфов позволила определить характер и мощность культурного слоя на прилегающих к фундаменту участках, а также в сквере у северного фасада собора (Плоткин, 2003. С. 101–111).

Археологический контроль над проводимыми строительными работами включал: фиксационные обмеры с зарисовкой профилей стенок траншей, раскрытие и зачистка попавших в створ траншей фундаментных конструкций, а также общий мониторинг соблюдения мер безопасности по сохранению объектов культурного наследия при

проведении земляных работ в историческом центре Санкт-Петербурга.

Территориально зона обследования была разделена на два участка (рис. 7): 1) непосредственно северная оконечность Казанской улицы (от Казанского собора до Невского проспекта); 2) Воронихинский сквер с одноименной оградой. Пространство за Воронихинской оградой (территория РГПУ им. А. И. Герцена) к зоне обследования не относилось вследствие полного отсутствия культурных наслоений и «стерильности» грунта в раскрываемых траншеях. Зачисткам и обмерам с внешней стороны решетки подверглись лишь части фундамента ограды в местах их пробивки для прокладки линий электрокабелей (шурфы I–IV и V–VIII).

Сектор обследования по Казанской улице

Раскрытие участка северной оконечности Казанской улицы выявило переотложенность грунта и наслоений вследствие многочисленных коммуни-

Рис. 5. Южная часть Воронихинской ограды в соотнесении с многофункциональным коммерческим центром

Рис. 6. Фонтан-конеполка работы Ж. Тома де Томона (1809 г.), установленный в Воронихинском сквере в 1935 г. Современное фото. Вид с востока

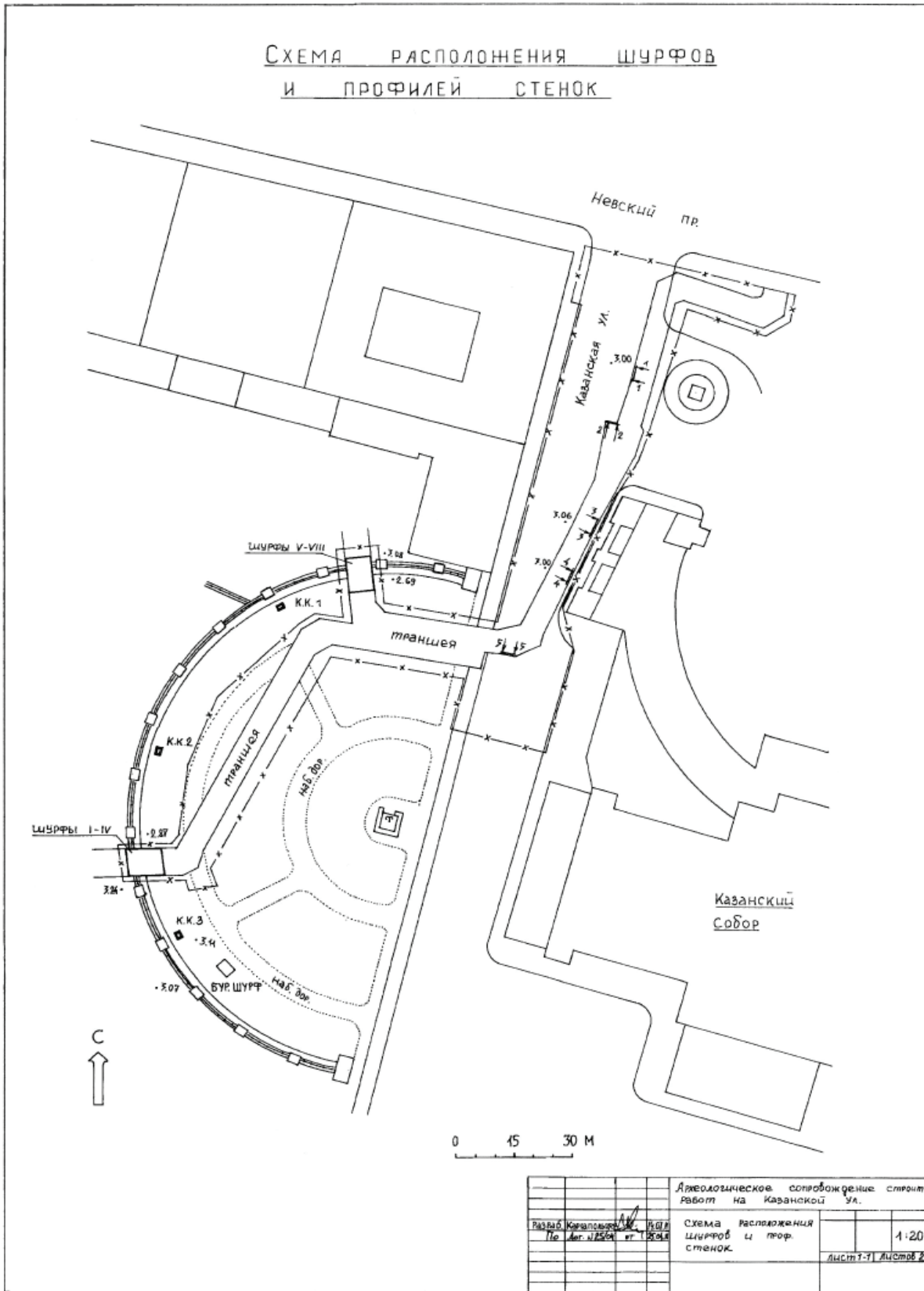

Рис. 7. Схема расположения археологических шурфов и профилей стенок строительной траншеи на Казанской улице

каций, проложенных ранее. Большинство из них отмечено на планах – общесплавная и блочная канализация, водопровод, газопровод, но есть и заброшенные магистрали электро- и водокommunikаций. По этой причине выборка грунта рабочими производилась преимущественно ручным способом. Данное обстоятельство существенно облегчило и процесс сохранения остатков строительных конструкций XVIII в., встреченных в профилях стенок прокладываемой траншеи (рис. 8).

Подосновой для нанесения объектов на карту для нас стала копия топографического плана Центрального района, составленная СПб ГУП «Трест геодезических работ и инженерных изысканий». В качестве исходной базы плана была использована местная система координат 1964 г. и Балтийская система высот 1977 г. (далее – БС). Заложённая траншея для прокладки электромагистрали и строительства организованных выходов кабельных линий в основном повторяла очертания газовой магистрали, проложенной СМУ-2 треста № 3 «Ленгазсетьстрой» в 1949–1950 гг. (проект октября 1949 г.). Неожиданным оказалось присутствие булыжного мощения под слоем асфальтобетона. Данное обстоятельство сви-

Рис. 8. Строительная траншея на Казанской улице в слое XVIII в. Вид с юга

детельствует о восстановлении участков мощения после прокладки газопровода, а следовательно, и об отсутствии асфальтового покрытия Казанской улицы, как минимум до 1950-х гг.

Работы по прокладке и раскрытию траншеи, таким образом, проводились по уже потревоженным участкам улицы и не повредили ни одной фундаментной конструкции ниже современного УДП. В профилях же стенок траншеи встречались остатки сооружений старого Петербурга, датировать которые можно не позднее рубежа XVIII–XIX вв., т.е. временем начала строительства Казанского собора. В ряде случаев удалось проследить и весьма качественную по наглядности стратиграфию культурных наслоений, не потревоженных более поздними работами. Данные профили были зафиксированы и пронумерованы с привязкой к местности (рис. 9).

Раскопки объектов и горизонтов наслоений в задачу работ не входили ни организационно (согласование с КГИОП г. Санкт-Петербурга), ни технически. Главной проблемой здесь были как границы землеотвода зоны работ, выходить за пределы которой мы не имели права, так и слой перекрывающего их асфальта. Все, что было в наших возможностях, не задерживая плановых сроков строительно-монтажных работ, – произвести необходимые зачистки и обмеры. Ни одна из встреченных в стенках траншеи конструкций не пострадала и была полностью сохранена *in situ*. Ниже приводим краткое описание этих профилей.

1. Профиль 1–1 западной стенки траншеи с фрагментом деревянного сруба

Остатки конструкции были зафиксированы под слоями асфальта (0,17 м), подстилающих его булыжной мостовой (около 0,15 м) и светлого песка с включением мелких камней (0,10–0,20 м), на глубине 0,60 м от УДП (3,00 м БС). От восточной стенки сруба сохранились четыре венца, скрепленных «в обло». Диаметр очищенных от коры бревен составляет 0,20–0,22 м. Сруб уходит южным краем в стенку траншеи, поэтому определить его длину оказалось затруднительно (рис. 9; 10). Сопровождающий слой – бурый суглинок с включениями мелких камней и битого кирпича. Следов фундамента под нижним венцом бревен не зафиксировано. Высота раскрытого фрагмента сруба составляет 0,95 м, общая глубина траншеи на данном участке 2,35 м. При поверхностном осмотре, не производя раскопочных работ, определить назначение сруба не представляется возможным. Глубина залегания нижнего его венца может указывать на УДП XVIII в., что находится на 1,65 м ниже современного УДП.

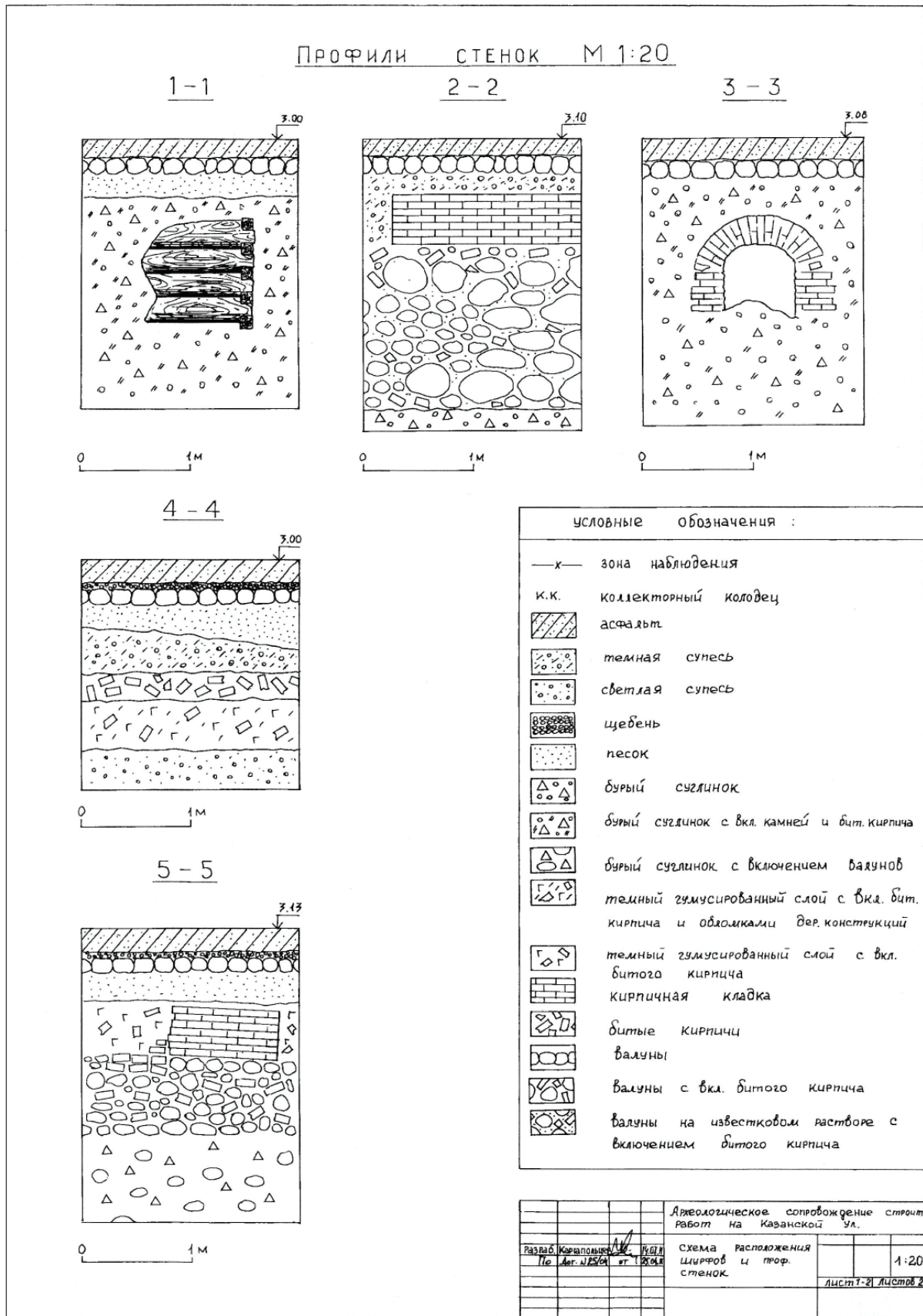

Рис. 9. Профили стенок траншеи на Казанской улице

Рис. 10. Профиль 1–1 западной стенки траншеи с фрагментом деревянного сруба XVIII в. Вид с востока

Рис. 11. Профиль 2–2 северной стенки траншеи с остатками фундамента XVIII в. Вид с юга

2. Профиль 2–2 северной стенки траншеи с остатками фундамента

Конструкция была зафиксирована на глубине 0,50 м от УДП (3,10 м БС) под слоями асфальта (0,15 м), булыжной мостовой (около 0,15 м) и бурой супеси (0,20 м). Кирпичная стенка с демонтированной верхней частью сохранилась на высоту 0,45 м (семь рядов неклеяемых кирпичей размерами 0,25–0,27 x 0,12 x 0,05 м). Основанием кирпичной кладки является полуметровый слой валунного камня (диаметр валунов от 0,10 до 0,60 м) на известковом (цемяночном) растворе с включением битого кирпича (цемяночный раствор, широко использовавшийся в дореволюционное время для крепления фундаментных конструкций и обмазок, состоял из смеси извести, цемента и тертой глины, разведенной на воде). Восточная часть фундамента оказалась «срезана» ранее проложенными траншеями для коммуникаций (рис. 9; 11). Ниже валунного слоя, до дна траншеи прослежена прослойка бурого суглинка (0,20 м). Общая глубина траншеи на данном участке составила 2,65 м. Сооружение в непосредственной близости от фундамента кабельного колодца не затронуло остатков сохранившейся части конструкции.

3. Профиль 3–3 восточной стенки траншеи с остатками водоотводного коллектора ливневой канализации

Потревоженный створ коллектора был зафиксирован на глубине 0,95 м от УДП (3,06 м БС) под слоями асфальта (0,20 м), булыжной мостовой (около 0,15 м) и бурого суглинка с включениями камней и битого кирпича (0,60 м). Этот же слой также окружает и подстилает кирпичную кладку створа коллектора. Общая глубина траншеи на данном участке составила 2,60 м от УДП (0,50 м было перед укладкой кабельных линий присыпано).

Определить точные параметры полуразрушенного коллектора не представляется возможным. С учетом частично уцелевших ряда кирпичей арочного свода, ряда кирпичей дна коллектора и двух рядов боковых стенок, общая высота конструкции могла достигать 0,70–0,80 м, ширина – около 1,00 м. Внутреннее пространство коллектора имело высоту 0,50–0,70 м, ширину 0,65 м (рис. 9). Временем сооружения коллектора ливневой канализации является, по-видимому, период строительства Казанского собора (1801–1811 гг.).

4. Профиль 4–4 восточной стенки траншеи с напластованиями слоев грунта и строительного мусора

В нем не было замечено остатков конструкций городской застройки XVIII – начала XIX вв., однако он хорошо отражал стратиграфию нарушений культурного слоя на прилегающей к Казанскому собору территории (УДП 3,00 м БС). Под слоем асфальта (0,20 м) и подстилающего его щебня (0,05 м) расположен ряд валунов уличного мощения (диаметром около 0,15 м). Валуны мостовой подстилает слой светлого песка толщиной 0,20–0,40 м, ниже которого отмечена прослойка темной супеси примерно такой же толщины (0,20–0,35 м). Глубже этих прослоек фиксируется четко выраженный слой битого кирпича почти одинаковой толщины (0,25 м). Нижний уровень профиля образует слой светлой супеси толщиной около 0,35 м (рис. 9; 12).

Общая глубина траншеи составила 2,05 м (часть траншеи была присыпана накануне обмеров). Анализируя представленную стратиграфию, можно предположить, что именно слой битого кирпича диагностирует уровень древней дневной поверхности периода строительства Казанского собора. Примерно на этом же уровне (0,90–0,95 м) был устроен

и расположенный поблизости коллектор ливневой канализации начала XIX в. (профиль 3–3).

5. Профиль 5–5 южной стенки траншеи с остатками фундамента

Конструкция была зафиксирована на глубине 0,60–0,70 м от УДП (3,13 м БС) под слоями асфальта (0,20 м), щебня (0,05 м), булыжной мостовой (около 0,15 м) и песка (около 0,30 м).

Покосившаяся кирпичная стенка с демонтированной верхней частью сохранилась на высоту 0,45 м (семь рядов неклеяемых кирпичей). Основанием кирпичной кладки является слой валунного камня толщиной 0,60 м (диаметр валунов 0,10–0,20 м) с незначительными включениями битого кирпича. К кирпичной кладке с двух сторон примыкает слой темного гумусированного грунта с включениями битого кирпича и строительного мусора. Ниже валунного слоя, до дна траншеи прослежена прослойка бурого суглинка с включениями валунного камня высотой 0,90 м. Общая глубина траншеи на данном участке составила 2,70 м (рис. 9; 13). Сооружение в непосредственной близости от фундамента кабельного колодца не затронуло остатков сохранившейся части конструкции.

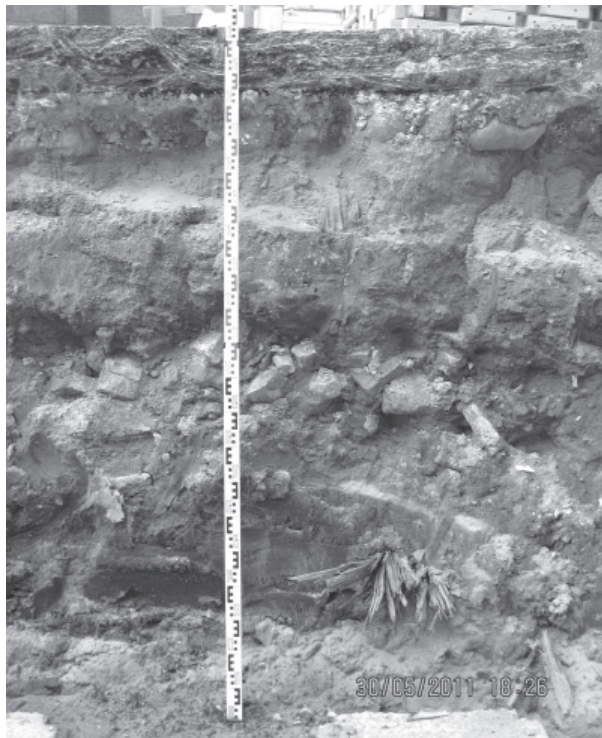

Рис. 12. Профиль 4–4 восточной стенки траншеи с напластованиями слоев грунта и строительного мусора XVIII – начала XIX вв. Вид с запада

Рис. 13. Профиль 5–5 южной стенки траншеи с остатками фундамента XVIII в. Вид с севера

Несомненный интерес представляет сходство зафиксированной стратиграфии с профилем 2–2. В обоих случаях остатки кирпичной кладки фундаментов сохранились на семь рядов кирпичей (0,45 м) и находятся примерно на одной глубине залегания от УДП (0,50–0,70 м). Данное обстоятельство свидетельствует о преднамеренной нивелировке местности в период строительства собора. Разница между отметками УДП нашего времени и в конце XVIII в. составила 0,90–1,10 м. Судя по еще большей глубине залегания остатков бревенчатого сруба (1,65 м), зафиксированного в профиле 1–1, время его сооружения относится к периоду городской застройки, более раннему, чем строительство кирпичных фундаментов в профилях 2–2 и 5–5.

В целом же стенки траншеи указывают на неоднократные нарушения культурных слоев предшествующих периодов. После прокладки кабельных линий и сооружения смотровых колодцев траншея была засыпана, а проезжая часть и сектор сквера восстановлены в прежнем виде (рис. 14).

Рис. 14. Общий вид траншеи на Казанской улице с монтируемым футляром для кабельных линий электромагистралей. Вид с юга

Сектор обследования в Воронихинском сквере

Выборка грунта при прокладке траншей в Воронихинском сквере показала полное отсутствие выраженной стратиграфии слоя. Никаких конструкций и диагностирующих наслоений в ходе работ зафиксировано не было. В целом раскрываемый грунт (в верхних слоях гумусированная супесь, в нижних – светлый песок и темный суглинок) не представлял никакого археологического интереса. Отметим лишь массовое присутствие битой садовой керамики и некоторые из сопроводительных находок – мелкие аптечные бутылочки из стекла, фрагменты каминной облицовки, битая фарфоровая посуда, битая пивная бутылка с клеймом «БАВАРИЯ С. ПЕТЕРБУРГЪ УЧР. 1863 г.» (рис. 15) и пр.

Рис. 15. Пивная бутылка с надписью «БАВАРИЯ С. ПЕТЕРБУРГЪ УЧР. 1863 г.» из слоя XIX в. в Воронихинском сквере

Главной задачей археологического сопровождения строительных работ в Воронихинском сквере стало исследование участков прохода кабельных линий в подцоколье Воронихинской ограды. В местах пробивки верхней части фундамента ограды было заложено две группы индикационных шурфов: на участке между девятой и десятой колоннами (нумерация с севера) – шурфы I–IV, на участке между второй и третьей колоннами – шурфы V–VIII (рис. 16). Отказ от прокладки кабельных линий под фундаментом ограды был вызван двумя основными причинами: во-первых, присутствием грунтовых вод в подстилающем фундамент горизонте (уровень глубины проходки составил бы не менее трех метров); во-вторых, риском обрушения конструкции цоколя и фундамента ограды при сооружении проходов.

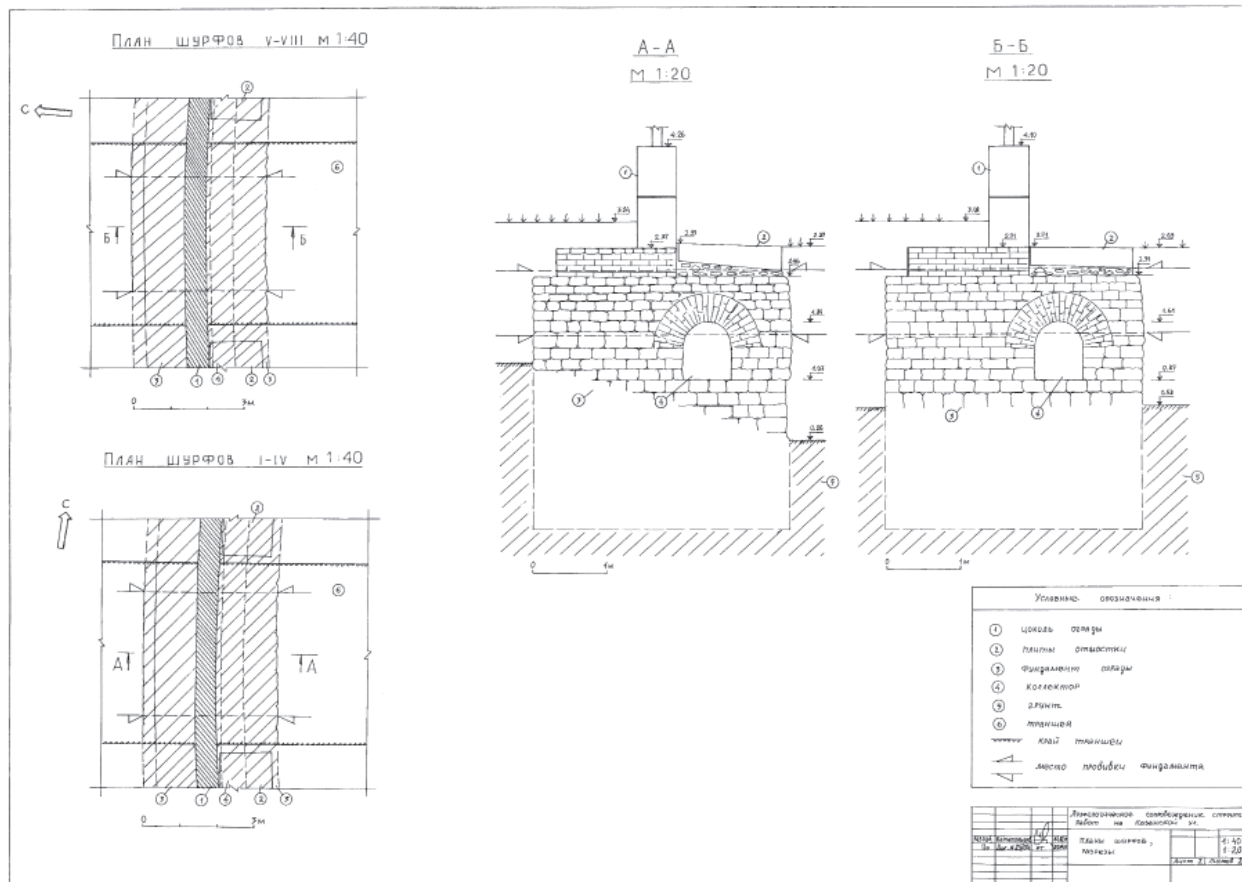

Рис. 16. Планы и разрезы шурфов

Строительным работам на данных участках предшествовал комплекс мер по укреплению гранитного цоколя ограды горизонтальными стяжками на верхнем и нижнем уровнях. Специальными соединительными болтами все стяжки были зафиксированы между собой, что позволило избежать просадок блоков цоколя и опирающихся на них пролетов чугунной решетки ограды.

В шурфах I–IV (общая площадь 16 кв. м) была зафиксирована следующая конструкция цоколя и фундамента ограды (выборка грунта производилась исключительно ручным способом с промежуточными зачистками раскрываемых горизонтов): двухъярусный гранитный цоколь ограды подстилала блочно-кирпичная кладка подцоколя (четыре ряда кирпичей и над ними ряд лещадной обработанной плитки из известняка). Общие размеры гранитного цоколя составляют: высота 1,39 м, ширина 0,52 м; высота кирпичного подцоколя 0,41 м, ширина 1,63 м. С внутренней стороны ограда имеет отсыпку из массивных гранитных плит (при снятии плиты были про-

нумерованы и по окончании работ возвращены на свои места). С внешней стороны отсыпка ограды была выполнена из кирпича и по уровню являлась продолжением подцоколя. Однако за 200 лет со времени возведения ограды со стороны территории РГПУ им. А. И. Герцена образовался почвенный слой: зафиксированный там УДП выше на 0,35–0,37 м, чем с внутренней стороны ограды. Фундамент ограды шириной 3,50 м сложен из обработанных известняковых плит на растворе. Точную высоту фундамента, т.е. нижний уровень его основания, определить не удалось из-за обильного поступления грунтовых вод в шурфы на отметке 0,26 м БС. С учетом показателя УДП в шурфах на уровне 2,87 м БС, максимальная глубина выборки грунта с внутренней стороны ограды составила 2,61 м (рис. 17).

В этом секторе работ самым интересным и неожиданным оказалось присутствие внутри фундамента ограды водоотводного коллектора ливневой канализации. Сделанный зондаж показал, что коллектор ориентирован вдоль фундамента

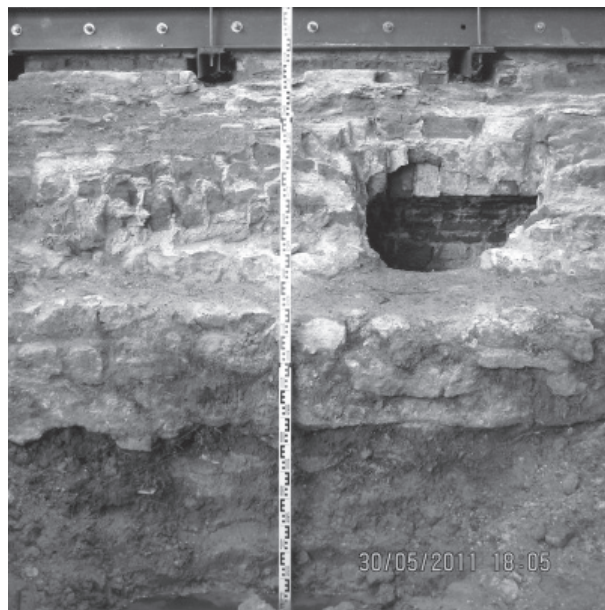

Рис. 17. Шурфы I–IV: раскрытие фундамента Воронихинской ограды и зондирование сопряженного с ним коллектора ливневой канализации. Вид с востока

Рис. 18. Шурфы I–IV: промер остаточной глубины створа коллектора ливневой канализации. Вид с севера

ограды и расположен ближе к внутреннему его краю (рис. 18). Арочный свод тоннеля коллектора образует двухрядная кирпичная кладка, боковые стенки и дно – известняковые плиты (рис. 19). Высота внутренней полости створа коллектора 0,77 м, ширина 0,65 м. Дно коллектора по линии разреза А–А находится на уровне 1,07 м БС, что означает перепад высот относительно нижней отметки нахождения гранитного цоколя ограды (2,87 м БС) в 1,80 м.

Работы по демонтажу подцоколя и верхней части фундамента не нарушили несущих способностей конструкции ограды и водоотводной функции коллектора. Разобранный участок арки на ширине прохода был укреплен подпорными стенками, а раскрытый створ водотока перекрыт поперечными плитами. Таким образом, ширина прохода для прокладки кабельных линий составила 3,10 м, высота – 0,82 м. Следует отметить также высокие прочностные характеристики строения, кирпичная и каменная кладки которого поддавались лишь воздействию пневматических отбойных молотков. После прокладки линий электрокабелей (выбранный материал был использован для сооружения наклонных пандусов по обеим сторонам ограды) траншея и пространство шурфов были вновь засыпаны, а плиты гранитной отмостки возвращены на свои места. Еще раз отметим, что просадки гранитных блоков цоколя ограды в ходе работ зафиксировано не было (рис. 20).

Шурфы V–VIII (16 кв. м), заложенные на северном участке проходки, фиксируют в целом однотипную ситуацию конструкции фундамента и встроенного в него коллектора ливневой канализации. Незначительно отличаются лишь величины высотных отметок цоколя ограды, гранитных плит отмостки и прилегающего почвенного слоя.

Избегая излишних подробностей, приведем лишь основные результаты сделанных измерений: глубина выборки слоя 2,11 м; высота раскрытой части фундамента от блоков цоколя до его края 1,65 м; высота подцоколя ограды 0,45 м. Размеры вынутаго из кладки подцоколя кирпича составляют 0,23 x 0,11 x 0,05 м.

Наиболее принципиальным фактом обследования данного участка ограды является фиксация понижения уровня дна коллектора (0,87 м БС), по сравнению с соответствующим показателем в шурфах I–IV (1,07 м БС). Отмеченная разница в 0,20 м указывает на уклон водооттока коллектора в сторону Казанской улицы (рис. 16).

Однотипными оказались и меры по укреплению подцоколя, верхней части фундамента и арки водотока коллектора на участке их демонтажа для прокладки кабельных линий. Дополнительно укажем лишь параметры проходочного отверстия – 3,30 x 0,84 м.

Рис. 19. Шурфы I–IV: внутренняя часть коллектора ливневой канализации 1811 г. Вид с юга

Рис. 20. Подведение под цоколь Воронихинской ограды кабельных линий электромагистрали. Вид с юго-востока

После монтажа кабельных линий электромагистрали пространство траншеи и шурфов было засыпано, а плиты гранитной отмостки ограды возвращены на свои прежние места. По окончании работ также не было отмечено и просадки гранитных блоков цоколя ограды.

В зоне непосредственной близости к гранитным плитам отмостки Воронихинской ограды было также зафиксировано три коллекторных колодца, которым для наглядности были присвоены порядковые номера. Расположение колодцев симметрично: крайние находятся у четвертых колонн ограды, средний – в самом центре ограды между седьмой и восьмой колоннами (рис. 7).

Поскольку данные колодцы имеют выходы в изученный нами водоотводной коллектор ливневой канализации, есть все основания считать их синхронными всему комплексу ограды и, соответственно, датировать время их сооружения 1811–1812 гг. Можно предположить, что первоначально колодцы имели открывающиеся защитные решетки, а их назначение было двояким – сбор ливневых и талых вод (верхневодков), а также доступ в коллектор для его очистки от засоров. Отметим также, что, несмотря на двухсотлетний возраст, система водоотвода и по сей день является действующей. Оригинальность ее вида и большую углубленность относительно УДП нарушают лишь бетонированные горловины выходов, сооружение которых объясняется избыточным нарастанием почвенного слоя на территории сквера, на данный момент значительно превышающего уровень плит гранитной отмостки ограды.

По завершении строительных работ все задачи, поставленные перед архитектурно-археологическим исследованием данной территории, были полностью решены. Подобного рода взаимодействие строителей и археологов крайне важно, так как расширяет возможности в получении материалов об истории и этапах формирования имперского Санкт-Петербурга (Каргапольцев, 2010. С. 95–103).

Источники и литература

Аплаксин А. П., 1911. Казанский собор. Исторические исследования о соборе и его описание. СПб. Ч. I–III.

Казанский собор. Исторический очерк строительства и церковной жизни. СПб., 2001.

Каргапольцев С. Ю., 2010. Проблемы и перспективы музейной археологии в системе современных тенденций градостроительного развития // Доклады 67-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. СПб. Ч. IV.

Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н., 2009. Архитектурно-археологические изыскания на территории Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге (сезон 2008 г.) // Петровское время в лицах – 2009: к 300-летию Полтавской битвы (1709–2009): Материалы научной конференции. СПб. (Труды ГЭ. [Т.] XLVII).

Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н., 2010. Архитектурно-археологические изыскания на территории Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге // Призвание – история. Сб. статей к 55-летию профессора Ю. В. Кривошеева / Отв. ред. А. А. Мещенина, Р. А. Соколов. СПб. (Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 2).

Новый план столичного города и крепости Санкт-Петербурга. Оригинальный чертеж сего плана находится в архиве главной полиции / Гравер: Х. М. Рот. СПб., 1776.

План города С. Петербурга / Составитель: И. Фитцтум. СПб., 1821.

План столичного города Санкт-Петербурга с изображением значнейших оного проспектов, изданный Трудями Императорской Академии Наук и Художеств в Санкт-Петербурге 1753 года / Составитель: И. Ф. Трускотт и др. Гравер: И. Соколов и др. Художник: М. И. Махаев. СПб., 1753.

Плоткин К. М., 2003. Архитектурно-археологические исследования Казанского собора в 2001 г. // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 1.

Подробный план столичного города С. Петербурга, снятый по масштабу 1/4200 подь начальством генераль-маіора Шуберга. СПб., 1828.

Собрания карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях: Материалы 5-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения (Санкт-Петербург, 10 марта 2010 г.). СПб., 2010.

Археологический надзор за земляными работами на шпиге Меншикова бастиона Петропавловской крепости

В. А. Лапшин, В. И. Кильдюшевский

В 2012 г. в связи началом реставрационных работ на Меншиковом бастионе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге Отделом охранной археологии ИИМК РАН был проведен археологический надзор за земляными работами на площадке шпиге бастиона.

Район устья Невы издавна был заселен финскими племенами – водью и ижорой. Массовое заселение побережья Невы русским и ижорским населением происходило после строительства крепости и заключения в 1323 г. Ореховецкого мирного договора, установившего границу между Новгородской республикой и Швецией. Земли по течению Невы входили в состав Ореховецкого и Спас-Городенского погостов Водской пятины Новгородской земли (ВМОИДР, 1851). На этих землях находилось значительное количество русских и ижорских поселений, население которых занималось рыболовством, земледелием и торговлей. Большая часть поселений состояла из одного–трех домов. Однако на Васильевском и Петроградском островах, в районе Смольного, в устье Охты располагались селения, состоявшие из 13–36 дворов (Лебедев, 1996. С. 26–28).

В начале XVII в., по Столбовскому мирному договору 1617 г., эти земли отошли к Швеции. По условиям договора часть русского населения покинула эти места. На их место были переселены финские крестьяне из-под Выборга. К концу XVII в., судя по шведским картам, большая часть поселений находилась по берегам Невы, Охты, вдоль сухопутной дороги в Нотебург (Орешек), проходившей по левому берегу Невы (Гиппинг, 1909; Лаппо-Данилевский, 1913). На островах дельты Невы поселений было очень мало, что было связано с постоянными наводнениями. Высота большей части островов дельты Невы не превышала 3 м от уровня моря (Сорокин, 1996. С. 22, рис. 1). Самым крупным населенным пунктом на территории Санкт-Петербурга в XVII в. был город Ниен и крепость Ниеншанц, располагавшиеся на мысу при впадении Охты в Неву. Это был крупный торговый город с мощной крепостью и укрепленным посадом (Сорокин, 2001).

Весной 1703 г. после непродолжительной осады русскими войсками под командой фельдмаршала Б. П. Шереметева крепость сдалась. После взятия, она была переименована Петром I в Шлотбург (Замок-город). На военном совете было решено искать новое, более удобное место для строительства крепости, а шведские укрепления срыть, чтобы они не могли стать опорным пунктом для шведов. И такое место было найдено. На острове Енисаари (Заячий) в дельте Невы, по приказу Петра I началось строительство Санкт-Петербургской крепости. Она должна была играть роль плацдарма для наступательных и оборонительных целей и вместе с Кроншлотом и Адмиралтейской крепостью надежно прикрывать акваторию Невы от действий шведского флота.

До начала строительства Заячий остров имел длину 750 м и ширину не более 360 м, первоначальные отметки острова составили 1,5–1,7 м по балтийской системе координат. На самой высокой, северной части острова были выстроены три бастиона: Зотов, Головкин и Меншиков. С юга со стороны Невы бастионы были выдвинуты далеко в воду: Государев – наполовину, а Трубецкой и Нарышкин – целиком (Лебедев, 1997. С. 3–7, рис. 2). Низкий, заливаемый во время наводнений остров требовал большого объема земляных работ. По свидетельству современников-иностранцев, на строительстве земляной крепости работало до 20 тыс. человек, собранных со всей России (Беспярых, 1991. С. 49, 91–92). Первым из бастионов деревоземляной крепости был заложен Государев. Это событие состоялось 16 (27) мая 1703 г. Следом были заложены бастионы с северной, наиболее опасной с точки зрения нападения шведов, стороны – Меншиков (в северо-восточной части крепости), Головкин и Зотов. Первоначальная земляная крепость была завершена 1 октября 1703 г.

Меншиков бастион, как и другие бастионы, был поставлен на ряжи – квадратные в плане срубы, состоявшие из пяти–шести венцов бревен диаметром до 0,30 м (Иогансен, 1984. С. 54). Ряжи были слегка заглублены и заполнены камнями. Это экономило время, рабочую силу и строительные

материалы. На ряжевые основания были насыпаны земляные валы бастионов высотой до 7 м. Наружная поверхность насыпи вала были покрыта дерном, который крепился деревянными кольями. Дерн укладывался по всей поверхности вала «внахлест». Для защиты от размывания водой низ эскарповых (внешних) стен защищали бревенчатые обрубы, которые имели сверху покрытие из толстых досок. Валганговые (внутренние стены) крепостного вала были вертикальными и имели дощатую обшивку. Внутри валов находились рубленые казармы с дверными проемами внутрь крепости. Амбразуры отсутствовали. Казармы были перекрыты потолочными бревнами со сплошным бревенчатым накатом на всю их длину. Для гидроизоляции сверху наносился толстый слой глины. Поверх глины производилась засыпка землей толщиной до 2–3 м. Над земляной насыпью были возведены земляные брустверы – «грудные стенки» – высотой около 1,50 м для укрытия артиллеристов. К левому фасу бастиона с напольной стороны крепости была приставлена земляная фоссебрея – пониженный вал впереди высокого главного вала оборонительной ограды, параллельный последнему, с установленными на его верхней площадке дополнительными орудиями.

Продолжавшаяся Северная война (1700–1721 гг.) требовала для защиты новой столицы Российского государства сооружения более мощных укреплений. 30 мая 1706 г. в день рождения Петра I на месте деревоземляной крепости 1703 г. была заложена новая каменная крепость. Перестройка началась с Меншикова бастиона, так как эта часть крепости считалась самой уязвимой при атаке шведских войск. Первый камень в основание фундамента левого фаса Меншикова бастиона положил Петр I (Богданов, 1779. С. 37). Чертежи и модели крепости утверждал сам Петр I, а работами руководил Д. Трезини. Под фундаменты стен выкапывались рвы глубиной в одну сажень (2,13 м), в рвы забивались сваи длиной 6–8 м. При сооружении фундамента одной куртины или бастиона требовалось от одной до трех тысяч свай. По спиленным головкам свай устраивали свайный ростверк (верхняя часть свайного фундамента в форме решетки, которая объединяет все сваи в единую конструкцию). Ячейки, образованные бревнами, заполнялись щебнем и заливались известью. Фундаменты возводились из камня, а также кирпича. В 1708 г. было закончено возведение левого фаса и орильона (закругленный выступ, удлиняющий фас бастиона и позволяющий вести стрельбу вдоль его фланка). Он оказался на 10 футов выше старого вала. Бруствер был земляным.

Перестройка крепости растянулась на длительное время. В 1727 г. надзор за строительством крепости был поручен военному инженеру Б. Х. фон Миниху, под его руководством в 1730–1740-е гг. были завершены все основные строительные работы. Осенью 1728 г. произведены работы по устройству земляной плотины перед бастионом для ведения кладки фундамента ниже уровня воды в реке под строительство фасов и правого фланка бастиона. В 1729 г. под фундаменты бастиона было забито три тысячи сосновых свай, и была начата закладка фасов и правого фланка бастиона. Фундамент был возведен из бутового камня, а цоколь стен с наружной стороны выложен без обреза из постелистых известняковых плит. Кирпичные стены сложены из кирпича заводов Соловецких островов, Петергофа и Тосно. Камень доставлялся в основном с Тосненской каменоломни. Эскарповые стены имели высоту 10,0–11,5 м, толщина стен в подошвенной части 4,0–6,0 м, в верхней – 2,0–3,8 м.

Северные бастионы (в том числе и Меншиков) были поставлены по трассе первоначальной деревоземляной крепости. Эскарповые стены были изнутри усилены кирпичными контрфорсами, соединенными между собой в верхней части арками. Левый фас поддерживали семь, а правый – четыре контрфорса. Валганговые стены достигали в высоту 7,5 м, толщина их составляла 2,0–2,4 м. В толще правого фаса на стыке с правым фланком был построен пороховой погреб со сходом из первого каземата. В валганговой стене и толще левого фаса сделан квадратный в плане пороховой погреб, перекрытый кирпичным сводом. Во двор бастиона он выходил полуциркульным окном и дверью.

По плану Б. Х. Миниха, составленному в 1727–1729 гг., в левом фаса была запроектирована сортия (подземный ход), а в толще фасов – потерна (тайный ход), которые должны были служить для военных вылазок за пределы крепости. Но этот план не был претворен в жизнь. 31 августа 1730 г. Д. Трезини рапортовал об окончании строительства каменного бастиона Петра II (Меншикова): «... место того земляного построили вновь каменным строением фазы и фланк с казематами и орильоном и по углам каменные бутки». По предложению Б. Х. Миниха, вместо земляных были возведены кирпичные брустверы с открытыми бойницами. Между стенками фасов произведена засыпка грунтом и устроены валганги (рис. 1; 2). В 1830 г. открытые бойницы были заложены кирпичом и переоблицованы брустверные стенки (Степанов, 1996. С. 9). Видимо, в это время по верху эскарповой стены было положено еще пять рядов кирпичной кладки.

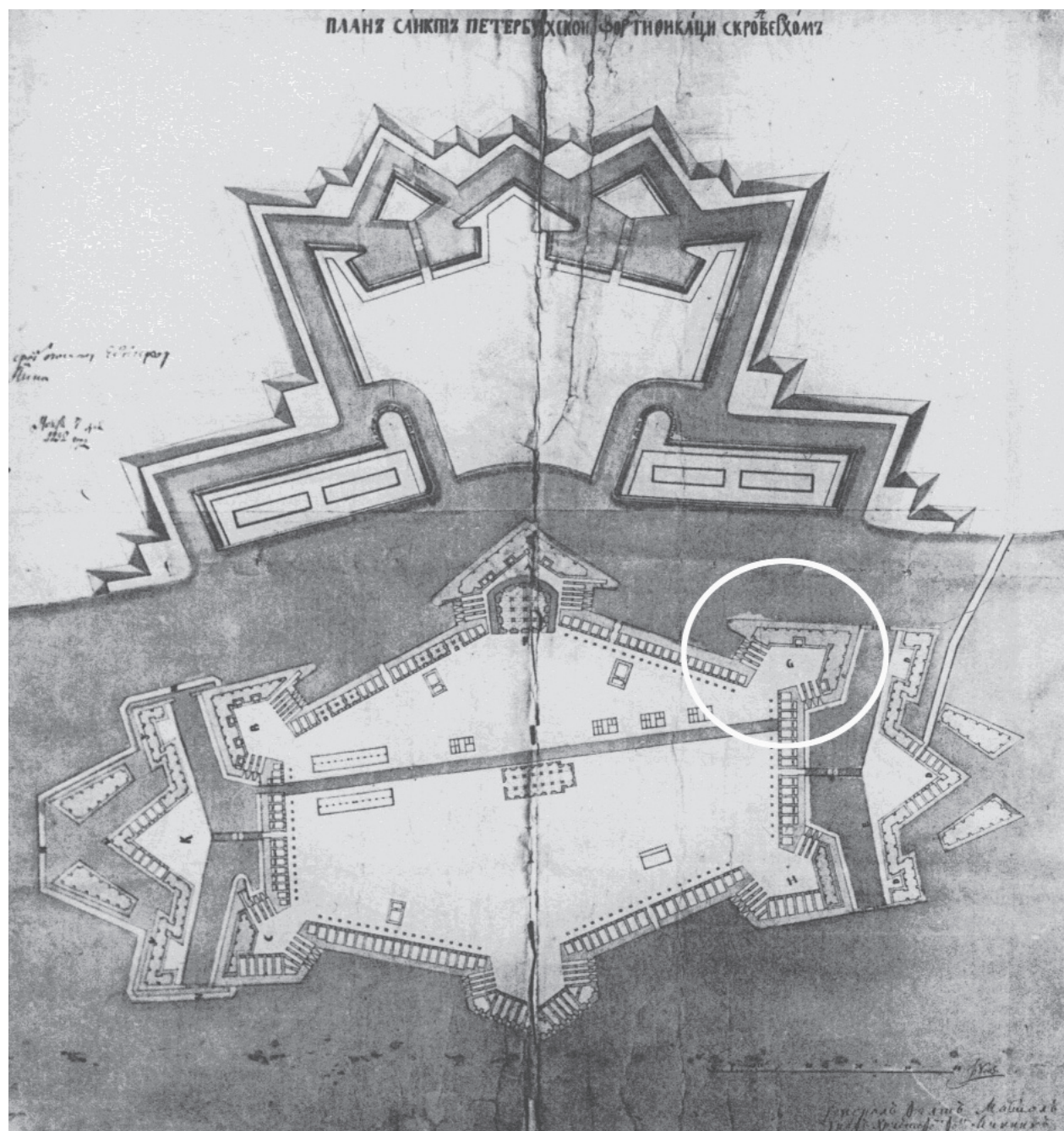

Рис. 1. План Санкт-Петербургской фортификации с кронверхом Б. Х. Миниха. 1732 г. с обозначением места проведения археологического надзора на Менишковом бастионе

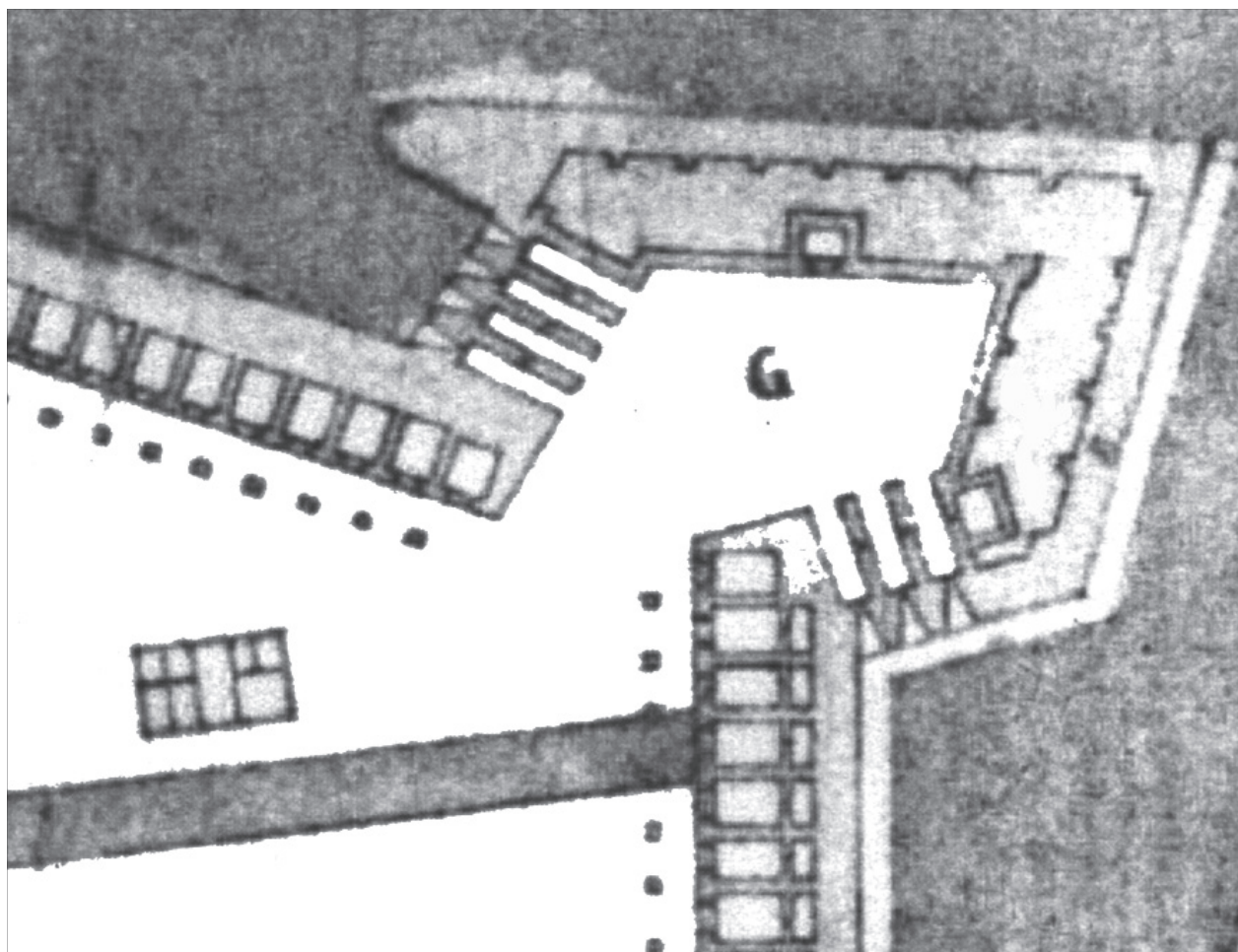

Рис. 2. Фрагмент плана Санкт-Петербургской фортификации с кронверхом Б. Х. Миниха. 1732 г. Меншиков бастион

Со второй половины XVIII в. до середины XIX в. стены Меншикова бастиона требовали постоянного ремонта в связи с разрушением кирпичной облицовки. Как правило, обветшавшую облицовку сбивали на глубину полтора–два кирпича и заменяли на новую. Такие работы проводились в 1777, 1790, 1800, 1830-х гг. Неоднократно ремонтировались и казематы правого и левого фаса. В 1960-е гг. шпиз (обращенная к противнику вершина угла, образованного фасадами бастиона) был покрыт бетонной стяжкой.

По проекту реставрационных работ планируется приспособление внутренней части бастиона под нужды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Предполагалось, что пространство между стенами заполнено строительным мусором. Техническое состояние внутренней части кирпичных стен не было известно.

Площадь археологического надзора на территории шпиза Меншикова бастиона составила 2837 кв. м (рис. 3). Земляные работы производились при помощи экскаватора. После снятия бетонной стяжки и песчано-щебеночной подушки с глиняным замком на уровне 9,0 м БС появился слой светло-серой супеси с примесью кирпичного боя. При дальнейших работах слой светло-серой супеси был снят до отметок 8,5–8,0 м БС. Он содержал разновременные находки от XVIII в. до первой половины XX в.

В результате этих работ на глубине 9,5–8,5 м БС выявлена кирпичная кладка крепостных сооружений Меншикова бастиона. Вдоль эскарповой стены на отметках 10,7–10,5 м БС выявлены 13 разгрузочных арок, которые опирались на контрфорсы. Они были сооружены из кирпича на известковом растворе. Пролет сводов составляет от 7,5 до 9,0 м (4–5 са-

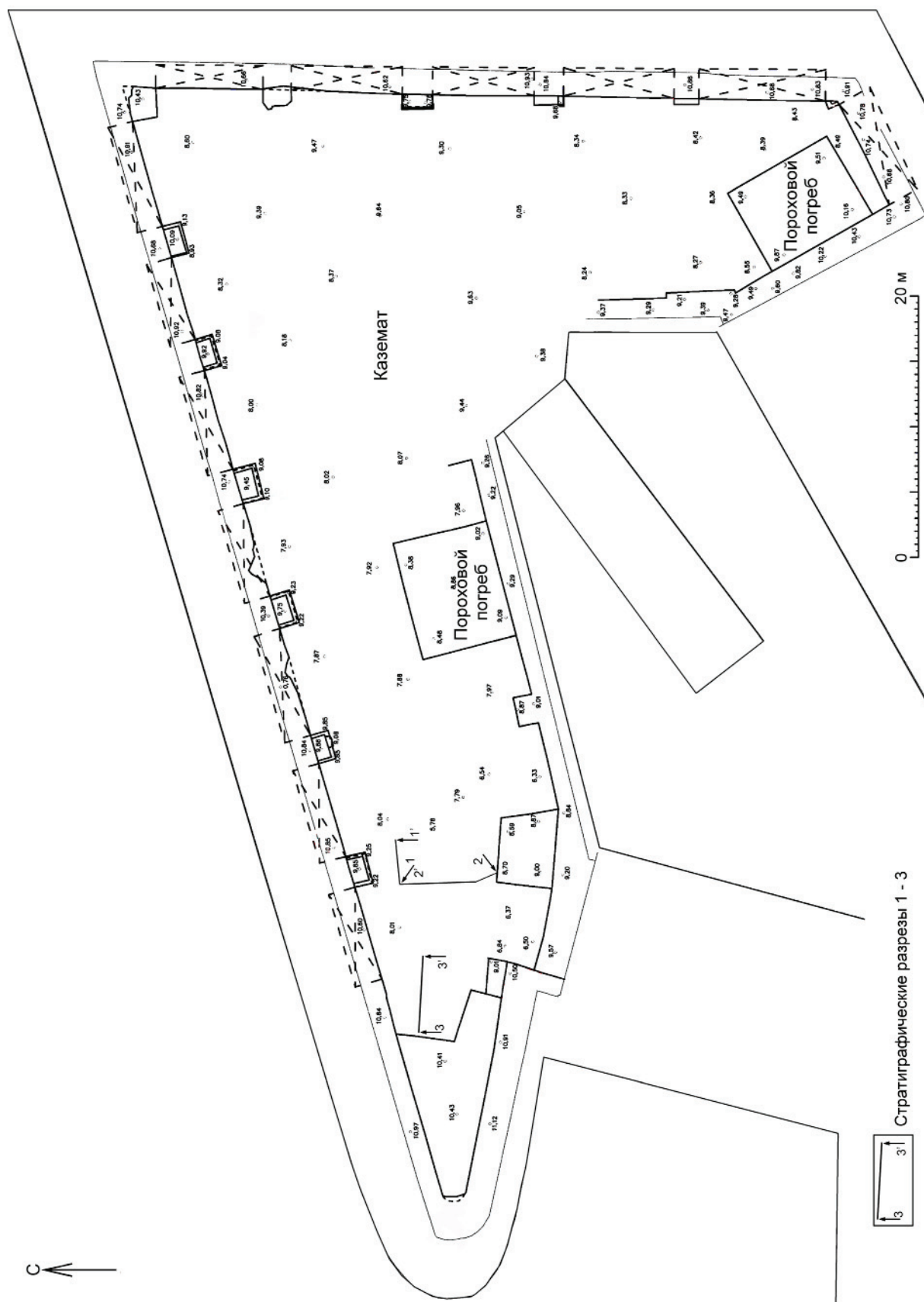

Рис. 3. План шпига Менишкова бастиона: 1-3 – стратиграфические разрезы 2012 г.

женей), ширина сводов – от 1,9 до 2,0 м, толщина сводов в пятах – четыре кирпича, в ключе – три кирпича. Кладка сводов опиралась на контрфорсы под углом около 45°, размеры контрфорсов 2,0–2,2 x 1,4–1,8 м. На отметках 9,1–9,2 м БС внутри кирпичной кладки каждого контрфорса выявлен кордон из лещадных плит. Сверху своды перекрыты кладкой в пять–шесть рядов кирпича. Размеры кирпича 25,0 x 11,5 x 5,5 см.

В правом фасе, в углу, расчищен пороховой погреб размерами 9,0 x 7,0 м, вход в который располагался в первом каземате правого фаса. Его верх находился на отметках 10,1–9,5 м БС. Второй пороховой погреб располагался в левом фасе, в 5 м к западу от угла валганговой стены, у аппарели. Его верхняя часть находилась на отметках 9,0–8,5 м БС. Размеры погреба составляли 9,0 x 7,3 м. Вход в погреб был со стороны двора бастиона через дверной проем в валганговой стене. Эти пороховые погреба отмечены на плане 1732 г. Б. Х. Миниха и были сооружены одновременно с валганговой стеной (рис. 2; 3).

Еще одно сооружение размерами 5,0 x 4,5 м было обнаружено на отметках 9,0–8,5 м БС в левом фасе на месте, где к валганговой стене примыкал «каземат» левого фаса. Скорее всего, вход в это помещение был со стороны нижнего яруса каземата. К середине XIX в. нижний ярус был засыпан, и в настоящее время вход в это помещение, скорее всего, не существует. При визуальном осмотре внутри первого каземата его левого фаса обнаружить не удалось. Не исключено, что это сооружение является частью неосуществленного проекта сортии. При дальнейших земляных работах выяснилось, что кладка этого сооружения отошла от валганговой стены на 0,15–0,20 м, а на уровне 5,53 м БС был зачищен фундамент этой постройки. Он состоял из трех рядов известняковых плит на растворе. Под ними на уровне 5,35 м БС находился тонкий слой известковой подушки со щебнем. Высота каземата составляла 4,5 м, и он был впущен на земляную насыпь бастиона крепости 1703 г. до уровня 5,30 м БС. Судя по впускной яме, прослеженной в профиле разреза 2–2' (рис. 4), не исключено, что этот каземат был пристроен к валганговой стене позднее. Плохая перевязка со стеной (в полкирпича) и оседание насыпи 1703 г., вероятно, и послужили причинами отрыва постройки от стены.

Орильон левого фаса шпица на протяжении 13–15 м был заложен сплошной кладкой на известковом растворе. Верх ее выявлен на уровне 10,40 м БС и был на 0,50 м ниже верха кладки эскарповой стены. В западном углу к орильону

и стене каземата сделана прикладка из кирпича высотой около 1 м. Та часть кладки, которая была поставлена на земляную насыпь, сползла внутрь шпица. Вероятно, она была сложена вскоре после строительства валганговой стены (проект Б. Х. Миниха).

При выборке заполнения бастиона в его западной части выявлена вершина сохранившейся части земляного бастиона 1703 г. После этого земляные работы были остановлены и выполнены зачистка и фиксация по трем стратиграфическим разрезам (рис. 3–5).

Разрез 2–2' (рис. 4) с севера на восток дает наиболее полное представление о стратиграфии верхней части насыпи земляного бастиона. Под слоем светло-серой мешаной супеси с битым кирпичом – засыпки, сделанной при строительстве каменной крепости на уровне 7,10 м БС, была выявлена тонкая, достигавшая 0,02–0,03 м прослойка темно-коричневого глина, который понижался к северу до уровня 6,50 м БС, а к югу до 6,60 м БС. Это след дернового покрытия насыпи бастиона. Лежащая ниже насыпь была сооружена из песчанистого суглинка с отдельными вкраплениями дерновой земли, небольшими линзами речного песка, единичными включениями камней. Она была насыпана в несколько этапов, о чем свидетельствуют не менее четырех слоев, отделенных друг от друга тонкими гумусированными прослойками, а также небольшими отличиями грунта. Судя по характеру напластований, большая часть земли была взята на месте – из рвов под фундаментные ряжи, а также из прорытого в 1703 г. через весь остров крепостного канала. По составу почвы это материковые и речные отложения, из которых состоит Заячий остров. В южной части разреза прослеживается фундаментный ров кирпичного каземата каменной крепости.

Разрез 1–1' (рис. 5) с востока на запад дополняет стратиграфическую картину. На отметках 6,0–6,4 м БС зафиксирована дерновая обкладка поверхности вала, частично сохранившаяся в три ряда. С двух сторон дерн был укреплен вертикальными кольями, забитыми на расстоянии 2,10 м (1 сажень) друг от друга. При зачистке разрезов вала 1703 г. найдены кованые железные гвозди, свинцовые мушкетные пули размерами 0,8 x 1,0 см, обломки чубуков белоглиняных курительных трубок, фрагменты стеклянного штофа.

Разрез 3–3' (рис. 5) сделан с запада на восток, западнее разрезов 1–1' и 2–2'. Западная его часть вплотную примыкала к кирпичной кладке, которой

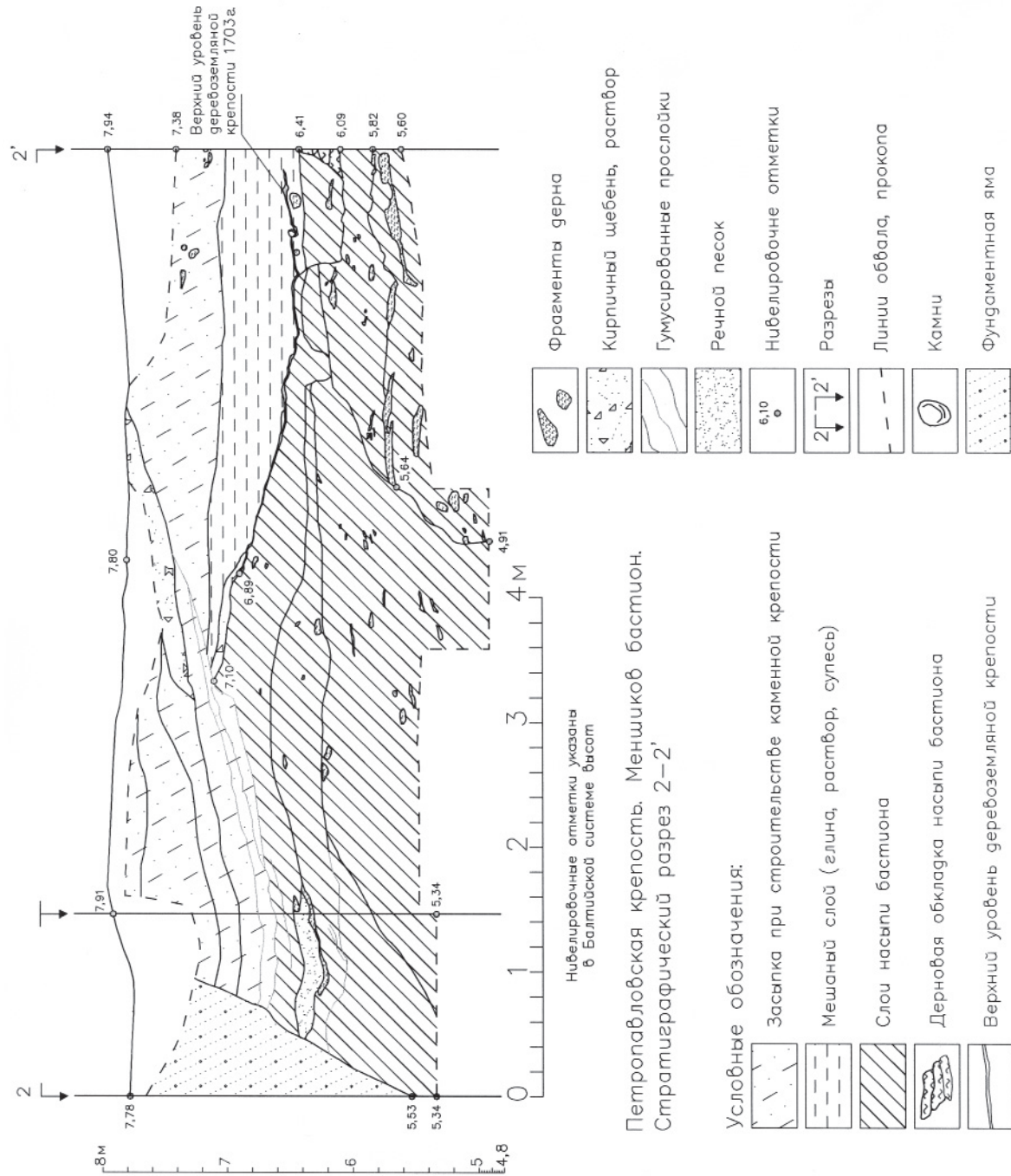

Рис. 4. Меншиков бастион, 2012 г. Стратиграфический разрез 2-2'

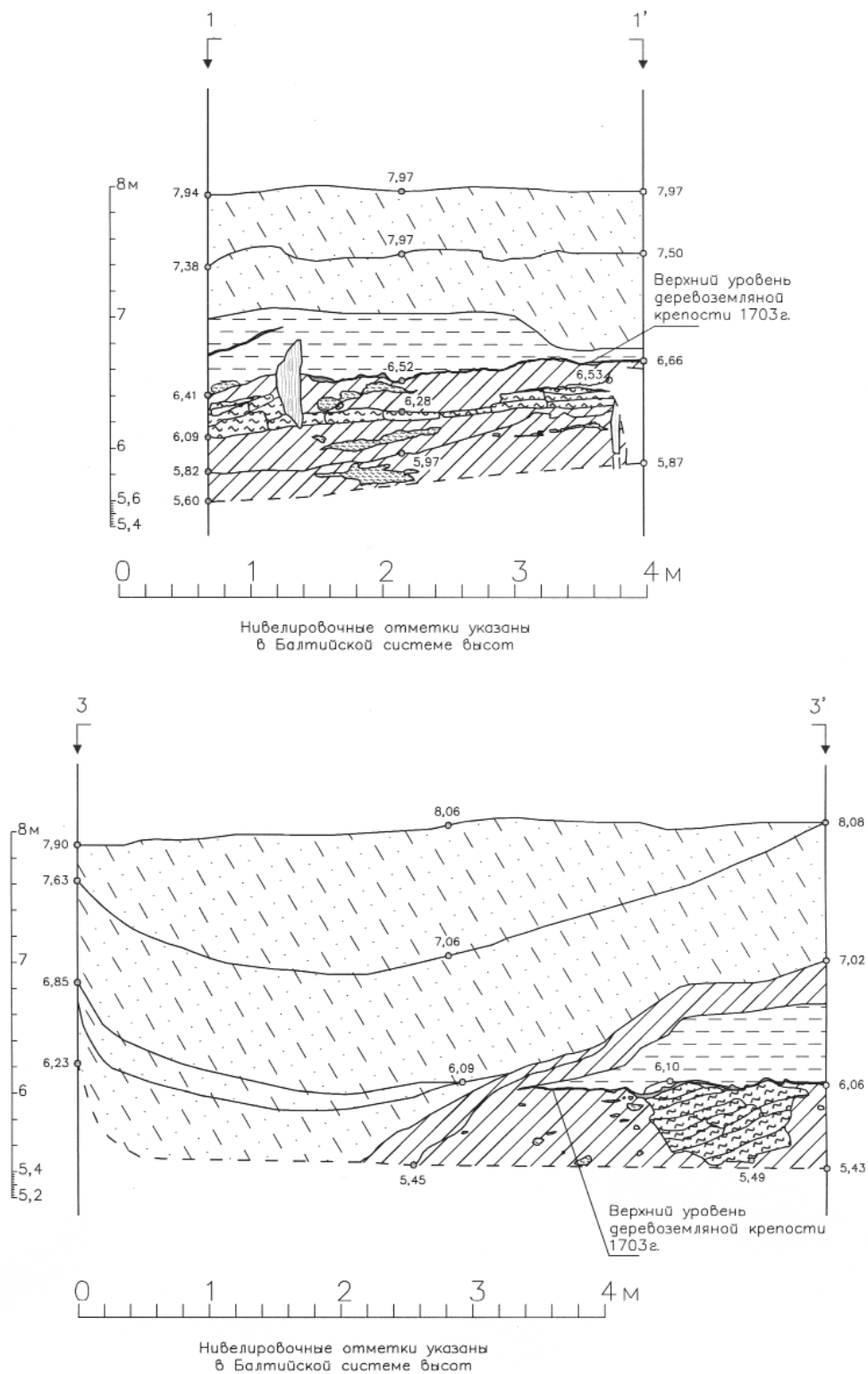

Рис. 5. Менишков бастион, 2012 г. Стратиграфические разрезы 1-1' и 3-3'

был заложен угол орильона. Уровень деревоземляной крепости 1703 г. выявлен на отметке 6,10 м БС. Он отделялся от вышележащих слоев плотной горизонтальной прослойкой темно-коричневого цвета, мощность которой составляла 2–3 см, и был перекрыт слоем суглинка. Сохранившийся склон насыпи позволяет предположить, что западный край бастиона 1703 г. был короче на 15 м ныне существующего каменного. Верхние слои состояли из песка с включениями строительного мусора – засыпки шпиги при строительстве каменной крепости. При зачистке профиля найдены фрагменты красноглиняной керамики и костяной кочедык.

Большая часть находок попала в слой (была утеряна или выброшена) во время работ по возведению деревоземляной крепости 1703 г., а также во время строительства и ремонта каменной крепости. Незначительное количество находок и их набор подтверждают высказанную ранее мысль о том, что для насыпи использовались материковые отложения, выкопанные при строительных работах на Заячьем острове.

После снятия верхней части засыпки шпиги появилась возможность оценить состояние конструкций Меншикова бастиона. В процессе эксплуатации произошло оседание грунта под сводами, что привело к увеличению напряжения распора в кирпичной кладке сводов. Кирпичные своды, выступающие на поверхность, были слабо защищены от атмосферных осадков, что привело к их систематическому увлажнению и многочисленным циклам замораживания и оттаивания. Сооруженная в 60-х гг. XX в. бетонная стяжка по всей поверхности шпиги привела к значительному увлажнению

кладки, выщелачиванию известкового раствора и, как следствие, к ее разрушению. При визуальном осмотре выявлены трещины в кладке, прогибы свода с лицевой стороны. При расчистке обнаружены значительные разрушения третьей, четвертой и частично пятой арок правого фаса шпиги. Уже после завершения земляных работ произошло разрушение первой арки в западном углу шпиги. Вдоль валганговой стены шпиги также выявлены следы разрушения кладки. Так, в юго-западном углу шпиги у орильона расчищен блок кладки, сползший на засыпку шпиги. Обнаружена трещина между валганговой стеной и кирпичной кладкой пристройки (каземата?), впущенной в земляную засыпку бастиона крепости 1703 г. Выявленные следы разрушения, состояние кладки угрожали самому памятнику и требовали его немедленной консервации и реставрации. После консультации со специалистами-реставраторами, по решению КГИОП, дальнейшие земляные работы были остановлены в связи с опасностью обрушения выявленных конструкций и необходимостью срочной их консервации.

Таким образом, в результате проведения археологического надзора выяснилось, что внутри шпиги почти полностью сохранился вал деревоземляной крепости 1703 г. Проведенные зачистки выявили на уровне 7,20 м БС верх вала бастиона; расчищены остатки дерновой облицовки вала с укреплением дерна деревянными кольями. Полы вала были подрезаны при возведении внешней и внутренней стен каменного бастиона. Для осуществления проекта приспособления внутренней части бастиона потребуются полномасштабные археологические исследования насыпи бастиона 1703 г.

Источники и литература

- Беспятых Ю. Н., 1991. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.
- Богданов А. И., 1779. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1756 г. СПб.
- Гиппинг А. И., 1909. Нева и Ниеншанц. СПб. Т. 1; 2.
- Иогансен М. В., 1984. К вопросу об авторе генерального плана Петербурга петровского времени // От средневековья к новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первая половина XIX вв. М.
- Лаппо-Данилевский А. С., 1913. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб.
- Лебедев Г. С., 1996. Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга (проект) // Археология Петербурга. СПб. Вып. 1.
- Сорокин П. Е., 2001. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. СПб. Вып. 1.
- Сорокин П. Е., 2001. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.
- Степанов С. Д., 1996. История строительства и переделок бастиона Меншикова Петропавловской крепости. Краткая историческая справка. 1996 // Архив ГМИ. СПб.
- Степанов С. Д., 2000. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб.

Археологические работы в квартале между Тульской улицей и Смольным проспектом

В. А. Лапшин, К. А. Михайлов, И. А. Гарбуз, Н. Ю. Новосёлова, А. Г. Фурасьев

Весной–летом 2012 г. на углу Смольного проспекта и Синопской набережной экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН по договору с ЗАО «ЮИТ Санкт-Петербург» были проведены масштабные археологические раскопки. Объект исследования находился в северо-восточном углу квартала, ограниченным Тульской улицей, Смольным проспектом, улицей Бонч-Бруевича и Синопской набережной (рис. 1). Исследования были обусловлены предстоящими строительными работами на месте бывшей мебельной фабрики. Согласно картографическим и архивным данным, застройка территории вдоль современного Смольного проспекта формируется в конце XVIII – первой половине XIX вв. Особенностью участка стало отсутствие на нем капитальной застройки позднее XIX в. В течение всего XX в. эта территория оставалась незастроенной, и стратиграфия культурных напластований на ней оказалась фактически не нарушенной поздними вторжениями. В ходе разведочных работ 2011 г. шурфами общей площадью 32 кв. м были выявлены фрагменты фундамента, сложенного из известняковой плиты на известковом растворе. Общая площадь исследованного в 2012 г. участка составила 2000 кв. м. Из-за значительной величины она была поделена на четыре раскопа.¹

По данным Писцовой книги Вотской пятины 1500 г., приневские земли входили в состав Спасского, Городенского и Ижорского погостов Ореховецкого уезда с центром в Орешке. Левобережье Невы входило в состав Ижорского погоста (Немиров, 1888. С. 41).

На изучаемом левом берегу Невы на месте современного Смольного монастыря с начала XVI в. известно село с церковью. Можно предполагать, что поселение появилось на этом месте ранее, так как церкви обычно строились в уже существующих крупных селах. Начало массового освоения это-

го региона может быть отнесено к XIV в. Впервые Спасский храм упоминается в источниках в 1504–1505 гг. как церковь в волости Калганицы. В 1555 г. «Спас на Неве» назван пунктом сбора русских войск, готовившихся к походу на шведов. По царской грамоте сюда должны были явиться дети боярские, а также доставлен корм для войска татарского царевича Кайбалы. Во время очередной русско-шведской войны в 1593 г. русские войска стояли в Ямском уезде, откуда «...послали воеводы ко Спасу на Неву на Устье князя Петра Ахамошукевича Черкассково да князя Михаила Быка Путятина, а с ними посланы казаки да татаровья». В одном из документов, сохранившемся в сборнике отдельных и обыскных книг Водской пятины 1599–1601 гг., упоминается священник церкви Преображения Господня выставки Ненелы Софроний Иванов. Выставкой Ненела (Нюнела) здесь названо село, известное по более поздним документам как Спасское (Селин, 1998; 2001; 2004; Сорокин, 1995б; 2003).

Во времена шведского владычества на протяжении всего XVII в. в Спасском селе сохранялась действующая православная церковь. Однажды священник церкви Федор Сизов за отстаивание прав православного населения был отправлен шведским правительством в тюрьму. На карте устья Невы 1640-х гг. «Delineato geografia» имеется первое изображение Спасского села с церковью. Оно характеризуется реалистичными чертами. Здесь показана деревянная церковь прямоугольной формы с двускатной крышей, в центре которой выделяется колокольня шатрового типа, увенчанная крестом (Сорокин, 1995а). На карте этого же периода, составленной Э. Н. Аспегреном, церковь изображена более схематично. На плане Я. Мейера 1698 г. здесь изображена часовня.

Во время русско-шведской войны 1656–1661 гг. жители села оказывали поддержку русским войскам. Поэтому после ее окончания было принято решение о передаче двора священника в этом селе во владение города Ниена (Семенцов, 1998; Сорокин, 2001). Во второй половине XVII в. Спасское являлось предместьем города Ниена и входило в его состав. На картах конца XVII в. поселение

¹ Руководители работ на раскопах: И. А. Гарбуз (раскоп 1), Н. Ю. Новосёлова (раскоп 2), А. Г. Фурасьев (раскоп 3), К. А. Михайлов (раскоп 4). Выполнение и макетирование чертежей: А. В. Прохорова, Е. К. Блохин, Н. В. Борков. Историческая справка: М. А. Юшкова.

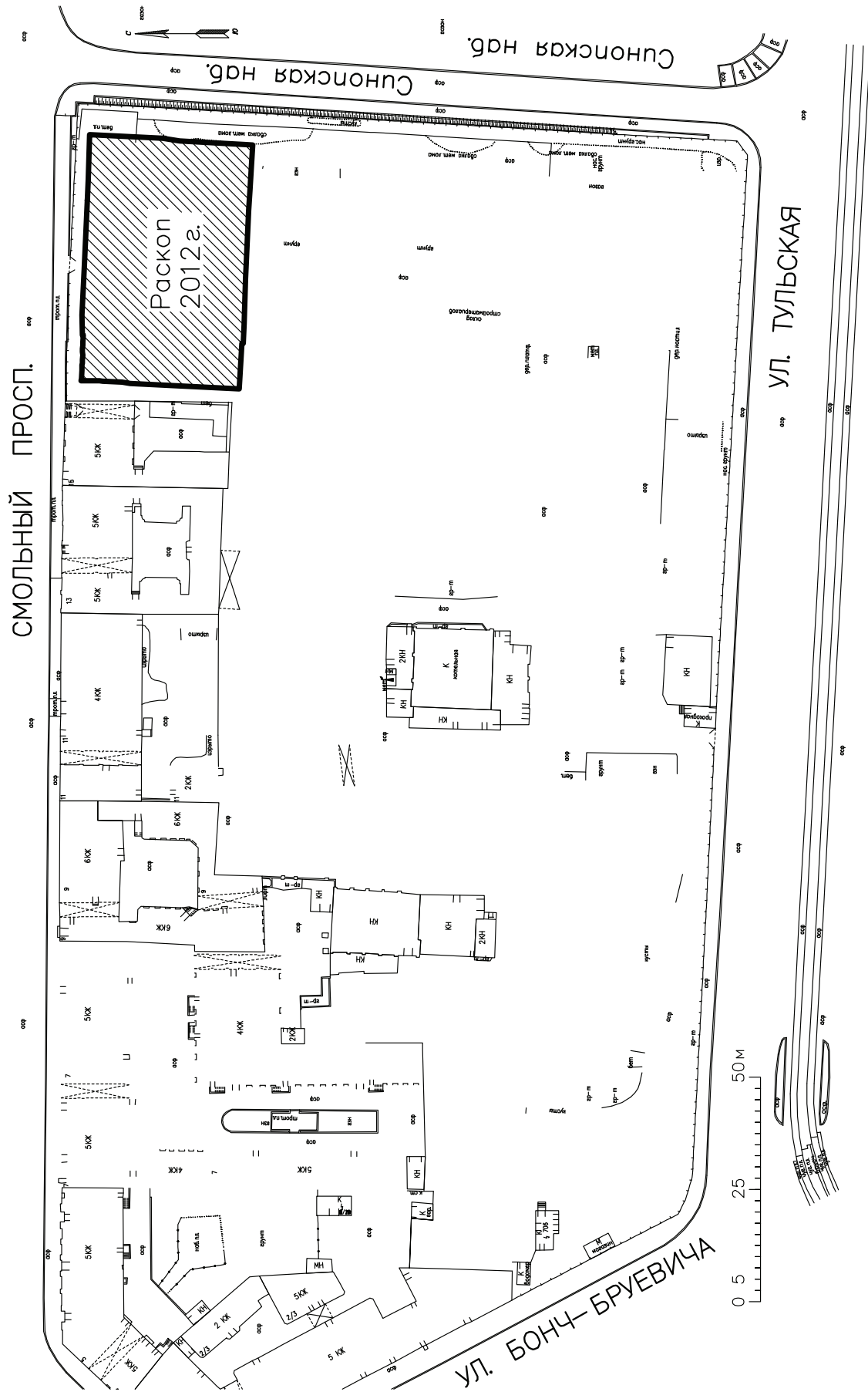

Рис. 1. Раскоп 2012 г. на Тульской ул. Ситуационный план

названо Ратсдорф или Хакельверк, что и означает предместье. В середине XVII в. в Ниене проживало около двух тысяч человек, городская община делилась на немецкий и шведский приходы, а расположенное на левом берегу Невы село Спасское составляло русскую общину города. Находившийся здесь трактир и паромная переправа приносили в городскую казну существенные доходы. Афанасий Холмогорский в своем описании трех путей из России в Швецию, составленном в 1701 г. накануне Северной войны, отмечал: «... град Канец земляной невеликий стоит на берегу Невы. Против того града на другой стороне Невы обитают земледетели Ижоры, наша христианская веры, церковь и священники с причетники имеют» (Сорокин, 2003; 2011).

Спасское располагалось в месте перехода через Неву магистрального пути из Карелии (из Выборга, Кексгольма) в Новгород и Нарву. Отсюда по левому берегу Невы шла дорога к Нотеборгу (ныне Шлиссельбург). В шведское время некоторые из этих дорог являлись государственными. Государственные тракты имели специальное техническое устройство и особую систему обслуживания. В XVII в. вдоль всех трактов через определенные расстояния были устроены постоянные дворы (Krog). В зоне Приневья существовали следующие государственные тракты: Нотеборг–Ниен, Нотеборг–Кексгольм, Ниен–Кексгольм, Ниен–Выборг. К дорогам общегосударственного значения также можно отнести тракт от Ниена на Нарву – от села Спасского по гребню террасы на юго-запад (Семенцов, 1998; 2006).

На карте Э. Н. Аспегрена 1640-х гг., изображающей эти земли, обозначено село Спасское. В северной части изображена церковь, а к югу от нее на территории изучаемого участка показаны жилые строения. На других картах 1640-х гг. село показано несколько ниже по течению – в районе современного Смольного монастыря. Спасское село изображено также на карте Э. Дальберга 1681 г. Здесь оно снова расположено напротив Ниеншанца, т. е. на территории исследуемого участка. Село названо *Spaski Hakelverk*, или *Warenpol*. На других шведских картах конца XVII в. это место называется *Vagumpol*, *Wormpah*, *Vågompol* (Гиппинг, 2003. С. 320). На карте Ингерманландии, составленной Э. Белингом в последние годы шведского владычества, на месте современного Смольного собора изображена церковь села Спасское и отмечены поселения к югу от нее, располагающиеся в районе участка обследования. Как отметил П. Е. Сорокин (1995б), «совмещение трех шведских карт и планов 1630–1640-х гг., 1681 и 1698 гг. с современной топоосновой дало противоречивую информацию о располо-

жении Спасского – от современного Большеохтинского моста до ул. Смольного». В 1994 г. в сквере на берегу Невы перед центральным каре Смольного монастыря проводились археологические исследования, которые наряду с находками более позднего времени выявили культурный слой с фрагментами керамических сосудов XV–XVI вв. Эти напластования можно связывать с существовавшим здесь селом Спасское (Сорокин, 2001. С. 17–18).

В начале Северной войны на месте села Спасское были построены укрепления, отмеченные на нескольких картах этого периода. На карте А. Крониорта 1698 г. на месте Смольного собора показана крепость с двойной линией укреплений. На планах 1703 г., изображающих осаду и штурм Ниеншанца, показана крепость с двойной линией обороны с тремя бастионами на каждой. В августе 1702 г. солдаты окольного Петра Апраксина в ходе боя с частями Ингерманландской армии генерала Крониорта взяли в плен шведского драгуна Иоганна Вегиля, который упомянул в расспросных речах «новопостроенный городок, что на Спасовщине», сообщив о нем следующее: «На реке Неве, у Канец, перевозных двенадцать паромов; против Канец на другой стороне Невы построен вновь земляной городок, вал небольшой вышиною и около того вала ров в вышину и в глубину в сажень; людей в ней пехоты триста человек и пушки по тому новопостроенному валу поставлены, а сколько, про то не ведает» (Шарымов, 2009. С. 326). Эти укрепления были взяты русскими войсками во время штурма Ниеншанца. Сохранились сведения о том, что при случайных раскопках около юго-западной башни в садике, примыкавшем к дому смольного соборного духовенства, в 1830-х гг. была обнаружена яма с костями, которая могла являться захоронением, связанным с взятием укреплений (Столянский, 1922. С. 6).

Строительство Санкт-Петербурга осуществлялось в освоенном регионе с достаточно разветвленной сетью дорог. Конфигурация городской застройки Петровского времени в значительной мере совпадает со структурой предшествующего периода (Семенцов, 2006). В петербургское время село Спасское и храм этого села не упоминаются, вероятно, они были разрушены в ходе военных действий, само место расположения села было освоено.

На планах 1717 г. (план Г. П. Буша и план Н. де Фера) в месте расположения исследуемого участка показана проектная застройка. Согласно плану И. Б. Хоммана 1717 г., изображающем реальную застройку (за исключением территории Васильевского острова), видно, что интересующий участок еще не застроен.

В 1720 г. на месте Смольного монастыря был построен Смольный двор, по которому данная местность и получила свое дальнейшее именование. Здесь хранилась смола, нужная для осмолки кораблей, здесь смолили пеньку для канатов. Был построен забор, внутри которого располагались амбары со смолой, построена пристань. Земли приписали к Адмиралтейству и Адмиралтейскому ведомству. Сестра царя Наталья Алексеевна выбрала для своей дачи участок земли при подъезде к Смольному двору. Через два года после ее смерти участок перешел к супруге Петра I Екатерине, которая построила небольшой дворец. По наследству Смольный дворец достался дочери Петра Елизавете Петровне, в нем она проводила свою юность. В 1744 г. произошел пожар, уничтоживший основной корпус дворца. После восшествия Елизаветы Петровны на престол в 1748 г. был заложен Воскресенский Новодевичий монастырь и собор (Пыляев, 1889. С. 52–54; Столпянский, 1909. С. 334; Жерихина, 2009. С. 5–6). Относительно набережной Невы к югу от Смольного двора, начиная с 1718 г. и на протяжении последующих ста лет (в 1720, 1724, 1754, 1765, 1804, 1824, 1826 гг.), издавались указы, запрещающие застройку бечевника.

Сохранились сведения о некоторых владельцах участков по Неве. Согласно распоряжению 1733 г., действительному тайному советнику князю Алексею Черкасскому была выдана данная на пожалованное ему место на Московской стороне, позднее это место было приобретено в казну для образования слободки служителей конторы строений, впоследствии Рождественской, или Песков. Рядом располагались участки Александра Львовича Нарышкина, два места купцов, далее бывшая дача Я. А. Брюса и место купца Христофора Тесина. Тесин имел здесь жилой дом, амбары для склада импортной извести и небольшой завод канатов (Столпянский, 1909. С. 336–337). На плане 1738 г. вдоль современной Синопской набережной отмечена жилища деревянная застройка, подписаны участки князя А. Черкасского и А. Л. Нарышкина. Вполне вероятно, что застройка на месте участка обследования могла принадлежать названному купцу Тесину. На планах 1737 и 1738 гг. к северу от рассматриваемого участка изображены казармы (№ 65) и конюшни (№ 64) конной гвардии, дворец Елизаветы Петровны. Исследуемый участок входит в обозначенную на планах Московскую часть города.

В 1750-е гг. по соседству со Смольным монастырем были запроектированы строения слободы Конной гвардии. В частности, по берегу Невы, включая территорию рассматриваемого участка, должны были располагаться пять корпусов конюшен. Этот

проект отражен на плане 1753 г., однако он остался практически не выполненным (Петров, 1885. С. 526).

С конца царствования Елизаветы Петровны, несмотря на запретительные меры, заселение берега Невы шло все сильнее. В частности, известно о продаже дома генерала-поручика Якова Андреевича Мордвинова в 1761 г., расположенного «на берегу Невы у Охтинского перевозу против Конец». Дом был деревянным, имел каменный фундамент, погреба и лабаз. В это же время, в 1764 г., здесь продавали свой дом князя Голицыны. На их участке также были выстроены лабазы для хранения хлеба. Из указа Елизаветы Петровны 1754 г., указа Екатерины II 1765 г. и последующих распоряжений о сохранении бечевника вдоль набережной от застройки следует, что первоначальное распоряжение Петра I не выполнялось, и набережная интенсивно застраивалась (Столпянский, 1909).

Согласно плану Х. М. Роша 1776 г., большая часть исследуемого участка расположена на территории монастырской слободы. На берегу Невы к югу от Смольного монастыря показана деревянная застройка берега Невы. На плане 1792 г. обозначено административное деление города на десять частей, принятое в 1782 г. Исследуемый участок находился в Рождественской части. В этот период она граничит с востока и севера с Литейной частью, к которой относится и Смольный монастырь, и с Каретной частью на юге. На этом плане изображен квартал застройки вдоль набережной Невы и отдельно прорисован дом на набережной, который, вероятно, попадает в юго-восточный угол рассматриваемого участка.

По данным археологии, на прилегающих к рассматриваемому участку территориях выявлен культурный слой первой половины XVIII в. Хорошо сохранившийся культурный слой этого времени, содержащий органические остатки, обнаружен у Большеохтинского моста (Сорокин, 1996. С. 38). При раскопках в районе Смольного монастыря были обнаружены печные изразцы, красноглиняные курительные трубки, корабельные гвозди, фрагменты стеклянных и керамических сосудов начала XVIII в. (Сорокин, 1995б), а также предметы середины – второй половины этого столетия (Лапшин и др., 2010).

В конце XVIII в. формируются очертания рассматриваемого квартала и система улиц на месте современного Смольного пр. и ул. Бонч-Бруевича. На Атласе Санкт-Петербурга 1798 г. (Сенатский атлас) проспект на месте Смольного пр.

назван «Проспект к Большой Охте», улица на месте ул. Бонч-Бруевича – Малая Болотная (имела большее протяжение в южном направлении). Улицы по набережной еще не существовало. На плане показана первичная разбивка квартала на участки. Сам квартал имел значительное протяжение в южном направлении (до ул. Большая Болотная – совр. ул. Моисеенко). На этом плане показана застройка вдоль проспекта к Большой Охте (Смольного пр.), угловой дом со стороны набережной обозначен как каменный. В 1805–1808 гг. для Смольного института благородных девиц было построено здание по проекту Д. Кваренги. Правое крыло здания выходило на Смольный проспект. В справочнике 1808 г. улица к Большеохтинскому перевозу названа проспектом; сообщается, что у перевоза располагался рынок (Санкт-Петербургская адресная книга, 1809. С. 40).

В 1828 г. было принято новое административное деление города, согласно которому рассматриваемый участок располагался в пятом квартале Рождественской части. На плане Ф. Ф. Шуберта 1828 г., детально показывающем конфигурацию каждого здания, видно, что центральная часть исследуемого участка занята огородами, а северная и юго-восточная части застроены. В юго-восточной части исследуемого участка расположено строение, относящееся к участку № 539, основная часть которого выходит за пределы исследуемого квартала в южном направлении. В северной части исследуемого участка расположены участки № 540, 543, 544, 545. Каменные строения отмечены только на угловом участке № 543. Вдоль углового здания (участок № 543), протянувшегося вдоль ул. Бережки (Смольного пр.), обозначенного как каменное, подписано «лавки». Набережная, которая теперь оформлена как улица, названа Невской, Смольный пр. – Бережки, а ул. Бонч-Бруевича – Малая Болотная. В створе ул. Бережки обозначен Большой Охтинский перевоз. Владельцем участка № 543 (бывший участок № 511) являлся купец Янкин (Указатель жилищ и зданий, 1822. С. 139). По данным 1809 г., купец 2-й гильдии Янкин Иван Андреев проживал в собственном доме по набережной № 511 (Санкт-Петербургская адресная книга, 1809. С. 523). Также в доме купца Янкина № 511 проживали купцы 3-й гильдии Раззоронов Егор Степанов и Раззоронов Григорий Степанов (Санкт-Петербургская адресная книга, 1809. С. 492). На плане 1835 г. также видно, что в центральной части рассматриваемого участка сохраняются огороды, а северная и восточная части застроены. В 1836 г. по четной стороне Смольной улицы числились дома № 2–22. Дом № 20 соответствовал старому № 543. Дома по набережной Невы, называвшейся Невская Рождественская, имели следующую

нумерацию: дом № 4 соответствовал старому № 543. По данным 1836 г., домом № 4 владела купеческая жена Янкина (Нумерация домов в Санкт-Петербурге, 1836. С. 20, 87, 119, 191, 225–226, 228, 229, 248, 251). Янкина Варвара Сергеевна 1794 г. р., состояла в купечестве 2-й гильдии с 1827 г. По данным 1869 г., она владела домом № 27 по Большеохтинскому пр. (Справочная книга, 1869. С. 406). Согласно указателю улиц 1862 и 1869 гг., отмечено, что домовладельцами зданий по набережной Невы являлись: Общество Благородных девиц и купчиха Варвара Янкина (Цылов, 1862. С. XV; Нейдгардт, 1869. С. 241).

На планах участка 1844 г. рядом с лавками наследников купца И. А. Янкина обозначен «казенный питейный дом» (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9544. Л. 3–5).

В 1870-е гг. участок, расположенный на углу Смольного проспекта и набережной Невы, переходит от купчихи Янкиной к почетному гражданину Федору Антоновичу Парфенову. В этот период был создан проект надстройки одноэтажного здания торговых лавок, однако он не был осуществлен. В 1900-х гг. данным участком владел действительный статский советник и владелец кирпичного завода Владимир Андреевич Ранненкамф. Для него, по проекту инженера Б. Е. Фурмана, в 1907 г. вплотную к бывшему участку Янкиных с запада (по Смольному проспекту) был пристроен каменный доходный дом № 15. При постройке дома в первую очередь была разобрана западная часть лавок XVIII в., а затем все остальные постройки на современном участке № 17. В 1930-х гг. участок был передан мебельной фабрике.

В ходе археологических раскопок на раскопе были выявлены остатки четырех каменных и пяти деревянных построек XVIII–XIX вв., относящиеся к двум строительным горизонтам (рис. 2; 3). В раскопе зафиксировано шесть стратиграфических слоев, связанных с культурными напластованиями, постройками и сооружениями XVIII–XX вв. На верхних уровнях фиксации стратиграфические слои, включающие в себя различные контекстные прослойки, залегали последовательно на всем протяжении раскопа, глубже слои распространялись локально в зависимости от планиграфии участка и исследуемого объекта.

Слой 1 – слой строительного мусора XX в., представлял собой пакет различных прослоек, накопившийся на участке после демонтажа комплекса каменных зданий на углу Смольного проспекта и Синопской набережной и во время существования

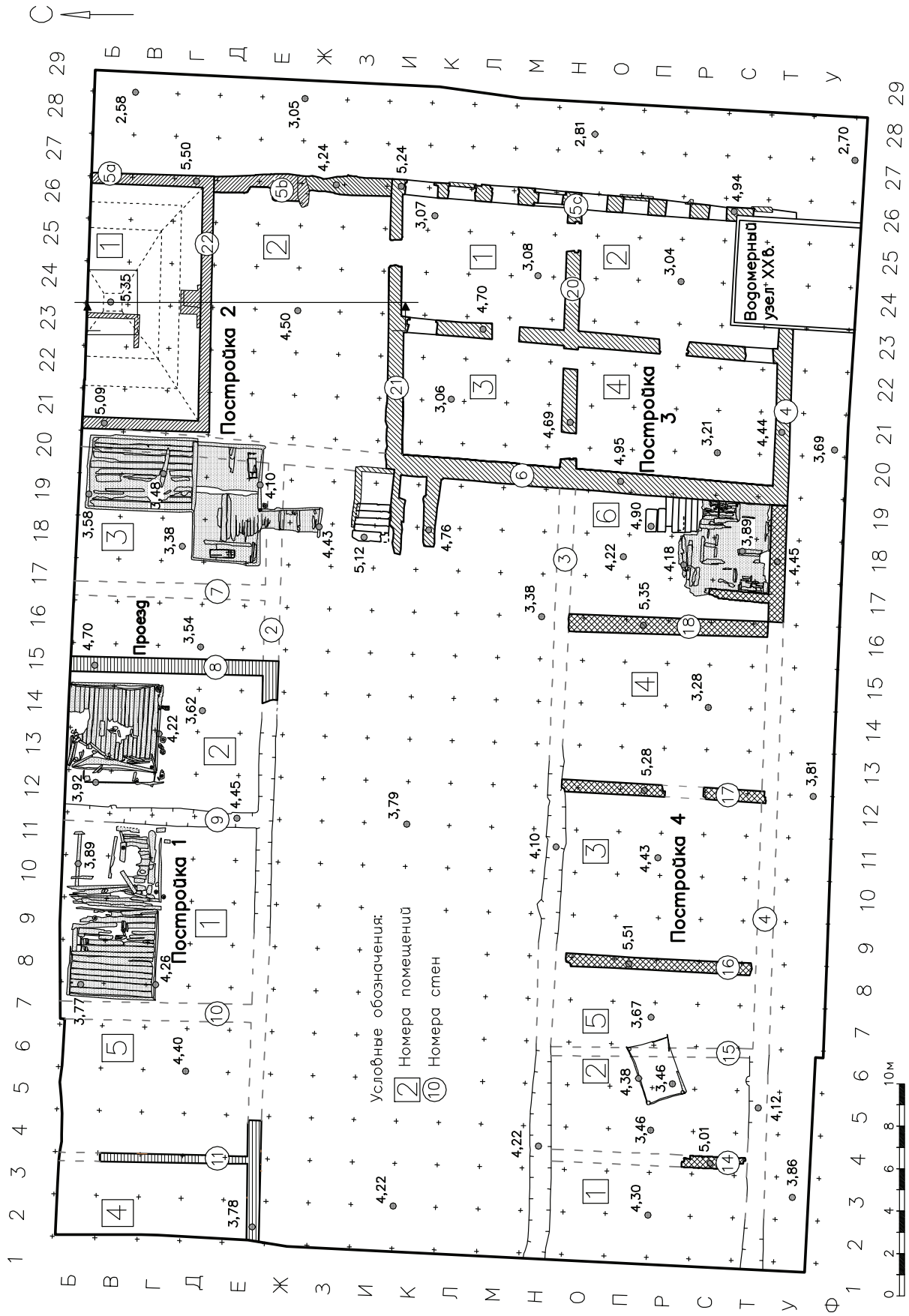

Рис. 2. План горизонта каменных построек I-4

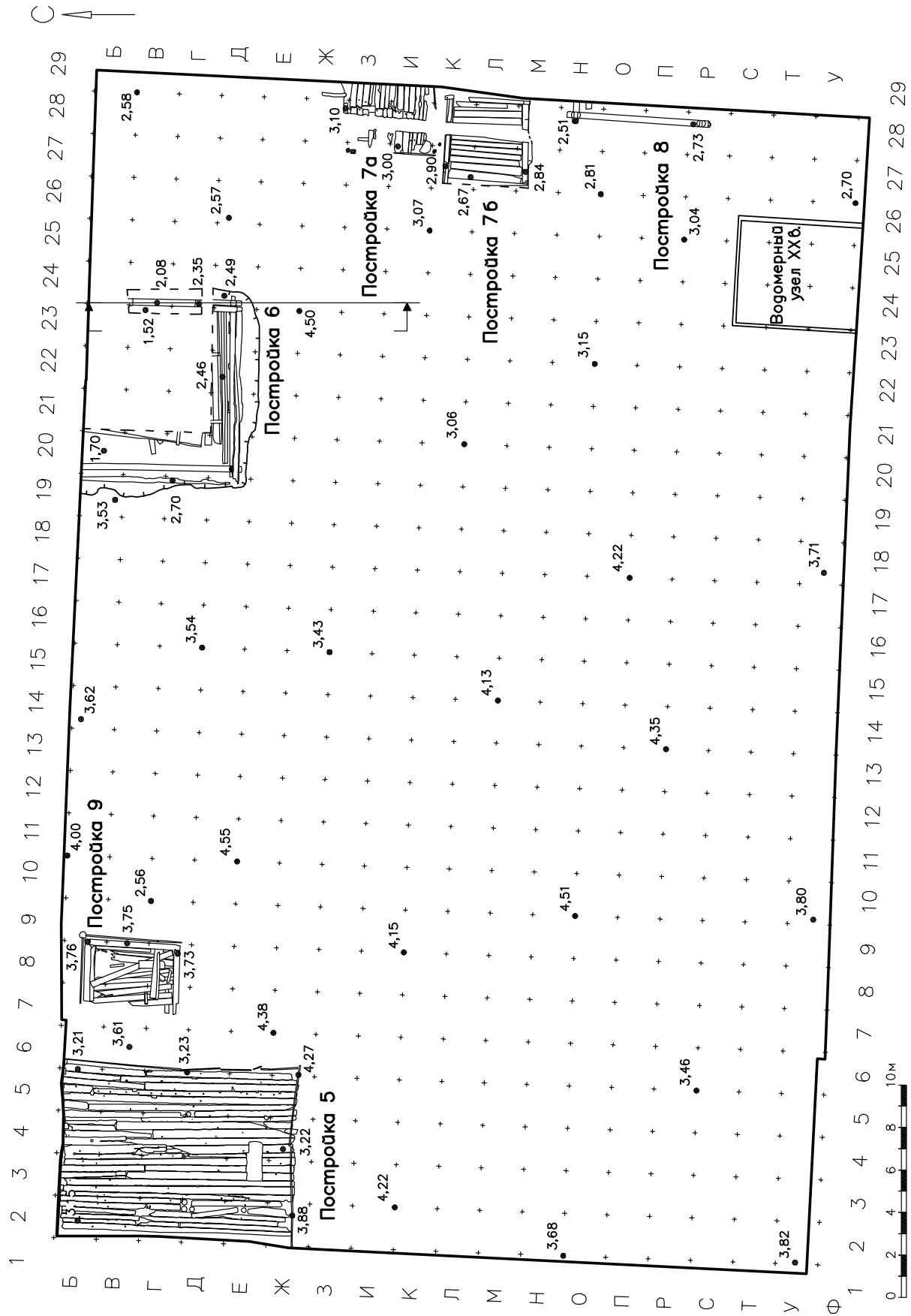

Рис. 3. План горизонта деревянных построек 5-9

мебельной фабрики. Он представлял собой темно-серую и серо-желтую супесь, насыщенную обломками кирпичей, шлаками и производственным мусором. Демонтаж строений на участке произошел перед строительством дома № 15 по Смольному проспекту. Скорее всего, разборка зданий на угловом участке произошла в промежуток между 1907 и 1914 гг. Судя по состоянию стен и фундаментов на раскопе, демонтаж так и не был полностью завершен (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9544. Л. 36об). Слой залегал сразу же под четырьмя слоями асфальтового покрытия, накопившимися на участке за время существования мебельной фабрики. Его мощность колебалась от 0,10 до 2,00 м. В центральной части раскопа под слоем строительного мусора на первом горизонте фиксации были расчищены фрагменты булыжной мостовой. Так как булыжное мощение перекрывало постройки, разрушенные в 1907–1910-х гг., а изменение границ участка произошло в 1930-е гг., то строительство мощеного проезда может быть отнесено к 1920–1930-м гг.

Коллекция археологических находок из первого слоя представлена многочисленными фрагментами керамической и стеклянной посуды, строительной керамики, изделий из металла и органических материалов. Среди интересных находок следует упомянуть офицерский нашейный знак «За отличие» (рис. 4), образец с изображением Богородицы в окружении архангелов (рис. 5: 1), российские монеты, отчеканенные в период с 1735 по 1915 гг., и монеты советского периода 1924–1948 гг. Большинство

советских монет относятся к довоенному периоду, и время их чеканки, вероятно, отражает период окончательной нивелировки участка в конце 1920 – середине 1930-х гг. За нижнюю дату формирования слоя можно принять время строительства дома № 15 – 1907 г. Завершение формирования слоя связано с переустройством и реконструкцией 3-й мебельной фабрики в 1970–1980-е гг.

Слой 2 – слой разрушения каменных построек 1–4, включавший известковый раствор с кирпичной крошкой и битым кирпичом. Мощность слоя от 0,30 до 1,50 м. Коллекция археологических находок представлена фрагментами керамической и стеклянной посуды, строительной керамики, изделий из металла и органических материалов. Среди находок отметим образец-складень (рис. 6: 2), иконку-медальон (рис. 5: 2), кресты-тельники (рис. 7: 5, 6). Основная масса монет представлена русскими медными монетами небольшого номинала, отчеканенными в период с 1735 по 1915 гг.

Слой 3 – слой периода функционирования каменных построек 1–4. Мощность слоя составляет от 0,30 до 0,80 м. Слой светло-коричневой или коричневой супеси, насыщенный древесным тленом от полов и рухнувших перекрытий, содержал комплекс находок XVIII–XIX вв. Наибольшее количество находок связано с помещением 2 постройки 2 и характеризует период функционирования постройки в качестве «казенного питейного дома» во второй половине XVIII – первой половине

Рис. 4. Смольный проспект. Офицерский нашейный знак «За отличие» (слой XIX–XX вв.)

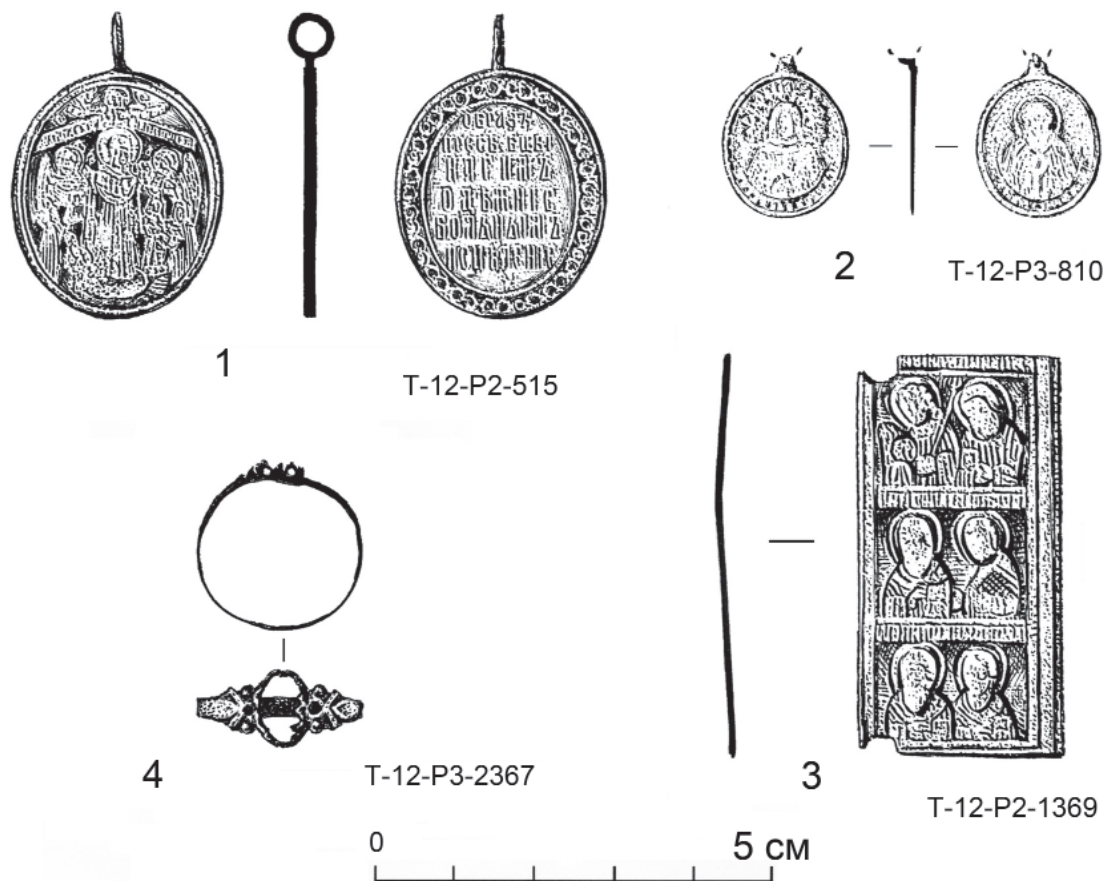

Рис. 5. Находки из квартала: 1 – образок-медальон из слоя XX в., 2 – образок-медальон из постройки 1, 3 – створка образка-складня из постройки 4, 4 – перстень из постройки 6

XIX вв. (на планах он впервые фиксируется в 1844 г.). Преимущественно они происходят из прослоек периода существования постройки 2, из горизонтов деревянных конструкций пола и перекрытий. За пределами постройки на месте мощения встречаются находки конца XIX – начала XX вв. В слое найдено 127 медных и серебряных российских монет, начиная с 1730-х гг. Наиболее многочисленны монеты эпохи императоров Павла I и Александра I. Единичные монеты начала XX в. попали, по-видимому, из слоя разрушения построек.

Помимо монет, хорошим датирующим материалом являются обломки стеблей и белоглиняных голландских и английских трубок. На некоторых из них сохранились клейма изготовителей. Например, на пятках чашек имеются клейма: «48», «33» и сверху корона; клеймо в виде перекрещенных сабель и над ними корона. На стебле трубки выявлено клеймо «LUCKAS» (рис. 8: 6). Трубка с аналогичным клеймом была найдена на Охте при раскопках

Ниеншанца. Она была изготовлена в мастерской Лукаса де Йонга, одного из крупнейших мастеров Гауды (Нидерланды), в 1737–1739 гг. Скорее всего, наша находка так же, как и охтинский экземпляр, принадлежит к его мастерской и могла быть изготовлена в 1737–1740-е гг. Начиная с 1730-х гг., крупные мастера из города Гауды стали наносить свои имена с помощью штампа вокруг стебля трубки. Штампованные надписи с именами мастеров наносились вплоть до начала XIX в. (Пошернева, 2011. С. 257–258). Таким образом, датировка большинства трубок с клеймами, происходящих из слоя существования каменных построек, может быть отнесена к 1740–1790-м гг. (рис. 8). Среди находок из этого слоя кресты-тельники (рис. 7: 1, 2, 4).

Слой 4 – слой строительства построек 1–4. Образовался при выкапывании фундаментных рвов и подвальных помещений. Состоит из переотложенного материкового грунта – мелкозернистой супеси серого цвета с вкраплениями щепы. В постройке 2

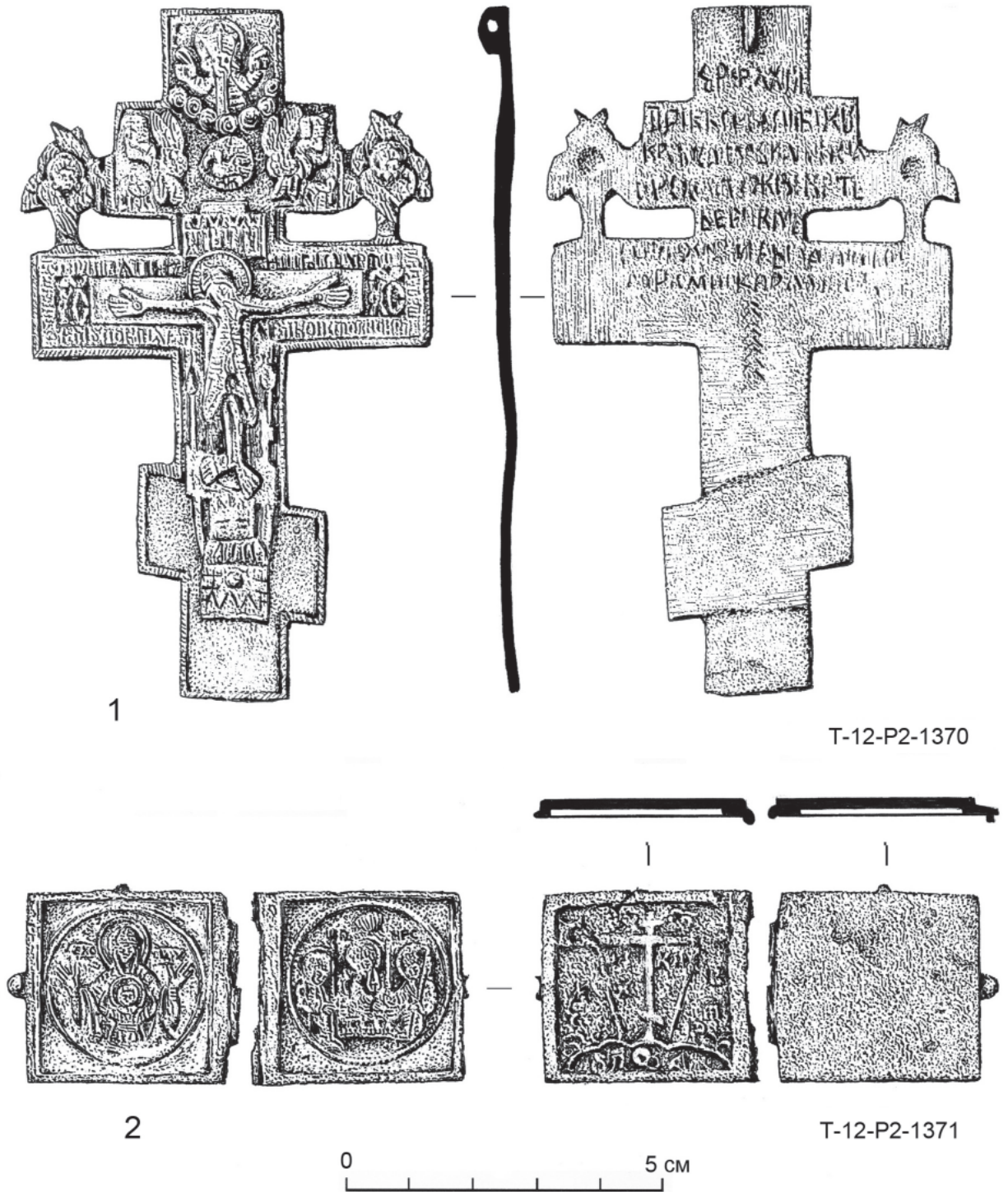

Рис. 6. Находки из квартала: 1 – крест из постройки 4, 2 – образок-складень из слоя разрушения построек 1–4

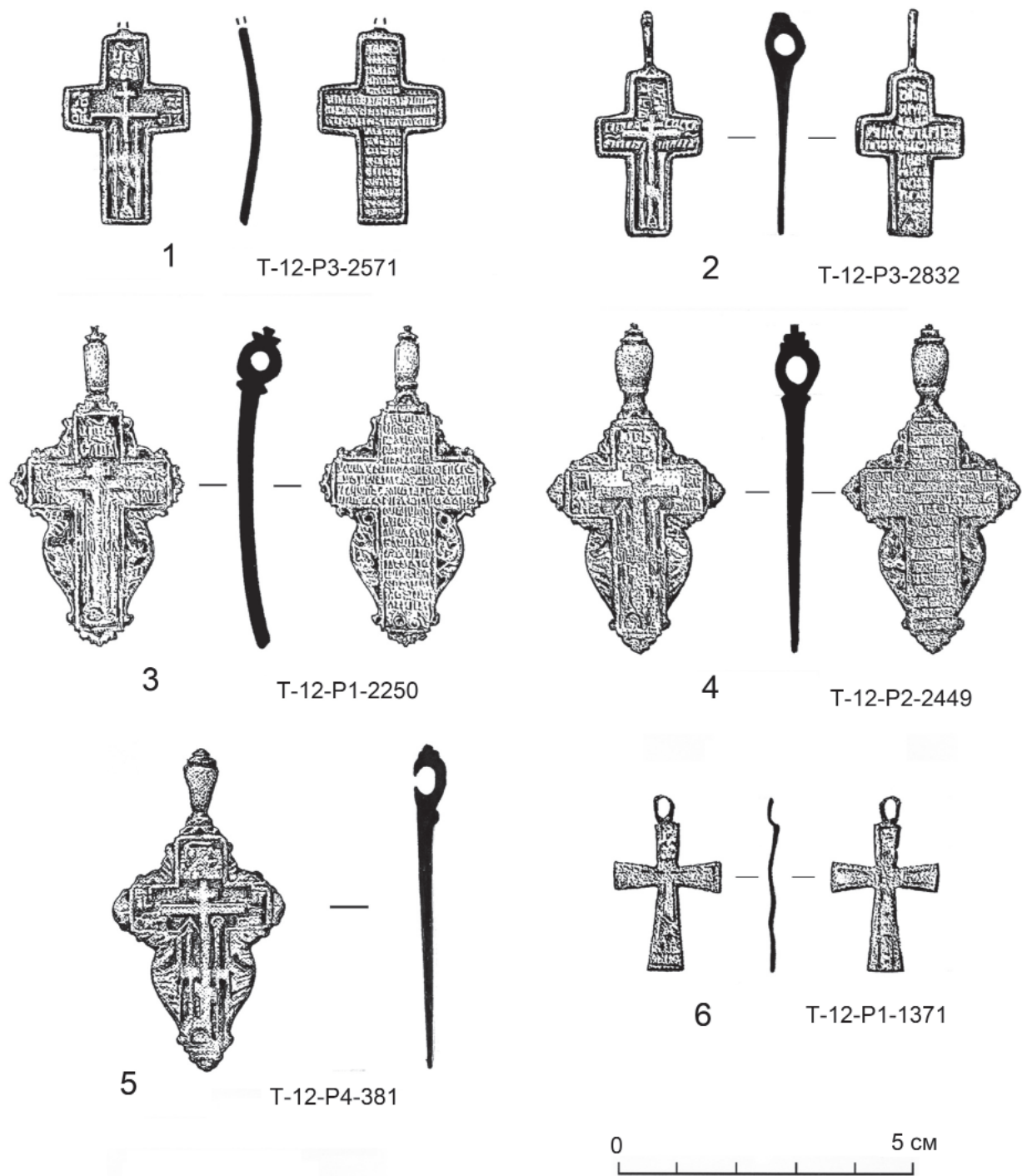

Рис. 7. Кресты-тельники из квартала: 1 – из постройки 4, 2 – из слоя существования построек 1–4, 3 – из постройки 5, 4 – из постройки 1, 5, 6 – из слоя разрушения построек 1–4

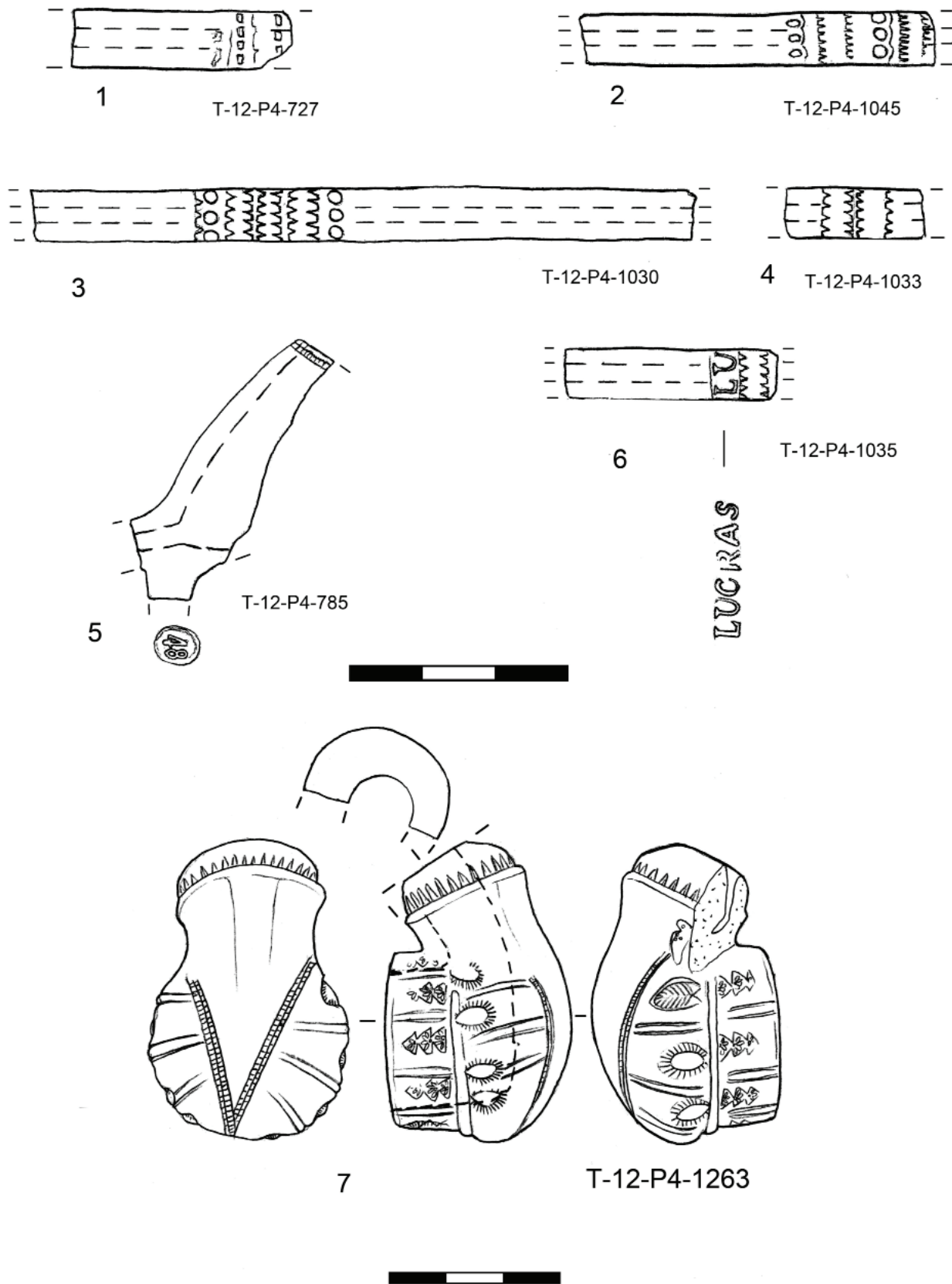

Рис. 8. Курительные трубки из заполнения постройки 2: 1-6 – белоглиняные, 7 – красноглиняная

под полом подвала найдены монеты только XVIII в. Вероятно, они попали в слой в начальный период функционирования «казенного питейного дома». Среди монет были определены чеканки 1750, 1751, 1754, 1757–1759, 1769, 1770 и 1798 гг. В остальных постройках этот слой находок не содержал.

Слой 5 – слой заполнения деревянных построек 5–9 XVIII в. Гумусированный мешаный суглинок с включениями щепы и гумус с мокрой щепой, деревом и включениями навоза. Мощность слоя от 0,50 до 1,00 м. Слой сформировался в процессе строительства в середине XVIII в. и в период существования исследуемых деревянных комплексов. Коллекция археологических находок из слоя представлена различными категориями фрагментированной керамической и стеклянной посуды, строительной керамикой и металлическими изделиями. Отличительной особенностью вещевого комплекса является хорошая сохранность большого количества изделий из кожи, дерева и других органических материалов. Они представлены многочисленными находками фрагментов от деревянных бочек, крышками, затычками, лопатами и лопатками различного назначения, пробками, жердей, коромысла, корыта, разделочной доской, пестом, ручкой от посуды и другими, до конца не идентифицированными деревянными предметами. К находкам из органических материалов относятся также костяной гребень, кожаная рукавица, фрагменты кожаной обуви с подошвами, подбитыми кованными железными гвоздями, лапти, сделанные из лыка, бересты и утепленные войлоком. Особый интерес представляют находка нательного креста, украшенного синей эмалью (рис. 7: 3), и находки русских медных монет минимального номинала: денга, полушка, 1 копейка, 2 копейки, отчеканенные в период с 1735 по 1812 гг.

Слой 6 – слой строительства середины XVIII в. Обнаружен непосредственно на материке в виде узкой полосы с внешней восточной стороны построек 2 и 3. Слой состоит из гумуса темно-серого и коричневого цвета с включениями прослоек, состоящих из мелких фрагментов кирпича и щепы. Мощность слоя составляла от 0,26 м в северной части раскопа до 0,71 м в его южной части. Слоем были заполнены яма № 6, постройка 8 и верхняя часть постройки 7. В слое найдены монеты чеканки 1734–1795 гг.

Слой погребенной почвы состоял из гумусированной мелкозернистой супеси темно-серого цвета мощностью 0,23–0,26 м. В слое не обнаружено находок или следов средневековой пахоты или огородной деятельности.

Материк – стерильный светло-желтый или серо-зеленый мелкозернистый песок. Перепад высот поверхности материка между западной и восточной частями раскопа составлял от 1,60 до 2,30 м. Эта разница высот связана как со строительными работами, перепланировавшими поверхность участка, так и с тем, что с севера на юг участок пересекал край береговой террасы. Западная часть раскопа оказалась на верхней, а восточная – на нижней надпойменной террасе.

Постройки и сооружения

В ходе археологических раскопок были выявлены остатки четырех каменных и пяти деревянных построек XVIII–XIX вв., относящиеся к двум строительным горизонтам. Верхний горизонт строительства представлен каменно-кирпичными фундаментами и стенами, фундаментными рвами, подвальными ямами и деревянными коробами ливневой канализации каменных строений 1–4 (рис. 2).

Постройка 1 протянулась по северной границе раскопа вдоль тротуара Смольного проспекта. Северной и западной частями она выходит за пределы раскопа. Размеры исследованной части 76 x 10 м. Состоит из четырех помещений, разделенных кирпичными стенами. Частично они разобраны, прослежены фундаментные рвы глубиной 0,65 м и шириной 0,85 м. Фундаменты сохранившихся стен представляли собой конструкцию заложённых наглухо кирпичных арок, протяженностью 4,40 м в основании пролета, опирающихся на фундаментные каменные кладки, поставленные на массивные деревянные горизонтальные лаги. Стены толщиной 0,40 м сохранились местами на высоту 1,50–2,00 м, они были выложены из красноглиняных кирпичей поверх трех-четырёхрядной кладки известняковых подработанных подпрямоугольных плит на известковом растворе, поставленной на деревянные фундаментные лаги. Лаги состояли из двух горизонтально сложенных брёвен, скреплённых между собой поперечными деревянными клиньями. Конструкция с использованием подстилающих лаг продиктована особенностью расположения каменно-кирпичного фундамента исследуемой постройки в пределах более раннего деревянного строительного комплекса (постройки 5 и 9), заполненного мощным слоем гумусированной щепы, и наличием на этом участке высокого уровня грунтовых вод.

В помещении 1 на кв. А–В–7–11 был расположен подвал, который состоял из котлована 8,50 x 5,00 м и сооружённых в нем двух примыкающих друг к другу, не связанных между собой деревянных срубов размерами 4 x 3 м и 4 x 4 м. Сохранились нижние венцы, рубленные «в лапу». Пол выстлан досками. Расстояние от стенок котлована до венцов сруба составляло 0,40–0,35 м.

Сруб № 1 был заполнен тонким слоем светло-коричневой супеси, отложившимся в период его существования. При зачистке досок сруба обнаружены 33 российские медные монеты, в том числе 21 экземпляр чеканки 1811–1814 гг. и девять монет XVIII в.: по 1 экз. 1717, 1734, 1766, 1777, 1788, 1794, 1795, 1797 и 1798 гг. Помимо монет, были найдены фрагменты красноглиняных, фарфоровых и фаянсовых изделий, два фрагмента белоглиняных курительных трубок.

В нижней части заполнения сруба № 2 были обнаружены 78 российских медных и серебряных монет, в том числе определимых 10 монет XVIII в. (годы чеканки: 1718, 1733, 1734, 1738, 1741, 1761, 1768, 1769, 1795, 1797) и 24 монеты XIX в. (годы чеканки: 1811, 1812, 1814, 1822, 1823, 1833, 1840, 1842, 1855, 1870, 1878, 1882, 1884, 1896). Также следует отметить находку медного нательного креста (рис. 7: 4).

В помещении 2 также был расположен подвал. Он конструктивно состоял из котлована и сооруженного в нем деревянного сруба. Размеры котлована 4,90 x 3,55 м, глубина 0,85–0,95 м. Исследованные размеры сруба 4,12 x 2,80 м. Часть сруба выходит за северную границу раскопа. Сруб построен из трех венцов круглых бревен, сложенных «в лапу». Пол выстлан досками. Их перекрывал слой темно-коричневой супеси, отложившейся в период существования сруба, мощностью 0,10 м. В нем были обнаружены 23 российские медные монеты, в том числе девять монет XVIII в. (годы чеканки: 1730–1743, 1747, 1750, 1757, 1760, 1771, 1786, 1797) и 14 монет XIX в. (годы чеканки: 1800, 1811, 1812, 1813, 1814, 1855). Компактную группу образуют девять монет 1811–1814 гг. Непосредственно на досках сруба № 1 обнаружены медные монеты 1799 и 1778 гг., под ними монета 1811 г. Здесь же развал красноглиняного сосуда с желто-зеленой поливой внутри венчика и обломок фарфоровой тарелки с клеймом фабрики «Братьев Корниловых» 1843–1861 гг. Юго-западный угол сруба № 1 помещения 2 прорезает овальную яму, заполненную слоем светло-коричневой супеси, в заполнении которой найдено четыре медные монеты 1731, 1740, 1741 и 1759 гг. Таким образом, 1759 г. – нижняя дата для сооружения сруба № 1 помещения 2 постройки 1.

Подвальная часть помещения 3 (погреб) в материковом котловане включала два отсека – северный и южный. Стены южного отсека наборные из тесаных плоских досок или горбыля, укреплены в пазах вертикальных угловых столбов – четырехгранных в сечении брусев. Стены северного отсека (включая общую стену) выполнены из расщепленных пополам бревен, собранных в срубную конструкцию («в чашку»). Пол выложен из широких необрезных досок,

плохо подогнанных друг к другу, с большими щелями. Вся деревянная конструкция была устроена в материковом котловане глубиной 1,20–1,30 м от уровня погребенной почвы. Сохранившаяся высота дощатых стен от уровня пола 0,40 м. С юга к стене южного отсека помещения примыкает вход в погреб – материковый пологий пандус с дощатыми стенками, аналогичной каркасной конструкции, длиной 2,80 м, шириной 1,00 м. На материке лежали несколько толстых поперечных досок, вероятно, служивших ступенями. В пределах помещения 3 (в подвальной и наземной частях) найдено наибольшее количество монет – около 250 экз. В слое разрушения обнаружены медные монеты от 1730 до 1913 г. (преимущественно конца XVIII – первой трети XIX в.). В слое периода функционирования постройки в большом количестве присутствуют монеты 1730–1750-х гг. и монеты начала XIX в., а также отдельные монеты рубежа XIX–XX вв. В целом такой широкий диапазон чеканки обнаруженных здесь монет связан с тем, что часть заполнения погреба – это культурный слой, оплывший сверху из наземной части помещения уже после разрушения постройки. Индивидуальные находки – обломки стеблей белоглиняных голландских курительных трубок, свинцовые пломбы, бронзовая пуговица, обломки стеклянных штофов с клеймами.

Проезд. Между помещениями 2 и 3 данной постройки сохранился участок мощеной булыжником мостовой – дороги с частично сохранившимися крупными бордюрными камнями по обоим краям. Ширина проезда 2,50 м, длина соответствует длине стен постройки – около 9 м. По всей видимости, проезд располагался внутри постройки 1 и имел арочное перекрытие.

Постройка 2 находилась в северо-восточном углу участка. С запада к ее стене примыкала постройка 1, с востока – постройка 3. Стены строения сохранились на высоту 1,60–3,00 м. Толщина стен составила 0,50 м в верхней кирпичной части и 0,90 м в нижней части каменного фундамента. Высота фундамента составляла около 2 м. Низ фундамента располагался на горизонтальных деревянных лежнях, сложенных из соснового бруса. Стены сложены из неклеяемых кирпичей на известковом растворе. Общие размеры исследованной части постройки 2 составили 12 x 14,40 м. В границах исследуемого участка оказались расчищены остатки двух помещений постройки. В северной части открыты кирпичные своды подвального этажа (рис. 9). Помещение представляет собой подвал со стенами из грубо отесанных известняковых блоков высотой 1,90 м с арочным сводом из кирпича на

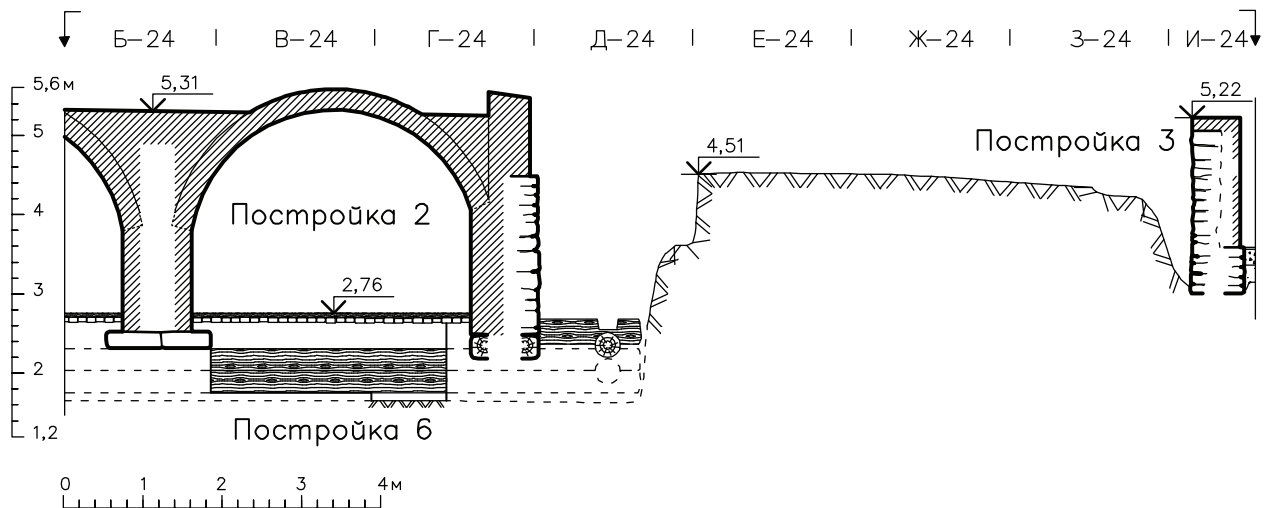

Рис. 9. Разрез постройки 2 и постройки 6

растворе и частично сохранившимся основанием кирпичных стен первого этажа здания.

Между досками рухнувших перекрытий и полом постройки в большом количестве обнаружены медные монеты (около 250 экз.), обломки красноглиняных мисок, гвозди и обломки белоглиняных голландских трубок. Датировка большинства трубок с клеймами, происходящих из нижней части постройки 2, может быть отнесена к 1740–1790-м гг. Датировка трубок совпадает с датировкой монет эпохи Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Обе эти категории находок происходят из нижней части постройки и позволяют отнести начало функционирования постройки к середине – второй половине XVIII в. Это «казенный питейный дом», который на планах участка впервые фиксируется в 1844 г.

Постройка 3 находилась с юго-восточной части участка. С юга она примыкала к постройке 2. Лицевой фасад здания выходил на восток. По фасаду хорошо сохранились оконные и дверные проемы. Общие размеры строения составили 13 x 19 м. Постройка делится на четыре помещения. К северо-западному углу постройки примыкает крыльцо прямоугольной формы с лестницей из каменных ступеней в один пролет, ведущей в подвальное помещение (помещение 3). Здесь под цементной стяжкой были найдены две медные монеты: медная 1 копейка 1883 г. и 2 копейки 1896 г. Дата чеканки самой младшей из них позволяет сузить время перестройки подвала до 1896–1907 гг. Ниже, под первоначальным известковым полом найдена монета 2 копейки 1811 г., дающая примерную

дату постройки. Внутренний объем помещений дома оказался заполнен кирпичными развалами разрушенных стен второго этажа и перекрытий. В заполнении разрушенных конструкций были найдены монеты XIX – начала XX вв. и фрагменты столовой посуды с клеймами фабрик Кузнецовых. Обнаруженные кирпичные стены, скорее всего, являются остатками дома купца Янкина и его наследников начала-первой половины XIX в.

Постройка 4 расположена в южной части раскопа и примыкает с запада к постройке 3, западная часть уходит за границы раскопа. Размеры исследованной части 38 x 11 м. Делится на шесть помещений. Остатки северной и южной стен помещения в пределах раскопа были прослежены в виде фундаментных траншей. Сохранившиеся фрагменты внутренних стен представляют собой трехрядную кирпичную кладку на известковом растворе шириной 0,60 м, поставленную на двух-трехрядную каменную стенку шириной 0,90 м, сложенную из массивных подработанных известняковых камней. Фундаментная конструкция была заглублена в материковую траншею на 0,30–0,60 м от уровня погребенной почвы. Максимальная высота стены составила 1,20 м. Кладка выполнена из кирпичей на известковом растворе в верстовой системе перевязки. Формат кирпича 0,23 x 0,12 x 0,06 м. Фундамент стены сложен из грубоколотых известняковых плит размерами 0,40 x 0,30 x 0,20 м и 0,30 x 0,20 x 0,10 м. Камни фундамента скреплены известняковым раствором с примесью кирпичной крошки. В помещении 3 были обнаружены три каменно-кирпичных прямоугольных конструкции, служившие, вероятно, основаниями печей.

В помещении 3 постройки 4 найдены 72 монеты. Подавляющее большинство монетных находок приходится на 30–40-е гг. XVIII в., также имеется серия монет 1811–1814 гг. выпуска. Самая поздняя – медная 1 копейка 1886 г. Особо следует отметить находку створки бронзового складня (рис. 5: 3).

В помещении 4 сохранились доски деревянного пола, уложенные по линии север-юг на поперечных лагах. При разборке заполнения обнаружены более 30 монет, из которых большая часть найдены под досками пола – от денег 1730–1740-х гг. до медных копеек середины XIX в. Несколько монет, самые поздние, относятся к 1852, 1868, 1873, 1885 гг. Под досками пола найден бронзовый крест с распятием (рис. 6: 1), свинцовые пломбы, медные пуговицы, медный крест-тельник (рис. 10) и медная монета – 1 копейка 1797 г.

В помещении 5 сохранился пол в виде древесного тлена. Пол уложен на лаги в виде 12 клеток размерами 1,90 x 2,20 м, сложенных из бревен. На уровне пола найдены 23 монеты, самая поздняя из них 1876 г.

Помещение 6 – подвал, в него с северной стороны ведет лестница из пяти каменных ступеней, опирающаяся с запада на кирпичную опорную стенку, с востока вмурованная в толщу стены постройки 3. Ширина лестницы 1,80 м, высота от верхней ступени до уровня пола 0,90 м. Кроме того, в помещении с востока имеется дверной проем из помещения 4 постройки 3. Северная стена помещения 6 была, судя по всему, деревянной каркасной конструкции, от нее сохранились угловые столбы и нижняя каркасная балка. Дощатые полы уложены на три продольных бревна, которые, в свою очередь, лежат на четырех массивных поперечных лагах в виде толстых бревен с выборками под вышележащие лаги и со стесанной верхней плоскостью. В слое разрушения постройки найдены монеты, относящиеся ко второй половине XIX – началу XX вв.: копейки 1852, 1863, 1888 и 1928 гг., кроме того, денга 1795 г. В заполнении помещения на уровне дощатых полов и под ними обнаружены большей частью фрагменты красноглиняной посуды, обломок стебля курительной голландской трубки и монеты – копейки 1842 и 1879 гг. Помещение 6 постройки 4, по всей видимости, наиболее позднее из всех, его отнесение именно к постройке 4 условно. Оно было построено уже после того, как вдоль восточной стены постройки 4 была устроена дренажная система из ям-коробов, функционировавшая в течение второй половины XIX в., т.е. помещение 6, вероятно, датируется последней третью – концом XIX в.

Нижний горизонт застройки участка представлен хорошо сохранившимися нижними венцами и настилами из досок от пяти деревянных построек 5–9 (рис. 3), которые были обнаружены непосредственно под фундаментами четырех каменных построек середины XVIII–XIX вв.

Постройка 5 была расчищена в северо-западном углу раскопа под западной частью каменных фундаментов постройки 1. Она представляет собой прямоугольное каркасно-столбовое деревянное подвальное сооружение, заглубленное в материк на глубину 1,00 м от уровня погребенной почвы. Размеры 11,00 x 8,50 м при сохранившейся высоте стен 1,00 м. Заполнение – гумусированный мешаный суглинок с включениями щепы и гумус с мокрой щепой, деревом и включениями навоза, перекрывающий дощатый пол. В заполнении постройки найдены многочисленные предметы из кожи, дерева и луба, в том числе нашли днище от бочки с инициалами владельца (рис. 11), а также красноглиняную керамику характерной формы – миски со сливами (рис. 12). Из датирующего постройку материала необходимо отметить находки двух монет, зафиксированных под уровнем деревянного пола, – русских медных монет 1748 и 1750–1754 гг. чеканки, что позволяет отнести начальный этап существования исследованного сооружения к периоду не позже середины XVIII в.

Постройка 6 найдена под подвальными помещениями постройки 1 и основанием каменного подвала постройки 2 в северо-восточном углу участка (рис. 9). Размеры исследованной части постройки составили 8,60 x 7,50 м. Постройка в своей нижней части имела два сруба. Внутренний служил стенами подпольной части, внешний – основанием внешних основных стен дома. Стены обоих срубов рублены «в чашку». В южной срубной внутренней стене постройки 6 между ее верхним и нижним венцами зафиксированы концы врубленных поперечных лаг, служивших опорами пола в подпольной части помещения.

В постройке 6 найдены фрагменты красноглиняных и сероглиняных горшков и мисок, фрагмент чернолощеного кувшина с волнистым орнаментом, обломок стебля курительной трубки с клеймом «IN GOUDA», свинцовая пломба, фрагменты бронзовых украшений, роговой гребень, небольшой обломок донца белой фарфоровой чашечки с иероглифическим клеймом (рис. 13). Найдено 20 монет, среди которых преобладают денги и полушки, чеканенные с 1735 по 1772 г. Постройка может быть датирована 1740–1750-ми гг. (не позднее 1770-х гг.) на основании находок белоглиняных голландских трубок с клеймами и монет, преобладающих в заполнении, а также на том основании, что соору-

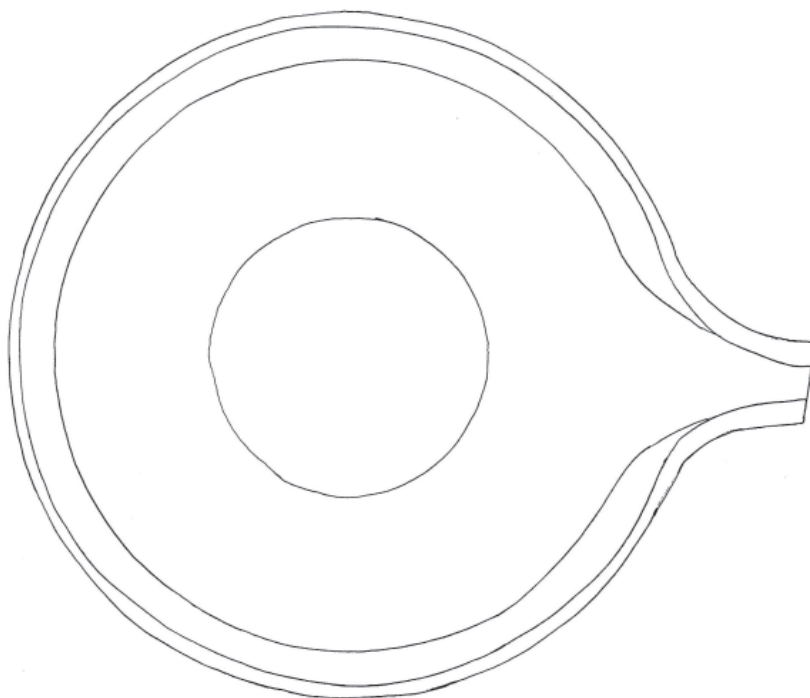
Рис. 10. Смольный проспект. Находки из заполнения постройки 4:
1, 3, 7 – пуговицы, 2 – крест-тельник, 4–6 – свинцовые пломбы

T-12-P1-2128

Рис. 11. Донце бочки с надписью из нижней части заполнения постройки 5

T-12-P1-2313

Рис. 12. Красноглиняная миска из нижней части заполнения постройки 5

Рис. 13. Смольный проспект. Находки из заполнения постройки б: 1–3 – красноглиняная посуда, 4 – мундштук курительной трубки, 5 – роговой гребень, 6 – фрагмент копоушки?, 7 – свинцовая пломба, 8 – перстень

жение перекрывающей ее постройки 2 относится ко времени не позднее 1770-х гг.

Постройка 7 обнаружена между восточной стеной раскопа и фасадом постройки 3. Она состояла из двух частей: южная представлена срубом (7б), северная – настилом из досок (7а). Размеры постройки составили 4,00 x 8,70 м. В заполнении постройки были найдены: лапоть, топор, железное калачевидное кресало и несколько обломков красноглиняной керамики (рис. 14).

Постройка 8. В раскоп попали только западная стена сруба и фрагмент северной стенки. Длина западной стены составила 6,78 м. Толщина бревен составляла около 0,40 м. Сохранился северо-западный угол сруба, рубленный «в обло». В заполнении постройки найдены две медные российские монеты: 5 копеек 1727 г. и медная денга 1754 г.

Постройка 9 обнаружена около северной стенки раскопа к западу от постройки 5 под подвальными ямами постройки 1. Она представляет

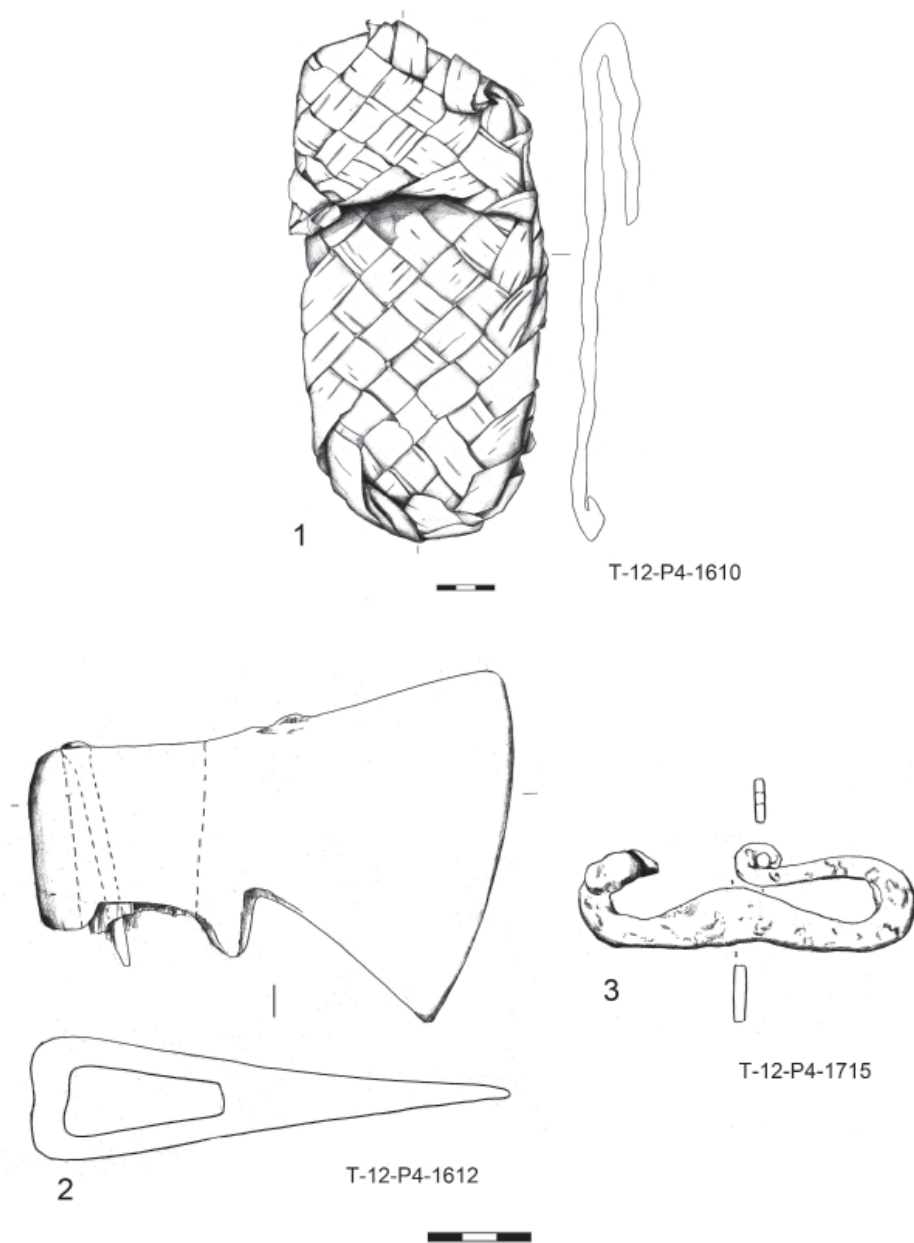

Рис. 14. Находки из нижней части заполнения постройки 7: 1 – лапоть, 2 – топор, 3 – кресало

собой комбинированную конструкцию (сруб и каркасно-столбовая камера) размерами 4,70 x 3,20 м в котловане 5,00 x 3,80 м, глубиной 1,20 м. Первоначально при строительстве была сделана опалубка из четырех опорных столбов с вертикальными пропилами, в которые были вставлены доски. Сохранились северная, восточная и южная стороны опалубки. В опалубку был вставлен деревянный сруб, сложенный «в лапу». Сохранились бревна нижнего венца. Пол из досок уложен на трех лагах со следами вторичного использования. Постройка заполнена слоем светло-серой супеси. В ней найдены двадцать девять медных монет 30–40-х гг. XVIII в. Исходя из стратиграфических данных и из анализа монетного материала, постройка может быть отнесена к строительному горизонту середины XVIII в.

При зачистке поверхности материка после снятия слоя заполнения в помещении 4 постройки 4 в южной части раскопа зафиксированы остатки частокола в виде ряда мелких (0,04–0,06 м в диаметре) столбовых ямок, вытянутых по линии запад–восток. Расстояние между ямками 0,07–0,10 м. Это остатки частокола (плетня), вероятно, связанного с сельскохозяйственной (огороднической) деятельностью жителей прилегающих кварталов окраины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в.

Таким образом, в ходе археологических раскопок были выявлены остатки четырех каменных и пяти деревянных построек XVIII–XIX вв., относящиеся к двум строительным горизонтам. Наиболее ранний период хозяйственного освоения данного участка, предшествующего собственно городской жилой застройке, представлен остатками деревянного частокола, обнаруженного на материке под полами постройки 4. Вероятно, этот объект связан с сельскохозяйственной (огороднической) деятельностью жителей прилегающих кварталов окраины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в.

Нижний этап застройки участка представлен хорошо сохранившимися нижними венцами и настилами из досок от пяти деревянных построек 5–9, которые были обнаружены под фундаментами четырех каменных построек середины XVIII – XIX вв. Этот строительный горизонт может быть датирован 1740–1750-ми гг. (не позднее 1770-х гг.) на основании находок белоглиняных голландских трубок с клеймами и монет 1730–1750-х гг., преобладающих в заполнении.

Второй, основной период строительства, представлен кирпичными постройками 1–4. Самая

ранняя из них постройка 2 с подвалом («казенный питейный дом»), по-видимому, возникла в 1760–1770-е гг., наиболее поздняя постройка 3 была сооружена, вероятно, в первой четверти XIX в. Помещение 6 постройки 4, по всей видимости, поздняя пристройка (конец XIX в.). Данный квартал с постройками 1–4 просуществовал, не претерпевая существенных перестроек, вероятно, до начала XX в.

Коллекция археологических находок, собранная в ходе исследований включает более 10 тыс. ед., из которых основная часть относится к середине XVIII – концу XIX вв. Особенно интересны для характеристики бытовой культуры Санкт-Петербурга вещи наиболее раннего периода – середины XVIII – первых десятилетий XIX вв. Это архаичная красноглиняная и сероглиняная посуда с поливой и без нее, обломки голландских курительных трубок с клеймами, медные и серебряные монеты, свинцовые пломбы, образки и крестики, обломки стеклянных штофов с клеймами. Обнаруженные комплексы позволяют реконструировать жизнь разночинного Петербурга XVIII–XIX вв. и дают возможность узко датировать рядовую застройку в районе Смольного монастыря.

Источники и литература

- Гиппинг А. И., 2003. Нева и Ниеншанц. СПб.
- Жерихина Е. И., 2009. Остров благотворительности Смольный. СПб.
- Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Городилов А. Ю., Мурашкин А. И., Садыков Т. Р., Соловьёва Н. Ф., 2010. Колокольня Смольного монастыря // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 1.
- Нейдгардт П. П., 1869. Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам. СПб.
- Немиров Г. А., 1888. Петербург до его основания. СПб.
- Нумерация домов в Санктпетербурге, 1836. СПб.
- Петров П. Н., 1885. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб.
- Пошернева Т. Н., 2011. Белоглиняные курительные трубки из раскопок Охтинского мыса (по материалам работ 2010 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 2.

- Пыляев М. И., 1889. Забытое прошлое окрестностей Санкт-Петербурга. СПб.
- Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 год, 1809. СПб.
- Семенцов С. В., 1998. Система поселений шведского времени и планировка Санкт-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы. Стокгольм.
- Семенцов С. В., 2006. Развитие Приневья и Приладожья в VIII–XVII вв. – основа создания Санкт-Петербурга и всей Санкт-Петербургской агломерации // Елагинские чтения. СПб. № 2.
- Селин А. А., 1997 (1998). Новый документ о поселении рубежа XVI–XVII вв. в устье Невы // *Archaeologia Petropolitana*. № 2.
- Селин А. А., 2001. Новый документ о поселении рубежа XVI–XVII вв. в устье Невы // *Мир истории*. № 2.
- Селин А. А., 2004. Предыстория и обстоятельства появления Санкт-Петербурга // *Отечественные записки*. № 1.
- Сорокин П. Е., 1995а. Спасская церковь – первый храм на территории Санкт-Петербурга // *Церковная археология: Материалы первой Всероссийской конференции*. СПб.; Псков. Ч. 3.
- Сорокин П. Е., 1995б. Археологические исследования 1994 года в районе Смольного монастыря // *Петербургские чтения–1995*. СПб.
- Сорокин П. Е., 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // *Archaeologia Petropolitana*. № 1.
- Сорокин П. Е., 2003. Предшественники Петербурга. Ландскрона – Невское устье – Ниеншанц // *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости*. СПб. № 30–31.
- Сорокин П. Е., 2011. Археологические памятники Охтинского мыса // *Наука в России*. № 3(183).
- Справочная книга о лицах, получивших на 1867 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям, 1867. СПб.
- Справочная книга о лицах, получивших на 1869 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям, 1869. СПб.
- Столянский П. Н., 1909. Петербург пятьдесят лет тому назад. СПб.
- Столянский П. Н., 1922. Вверх по Неве. Путеводитель. Петербург.
- Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, 1822. Санктпетербург.
- Цылов Н. И., 1849. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб.

Археологические исследования территории бывшего «Литовского замка» на набережной р. Мойки в 2012 году

С. А. Семёнов

В феврале–марте 2012 г. Отделом охранной археологии Института истории материальной культуры Российской Академии Наук было проведено разведывательное археологическое обследование на участке планируемого строительства в муниципальном округе Коломна Адмиралтейского района Санкт-Петербурга по адресу: набережная р. Мойки, д. 102, литера А. Территория исследования состояла из участка, занятого зданием типовой постройки 1961 г. (для размещения детского сада), и дворовых открытых участков, покрытых асфальтовыми дорожками и газонами (рис. 1; 2). С северной стороны она ограничена набережной р. Мойки, с восточной – набережной Крюкова канала, с западной – переулком Матвеева, с южной – домами и школой № 259. Работа выполнялась в соответствии с договором, заключенным между Институтом истории материальной культуры РАН и ООО «М 102», по Открытому листу № 17, выданному на имя С. А. Семёнова распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 8 февраля 2012 г.

На картах XVII в. изображены десятки поселений на месте современного Санкт-Петербурга, однако непосредственно в районе исследуемого участка они не обозначены.¹ На шведской карте 1676 г. местность между Невой и Мойкой названа Usadissa-saagi (Пыляев, 1889. С. 6). В шведское время земли нижнего течения Невы были подарены королевой Кристиной Бернхарду Стен фон Стеенхузену, немецкому коммерсанту из балтийских провинций. Он прожил здесь до своей смерти в 1648 г. На карте конца XVII в. эти земли отмечены как часть поместья с участками для охоты, принадлежавшего ротмистру Канау.

История непрерывного освоения данного участка начинается со времени строительства Санкт-Петербурга. Эти земли изначально относились к Адмиралтейскому острову. В 1711 г. Мойку соединили с Фонтанкой, между ними образовался новый остров, получивший название Безымянный (Богданов, 1779. С. 24). В первые десятилетия строительства Петербурга Мойка называлась Мья.

¹ Историческая справка в основном подготовлена сотрудником ИИМК РАН М. А. Юшковой.

В петровское время по левому берегу Мойки располагались дачи, граничившие с лесом. Сведения о застройке исследуемого участка можно получить из карт первой четверти XVIII в. (Базарова, 2003). На плане Г. П. Буша 1717 г. на левом берегу Мойки обозначена застройка набережной одноэтажными каменными домами (рис. 3). Южнее показан лесистый участок. Квартал на набережной, расположенный ближе к адмиралтейству, обозначен литерой «g» – дворы бояр. На этом плане между кварталом домов бояр и линией одиночных каменных домов на набережной Мойки изображена церковь в виде двухэтажного строения с высокой конусовидной (шатровой) крышей, увенчанной крестом. На других планах 1717 г. (план И. Б. Хоммана и гравюра Полибина) и на плане Р. Отенса 1725 г. также показана церковь, изображенная в виде здания с крестообразной планировкой, расположенная на набережной Мойки между кварталом боярских домов (восточнее) и полосой прибрежной застройки Мойки (западнее). На гравюре Полибина церковь обозначена литерой «t» – русская церковь. Совмещение этих планов с современной топоосновой показывает, что церковь могла располагаться в пределах рассматриваемого участка. Поскольку карты первой четверти XVIII в. имеют сильные искажения, определить по ним точное местоположение церкви не представляется возможным.

Исследуемый участок расположен рядом с Адмиралтейским островом. Здесь строилось Адмиралтейство и располагались адмиралтейские слободы. К Адмиралтейству примыкала Морская слобода, за Мойкой располагалась Пушкарская. В начале 1710-х гг. в адмиралтейских слободах шло активное строительство. В тот период это был один из двух наиболее динамично развивавшихся участков города, наряду с Городским (Петроградским) островом. Здесь получали участки различные служащие Адмиралтейства – офицеры, солдаты, матросы, плотники, кузнецы, корабельные мастера, подьячие. В 1720 г. был издан указ, предписывавший жителям Адмиралтейского острова и прилегающих за Мойкой участков, не являвшихся работниками Адмиралтейства или владельцами домов на набережной Невы и Мойки, переселяться на Василь-

Рис. 1. Набережная р. Мойки, д. 102. План участка исследования

евский остров. Освободившиеся участки должны были выделяться работникам Адмиралтейства. Параллельно осуществлялась новая планировка улиц. Этот указ не был полностью выполнен. Однако идея закрепления отдельных участков города за определенными ведомствами существовала еще долго. Так, служащие Адмиралтейства получили

право продажи своих участков только в 1761 г. В петровское время предпринимались попытки запретить деревянное строительство и заменить его каменным. Однако они не были успешны. В частности в 1719 г. было разрешено строительство деревянных домов на набережной Мойки (Луппов, 1957. С. 22, 50, 60).

Рис. 2. Набережная р. Мойки, д. 102. Участок исследования. Вид с юго-востока

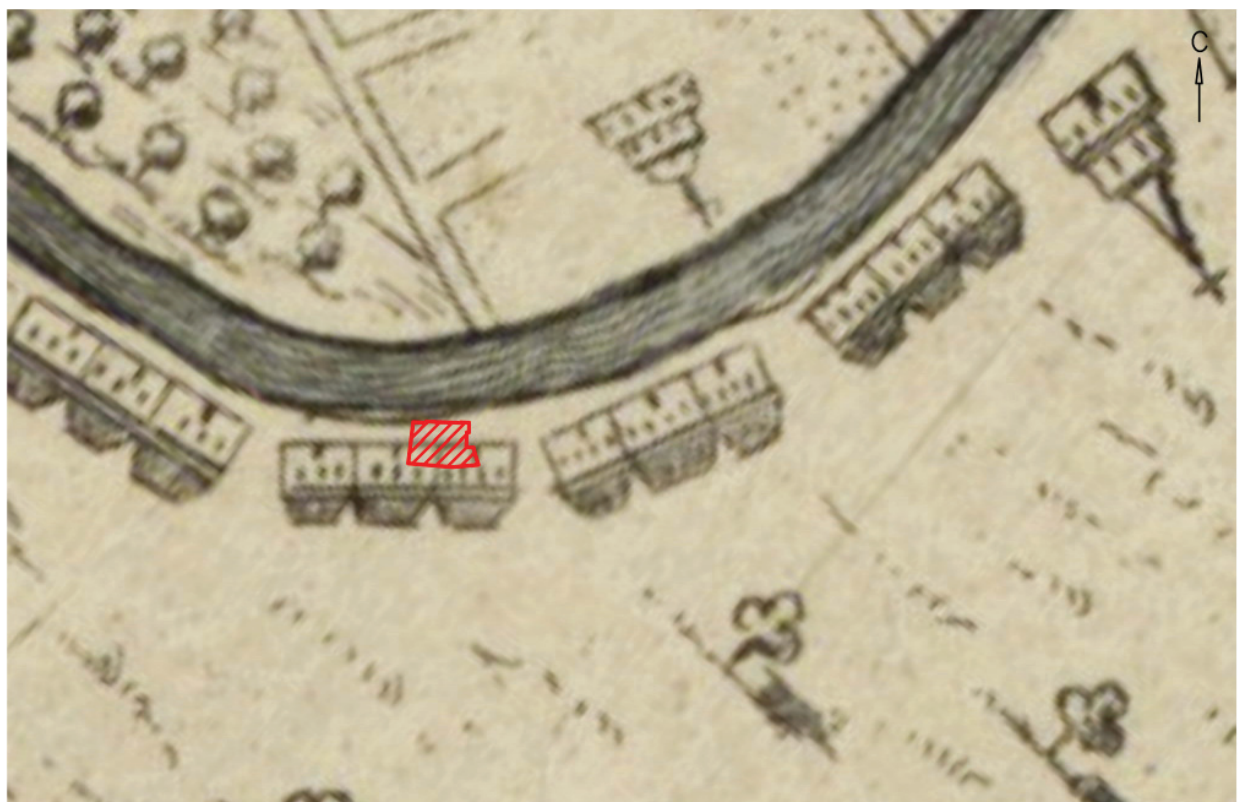

Рис. 3. Фрагмент плана Г. П. Буша 1717 г. (План Петербурга, 1717) с указанием исследуемого участка

В 1715–1717 гг. началось обустройство набережной Мойки – укрепление ее сваями. Указом 1715 г. каждому домовладельцу предписывалось обустройство набережной напротив своего дома. Данное распоряжение выполнялось плохо, и в 1717 г. правительство взяло на себя обустройство набережной Мойки напротив домов несостоятельных жителей и на незастроенных участках, однако расходы на это строительство предполагалось возложить на жителей, имевших дома во внутренней части на Адмиралтейском острове. Согласно указу 1715 г., сваи на Мойке следовало забивать исходя из расчета средней ширины реки, а не на берегах, т.е. предполагалось изменение очертания береговой линии. Набережные петровского времени были деревянными и быстро выходили из строя (Столпянский, 1909. С. 165; Луппов, 1957. С. 131).

В 1717–1719 гг. велось строительство канала, соединявшего Мойку с Невой. Подряд осуществлял Семен Крюков. Это был один из крупных подрядчиков по устройству каналов, а также по поставке извести. С. Крюков имел на Городском острове «двор с хоромами», который, однако, был у него конфискован за недоимки (Луппов, 1957. С. 72, 128). Относительно истории получения данного подряда сохранилась историческая легенда. Петр I, покровительствуя живописцу Ивану Никитичу Никитину, устроил в своем доме аукцион его картин, которые до этого не покупали. После этого картины быстро раскупили, и осталась одна. Царь продавал ее с условием: «Эту картину купит тот, кто больше меня любит». Ее купил Семен Крюков, за что ему был дан подряд на рытье канала и обещание, что канал будет называться его именем (Зуев, 2007. С. 246–247).

В 1736 и 1737 гг. в Санкт-Петербурге случились сильные пожары. На Адмиралтейском острове выгорели значительные территории. Пожары происходили и в районе Крюкова канала. Для восстановления сгоревших кварталов, организации проектной и строительной жизни столицы Анна Иоанновна создала «Комиссию о Санкт-Петербургском строении». Комиссия должна была подготавливать проекты застройки погоревших и новых территорий, разрабатывать градостроительные проекты, выработать правила безопасности при застройке, определять места для площадей, улиц и набережных. Комиссия начала со снятия плана Адмиралтейской стороны. Составление генерального плана Петербурга было поручено инженер-майору И. Б. Зихейму, занимавшемуся съемкой города в течение 1737–1740 гг. Наряду с созданием точного топографического плана города, складывалось новое административное деление города, разрабатывались градостроительные проекты отдельных частей го-

рода, типовые проекты. Город был разделен на пять частей: Адмиралтейскую, Васильевскую, Санкт-петербургскую, Литейную, Московскую (Семенов и др., 2004. С. 166–177).

Комиссия о строении приняла ряд решений по застройке Адмиралтейской части. Для служащих Адмиралтейства было отведено новое место жительства – Коломна. Название «Коломна» происходит от немецкого слова *Kolonie*, обозначающего селение. Были прорублены просеки на месте будущих улиц. От просеки на месте будущей Большой Офицерской улицы перпендикулярно ей были прорублены еще десять просек. Указом от 9 июля 1737 г. Комиссия назначила раздавать образовавшиеся участки морским высшим и низшим чинам. В указе также сообщалось, что в этом районе будут построены Адмиралтейские казармы, дома офицеров и служащих, морской полковой двор (Богданов, 1779. С. 24, 206–207; Георги, 1794. С. 22; Столпянский, 1909. С. 231).

В 1738 г. архитекторам П. М. Еропкину и М. Г. Земцову было поручено определить точные места для жилой застройки. Комиссия определила раздавать участки по берегам Глухого протока (канал Грибоедова), Фонтанки, Пряжки и по двум первым к Мойке улицам только морским чинам, а остальные – разночинцам. На одно лицо полагался участок 10 x 20 сажень. Размер участков офицеров должен был превышать вдвое или втрое размер участков для лиц, не имевших чинов. В том же году было запланировано перенесение в этот район 214 дворов служащих Адмиралтейства. П. М. Еропкину было поручено распределение мест под дворы за Мойкой от Вознесенского проспекта до Калинкина моста на плане, составленном И. Б. Зихеймом. Указом от 9 июля 1737 г. на правом берегу Глухой речки (канала Грибоедова) вплоть до дворов на набережной Мойки назначалось строительство казарм морских служителей, всего 79 домиков (Петров, 1885а. С. 337–339, 344, 346). Таким образом, вдоль Мойки сохранялась загородная застройка, а к югу от нее планировался квартал с регулярной застройкой для размещения жилых слобод.

В документах комиссии закрепилось наименование «Мойка» (в предшествующий период она обычно называлась Мья или Мга). В 1738 г. в ходе нового устройства Адмиралтейского острова и прилегающих с юга территорий по указу Анны Иоанновны Мойка была вычищена и обита сваями. Специальным указом запрещалось бросать мусор в воду. На обоих берегах были устроены деревянные набережные. За работами по устройству набережной следила полицмейстерская канцелярия,

в 1739 г. они были окончены. В дальнейшем следить за состоянием набережных и ремонтировать их должны были сами жители. После принятия этих мер река стала чистой и судоходной. В докладе комиссии 1738 г. указывается на целесообразность продления Гороховой улицы от Мойки до Фонтанки и сооружения мостов. При этом предлагалось построить неподъемные мосты через Глухой проток (канал Грибоедова) и Фонтанку, а мост через Мойку сделать подъемным для прохода судов. Это свидетельствует о судоходности Мойки, в отличие от соседних рек. В дальнейшем чистота воды в Мойке уменьшалась, и в 1847 г. появилось категорическое запрещение водовозам брать воду из Мойки (Богданов, 1779. С. 15; Петров, 1885а. С. 337–339; Столпянский, 1909. С. 165, 229).

На плане Санкт-Петербурга 1738 г., составленном И. Б. Зихеймом, детально показана достоверная городская застройка. На месте исследуемого участка обозначено домовладение № 78, принадлежавшее графине Ягузинской. На этом участке изображены два близко стоявших деревянных строения, расположенных вдоль набережной и, вероятно, находившихся на исследуемом участке. К ним перпендикулярно примыкают строения, вытянутые вглубь от Мойки. Южнее, до Большой Офицерской улицы (Декабристов), показана лесистая часть. К западу под № 79 расположен участок контр-адмирала Синявина, к востоку – участок № 77 князя Михайла Галицина. П. Н. Петров (1885а. С. 348) указывает, что комиссия оставила между владельческими дачами два проезда, шириной по 12 сажень каждый, от Большой Офицерской улице к Мойке: один к Поцелуеву мосту, возле дачи графини Ягузинской, а другой на месте Тюремного переулка, рядом с участком контр-адмирала Синявина.

Владелица участка графиня Ягузинская – Анна Гавриловна Ягузинская, урожденная Головкина, впоследствии Бестужева-Рюмина. Анна Гавриловна по рождению принадлежала к ближайшему царскому окружению: ее дед, боярин И. С. Головкин, являлся двоюродным дядей матери Петра I Натальи Кирилловны, отец занимал пост государственного канцлера. В 1723 г. она стала женой Павла Ягузинского (впоследствии получившего титул графа), одного из ближайших сподвижников Петра I, государственного деятеля, дипломата. В 1736 г. Анна Гавриловна овдовела. В 1743 г. она вышла замуж за графа М. П. Бестужева-Рюмина и в том же году оказалась замешана в «заговоре Ботта–Лопухиных» против Елизаветы Петровны. Анна Гавриловна была подвергнута пыткам, ее приговорили к казни, замененной на ссылку в Сибирь, били кнутом и вырезали язык. Скончалась в 1751 г. в Якутске.

История домовладения на соседнем участке ниже по течению Мойки изучена достаточно подробно (Краснова, 2007. С. 14–16; Краснова, Лукоянов, 2009). На карте 1738 г. владелец этого участка между № 78 и 79 не указан. Его первым известным домовладельцем был обер-прокурор Сената Анисим Семенович Маслов. В 1736 г. участок был куплен у его вдовы английским купцом Францем Гарднером. В 1755 г. его вдова продала участок металлопромышленнику и меценату Никите Демидову, через тридцать лет, в 1784 г., дом перешел к А. И. Мусину-Пушкину. Вдова купца Гарднера сообщала, что соседями были с правой стороны адмиральша Матрена Артемьева, дочь Синявина, а с левой стороны гофмаршал граф Андрей Михайлович Ефимовский. А. М. Ефимовский (1717–1767) был мужем одной из дочерей Ягузинских – Марии Павловны (1732–1755). В 1762–1764 гг. в газете «Санкт-Петербургские Ведомости» появлялись объявления о продаже А. М. Ефимовским дома на Мойке. Во время владения домом Ягузинских и Ефимовского в нем располагалась Церковь Спаса Всемилоостивого (Историко-статистические сведения, 1878. С. 72).

В 1741 г. был издан так называемый Академический план. Он был составлен на основе тех же документов и съемок, что и план 1738 г., однако был выполнен в другом, более мелком масштабе. Застройка на этом плане показана в обобщенном виде – по границам кварталов. На месте исследуемого участка обозначена сплошная застройка. К западу на набережную Мойки выходит большое здание П-образной формы, вытянутое по линии север–юг. Эта часть плана 1741 г. совершенно не совпадает и даже противоречит данным плана 1738 г. Данное здание отсутствует и на планах более позднего времени.

На плане И. Ф. Трускотта 1753 г. исследуемый участок расположен в западной части крупного земельного владения, на котором в виде двух квадратов показан сад. Строения размещены в основном в южной половине участка, только одно из них расположено непосредственно на набережной. Угол этого дома, возможно, попадает в пределы изучаемого участка. Уникальные сведения о застройке этой территории можно получить из аксонометрического плана П. де Сент-Илера 1765–1773 гг., на котором обозначено землевладение в тех же границах, что и на плане 1753 г., однако заметны и произошедшие изменения. Основную часть участка по-прежнему занимает сад, имевший очень сложную планировку и состоявший из нескольких частей. В северо-восточной части сада расположена оранжерея. Планировка построек в южной части участка в целом сохраняется,

но увеличивается их количество. Изменения отмечены в северо-западной части землевладения, которая попадает в зону исследования. На плане П. де Сент-Илера, в отличие от плана И. Ф. Трускотта, не указано никакой постройки, стоящей непосредственно на линии набережной в центральной части участка. В северо-западной части участка показан большой пруд прямоугольной формы, вытянутый по оси севр–юг. Сопоставляя границы исследуемого участка и изображения на плане Сент-Илера, можно предположить, что на территории обследования располагались северная половина пруда и прилегающие участки сада.

В примечаниях к плану Санкт-Петербурга XVIII в. П. Н. Петров (18856) сообщает, что на месте участка графини Ягузинской в 1779 г. располагалась дача И. П. Елагина. Иван Перфильевич Елагин (1725–1793) был государственным деятелем, историком, переводчиком, писателем, масоном.

В 1780-х гг. в конфигурации рассматриваемого района произошли кардинальные изменения. В 1780–1787 гг. в створе Крюкова канала был прорыт новый канал, соединявший Мойку и Фонтанку, первоначально называвшийся Поперечным каналом, а уже с 1783 г. – Никольским, названным по Никольскому Морскому собору, мимо которого он протекал (построенному в этом районе в середине XVIII в.). Позднее, в 1830 г., эти два канала получили одно общее наименование – Крюков. В этот же период, в 1801–1807 гг., берега канала были облицованы гранитом по проекту И. К. Герерда. Работами руководил мастер-каменотес Самсон Суханов (Платунов, 1999. С. 281; Владимирович, Ерофеев, 2008. С. 318; Беляева, 2009. С. 238).

На угловом участке, образованном пересечением Мойки и Никольского канала, в 1783–1787 гг. по проекту И. Е. Старова было построено здание тюремного замка. Северная часть замка заходит на исследуемый участок. Первые годы после постройки здание пустовало. Сохранилось описание этого замка, сделанное в 1794 г. И. Г. Георги: «Новостроенный тюремный замок, оконченный в 1787 г., еще пуст и церковь в нем еще не освещена. Он занимает левый угол, составляемый Мойкой и Никольским каналом в виде пятиугольника высотой в 2 яруса, с весьма толстыми стенами, железными воротами и снаружи без окошек, в ширину имеет оный только один ряд тюрем [камер] и ход перед всеми тюрьмами. Тюрьмы и окна в оных неодинаковой величины, но, впрочем, единообразны. Во всех окна сделаны высоко и на двор. В каждой тюрьме есть кирпичная печь, маленький кирпичный стол и стул, железные снаружи двери и в той же

стене нужное место. Кухни несколько посветлее. Во втором ярусе все точно так, как в нижнем, мною здесь описанном. На всех пяти углах кровли находится по высокому круглому большому куполу, кои служат вместо кладовой. На дворе построена малая тюрьма...» (Георги, 1794. С. 98).

В 1797 г. в это здание был переведен Сенатский батальон, превратившийся в 1801 г. в Литовский мушкетный полк. Позднее замок был передан морскому ведомству, от которого, по предложению Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, был передан Городской Думе для перестройки его в тюрьму (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 101. Д. 308. Л. 83). В обыденной речи здание стали называть Литовской казармой, а позднее, в связи с переводом туда тюрьмы, – Литовским замком (Галанина, 2007. С. 14). Согласно другой версии, которую приводит писатель В. В. Крестовский в описании замка 1865 г., он был назван так из-за находящегося по соседству Литовского рынка (Зуев, 2003. С. 161).

В инвентарном описании Литовского замка общается, что «по атласу 1798 г. и ведомостям поземельного сбора на месте тюремного замка значатся четыре отдельных здания ведомства Санкт-Петербургской полиции (Атлас, л. 27, окладная книга Санкт-Петербургской полиции 4 Адмиралтейской части). По плану 1807 г. на этом месте показаны каменные казармы Литовского полка приблизительно в существующих теперь границах (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 101. Д. 308. Л. 83).

В 1822 г. в связи с переполненностью градской тюрьмы Александр I повелел перестроить Литовскую казарму в тюрьму (рис. 4). Проект перестройки поручили составить придворному архитектору И. И. Шарлеманю. Лицевая часть здания, выходящая на Офицерскую улицу, была капитально перестроена. В стенах были прорезаны высокие окна, разобраны пять старых башен, вместо которых построены две новые угловые. Фасад церкви украсили фигурами двух ангелов, держащих крест, выполненных скульптором С. С. Пименовым. Часть здания, выходящую на Мойку, также окаймляли две угловые башни. В одной из них был оборудован колодец, соединявшийся с Мойкой. Кроме того, перестроены коридоры со стороны двора, оборудованы несколько туалетов, перепланированы помещения камер. Всего было создано 10 отделений с 103 камерами, в которых можно было разместить до 600 арестантов. В 1841–1849 гг. замок отремонтировали и перестроили по проекту Ф. И. Габерцетеля: над вторым этажом флигеля, обращенного на Тюремный переулок, построили третий этаж (Перов, 2004. С. 635–636).

Рис. 4. Фрагмент плана 1828 г. (Шуберт, 1828) с указанием исследуемого участка

Сохранились подробные чертежи здания первой половины XIX в. На чертеже 1842 г. во флигеле, обращенном к Мойке, изображены следующие помещения: на первом этаже в восточной башне – квасная, в западной – водокачка, в самом флигеле – квартира эконома и сени, в примыкающей части флигеля, выходящего на Крюков канал, – отделения для малолетних и для женатых инвалидов; на втором этаже в восточной башне, во флигеле, выходящем на Мойку, и примыкающей части флигеля, выходящего на Крюков канал, – мужской лазарет, в западной башне – аптека, в примыкающей части флигеля по Тюремному переулку – квартира аптекаря (рис. 5). На плане более раннего периода, подписанном архитектором А. И. Шарлеманем, сделаны карандашные пометки, согласно которым на первом этаже располагались: в восточной башне – кладовка, в западной – аптека, во флигеле, выходящем на Мойку, – квартира, в примыкающей части флигеля, выходящего на Крюков канал, – пекарня; на втором этаже обозначена больница. В инвентарной описи зданий указаны их размеры: «по Мойке здание каменное двухэтажное, шириной 6,8 саж., длиной 11,4 саж. ... Две равные башни по реке Мойке занимают площадь обе в 33,22 кв. саж. Высота их 6,8 саж.»

(ЦГИА, Ф. 513. Оп. 101. Д. 308. Л. 21–22, 25–26, 54, 58, 84об., 85об.).

В 1823 г. Литовский замок был переименован в Санкт-Петербургскую Градскую тюрьму и начался тюремной общий устроившийся. Здесь предполагалось содержать следственных и подсудных, несовершеннолетних, мужчин, женщин и следующих с ними детей. Здесь могли содержаться осужденные, пересыльные и ссыльные, подвергшиеся административному аресту, и неисправные должники. По данным 1860-х гг. Литовский замок находился в состоянии переполнения. Так, в 1865 г. в нем в среднем содержалось около 900 арестантов. В одном из очерков Н. С. Лескова этого периода («Страстная суббота в тюрьме», 1862 г.) описана жизнь заключенных в Литовском замке (Сухарева, 2007). С 1884 г. Литовский замок превратился в исправительную тюрьму.

В 1842 г. владелица соседнего участка Е. П. Трувеллер продала его часть Городской Думе для организации переулков вдоль тюрьмы. Она обращалась на имя Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора с просьбой, чтобы переулок был назван Замковым, но по высочайшему по-

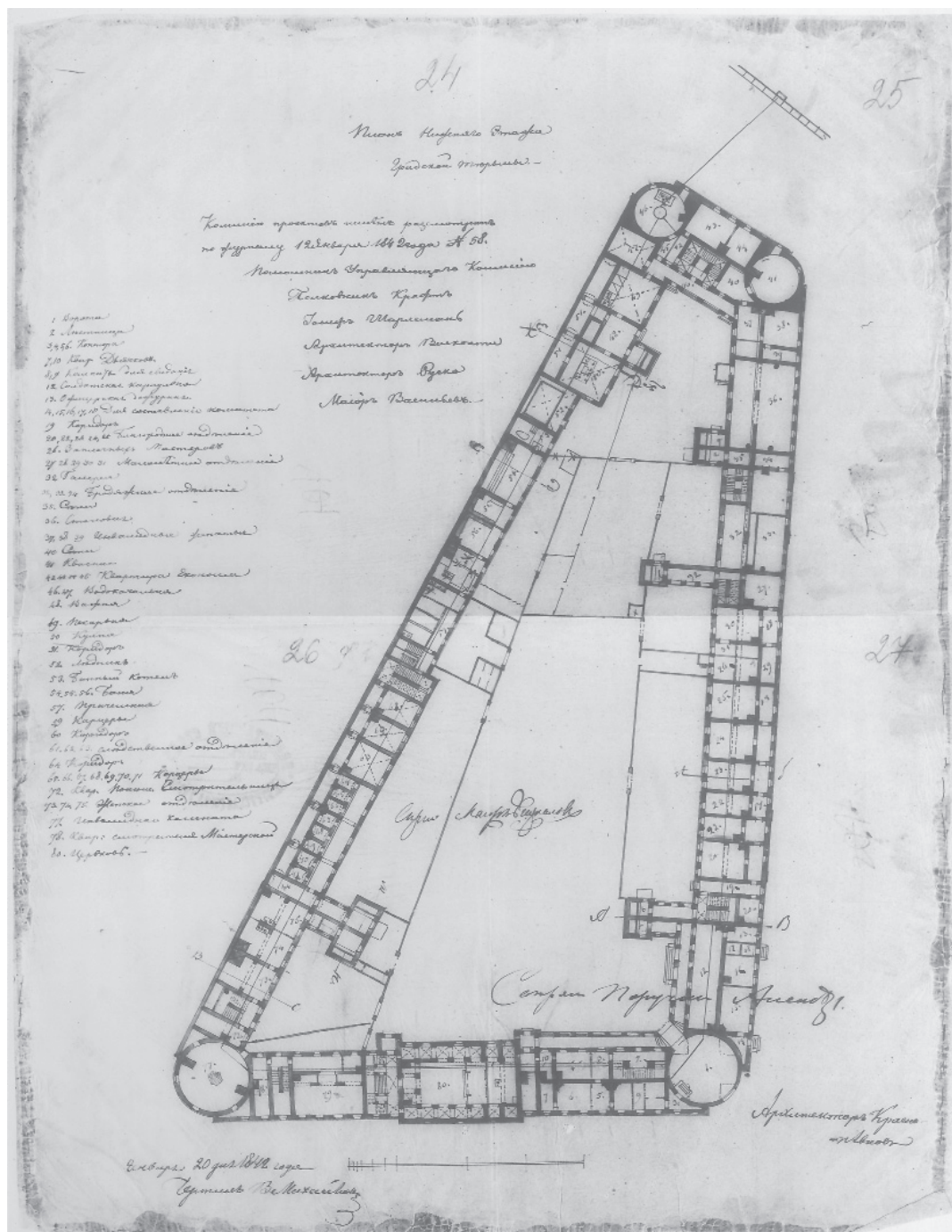

Рис. 5. План нижнего этажа градской тюрьмы 1842 г. (ЦГИА, 1842)

велению он был назван Тюремным (совр. пер. Матвеева) (Краснова, Лукоянов, 2009. С. 265). В справочнике 1851 г. сообщается, что за тюрьмой от Мойки до Офицерской улицы (Декабристов) недавно был проведен переулок «для пресечения всякого сообщения с тюрьмой» (Греч, 1851. С. 168).

В феврале 1917 г. Литовский замок был сожжен (рис. 6). В 1929 г. принято решение о сносе замка,

в 1929–1930 гг. он был разобран, на его месте возведены новые дома. Дом, расположенный по адресу наб. р. Мойки, 102 построен по типовому проекту для размещения детского сада в 1961 г.

Полевые исследования

Общая площадь территории, отводимой под строительство, составляет 1230 кв. м, площадь без учета стоящего здания 908 кв. м., из которых 520 кв. м

Рис. 6. Литовский замок. 1927 г. Вид на флигель, расположенный вдоль Мойки, и башню на углу набережной р. Мойки и пер. Матвеева (Научный архив ИИМК РАН, 1927)

свободны от коммуникаций и доступны для изучения. С целью исследования остатков фундамента тюрьмы (Литовского замка) было заложено пять шурфов, размерами 2 x 2 и 4 x 2 м, с учетом смещения современного топоплана участка и планов 1842 г.

Шурф 1

Шурф, размерами 4 x 2 м, заложен на северо-западе участка, в 7,2 м к западу от здания бывшего детского сада, в 3,4 м к востоку от ограды, на газоне.

Поверхность шурфа представляла собой слой дерна, мощностью 0,10–0,15 м, на отметках 3,45–3,49 м в Балтийской системе координат (далее БС). Геодезический репер, с отметкой 3,95 м БС, находится на доме по адресу: набережная р. Мойка, д. 104 (со стороны переулка Матвеева). Дёрн перекрывал небольшую прослойку песка светло-желтого цвета, мощностью 0,07–0,10 м. Под ней лежал слой серой гумусированной супеси, мощностью 0,18–0,48 м, с включениями прослоек или отдельных фрагментов битого кирпича и кирпичной крошки. В этих слоях найдены фрагменты сероглиняной и красноглиняной керамики, осколки бутылочного стекла XX в.

Ниже на отметках 2,80–3,13 м БС залегал слой битого кирпича (строительного мусора), толщиной 1,06–1,75 м, в котором на отметках 2,94–3,08 м БС был обнаружен фундамент с остатками стены, проходящей по дуге поперек центральной части шурфа с востока на запад (рис. 7; 8). Остатки стены, шириной около 0,88 м, сохранившейся на высоту семи–восьми рядов красного кирпича, покоились на каменном фундаменте шириной около

1,40 м, сложенном из 13–15 (?) рядов каменных (известняковых?) плит. Верхние 10 (?) рядов сложены из крупных, относительно целых плит толщиной 0,10–0,20 м, нижние пять (?) рядов – из обломков плит. Плиты фундамента имеют неровный, рваный внешний край и выступают за фасады кирпичной кладки стены на 0,25–0,27 м. Фундамент, нарушивший все нижележащие слои, на несколько сантиметров заглублен в материк, его подошва лежит на уровне 0,30 м БС. Общая высота кладки фундамента составила 2,27 м, с остатками кирпичной стены 2,78 м. Каждый ряд стены сложен в полтора кирпича на известковом растворе. Вероятно, раствором была целиком покрыта и внутренняя сторона стены. Размеры кирпичей из кладки составили 0,26–0,27 x 0,11–0,12 x 0,06 м. В соответствии с планом нижнего этажа тюрьмы 1842 г. на месте шурфа находилась угловая северо-западная башня Литовского замка, построенная в 1783–1787 гг. по проекту И. Е. Старова. Следует полагать, что обнаруженная нами в шурфе каменно-кирпичная кладка является частью фундамента с остатками стены этой круглой башни.

В средней части слоя битого кирпича в северной половине шурфа на отметках 2,62–2,68 м БС обнаружены две стены прямоугольного сооружения (фундамента?), сохранившегося на высоту семи рядов красного кирпича. В основании стен зафиксирован слой раствора толщиной 0,03–0,05 м, под ним на отметках 2,07–2,12 м БС видны следы древесного тлена, вероятно, от досок, положенных для выравнивания поверхности. Часть верхнего ряда стены у западного борта шурфа сверху покрыта слоем раствора, толщиной 0,04–0,05 м, что, вероятно, свидетельствует о том, что это последний ряд кладки. Высота стен конструкции составила 0,58 м, ширина – около 0,25 м. Стены сложены из чередующихся рядов двух типов кладок на известковом растворе: кладка верхнего ряда в полкирпича (т.е. тычком на лицевую сторону), следующий ряд кладки в полный кирпич (ложковой стороной на лицевую сторону). Размеры кирпичей в кладке 0,25–0,26 x 0,12 x 0,06 м. Углом это сооружение упиралось во внутреннюю стенку фундамента башни, вероятно, нарушив часть ее забутовки. Следует полагать, что эта конструкция сооружена после возведения фундамента башни. По всей видимости, слой битого кирпича, в котором найдена кирпичная конструкция и которым засыпана верхняя часть фундамента башни, накапливался в три этапа: 1) при строительстве Литовского замка в конце XVIII в.; 2) во время реконструкции замка под тюрьму в 1823–1826 гг. (и других работ XIX в.); 3) при пожаре и разрушении в 1917–1930-х гг. Эти

Рис. 7. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Слой битого кирпича. Фундаменты башни и прямоугольного сооружения. Вид с севера

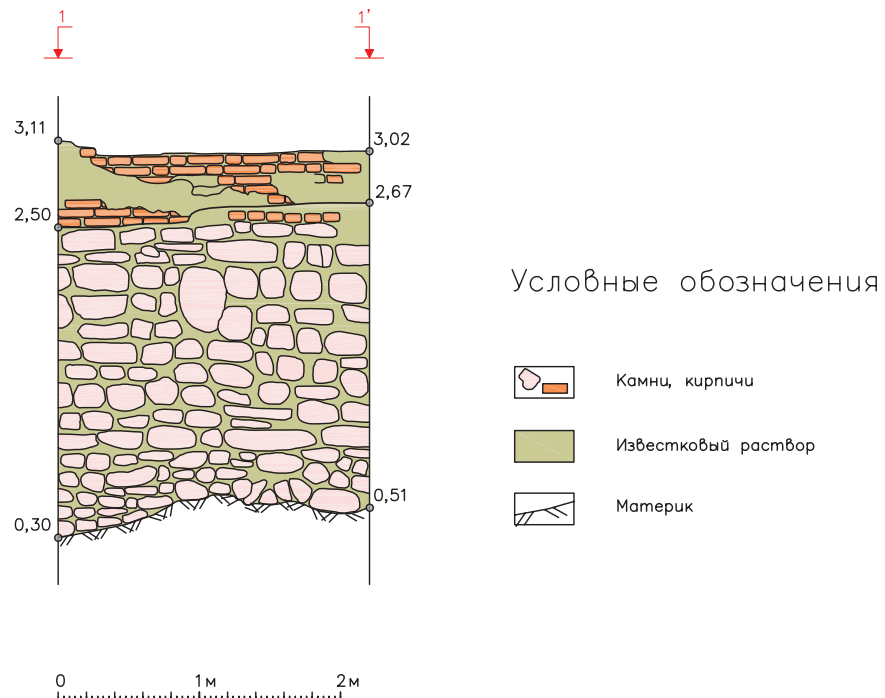

Рис. 8. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Северный фас фундамента башни

выводы подтверждаются находками в слое двух монет: 2 копейки 1801 г., 10 копеек 1854 г. (инв. № 1 и 15), медного знака на кивер нижнего чина пехотных полков XIX в. – «гренадка об одном огне» (инв. № 16) – и других находок XIX в.

Из слоя в коллекцию вошли 33 находки (рис. 9–12), в составе которых две вышеуказанные монеты: медные 2 копейки 1801 г. и серебряные 10 копеек 1854 г., а также медный знак на кивер нижнего чина пехотных полков XIX в. – «гренадка об одном огне». Знаки (кокарды) на головных армейских уборах (суконных цилиндрических киверах) появляются после 1803 г. Гренадки («об трех

огнях» и «об одном огне») были эмблемой гренадерских, пехотных и егерских полков. После 1808 г. «гренадки об одном огне» появляются в униформе мушкетерских полков. Вероятнее всего, найденный знак принадлежал нижнему чину Литовского мушкетерского полка, квартировавшего в Литовском замке в начале XIX в. до перестройки его в тюрьму. На внутренней стороне значка виден неровно процарапанный крест – знак собственности или оберег (?). Материалы, датирующие слой, включают два фрагмента белоглиняных курительных трубочек (инв. № 10 и 11), производство которых прекращается в Петербурге к середине XIX в.; два кирпича XIX в. с клеймами

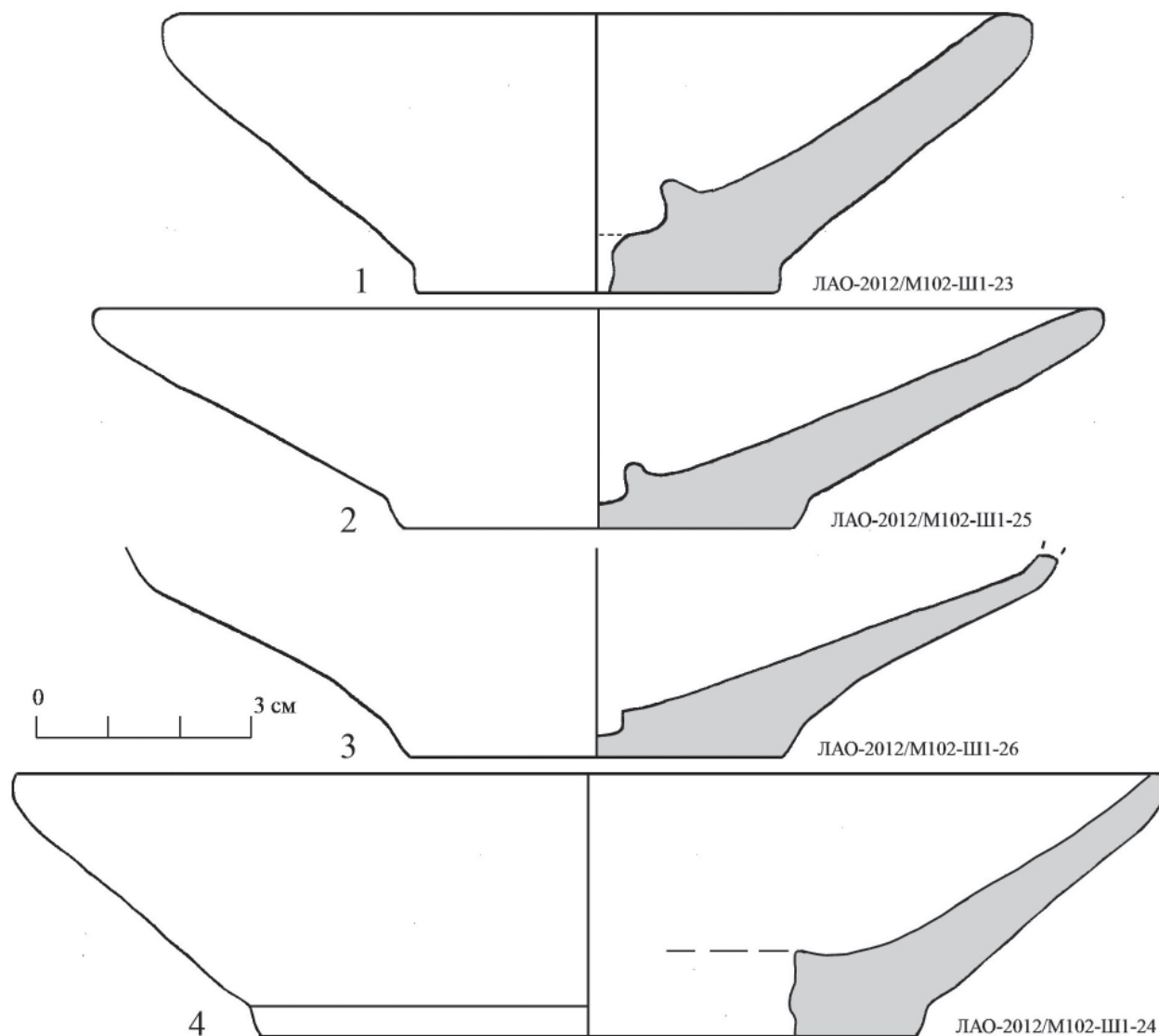

Рис. 9. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Находки из слоя битого кирпича:
1–4 – красноглиняные плосечные светильники

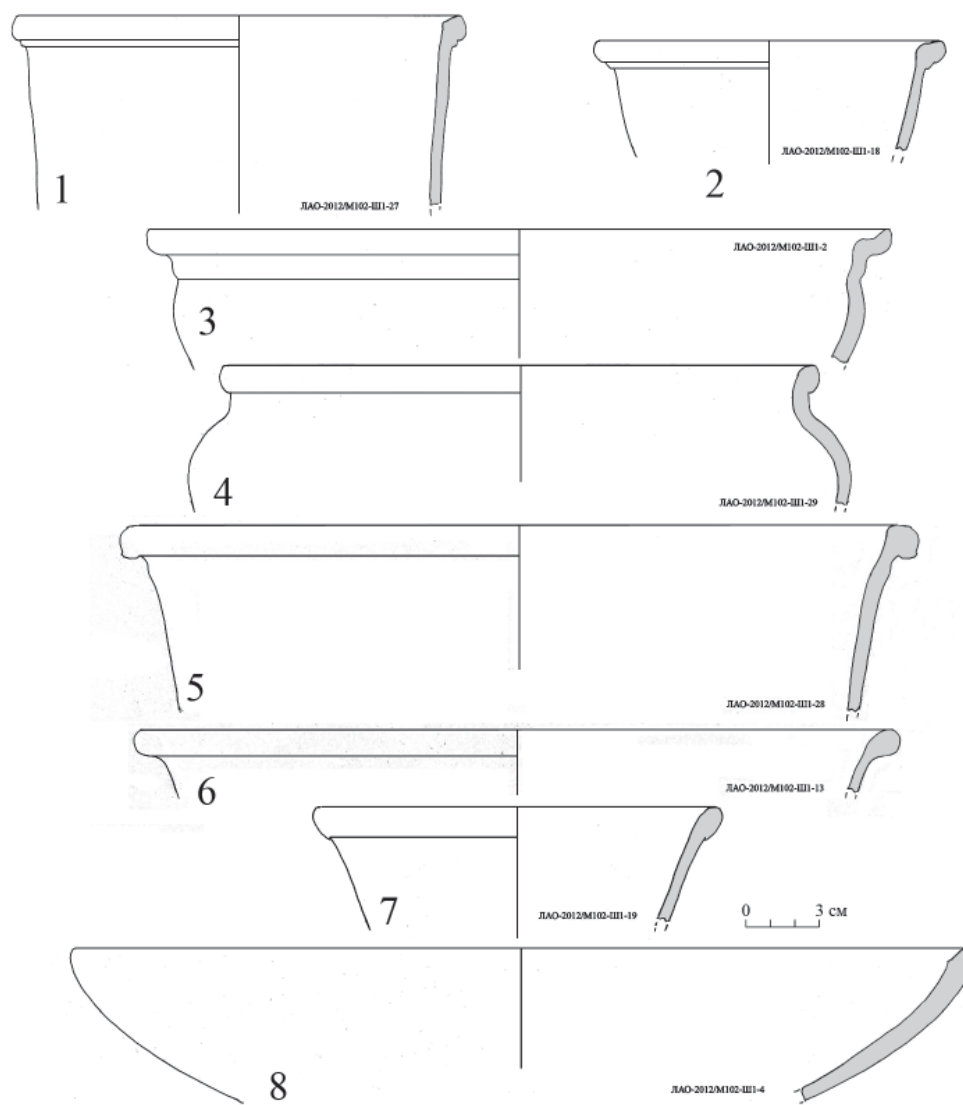

Рис. 10. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Находки из слоя битого кирпича:
1–8 – типы красноглиняной керамики

казенных заводов в виде государственных символов – двуглавых орлов (инв. № 69 и 70); три фрагмента фарфоровых (фаянсовых) изделий XIX в., на двух из которых видны части клейм (инв. № 17, 20, 21). Красноглиняная керамика представлена фрагментами четырех плосечных светильников (подсвечников), вероятно XIX в. (инв. № 23–26), 10 венчиками, ручкой и профилем сосудов (инв. № 2–6, 13, 18, 19, 27–30), из которых два фрагмента (инв. № 5 и 6) покрыты внутри поливой желтого цвета и один (инв. № 30) внутри и снаружи покрыт светло-коричневой поливой. Сероглиняная керамика представлена всего тремя венчиками (инв. № 7, 8, 31), покрытыми нагаром, что свидетельствует о том, что эти сосуды использовались для приготовления пищи (кухонная посуда). В слое также найдены:

деревянная рукоятка из двух половинок, соединенных тремя железными стерженьками, с железным внутренним черенком (от ножа или столового прибора) (инв. № 9); горлышко и донце бутылки зеленого стекла с фрагментом клейма (инв. № 14, 22); окатанный кремь (инв. № 12). Кроме того, следует отметить наличие в слое небольших обломков гладких печных изразцов с белой поливой, датирующихся концом XVIII – XIX вв., изразцов с синей кобальтовой росписью по белой поливе и фрагмента помадной баночки, украшенной голубой поливой по внешней стороне, датирующихся XVIII в.

Кирпичный бой перекрывал слой мешаной серо-коричневой супеси с включением материкового светло-серого песка. Слой имеет падение в север-

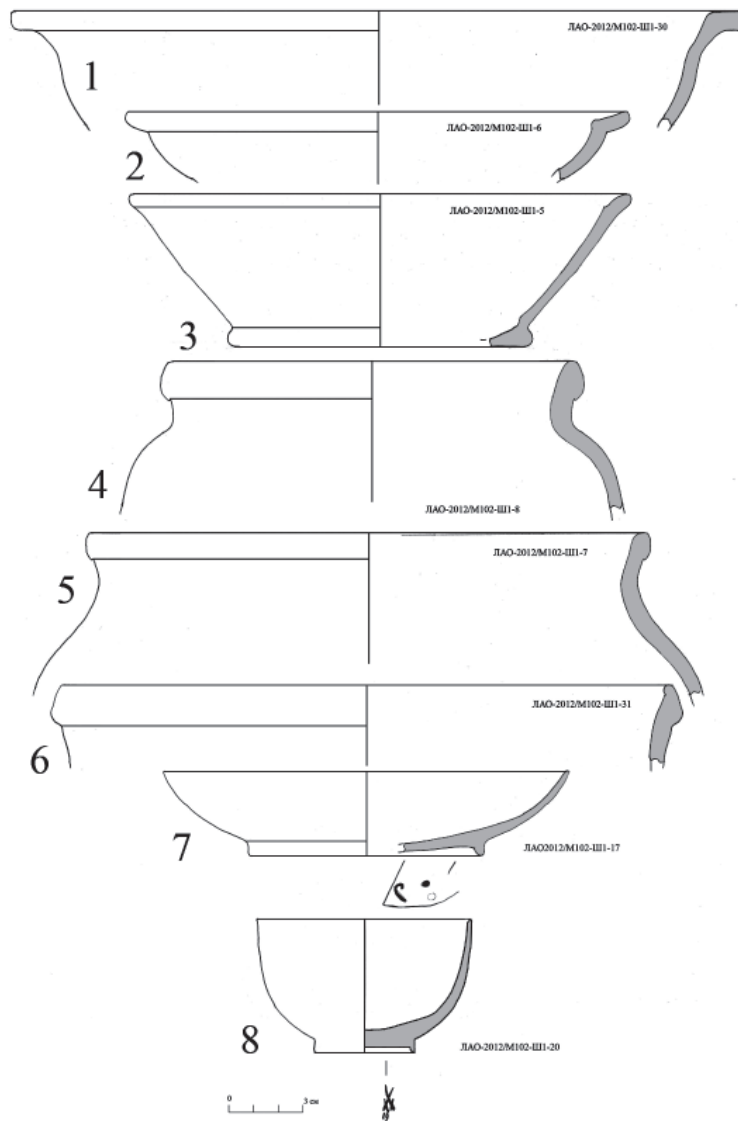

Рис. 11. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Находки из слоя битого кирпича:
1–3 – поливная красноглиняная керамика; 4–6 – сероглиняная керамика; 7, 8 – фарфор

ном направлении и у северной оконечности шурфа заплывает в западину, частично перекрытую северной и восточной стенками шурфа. Нивелировочные отметки слоя по поверхности составляют: в южной части 1,88–1,89 м БС, в северной – 1,36–1,47 м БС. В южной части толщина слоя равняется 1,11 м, в северной – 1,37 м.

Из слоя в коллекцию отобрано 28 находок, в составе которых три фрагмента стеблей так называемых голландских белоглиняных курительных трубок (инв. № 54, 58, 59), фрагменты красноглиняной и сероглиняной керамики, из которых следует выделить обломок плосечного светильника (инв. № 51), фрагменты кровельной красноглиняной черепицы с пяткой (инв. № 37),

помадная (аптечная) фаянсовая банка, печной изразец с сюжетным орнаментом (деревья), нанесенным синей кобальтовой краской по белой поливке (инв. № 57), и горла бутылок зеленого стекла (рис. 13; 14). Кроме того, следует отметить наличие в слое небольших обломков гладких печных изразцов с белой поливкой, изразцов с синей кобальтовой росписью по белой поливке и горла бутылки из каменной массы. Слой мешаной серо-коричневой супеси, исходя из характеристики находок и стратиграфического залегания под слоем битого кирпича, связанного с постройкой и разрушением Литовского замка, может датироваться XVIII в.

Последний слой – погребенная почва с первичными культурными отложениями, лежащая на

Рис. 12. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Находки из слоя битого кирпича: 1, 2 – монеты, 3 – «гренадка об одном огне», 4, 5 – курительные трубки, 6 – ручка, 7 – кремьень, 8 – бутылочное горло

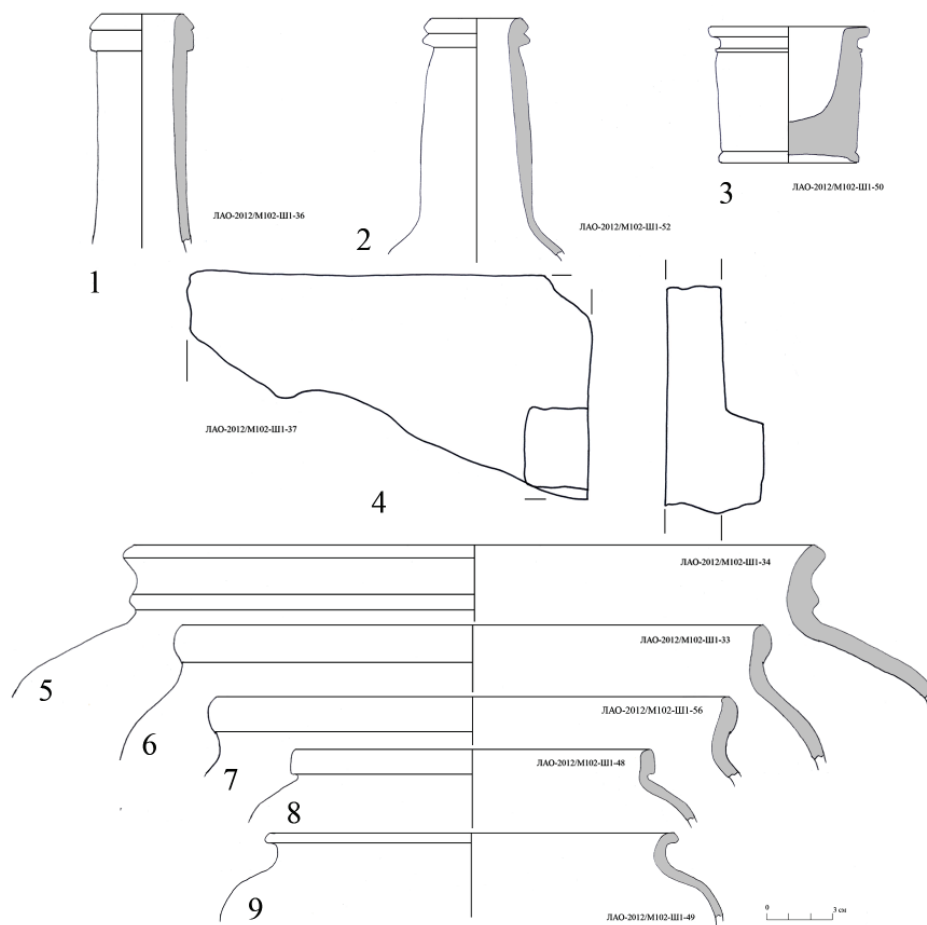

Рис. 13. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Находки из слоя серо-коричневой супеси: 1, 2 – бутылочные горла; 3 – фаянсовая помадная банка; 4 – черепица; 5–9 – сероглиняная керамика

материке, – представляет собой темно-коричневый или буроватый гумусированный слой с отдельными включениями мелкой кирпичины. Как и предыдущий слой, он имеет падение в северном направлении и заплывает в яму или траншею. Нивелировочные отметки слоя по поверхности составляют: в южной и центральной части 0,82–0,50 м БС, в северной – 0,71 – -0,01 м БС. Мощность слоя составляет 0,27–0,49 м.

Из слоя в коллекцию отобрано девять находок (рис. 15; 16). Наиболее интересная находка – почти целая чашка (головка) белоглиняной голландской курительной трубки, изготовленной в Англии (инв. № 67, рис. 15; 16: 1). На ее спинке нанесено штампованное клеймо (внутренняя марка) в виде фигурного щита с двумя небольшими лилиями в нижней части, разделенного на четыре части четырехконечным крестом. В верхнем левом поле изображен меч – герб Лондона, который использовался на клеймах трубок середины XVIII в. (Oswald, 1975. С. 67). Чашка сохранилась не пол-

ностью, но она наиболее близка типу 12, который датируется 1730–1780 гг. (Oswald, 1975). На боковых сторонах пятки видны рельефные клейма с инициалами мастера. Из слоя также происходят небольшой фрагмент края тонкой высококачественной фарфоровой чашки (?) с полихромной росписью по внутренней стороне (инв. № 66), обломок колонны изразцового декора печи, фрагмент рельефного печного изразца с растительным орнаментом (кобальтовая роспись по белой поливе) (инв. № 65, 68), фрагменты красноглиняной и сероглиняной керамики. Слой погребенной почвы, исходя из характеристики находок и стратиграфического залегания, может датироваться XVIII в.

Материк на дне шурфа – это геологический слой светло-серого песка без включения культурных артефактов. Нивелировочные отметки по его поверхности 0,30–0,45 м БС, в северной части материк с отметок 0,25–0,44 БС падает в яму до уровня -0,39 м БС. Глубина шурфа составила 3,84 м (отметки 3,45 – -0,39 м БС) (рис. 17).

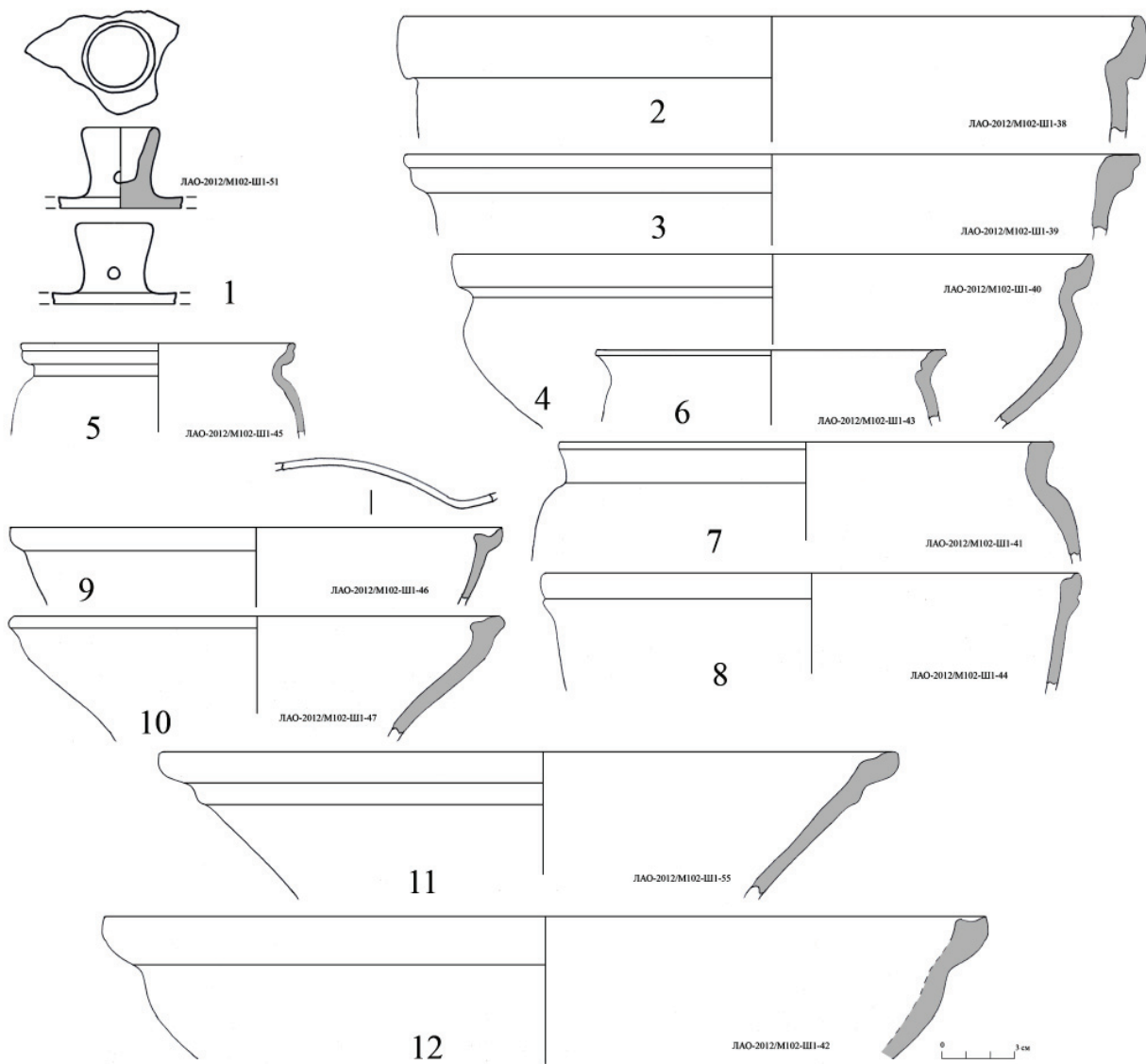

Рис. 14. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Находки из слоя серо-коричневой супеси:
1–12 – красноглиняная керамика

Рис. 15. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Английская курительная трубка (слой погребенной почвы)

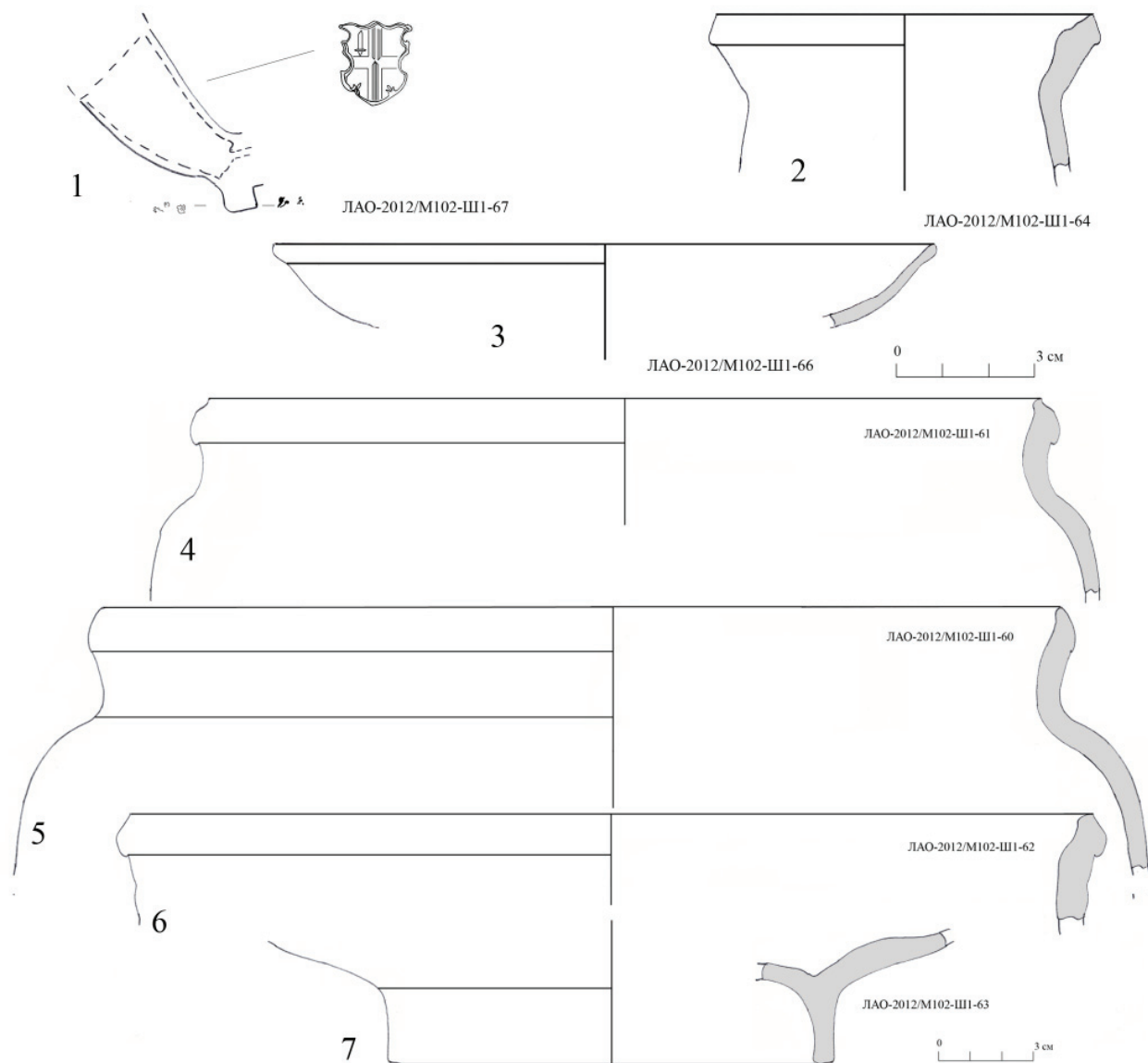

Рис. 16. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 1. Находки из слоя погребенной почвы: 1 – английская курительная трубка; 2 – красноглиняная керамика; 3 – фарфор; 4–7 – сероглиняная керамика

Шурф 2

Шурф, размерами 4 x 2 м, заложен в юго-восточной части исследуемой территории, в 8,4 м к юго-востоку от здания бывшего детского сада, в 5 м к западу от ограды, на газоне.

Поверхность шурфа представляла собой слой дерна, мощностью 0,20–0,34 м, на отметках 3,44–3,53 м БС. Дерн перекрывал небольшую горизонтальную прослойку песка светло-желтого цвета, мощностью 0,06–0,10 м. Под ней залегал слой серой гумусированной супеси, мощностью 0,13–0,34 м, с включениями прослоек или отдельных фрагментов битого кирпича

и кирпичной крошки. В этом слое в северо-западном углу шурфа на уровне 3,10 м БС зафиксирован край кладки, сложенной в высоту из двух рядов красного современного кирпича с отверстиями и имеющей направление ЗЮЗ–ВСВ. Вероятно, кирпичная кладка являлась основанием (фундаментом) небольшой постройки. Из слоя в коллекцию отобрано пять находок: 20 копеек 1945 г., 3 копейки 1988 г. и 50 рублей 1993 г. (инв. № 72–74), алюминиевый жетон (инв. № 75), донце пивной (?) бутылки коричневого цвета (инв. № 71), а также кирпичи с клеймами «Л.А.В.» (1910-е гг.) и «МАЯК» (первые советские гг.), которые датируют этот слой XX в.

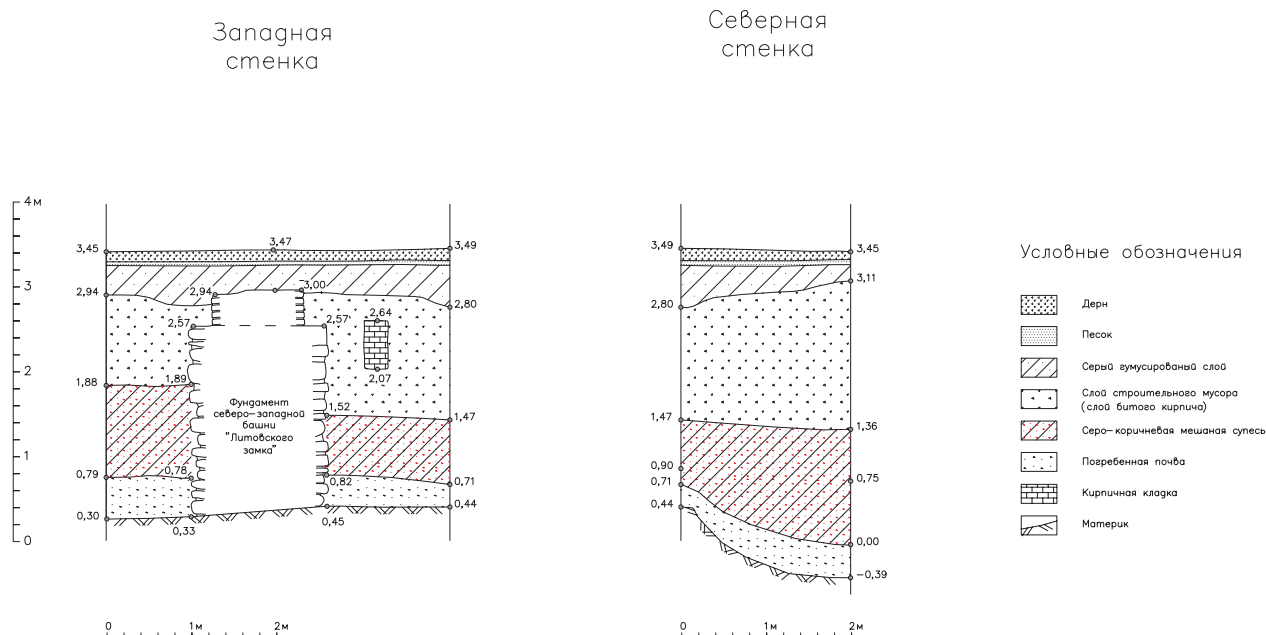

Рис. 17. Набережная р. Мойки, д. 102. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 1

Слой серой гумусированной супеси и кирпичная выкладка опирались на каменную мостовую, зафиксированную почти на всей площади шурфа на отметках 2,86–2,94 м БС (рис. 18). Мостовая была выложена из крупных необработанных камней (булыжников), размерами 0,11–0,23 x 0,10–0,15 x 0,08–0,11 м, уплощенной поверхностью кверху на основании из серого песка. В центральной части шурфа мощение частично разрушено, булыжники выбраны; образовалась небольшая канавка шириной до 0,30 м, вытянутая по направлению юго-запад-северо-восток и продолжавшаяся под северную стенку шурфа. Видимая длина канавки 2,13 м. В юго-восточном углу отмечен край мощения, оформленный более крупными камнями, размерами 0,23–0,27 x 0,20 x 0,16 м, и выложенными в одну линию по направлению северо-запад-юго-восток. Между краем мостовой и юго-восточным углом шурфа расчищена нижележащая прослойка строительного мусора.

При разборке мощения и основания из серого песка, на которое она была положена, найдено четыре артефакта, представленные двумя венчиками поливных керамических сосудов (рис. 19: 1, 2), фрагментом стебля белоглиняной курительной трубки (инв. № 77) и необработанным обломком кремня с галечной коркой. Исходя из характеристики находок, нивелировочных отметок и стратиграфического расположения, булыжное мощение может датироваться XIX в.

Мощение с основанием из песка перекрывало небольшую прослойку строительного мусора (кирпичного боя), перемешанного с серой гумусированной супесью, толщиной 0,12–0,30 м. Нивелировочные отметки по поверхности прослойки 2,68–2,91 м БС. Датирующими слой артефактами являются два фрагмента стеблей белоглиняных курительных трубок (инв. № 81, 82), а также не взятые в коллекцию небольшие фрагменты плоских печных изразцов с синей кобальтовой росписью по белой поливе и фрагменты помадных банок. Исходя из характеристики находок и уровня стратиграфического залегания, слой может датироваться концом XVIII–XIX вв.

Слой строительного мусора с серой гумусированной супесью на отметках 2,56–2,63 м БС перекрывал еще одно (нижнее) булыжное мощение, сохранившееся частично и нарушенное двумя ямами в западной части шурфа (рис. 19). Мощение, уложенное на основание из желтого песка, состояло из более мелких (чем верхнее мощение) необработанных булыжников, размерами 0,05–0,14 x 0,03–0,10 x 0,03–0,08 м, разделенных двумя частично сохранившимися линиями из более крупных камней, размерами 0,16–0,21 x 0,09–0,14 x 0,10–0,14 м. В восточной части шурфа, в уровень с мощением находились пять каменных плит прямоугольной формы (0,44 x 0,38 м; 0,38 x 0,34 м; 0,36 x 0,31 м; 0,36 x 0,25 м; 0,31 x 0,30 м; толщиной около 0,05 м каждая), лежащие на основании из заглубленных

Рис. 18. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 2. Кирпичная кладка на верхнем мощении. Вид с юго-запада

булыжников, скрепленных раствором. Между плитами зафиксирован прямой ряд камней (окантовки?), сложенный из шести крупных экземпляров, вытянутых по направлению ССЗ–ЮЮВ. Фрагмент второй окантовки из семи крупных камней, нарушенной ямой, имел направление СЗ–ЮВ и соединялся с первой окантовкой под острым углом у каменной плиты (под южной стенкой шурфа). По всей видимости, здесь находилась узорчатая мостовая, рисунок которой состоял из крупных квадратов (не менее 2 x 2 м) и диагональных линий внутри них, выложенных более крупными булыжниками. Предварительно нижнее мощение датируется концом XVIII – первой половиной XIX вв. В соответствии с планом нижнего этажа тюрьмы 1842 г. на месте шурфа находилась столовая восточного корпуса замка, поэтому обнаружение здесь двух одновременных булыжных мощений на данном этапе исследований не совсем понятно.

В западной части шурфа мощение было нарушено неглубокой ямой, спущенной с уровня предшествующего слоя и заполненной строительным мусором с серой гумусированной супесью. На ее дне на уровне 2,49 м БС расчищен фрагмент пря-

моугольной выкладки из одного слоя красного кирпича, выходящий торцом из-под южного борта шурфа. Видимые размеры кладки 1,48 x 0,87 м, размеры кирпичей 0,27 x 0,12 x 0,07 м. Один кирпич маломерный размерами 0,15 x 0,12 x 0,07 м. Торцевой стороной кладка ориентирована по направлению северо-восток–юго-запад.

В северо-западном углу шурфа ниже мощение было нарушено или примыкало к еще одной яме, также спущенной с уровня слоя строительного мусора с серой гумусированной супесью. Яма была засыпана серой супесью с отдельными включениями битого кирпича. В заполнении были найдены отдельные фрагменты красноглиняной (в том числе вазона с зеленой поливой) и сероглиняной керамики, осколки зеленого и коричневого стекла, фрагмент стебля белоглиняной курительной трубки (инв. № 83).

На дне ямы зафиксирован угол фундамента, основная часть которого перекрыта северным и западным бортами шурфа (рис. 20). Размеры видимой части 2,19 x 1,16 м, нивелировочные отметки по поверхности 1,79–1,95 м БС. Внешняя стенка фундамента сложена из известняковых плит

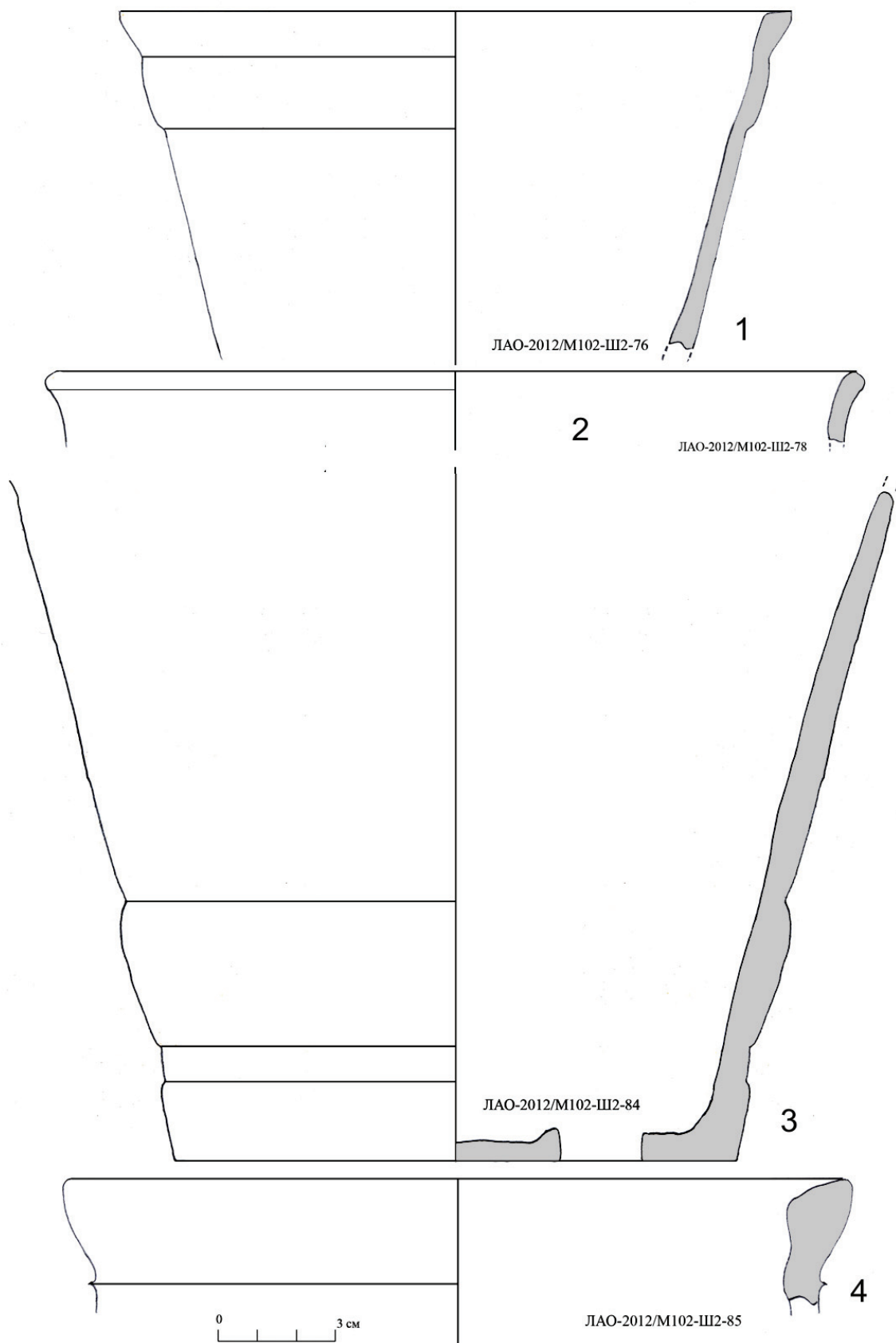

Рис. 19. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 2. Находки. Верхнее мощение с основанием из серого песка:
1, 2 – красноглиняная керамика. Мешаная серая супесь: 3, 4 – красноглиняная керамика

Рис. 20. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 2. Нижнее мощение. Вид с запада

разного размера и толщины (0,28–0,58 x 0,17–0,38 x 0,04–0,12 м) на известковом растворе высотой в шесть рядов. Внутренняя часть фундамента – забутовка из булыжников среднего размера. Предположительно, плиты кладки находятся во вторичном использовании, так как некоторые из них имеют следы копоти (нагара). Подошва фундамента покоится в слое мешаной серой супеси с гумусными прослойками на отметках 1,16–1,17 м БС. Длинная сторона конструкции расположена перпендикулярно Крюкову каналу по направлению ЗЮЗ–ВСВ. Исходя из стратиграфической ситуации и анализа находок из заполнения, яма с фундаментом предварительно датируется XVIII – первой половиной XIX вв.

После снятия мощения под ней, как и под однослойной кирпичной выкладкой, на отметках 2,40–2,50 м БС, зафиксирован тонкий гумусированный слой темно-серого цвета, толщиной 0,03–0,04 м. Этот слой перекрывал массив мешаной серой супеси с гумусными прослойками и железистыми включениями. Нивелировочные отметки на поверхности слоя 2,36–2,46 м БС, мощность слоя 1,80–1,84 м. По северной и южной стенкам шурфа прослежено, что прослойки этого массива грунта имеют падение

с востока, от Крюкова канала, на запад. Следует предполагать, что это выброс грунта, связанный со строительством Крюкова канала в 1780–1787 гг. или с облицовкой канала гранитом в 1801–1807 гг.

Из слоя в коллекцию отобрано 15 находок, представленных фрагментом стебля белоглиняной курительной трубки (инв. № 86), фрагментами керамики и 12 небольшими экземплярами окатанного кремня (рис. 19: 3, 4). Вполне вероятно, что кремень использовался для дренажа в цветочных кадках усадеб или сада, которые находились на данной территории до строительства канала и Литовского замка.

Слоем мешаной серой супеси с гумусными прослойками была перекрыта погребенная почва, зафиксированная на отметках 0,60–0,66 м БС. Мощность слоя составила 0,31–0,33 м. Артефактов в слое не отмечено.

Материк, являющийся дном шурфа, – это геологический слой светло-серого песка без включения культурных артефактов. Нивелировочные отметки по его поверхности 0,31–0,35 м БС. Глубина шурфа составила 3,22 м (от 3,53 до 0,31 м БС) (рис. 21).

Рис. 21. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 2. Каменный фундамент XVIII – первой половиной XIX вв. Вид с юго-востока

Шурф 3

Шурф, размерами 2 x 2 м, заложен в северо-западном углу исследуемой территории, в 9,6 м к западу от стены здания бывшего детского сада, в 0,50 м к востоку от ограды, в 1,8 м к северо-западу от шурфа 1, на газоне.

Поверхность шурфа представляла собой слой дерна, мощностью 0,13–0,19 м, с высотными отметками 3,47–3,61 м БС. Дерн сформировался на серой гумусированной супеси, мощностью 0,09–0,19 м, с включениями отдельных фрагментов кирпичной крошки. Под ним, на отметках 3,03–3,12 м БС, залегал слой черной гумусированной супеси, мощностью 0,10–0,27 м. В восточной половине шурфа он перекрывал завал битого кирпича (строительного мусора), а в западной, тонкой прослойкой, – фундамент башни Литовского замка.

Слой битого кирпича (строительного мусора), прослеженный по северной, восточной и южной стенкам, зафиксирован с отметок 2,76–2,96 м БС, его мощность составила 0,74–1,04 м. В слое расчищена свинцовая труба, диаметром 0,08 см, которая на уровне 2,28 м БС выходила из южной стенки шурфа и через коленный изгиб, опускаясь ниже уровня

подшвы фундамента башни до отметки 1,18 м БС, уходила по направлению к р. Мойке в северную стенку шурфа по нижележащему слою кирпичной крошки и извести (рис. 22). По историческим сведениям известно, что в исследуемой башне был колодец. На плане первого этажа тюрьмы 1842 г. в северо-западной башне показан колодец с отходящими от него трубами, в том числе к Мойке. В легенде к плану указано, что здесь располагается «водокачалня». Следует полагать, что в шурфе зафиксирована труба, по которой воду с р. Мойки закачивали в тюрьму.

Из слоя в коллекцию отобрано 24 находки, представленные половиной конской подковы с тремя гвоздевыми отверстиями, передним и задним шипами (инв. № 120), фрагментом железной ажурной накладки (?) (инв. № 121), фрагментами фаянсового сосуда (инв. № 117) и печного изразца XVIII в. с сюжетным орнаментом (синяя кобальтовая роспись по белой глазури) (инв. № 118), фрагментом венчика сероглиняного сосуда со следами нагара (инв. № 116) (рис. 23). Красноглиняная керамика представлена исключительно 17 фрагментами светильников (вероятно, подсвечников) в виде плоских с центральной втулкой (инв. № 99–115).

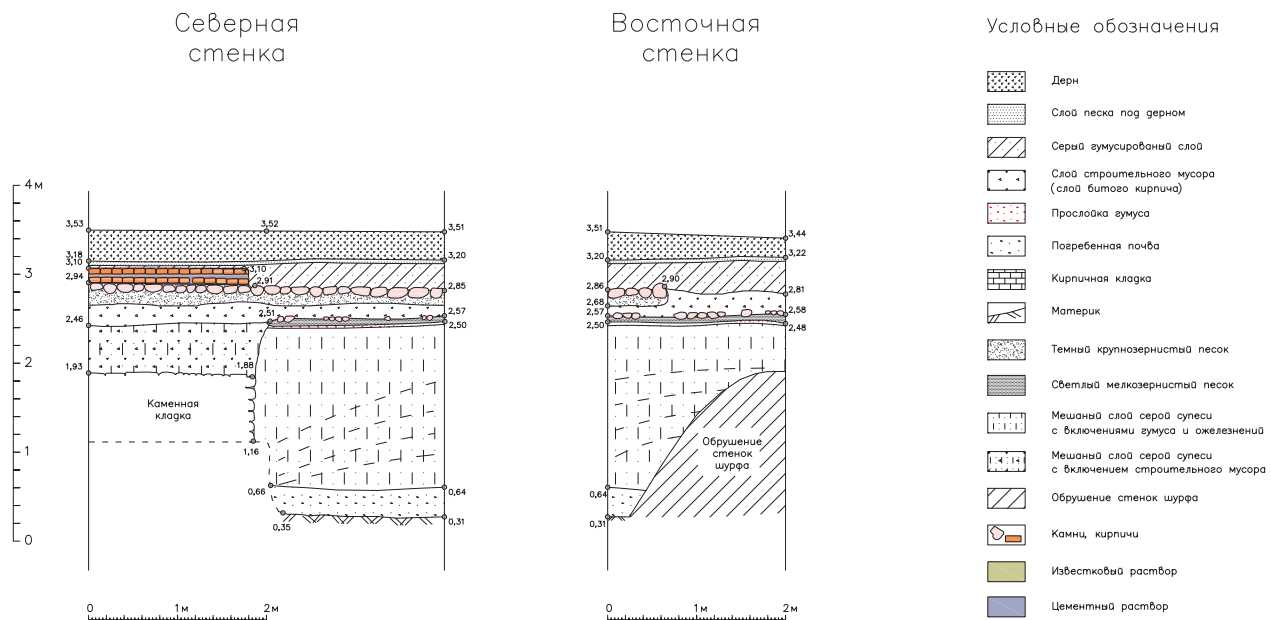

Рис. 22. Набережная р. Мойки, д. 102. Стратиграфия северной и восточной стенок шурфа 2

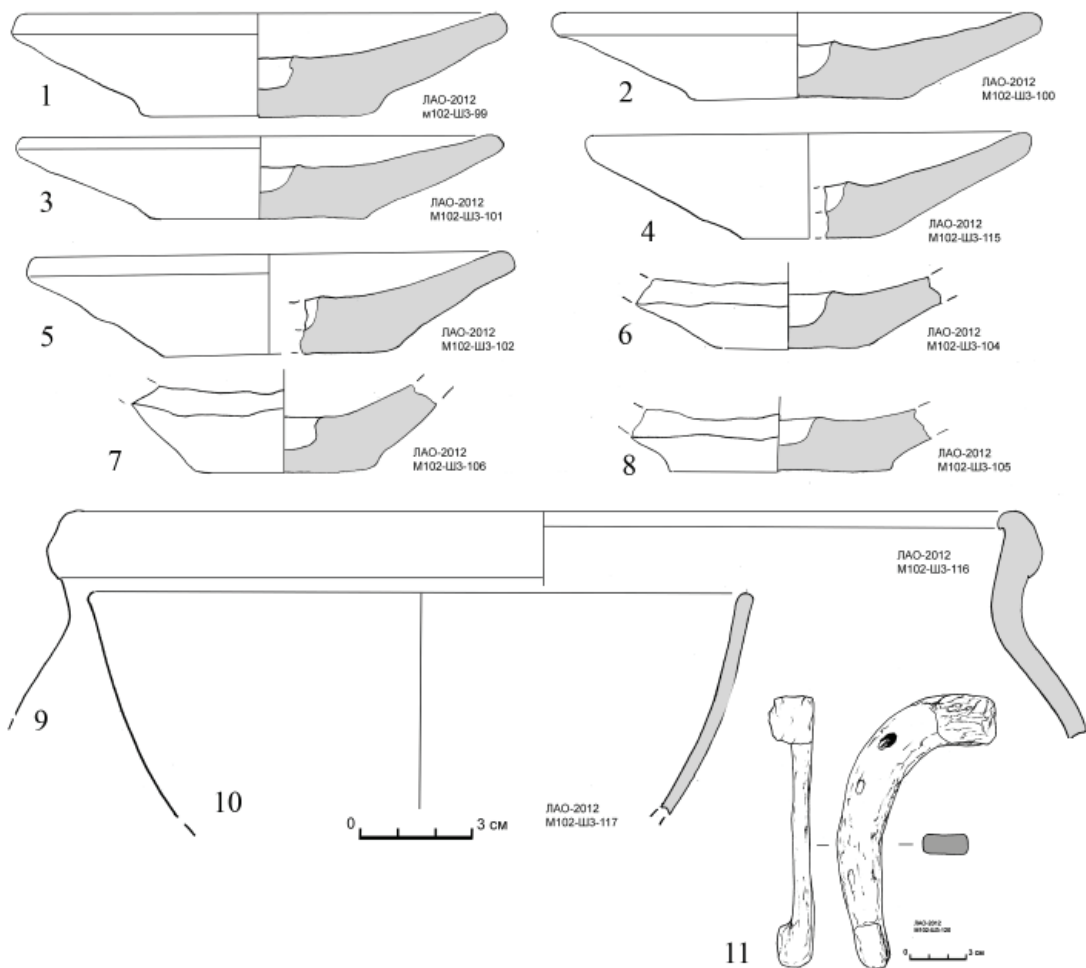

Рис. 23. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 3. Находки из слоя битого кирпича: 1–8 – красноглиняные плоские светильники-подсвечники; 9 – сероглиняная керамика; 10 – фаянс; 11 – железная подкова

Датирующей слой находкой является монета медного сплава – 1 копейка, чеканенная в 1914 г. (инв. № 122). По всей видимости, исходя из уровня залегания и датировки находок, слой битого кирпича является следствием пожара и разрушения тюрьмы в 1917–1930-х гг.

Кирпичный бой перекрывал нижележащий слой мешаной светло-серой супеси с отдельными включениями фрагментов битого кирпича, также прослеженный только по северной, восточной и южной стенкам. Нивелировочные отметки слоя по поверхности составляют 1,86–2,02 м БС, мощность слоя 0,69–0,84 м.

На отметках 1,17–1,23 м БС по поверхности по всем четырем стенкам шурфа прослежен слой кирпичной крошки (кирпичного боя) (в верхней части) и извести (в нижней части), мощностью 0,23–0,26 м. Именно этот слой на уровне 1,18 м БС подстилал подошву фундамента башни Литовского замка.

Фундамент круглой башни с остатками кирпичной стены зафиксирован вдоль западного борта шурфа проходящим по дуге из южного в северный борт на отметках 2,91–3,08 м БС (рис. 24). Наибольший изгиб фундамента от оси, проходящей между крайними точками внутренней стороны, ориентирован на ЗСЗ. Для исследования была доступна только часть

поверхности и внутренняя сторона конструкции – ее внешняя стенка перекрыта западным бортом шурфа.

Остатки стены, сохранившейся в высоту из шести–семи (в северной половине) рядов красного кирпича, покоились на каменном фундаменте, сложенном из 10 (?) рядов каменных (известняковых?) плит (что на пять–семь рядов меньше фундамента этой же башни в шурфе 1), толщиной 0,07–0,20 м. Плиты фундамента имеют неровный, рваный внешний край и выступают за фасадную линию кирпичной кладки стены, образуя уступ шириной до 0,30 м. В верхней части фундамент был присыпан слоем разрушения (кирпичным боем), в нижней – слоем мешаной светло-серой супеси, его подошва находится на уровне 1,18 м БС (что выше основания фундамента этой же башни в шурфе 1 на 0,90 м). Общая высота кладки фундамента составила 1,29 м, с остатками стены – 1,78 м. В целом каждый ряд стены состоит из кладки в полтора кирпича, т.е. кирпичей, положенных поочередно в длину и ширину (ложковой и тычковой сторонами), на известковом растворе. Верхний ряд кирпичей частично покрыт остатками слоя раствора. Размеры кирпичей из кладки составляют 0,25–0,27 x 0,10–0,12 x 0,06 м. Следует полагать, что в шурфе нами зафиксирован фундамент угловой северо-западной башни Литовского замка постройки 1783–1787 гг. по проекту И. Е. Старова.

Рис. 24. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 3. Фундамент и часть стены башни. Вид с востока

Последний слой – черный супесчаный культурный слой с включениями щепы (прослойка по материке) и, вероятно, остатки подрезанной погребенной почвы. Нивелировочные отметки слоя по поверхности 0,92–1,00 м БС, мощность слоя составляет 0,42–0,49 м.

Из этого слоя в коллекцию взято 19 находок, представленных тремя орнаментированными фрагментами стеблей белоглиняных, так называемых голландских, курительных трубочек (инв. № 139–141), фрагментами керамики, в том числе четырьмя плоскими светильниками (подсвечниками?) с втулками (инв. № 123–126) (рис. 25; 26). Инте-

ресны находки изделий из стекла – небольшого пузырька с рельефной надписью кириллицей «... Аптекарска...» по одной стороне и латиницей «arothe... Dania» по другой стороне, а также круглого бутылочного клейма с изображением короны, и, ниже «ЛОИД... G.D» (инв. № 137–138). Слой, исходя из характеристики находок и стратиграфического залегания, может датироваться XVIII в.

Материк на дне шурфа – геологический слой светло-серого песка без включения культурных артефактов. Нивелировочные отметки по его поверхности 0,46–0,51 м БС. Глубина шурфа составила 3,15 м (от 3,61 до 0,46 м БС).

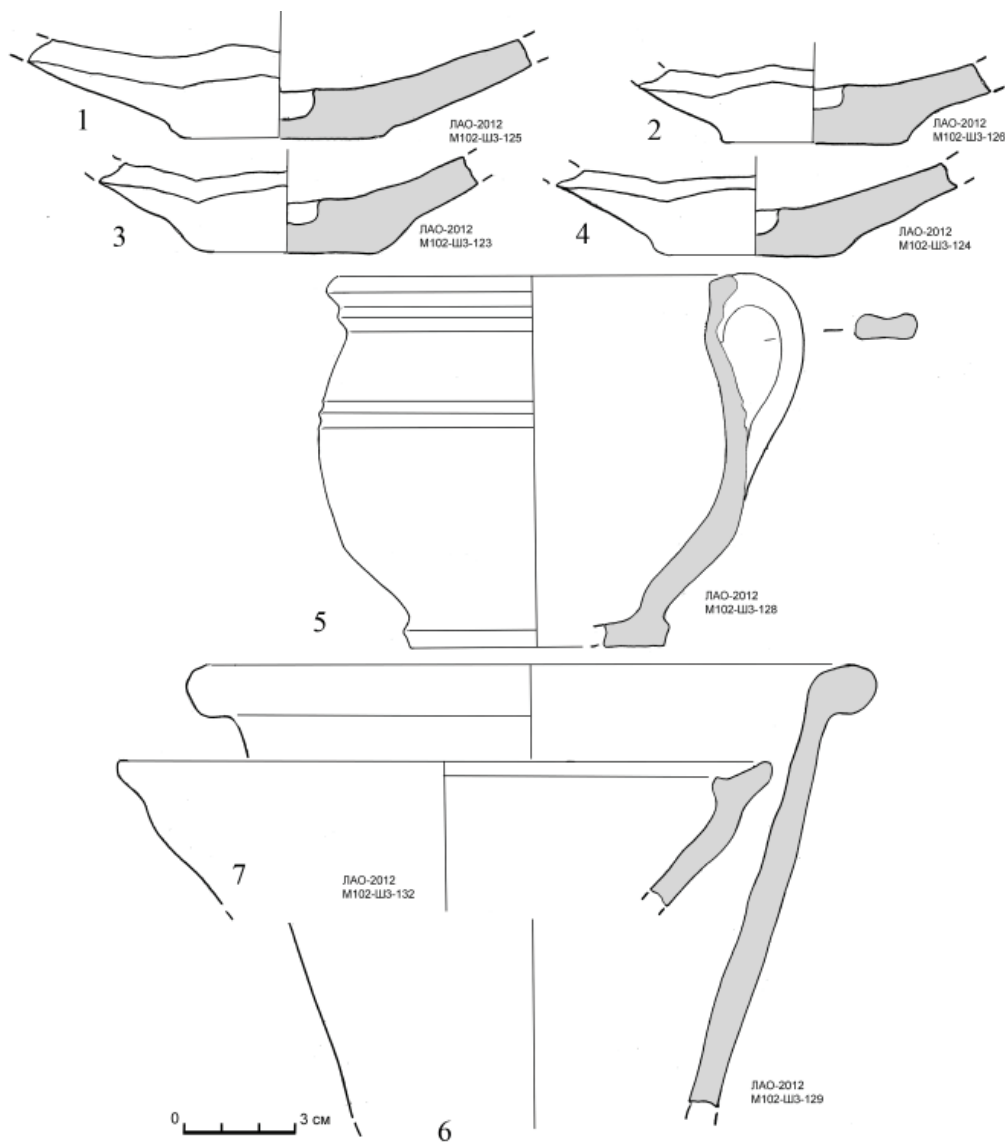

Рис. 25. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 3. Находки из черного гумусированного слоя: 1–7 –красноглиняная керамика

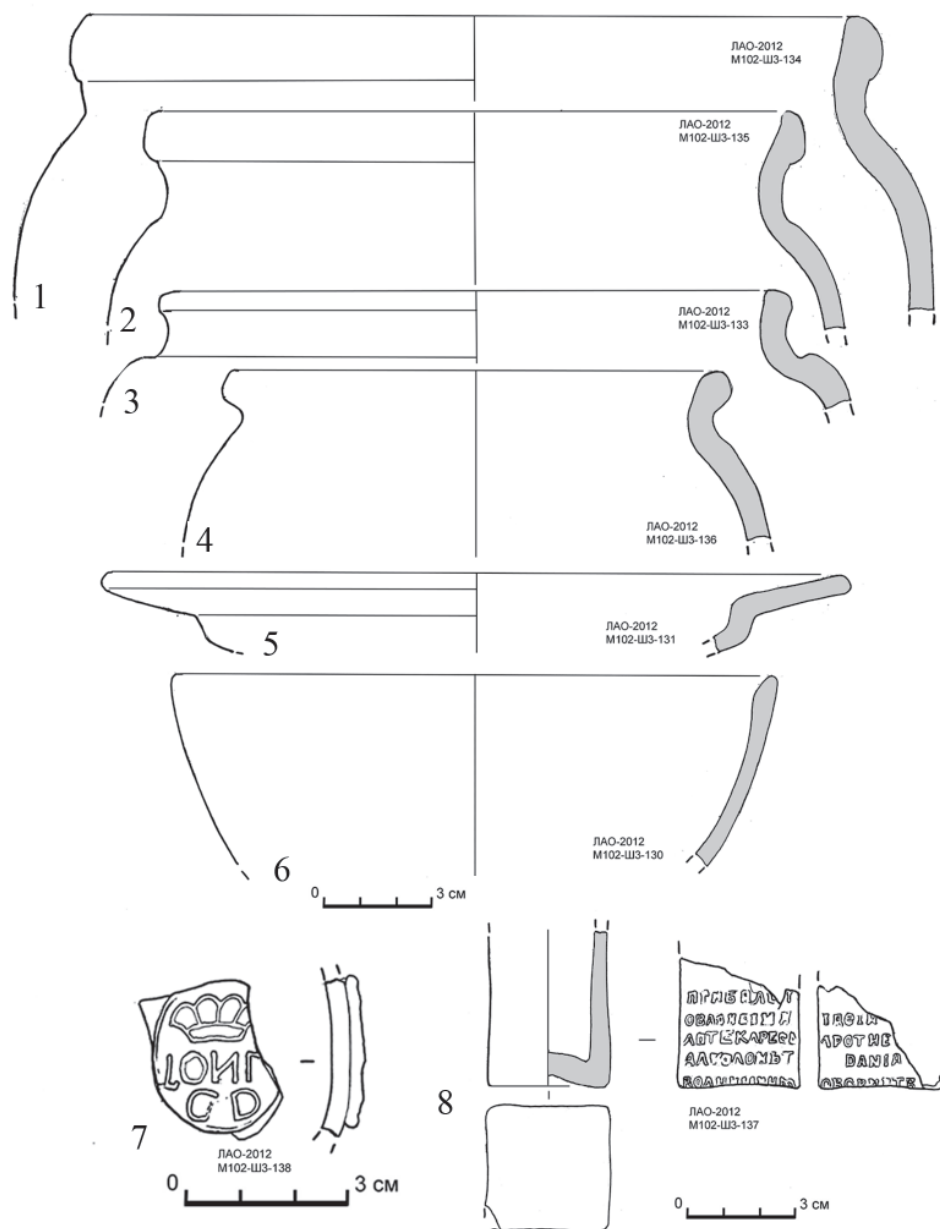

Рис. 26. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 3. Находки из черного гумусированного слоя: 1–4 – сероглиняная керамика; 5–6 – белоглиняная керамика; 7–8 – изделия из стекла

Шурф 4

Шурф, размерами 4 x 2 м, заложен в западной части исследуемой территории, в 7,85 м к западу от здания бывшего детского сада, в 1 м к востоку от ограды, в 3 м к югу от шурфа 1, на газоне.

Поверхность шурфа представляла собой слой дерна, мощностью 0,10–0,22 м, с высотными отметками 3,52–3,61 м БС. Дерн сформировался на серой (темно-серой) гумусированной супеси, мощностью 0,32–0,51 м, с включениями отдельных фрагментов кирпичной крошки. В средней части толщи слой

разделен горизонтальной прослойкой песка светложелтого цвета, мощностью 0,06–0,10 м. У западной стенки шурфа прослойка отсутствует – нарушена более поздними земляными работами. В нижней части слоя серой (темно-серой) гумусированной супеси можно выделить более темный слой черной гумусированной супеси, мощностью до 0,10 м. Вдоль северного борта шурфа он перекрывал завал битого кирпича (слой разрушения), а вдоль западного, южного и восточного бортов – стенки фундамента западного корпуса тюрьмы (стенки 1–3).

Из слоя в коллекцию отобрано шесть находок. Датирующими являются две монеты медного сплава – 20 копеек 1933 г. и 1 рубль 1997 г. (инв. № 185, 146). Следует считать, что слой серой (темно-серой) гумусированной супеси формировался от момента благоустройства территории после разрушения тюрьмы в 1930-х гг. до настоящего времени.

В верхней части все три стенки фундамента были присыпаны с боков слоем разрушения (кирпичным боем). Нивелировочные отметки по поверхности слоя 2,86–3,05 м БС, его мощность достигала 0,30 м. Из слоя в коллекцию отобрано пять находок керамики.

Под слоем разрушения между стенами фундамента и северным бортом шурфа расчищен слой разбитых плит, толщиной 0,05–0,10 м, на подсыпке из кирпичной крошки (рис. 27). Отметки по поверхности плит составляют 2,74–2,82 м БС.

Плиты с основанием из кирпичной крошки были уложены поверх булыжного мощения, состоящего из необработанных камней размерами 0,08 x 0,10–0,26 x 0,27 м (рис. 28). Южный и западный края мощения, состоящие из более крупных камней, вплотную подступали к фундаментам стен (1 и 2) и были уложены под наклоном и выше общего уровня выкладки. Высотные отметки южного

и западного края 2,66–2,72 м БС, остальной части 2,30–2,59 м БС. В восточной части, по-видимому, мощение было нарушено стеной 3. Можно предположить, что булыжники этого участка использовались для забутовки стены. Более высокий уровень и наклон краев мощения под стенами можно интерпретировать как способ отвода дождевой воды от стен. Само наличие каменного мощения позволяет сделать вывод, что первоначально этот участок был открытым. Возможно, в связи с перестройкой замка под нужды городской тюрьмы в начале XIX в. здесь возводят дополнительную стену (стена 3), отгораживая открытый ранее участок (или внутренний открытый дворик) и превращая его во внутреннее помещение, а булыжное мощение перекрывают каменными плитами, создавая из них, исходя из планов первого этажа тюрьмы 1842 г., пол «водокачальни».

Булыжное мощение было уложено на основание из серо-коричневой супеси с кирпичной крошкой, перекрывающее слой битого кирпича (возможно, слой строительства замка), мощностью до 0,70 м.

Следующий нижележащий слой – светло-серая супесь. Нивелировочные отметки его поверхности 1,94–2,09 м БС, мощность слоя 0,43–0,65 м. Из слоя в коллекцию отобрано 27 находок, представленных фрагментами поливной красногли-

Рис. 27. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Разбитые плиты пола. Вид с востока

Рис. 28. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Бульжное мощение. Вид с запада

няной, белоглиняной и сероглиняной керамики с нагаром, серолощеными кувшинами (инв. № 177, 178), фрагментами фаянсовых и стеклянных изделий (рис. 29–32). Интересна находка в слое клыка кабана (инв. № 176) – свидетельство охоты. Исходя из уровня залегания светло-серой супеси и анализа находок, следует полагать, что культурный слой датируется XVIII в. и относится к усадебному периоду освоения данной территории, предшествующему строительству Литовского замка. Светло-серая супесь на отметках 1,44–1,54 м БС перекрывала мешаный темно-коричневый гумусированный слой с включением битого кирпича, мощностью 0,26–0,41 м.

Из слоя в индивидуальную коллекцию принято шесть находок, представленных пуговицей медного сплава, вероятно, от мундира (инв. № 184), двумя обломками печных изразцов XVIII в. (инв. № 181, 182), фрагментами керамики (рис. 33; 34). Наиболее интересной керамической находкой является целый горшок, покрытый коричнево-зеленой поливой (инв. № 183). У горшка на плечике, еще до обжига, по сырой глине прочерчен крест.

Исходя из стратиграфической ситуации и анализа находок, следует полагать, что культурный слой датируется XVIII в. и относится к первоначальному периоду городского обустройства данной территории.

С отметок 1,10–1,18 м БС зафиксирован слой погребенной почвы, мощностью 0,12–0,13 м. Артефактов в слое не отмечено.

Материк, являющийся дном шурфа, – геологический слой светло-серого песка без включения культурных артефактов. Нивелировочные отметки по его поверхности 0,94–1,05 м БС.

В шурфе вдоль западного борта с отметок 2,92–2,96 м БС прослежена внутренняя сторона разрушенной несущей внешней стены и фундамента западного корпуса тюрьмы (стена 1), вытянутой по направлению север–юг (с небольшим отклонением к востоку). С восточной стороны под прямым углом к ней примыкает фундамент с частью разрушенной несущей внутренней стены корпуса, прослеженный вдоль южного борта шурфа и перекрытый восточным бортом шурфа (стена 2) (рис. 35; 36). Нивелировочные отметки по поверхности внутренней стены, прослеженные на протяжении 3,83 м, шириной 0,66 м, сохранились в высоту на 7–11 рядов красного кирпича. Стена покоилась на каменном фундаменте, сложенном из шести рядов каменных (известняковых) плит, толщиной 0,07–0,21 м. Плиты фундамента имеют неровный, рваный внешний край и выступают за лицевую линию кирпичной кладки стены, образуя уступ шириной 0,25–0,27 м. Фундамент был заглублен до уровня темнокоричневого слоя с включением битого кирпича, его подошва находилась на отметках 1,32–1,35 м БС. Общая высота кладки фундамента (плит) составила 0,75 м, с остатками стены 1,66 м.

Внешняя стена, прослеженная на протяжении 1,74 м, сохранилась в высоту шести рядов красного кирпича, но имела более мощный фундамент, сложенный из десяти (?) рядов каменных (известняковых) плит, толщиной 0,04–0,20 м (рис. 36). Фундамент был заглублен до уровня материка, его подошва находилась на отметках 0,85–0,86 м БС. Общая высота кладки фундамента (плит) составила 1,61 м, с остатками стены 2,10 м. В целом система кладки обеих стен состоит из кладки в полтора кирпича, т.е. кирпичей, положенных поочередно в длину и ширину (ложковой и тычковой сторонами), на известковом растворе. Размеры кирпичей в основном составляют 0,25–0,26 x 0,12–0,13 x 0,06 м.

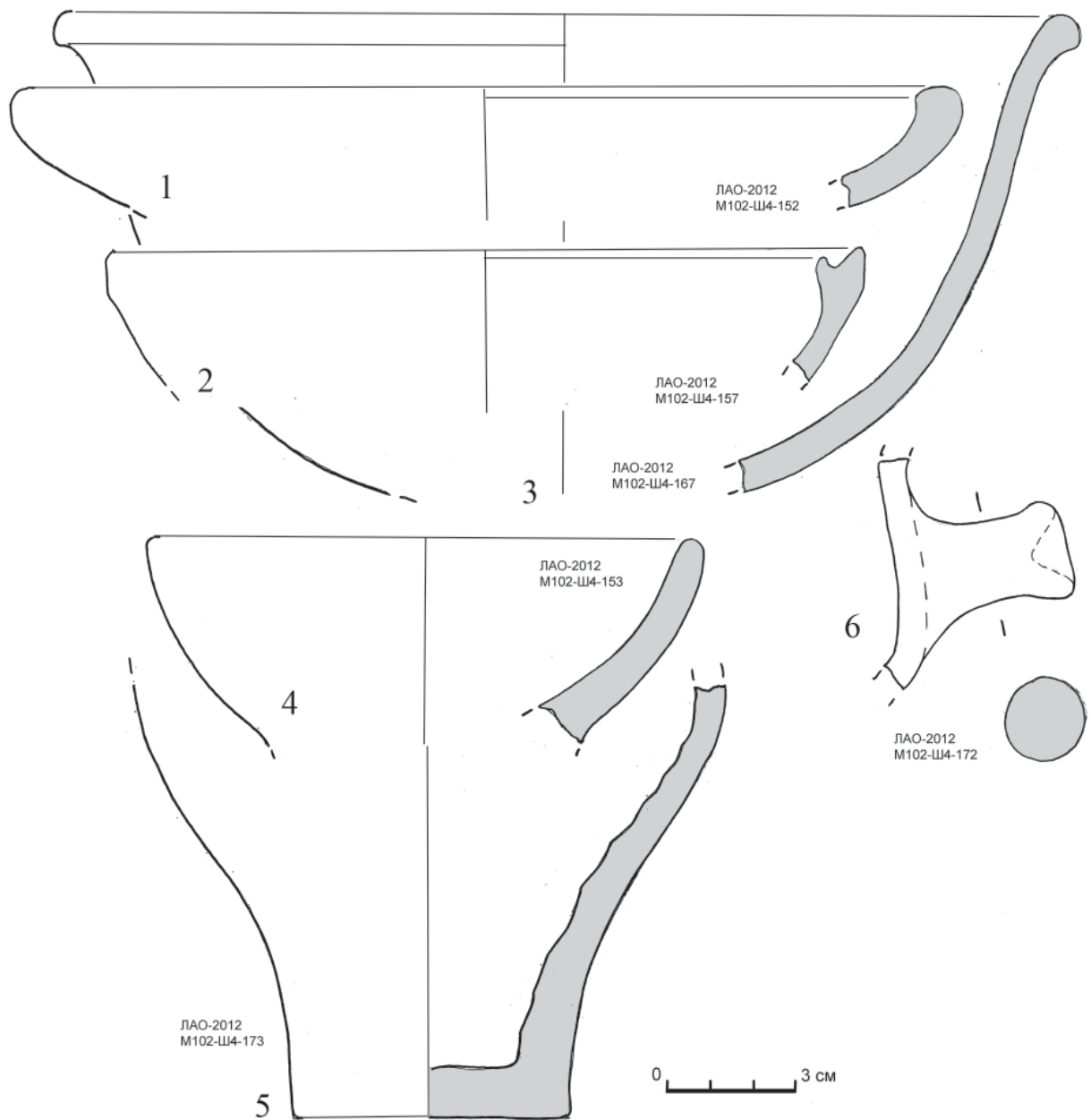

Рис. 29. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Находки из слоя светло-серой супеси:
1–6 – красноглиняная керамика

В северо-восточном углу шурфа с отметок по поверхности 2,91–3,06 м БС зафиксирован фрагмент фундамента внутренней стены, прослеженный в длину по направлению север–юг на 1 м (стена 3). Восточный и северный края стены перекрыты соответствующими бортами шурфа. Фундамент сложен из шести–семи рядов плит, толщиной 0,06–0,14 м, опирающихся южным краем на ступеньку из плитняка (фундамента) стены 2, зафиксированной

вдоль южного борта шурфа, и забутовки из булыжника (в верхней части) и забутовки с грунтом (в нижней части). Забутовка заглублена до уровня погребенной почвы на отметках 1,08–1,10 м БС. Стена просела и имеет наклон в северном направлении с перепадом высот в пределах шурфа в 0,10 м. Общая высота сохранившейся кладки плит фундамента составила 0,83 м, с забутовкой – 1,90 м. Следует полагать, что стена 3 была сложена позднее

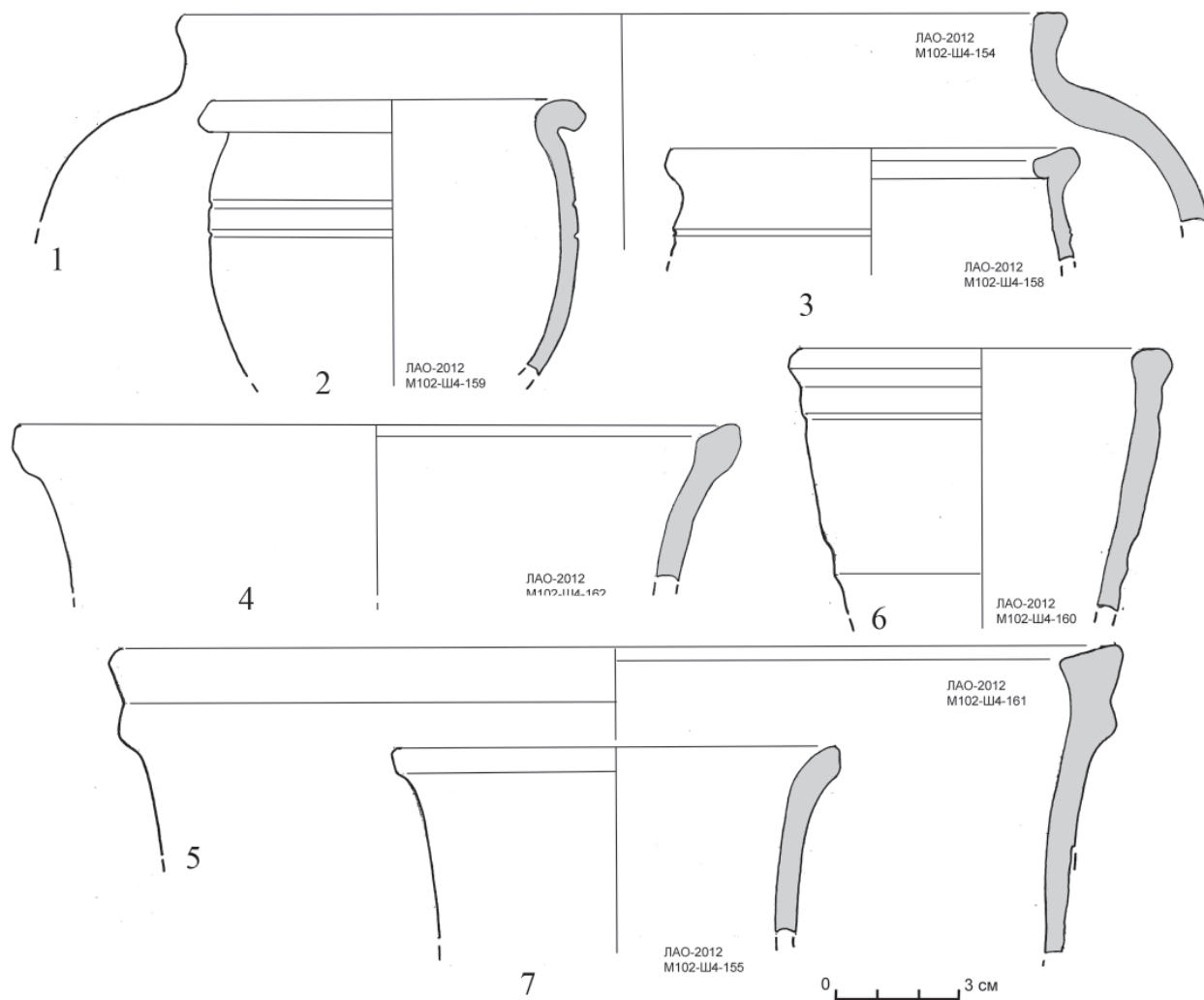

Рис. 30. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Находки из слоя светло-серой супеси:
1–7 – красноглиняная керамика

стен 2 и 1, не являлась несущей и, возможно, связана с перестройками начала XIX в. Глубина шурфа составила 2,68 м (на отметках 3,61–0,93 м БС) (рис. 36).

Шурф 5

Шурф, размерами 2 x 2 м, заложен в юго-западной части исследуемой территории, в 12 м к юго-западу от здания бывшего детского сада, в 0,80 м к востоку от ограды, в 7,11 м к югу от шурфа 4, на газоне. Поверхность шурфа представляла собой слой дерна мощностью 0,08–0,31 м, с высотными отметками 3,53–3,61 м БС. По южной стенке под дерном, с отметок 3,27–3,30 м БС, находился мешаный серый (черно-серый) гумусированный слой с включениями кирпичной

крошки, мощностью 0,44–0,83 м. На отметках 2,45–2,83 м БС он перекрывал слой битого кирпича.

По западной, северной и восточным стенкам под дерном на отметках 3,27–3,51 м БС залегал слой светло-серого песка, мощностью 0,09–0,24 м. Под ним в восточной стенке зафиксирована небольшая линза светло-желтого песка толщиной около 0,07 м. По трем стенкам светло-серый песок на отметках 3,13–3,30 м БС перекрывал серый (черно-серый) гумусированный слой с включениями кирпичной крошки. С этого слоя в нижележащий кирпичный бой с отметок 2,68–2,85 м БС до 1,77–1,80 м БС была вырыта траншея или яма, заполненная серой супесью с включением битого кирпича, кирпичной крошки, железа, бытового мусора. В заполнении

Рис. 31. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Находки из слоя светло-серой супеси:
1, 2 – серокопченая керамика

обнаружен фрагмент разбитой керамической трубы большого диаметра (до 0,50 м), проложенной (или сброшенной?) по линии запад–восток.

Из заполнения ямы в коллекцию отобрано 20 находок из железа, фаянса и стекла. Единственное железное изделие, используемое для загиба гвоздей, – деталь обувной колодки в виде стельки с девятью отверстиями для шурупов (инв. № 205). Фаянсовые изделия представлены 15 фрагментами тарелок, в том числе с клеймами на дне в виде под-

глазурной надписи зеленого цвета «Foreign made», подглазурного изображения серого цвета в виде венков со звездой, круга с серпом и молотом, надписью «БРАК», снизу «ПРОЛЕТАРИЙ», а также в виде подглазурного зеленого изображения льва (инв. № 186–197, 202–204; рис. 37). Часть тарелок расписана колосьями. На дне фрагментов четырех стеклянных стаканов также имеются клейма: «З-Д Сазонова» и «...КПОТРЕСТ» (инв. № 198–201). По находкам заполнение ямы датируется 20–30-ми гг. XX в.

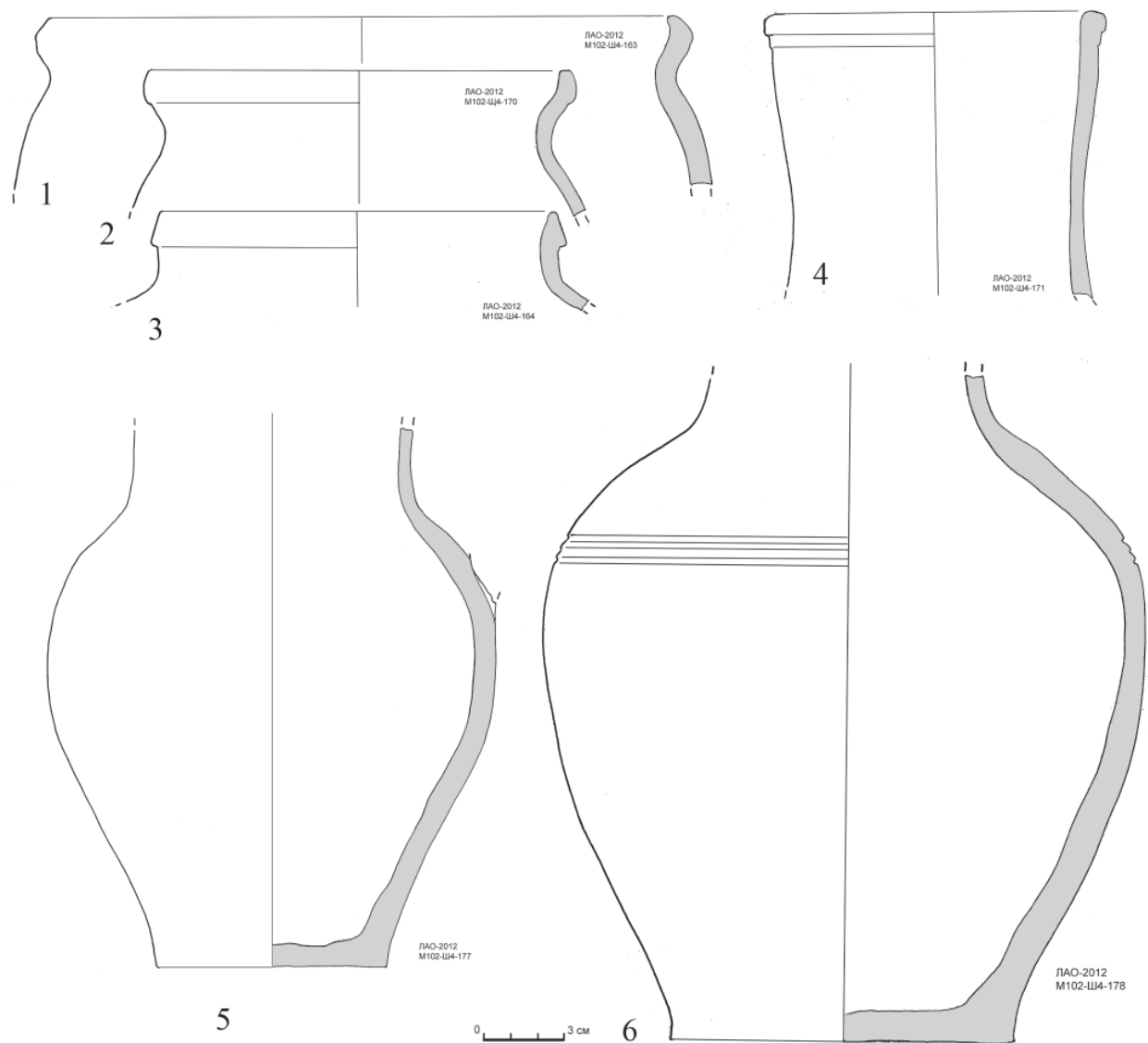

Рис. 32. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Находки из слоя светло-серой супеси:
1–6 – сероглиняная керамика

С отметок 2,57–2,83 м БС до 1,06–1,08 м БС по всей площади шурфа прослежен слой битого кирпича – слой разрушения тюрьмы. Его мощность составила до 1,75 м. В заполнении найдена четырех- и восьмиугольная напольная (?) керамическая плитка белого и сиреневого цветов, уложенная на толстый слой раствора. В слое кирпичного боя, на отметках 1,23–1,39 м БС, расчищены остатки фундамента разрушенной внешней стены западного корпуса тюрьмы, состоящие из нижних пяти рядов разбитых каменных плит, толщиной 0,16–0,24 м, уложенных по направлению север–юг. Подошва фундамента была заглублена в материк до уровня 0,38 м БС. На уровне стены по северному борту

шурфа отмечены отдельные обломки каменных плит. К востоку от внешней стены, на глубине 0,99–1,04 м БС, по всей оставшейся площади шурфа зафиксирован пол (?) подвального помещения, состоящий из красных кирпичей, поставленных на ребро (ложковой стороной кверху) под небольшим углом к стене и скрепленных раствором (рис. 38). Кирпичный пол покрыт тонкой прослойкой земли черно-серого цвета с включениями угля и дерева (толщиной до 0,06 м), вероятно, образовавшейся на полу подвала слой грязи или слой пожара.

Под кирпичным полом, перпендикулярно внешней стене корпуса, зафиксированы разбитые каменные

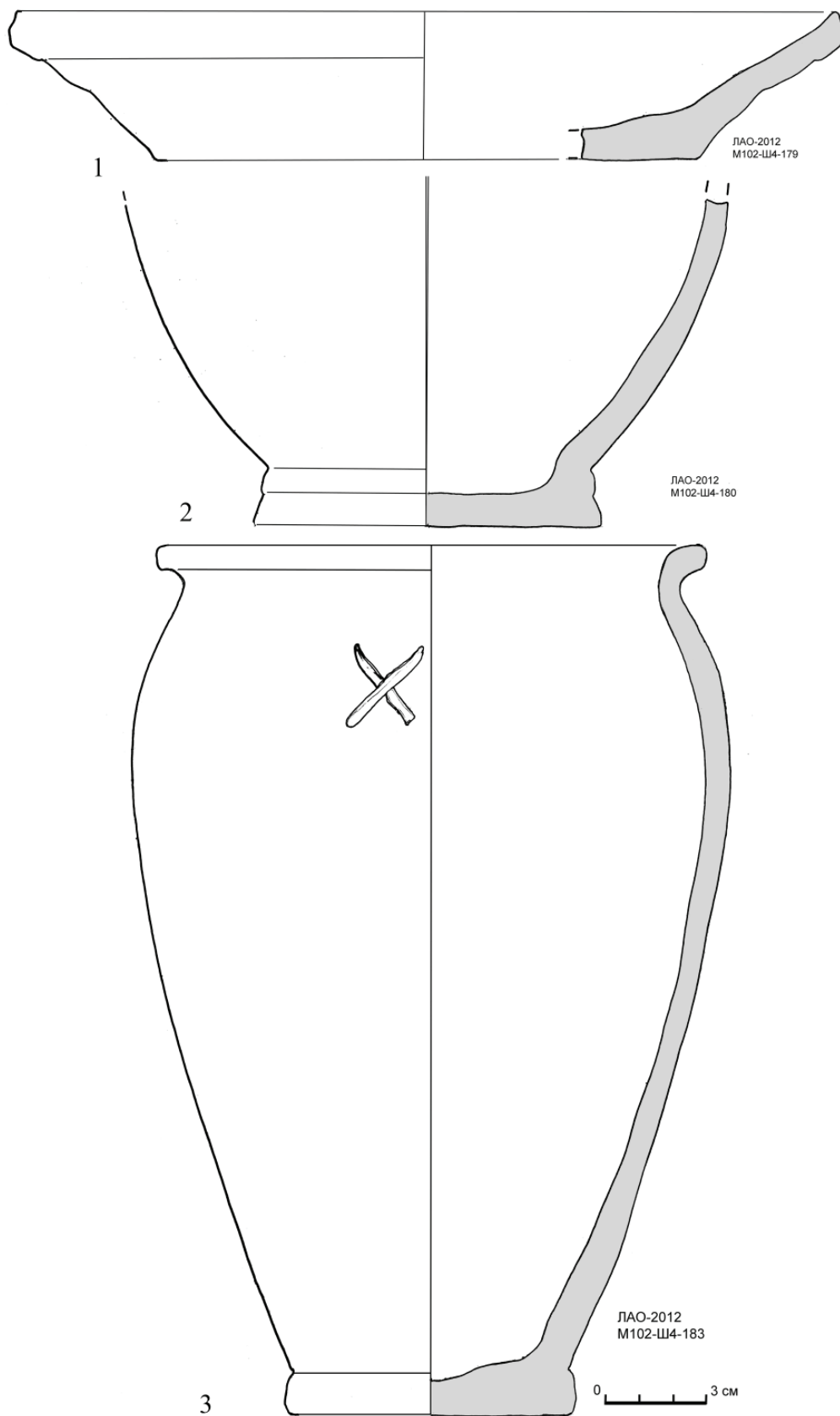
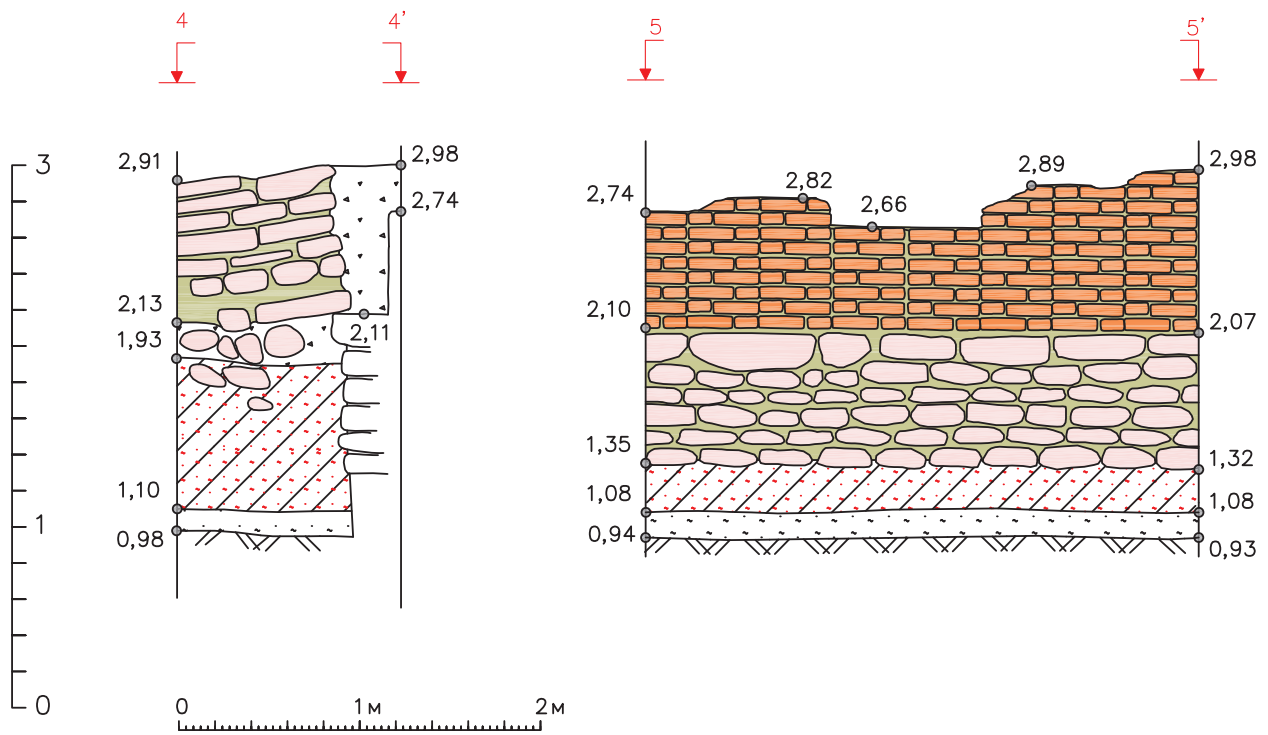

Рис. 33. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Находки из темно-коричневого гумусированного слоя:
1-3 – красноглиняная керамика

Рис. 34. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Находки из темно-коричневого гумусированного слоя:
1 – пуговица цветного металла, 2 – красноглиняный горшок, 3 – печной изразец

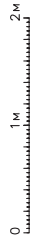
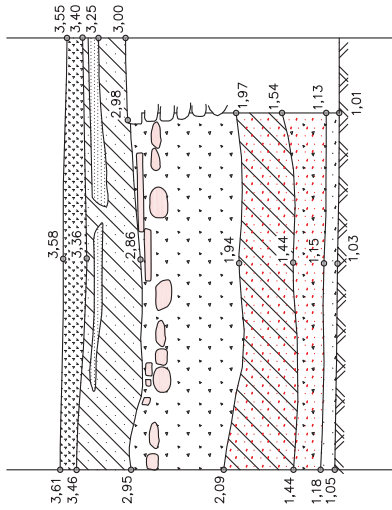

Условные обозначения

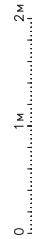
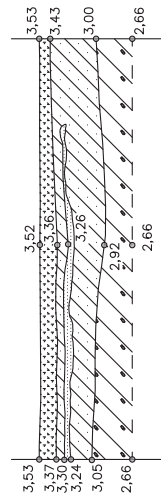
- Слой строительного мусора (слой битого кирпича)
- Погребенная почва
- Камни, кирпичи
- Известковый раствор
- Серо-коричневая мешаная супесь

Рис. 35. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 4. Фас стен фундамента 3 и 2

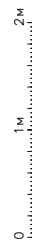
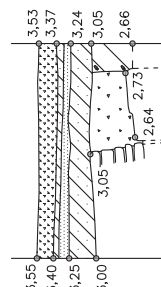
Северная
стенка

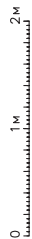
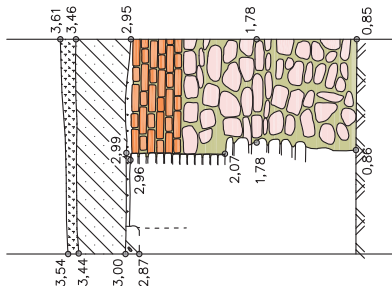
Южная
стенка

Восточная
стенка

Западная
стенка

Условные обозначения

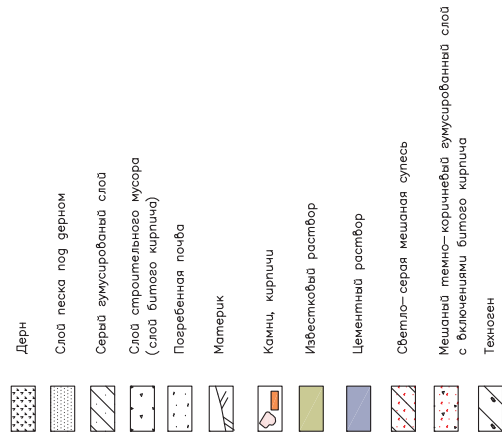

Рис. 36. Набережная р. Мойки, д. 102. Стратиграфия стенок шурфа 4

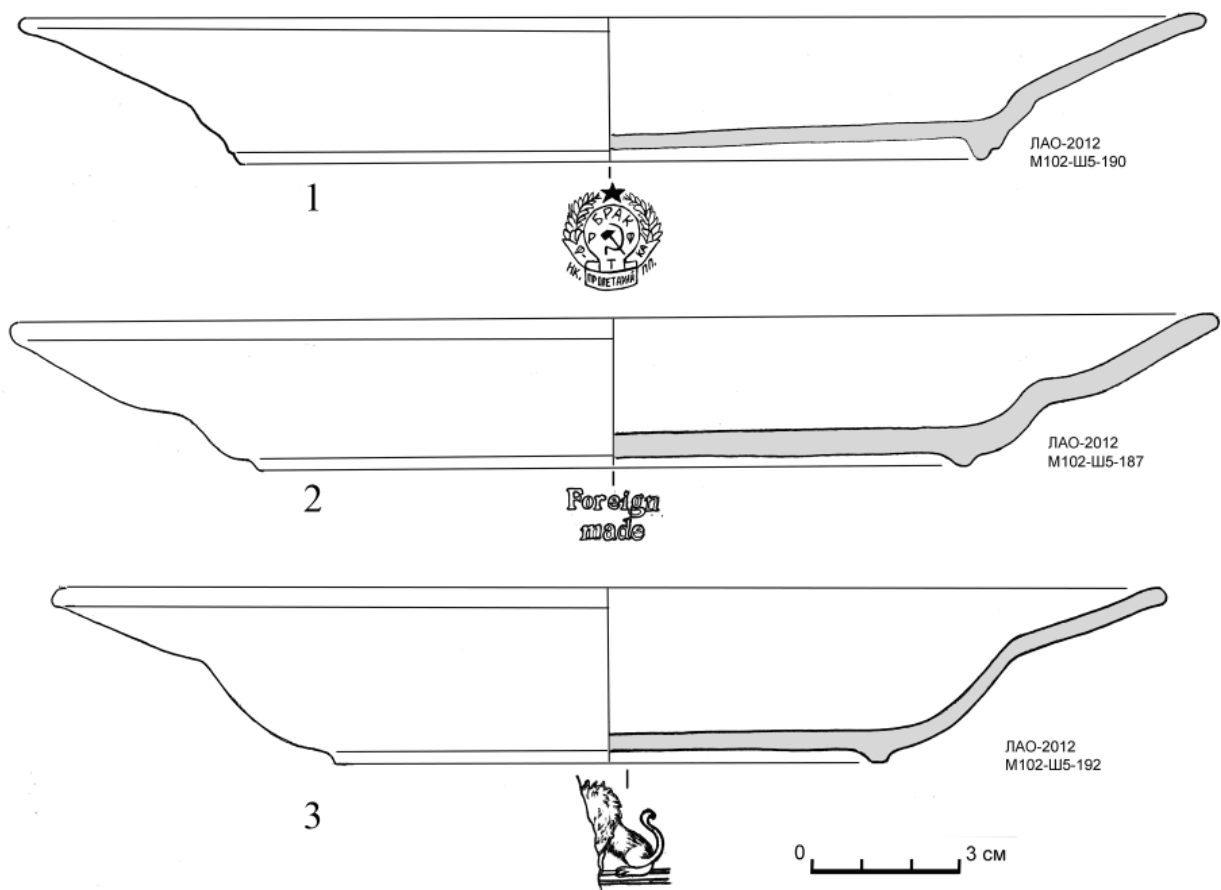

Рис. 37. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 5. Находки из заполнения траншеи (ямы): 1–3 – фаянс с клеймами

плиты, выступающие из южного борта шурфа на расстояние 0,70 м и перекрытые восточным бортом шурфа. Плиты лежали на поверхности материка. Возможно, это остатки внутренней стены корпуса, судя по плану первого этажа тюрьмы 1842 г., которая в связи с перепланировками (?) была разрушена и перекрыта кирпичным полом. На остальной площади шурфа пол на отметках 0,87–0,89 м БС подстилала погребенная почва толщиной 0,18–0,24 м.

Материк на дне шурфа – геологический слой светло-серого песка без включения культурных артефактов. Нивелировочные отметки по его поверхности 0,65–0,70 м БС. Глубина шурфа составила 2,96 м (отметки 3,61–0,65 м БС).

Находки

В результате исследований была собрана коллекция, состоящая из 205 номеров и представленная монетами (8), изделиями из цветных (4) и черных (4) металлов, курительными трубками (14),

красноглиняной (85), сероглиняной (26) и белоглиняной (3) керамикой, изделиями из фаянса и фарфора (22), изделиями из стекла (14), печными изразцами (6), черепицей (1), кирпичами (2), кремнем (14), изделиями из дерева (1), костью (1).

I. *Монеты.* Всего найдено восемь монет, из которых пять (20 копеек 1945 г., 3 копейки 1988 г., 50 рублей 1993 г. (инв. № 72–74) из шурфа 2, 20 копеек 1933 г. и 1 рубль 1997 г. (инв. № 185, 146) из шурфа 4) датируют верхние слои шурфов – дерн, серую или темно-серую супесь – XX в. Еще три монеты (медная достоинством 2 копейки 1801 г. Павла I, серебряная достоинством 10 копеек 1854 г. Николая I (инв. № 1 и 15) из шурфа 1 и медная 1 копейка, чеканенная в 1914 г. (инв. № 122) из шурфа 3) происходят из слоя битого кирпича, датируя его XIX – началом XX вв.

II. *Изделия из цветных металлов* представлены четырьмя находками. Верхние слои (дерна и се-

Рис. 38. Набережная р. Мойки, д. 102. Шурф 5. Остатки фундамента внешней стены и кирпичного пола. Вид с востока

рой супеси из шурфа 2) характеризует алюминиевый жетон овальной формы с прорезной надписью «6806 РПО ВАСИЛЕОСТР» (инв. № 75). Жетон, как и пять монет, датируют слои XX в. Из слоя битого кирпича (слоя разрушения тюрьмы) шурфа 1 происходит медный знак на кивер нижнего чина пехотных полков XIX в. – «гранадка об одном огне» (инв. № 16; рис. 12: 3). Знак изображает круглую гранату (бомбу) с вырывающимся кверху огненным языком, символизирующим взрыв. На внутренней стороне значка виден неровно процарапанный крест (знак собственности или оберег?).

В слое строительного мусора (кирпичного боя), перемешанного с серой гумусированной супесью шурфа 2 найден свинцовый предмет неизвестного назначения (инв. № 80), который датируется концом XVIII – XIX вв.

Из нижнего темно-коричневого гумусированного слоя шурфа 4 происходит круглая пуговица медного сплава, вероятно, от мундира (инв. № 184; рис. 34: 1). Следует полагать, что слой датируется XVIII в. и относится к первоначальному периоду городского обустройства данной территории.

III. *Изделия из черных металлов* представлены четырьмя находками из железа. В засыпке траншеи 1920–1930-х гг. из шурфа 5 найдена деталь обувной колодки в виде стельки с девятью отверстиями для шурупов, используемая для загиба гвоздей (инв. № 205). Из слоя битого кирпича (слоя разрушения тюрьмы) шурфа № 3 происходит обломок (половина) конской подковы с тремя гвоздевыми отверстиями, передним и задним шипами (инв. №1 20; рис. 23: 11), фрагмент ажурной накладки (?) (инв. № 121) и две пластины (инв. № 119).

IV. *Курительные трубки* – частые находки в культурных слоях Петербурга. В основном это фрагменты так называемых голландских белоглиняных трубок, датируемых XVIII – первой половиной XIX вв. Фрагменты таких трубок были найдены в шурфах 1–3 в количестве 14 экземпляров (инв. № 10, 11, 54, 58, 59, 67, 77, 81–83, 86, 139–141). Из них 11 – неорнаментированные обломки стеблей, две – орнаментированные зубчатым и прямоугольным штампом с поясками обломки стеблей и только один – поврежденная чашка. Чашка, обнаруженная в погребенной почве шурфа 1, является одной из наиболее интересных находок всей коллекции (инв. № 67; рис. 15: 1; 16: 1).

V. *Красноглиняная керамика* является самой массовой категорией находок – 85 экземпляров, представленные целыми сосудами, профилями, фрагментами венчиков, ручек, сливов (носиков), крышек и донцев сосудов, мисок цветочных вазонов, а также плоскых светильников (подсвечников). Часть керамики покрыта ангобом и поливами зеленого, белого, желтого, коричневого цветов и их сочетаниями. Керамика данной категории была найдена почти во всех слоях пяти шурфов и датируется, в целом, XVIII–XX вв. Следует отметить, что все 25 плоскых светильников происходят из шурфов 1 и 3, заложенных на месте расположения башни тюрьмы (рис. 9; 23: 1–8). Большая часть, 21 светильник (и еще два мелких фрагмента, не взятые в коллекцию), найдены в слое разрушения башни (в слое битого кирпича) (инв. № 23–26, 99–115). Остальные четыре светильника (инв. № 123–126) обнаружены в более раннем слое шурфа 3 – в черной гумусированной супеси. Данные светильники представляют собой плоски-миски небольшого диаметра 12,0–16,3 см, их высота по краю составляет 2,7–4,0 см, глубина 2,2–3,0 см. В центре плоски находится небольшая втулка, диаметром 0,7–1,8 см, с валиком или без него, заглубленная в дно. Ряд втулок, образованных круговым валиком, возвышаются над уровнем дна светильника. Из всех плоск только одна, втулка которой имеет отверстие для фитиля, использовалась как масляный светильник (инв. № 51), остальные, не имеющие фитильных канавок или отверстий, использовались, вероятно, как подсвечники. Подобного типа светильники известны во многих городах России – Новгороде, Москве, Ярославле, Калуге и др. – и датируются XVI–XIX вв. (Ткаченко, Федорова, 2002. С. 222–226).

Одна из наиболее интересных находок происходит из слоя XVIII в. (мешаного темно-коричневого гумусированного слоя шурфа 4) – целый горшок высотой 26 см с покатыми плечиками и максимальным расширением (18 см) в верхней трети сосуда, покрытый коричнево-зеленой поливой (инв. № 183; рис. 31: 2; 32: 3). У горшка на плечике еще до обжига, по сырой глине прочерчен косой крест, являющийся, вероятно, знаком-меткой для каких-либо целей, или знаком-оберегом, ставившемся при обжиге сосуда, или знаком-оберегом, предназначенным для содержимого сосуда.

VI. *Сероглиняная керамика* представлена 26 экземплярами, найденными почти во всех слоях шурфов. В коллекцию были отобраны фрагментированные сосуды, венчики и донца сосудов. Часть черепков покрыта нагаром, свидетельствующим о том, что эта посуда использовалась для приготовления пи-

щи. Особую подкатегорию сероглиняной керамики, найденной при исследовании, составляет серо-лощеная (или чернолощеная) керамика. Лощеная керамика имеет широкую датировку – от средних веков до XIX в. Удачей является склейка из развала черепков двух почти целых серо-лощеных сосудов (инв. № 177, 178; рис. 30; 31: 5, 6), обнаруженных в слое XVIII в. (слой светло-серой супеси шурфа 4). Следует полагать, что они относятся к кувшинам, так как имеют округлое тулово и узкое высокое горло. К сожалению, верхняя часть горла с венчиком у обоих сосудов не сохранилась. Один кувшин (инв. № 178) в верхней части тулова, по плечу украшен тремя параллельными горизонтальными линиями шириной около 2 мм каждая, у второго (инв. № 177) на плечике имеется след от обломанной ручки. Сероглиняная керамика из шурфов в целом датируется XVIII–XX вв.

VII. *Белоглиняная керамика*. Из шурфа 3 происходят фрагмент венчика сосуда и край тарелки, покрытые поливой (инв. № 130–131), а из шурфа 4 – придонная часть сосуда (инв. № 174). Керамика датируется XVIII–XIX вв.

VIII. *Изделия из фарфора и фаянса*. В коллекцию было отобрано 22 находки из фаянса и фарфора, представленные фрагментами тарелок, чашек, сосудов, помадных банок (рис. 13: 3; 15: 2). На части изделий имеются клейма. Так, на дне тарелки из слоя битого кирпича шурфа 1 сохранился фрагмент синего подглазурного клейма в виде завитка или буквы «J», «G» или «C», в стороне серая точка в красной окантовке, внутри сосуда золотая окантовка (инв. № 17; рис. 12: 7). Это клеймо похоже на марку двух заводов – Гарднера и Сафронова. Завод Гарднера в с. Вербилках Московской губернии был основан в 50-х гг. XIX в., в 1800–1825 гг. марка в виде буквы G вырождается в крючок, аналогичный на находке № 17. Фарфоровый завод Сафронова был основан в 1814 (1830?) г. крестьянином Антоном Трофимовичем Сафроновым в деревне Короткой Богородского уезда Московской губернии и имел марку в виде буквы «C» с характерными утолщениями на концах. Завод просуществовал до 60-х гг. XIX в. Вторая фарфоровая чашка из слоя битого кирпича шурфа 1 снаружи расписана растительным орнаментом в виде зеленых листьев и розового цветка, внутри красная окантовка по краю, на дне розовый цветок с зелеными листьями (инв. № 20; рис. 31: 8; 32: 4). На донце клеймо – надглазурные красная цифра «19» и перекрещенные шпаги, вдавленная «G». Изготовлена на заводе Гарднера в 1850–1860-х гг. (Марки фарфора, 2001. С. 191, 199). Из заполнения ямы шурфа 5 происходят 15 фрагментов тарелок, в том числе с клеймами на дне в виде:

1) подглазурной надписи зеленого цвета «Foreign made»; 2) подглазурного изображения серого цвета в виде венков со звездой, круга с серпом и молотом, надписью «БРАК», снизу «ПРОЛЕТАРИЙ»; 3) в виде подглазурного зеленого изображения сидящего льва (инв. № 186–197, 202–204; рис. 37). Часть этих тарелок расписана колосьями. В заполнение ямы они попали не позднее 1930-х гг.

IX. Изделия из стекла. Данная категория представлена 14 находками фрагментов бутылок, стаканов и пузырьков. На стенке бутылки зеленого стекла из слоя битого кирпича шурфа 1 (инв. № 14) сохранилась часть надписи «ОСНО...НО ОЪ 1817 1» (?). Из слоя XVIII в. (?) шурфа 3 (слой черной гумусированной супеси) происходят небольшие пузырек с рельефной надписью кириллицей «...Аптекарска...» по одной стороне и латиницей «arothe... Dania...» по другой стороне, а также обломанное круглое бутылочное клеймо с изображением короны и ниже «LOID... [вероятно LONDON – С.С.] G.D» (инв. № 137–138; рис. 25: 7, 8). Похожее клеймо с изображением короны, шестиконечной звезды и надписью LONDON было найдено в строительном горизонте второй половины XVIII в. при исследовании территории Главного Штаба в 2009–2011 гг. (Аветиков и др., 2011. С. 28, рис. 16). Из заполнения ямы в шурфе 5 происходят донца и профили четырех стаканов с клеймами (на дне): «З-Д Сазонова» и «...КПОТРЕСТ» (инв. № 198–201). Стеклянная продукция с клеймом Сазонова выпускалась на Покровском, или Бакунинском (по имени первого владельца, основавшего предприятие в 1860 г.), стекольном заводе Чагодощенского района Вологодской области после 1924 г.

X. Печные изразцы. Коллекция печных изразцов, состоящая из шести находок из слоев XVIII в., представлена фрагментами плоских и рельефных изразцов с сюжетным и растительным орнаментами, нанесенными синей кобальтовой краской по белой поливе, обломком колонны изразцового декора печи (инв. № 57, 68, 65, 118, 181, 182; рис. 34: 3).

XI. Черепица. В коллекцию отобран один фрагмент кровельной красноглиняной черепицы с пяткой (инв. № 37; рис. 12: 4), происходящий из слоя мешаной серо-коричневой супеси шурфа 1. Датировать находку следует XVIII в. Еще несколько мелких фрагментов, не взятые в коллекцию, также происходят из слоев XVIII в.

XII. Кирпичи. В коллекцию взяты два кирпича с клеймами казенных заводов в виде государственных символов – двуглавых орлов (инв. № 69 и 70) из слоя битого кирпича шурфа № 1. На первом клейме

орел с расправленными в сторону крыльями в прямоугольной рамке (инв. № 70). Такие кирпичи датируются до 1860 г. На втором клейме орел с поднятыми вверх и расправленными крыльями в круглой рамке датируется второй половиной XIX в.

XIII. Кремень. В шурфах найдено 14 кремней (инв. № 12, 79, 87–98), представленные небольшими окатанными экземплярами или экземплярами с галечной коркой. Большая часть кремней, 12 экземпляров, найдена в массиве мешаной серой супеси с гумусными прослойками и железистыми включениями шурфа 2 (выброс от строительства Крюкова канала). Вполне вероятно, что кремень использовался для дренажа в цветочных кадках усадеб или сада, которые находились на данной территории до строительства канала и Литовского замка.

XIV. Изделия из дерева. В коллекцию взята одна находка из шурфа 1 – рукоятка ножа, столового прибора или какого-либо инструмента (инв. № 9; рис. 12: 6). Она состоит из двух внешних деревянных половинок и железного центрального (внутреннего) черенка, соединенные тремя железными стерженьками. Датируется не позднее XIX в.

XV. Кость. Категория представлена находкой из шурфа 4 – клыком кабана (инв. № 176). Клык найден в культурном слое XVIII в. и относится к усадебному периоду застройки данной территории, предшествующему строительству Литовского замка.

Заключение

Исходя из исторических данных, необходимо отметить, что участок исследования расположен на землях, которые входили в состав шведских поместий и угодий XVII в., однако сведений о непосредственной застройке этого места в допетербургский период нет. Археологическая шурфовка также не выявила культурные слои или материалы XVII в. В пяти шурфах, заложенных на территории планируемого строительства, прослежена стратиграфическая колонка от дерна до материка, включающая городские культурные слои XVIII–XX вв.

Анализ стратиграфических разрезов шурфов показал, что предматериковый слой – это погребенная почва торфянистого типа с первичным культурным слоем темно-серого (до черного) цвета, мощностью 0,10–0,49 м. Почва формировалась с древнейших времен по XVIII в. включительно. В шурфе 1 из нее происходит ряд находок, датировка которых не выходит за пределы XVIII в.

Наиболее интересная находка этого слоя и всей коллекции в целом – чашка белоглиняной так называемой голландской, курительной трубки (инв. № 67), изготовленной в Англии. На ее спинке имеется штампованное клеймо в виде герба Лондона, которое стали использовать на трубках с середины XVIII в., а на боковых сторонах пятки видны рельефные клейма инициалов мастера.

С усадебным периодом до последней четверти XVIII в. (до строительства Крюкова канала и Литовского замка), на основе анализа находок и стратиграфического положения, следует связывать: в шурфе 1 перекрывающий погребенную почву слой мешаной серо-коричневой супеси с включением материкового светло-серого песка; в шурфе 3 перекрывающий материк (и, возможно, остатки подрезанной погребенной почвы) слой черной гумусированной супеси с включением щепы; в шурфе 4 перекрывающий подрезанную погребенную почву слой мешаной темно-коричневой гумусированной супеси с включением битого кирпича. В этих слоях найдено большое количество находок соответствующего времени.

Следующий период, связанный со строительством по проекту И. Е. Старова в 1783–1787 гг. Литовского замка и дальнейшими его перестройками в XIX в., довольно ярко проявился в четырех шурфах (1, 3–5). В шурфах 1 и 3 обнаружены каменный фундамент с остатками кирпичной стены угловой северо-западной башни Литовского замка, свинцовая труба «водокачални», по которой воду с р. Мойки закачивали в тюрьму, слои кирпичного боя, извести с кирпичной крошкой и мешаной светло-серой супеси, связанные со строительством и перестройкой замка. В шурфе 4 зафиксированы фундаменты внешней и двух внутренних стен западного корпуса тюрьмы, булыжное мощение двора замка, развал каменного пола поздней тюремной пристройки (?), слои строительства замка. В шурфе № 5 зафиксированы остатки фундамента внешней несущей стены западного корпуса тюрьмы, остатки фундамента внутренней стены и кирпичный пол (?) подвального помещения.

В шурфе 2 зафиксирован выброс грунта, связанный со строительством Крюкова канала в 1780–1787 гг. или с облицовкой канала гранитом в 1801–1807 гг. Нижняя узорчатая мостовая, открытая в шурфе 2, возможно, является итогом первого благоустройства территории внутри Литовского замка. Однако, в соответствии с планом нижнего этажа тюрьмы 1842 г. на месте шурфа находилась столовая восточного корпуса замка, поэтому обнаружение здесь двух разновременных булыжных

мощений (нижнего и верхнего) на данном этапе исследований не совсем понятно.

К ремонтным и строительным работам на территории тюрьмы в XIX в., под которую обустроили Литовский замок, следует относить прямоугольный кирпичный фундамент из слоя кирпичного боя шурфа 1, угол однослойной кирпичной выкладки и угол фундамента из плит и булыжников, раскрытых в шурфе 2. Возможно, что обнаруженное в шурфе 2 верхнее булыжное мощение является результатом более поздних работ по благоустройству территории в XIX в. К следам разрушения Литовского замка следует относить слой кирпичного боя, которым в шурфе 5 перекрыты остатки стен, а в шурфах 1, 3 и 4 присыпаны верхние участки фундаментов до уровня разрушения. Слои, перекрывающие фундамент тюрьмы и в шурфе 2 верхнее мощение, возникли после разрушения Литовского замка и датируются XX в. Вещевая коллекция отражает формирование городского культурного слоя XVIII–XX вв.

Источники и литература

- Аветиков А. А., Александров С. В., Боковенко Н. А., Ёлшин Д. Д., Кильдюшевский В. И., Стёганцева В. Я., 2011. Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги // Бюллетень 2. СПб.
- Атлас столичного города Санкт-Петербурга, составленный комитетом городских повинностей, под управлением гр. Строганова. СПб., 1806.
- Базарова Т. А., 2003. Планы Петровского Петербурга. СПб.
- Беляева Г., 2009. Прогулки по старой Коломне. М.; СПб.
- Богданов А., 1779. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб.
- Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д., 2008. Петербург в названиях улиц. М.; СПб.
- Галанина Ю. Е., 2007. Коломенские сюжеты // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 14.
- Георги И. Г., 1794. Описание Санкт-Петербурга. СПб.
- Греч А. Н., 1851. Весь Петербург в кармане: Справочная книга для столичных жителей и приезжих. СПб.

- Зуев Г. И., 2003. Дома и люди Офицерской улицы. СПб.
- Зуев Г. И., 2007. Петербургская Коломна. М.; СПб.
- Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1878. Вып. 6.
- Краснова Е. И., 2007. Такие разные Демидовы. СПб.
- Краснова Е. И., Лукоянов А. Н., 2009. На Мойке против «Новой Голландии» // Старый Петербург. СПб.
- Луппов С. П., 1957. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.
- Марки фарфора, фаянса, майолики. Русские и иностранные. М., 2001.
- Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Д. 03565. Л. 50–53. Литовский замок. Ленинградские реставрационные мастерские. Л., 1927.
- Перов Л. В., 2004. Литовский замок // Три века Санкт-Петербурга. СПб. Т. II. Кн. 3.
- Петров П. Н., 1885а. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб.
- Петров П. Н., 1885б. Примечания к истории Санкт-Петербурга. СПб.
- План Петербурга, гравированный берлинским гравером Георгом Паулем Бушем. СПб., 1717.
- Платунов А. М., 1999. Так строился Петербург. СПб.
- Пыляев М. И., 1889. Старый Петербург. СПб.
- Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А., 2004. Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб.
- Столянский П. Н., 1909. Петербург пятьдесят лет тому назад. СПб.
- Сухарева Е. А., 2007. Литовский замок в очерках Н. С. Лескова // Труды государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 14.
- Ткаченко В. А., Фёдорова Л. И., 2002. Керамические светильники XVI–XIX вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 4.
- Центральный государственный исторический архив. Ф. 513. Оп. 101. Д. 308. Л. 24–27: План нижнего этажа градской тюрьмы 1842 г. по Офицерской улице 29, наб. Крюкова кан., д. 3, наб. Мойки, д. 102 и Тюремному пер., д. 2.
- Центральный государственный исторический архив. Ф. 513. Оп. 101. Д. 308. Л. 24–27: План верхнего этажа градской тюрьмы 1842 г. по Офицерской улице 29, наб. Крюкова кан., д. 3, наб. Мойки, д. 102 и Тюремному пер., д. 2.
- Шуберт Ф. Ф. Подробный план столичного города Ст. Петербурга. СПб., 1828.
- Oswald A., 1975. Clay Pipes for Archaeologist. Oxford (British Archaeological Reports, British Series 14).

Археологические исследования поселения Усть-Ижора

О. И. Богуславский, А. А. Лазарев

Летом 2012 г. экспедицией Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры РАН были выполнены археологические исследования на участке прокладки газопровода среднего давления, расположенном в пос. Усть-Ижора Колпинского района г. Санкт-Петербурга. Археологические исследования проводились на территории памятника федерального значения «Место битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 г.». Участок ограничен Шлиссельбургским шоссе, Нижней Ижорской ул., Петрозаводским шоссе и Шлиссельбургским шоссе, Нижней Ижорской ул., ул. Пролетарской победы и Речной ул. в пос. Усть-Ижора. На участках, доступных для исследования, было заложено 15 разведочных шурфов разных размеров, разведочный раскоп и траншея, общей площадью более 80 кв. м (рис. 1; 2). Расположение и площадь шурфов определялись планом прокладки газопровода.

Впервые в письменных источниках о народе ижора говорится в булле римского папы Александра III к уппсальскому епископу Стефану (1164–1181 гг.), призывающей к распространению католичества на прибалтийско-финские народы. Затем в 1221 г. ижора упоминается в хронике Генриха Латвийского, в связи с вторжением немецких рыцарей в ее земли. Новгородская летопись в 1228 г. повествует об участии ижоры в отражении набега финского племени емь в Приладожье. К этому же времени, т.е. к концу XII – началу XIII вв. относятся многочисленные археологические памятники, связанные с ижорой (Сорокин, 1993. С. 3–4).

Река Нева, начиная с раннего средневековья, являлась оживленным путем, связывающим Русь с балтийским регионом. Территория в устье реки Ижоры вплоть до позднего средневековья не была постоянно заселена. Граница компактного древнерусского расселения проходила в нескольких десятках километров от побережья Невы – по северному краю Ижорского плато и по реке Лаве. Финское племя ижора также селилось на заметном отдалении от берегов Невы, что подтверждается размещением древностей XII–XIV вв., обнаруженных на возвышенных местах, не ближе, чем в 15–20 км от этой реки. Это объясняется как сильной заболо-

ченностью территории, так и опасностью проживания вблизи водного пути, открытого для внезапного вторжения с Балтики. Массовая колонизация этих территорий ижорским и русским населением происходит, вероятно, в XIV–XV вв., после основания крепости Орешек и разграничений русских и шведских владений в этих местах (Сорокин, 2002. С. 303).

Устье Ижоры в месте впадения в Неву более всего известно как место Невской битвы, в которой решалась судьба Руси. Сведения о Невской битве содержатся в двух первоисточниках. Это краткие сообщения в новгородских и псковских летописях, составленные, вероятно, вскоре после битвы и затем попавшие в другие летописные своды, а также литературный памятник «Повесть о житии Александра Невского», написанный, по мнению специалистов, со слов участников битвы во Владимире и также дошедший до нас в нескольких редакциях. При этом в шведских хрониках битва 1240 г. вообще не упоминается.

В русских источниках имеется достаточно подробное освещение обстоятельств и хода битвы на Неве. Их изучением занимались В. Т. Пашуто, И. П. Шаскольский, Г. Д. Караев, А. Н. Кирпичников, А. Я. Дегтярёв, В. А. Кучкин и другие историки, однако по-прежнему остаются спорные моменты, вызывающие полемику исследователей. В частности, имеются разногласия во мнениях о целях этого вторжения. Обращает на себя внимание тот факт, что шведский флот, вошедший в Неву, вместо того, чтобы, как это случалось обычно, используя фактор внезапности, обрушиться на Приладожье, на длительное время останавливается при впадении р. Ижоры в Неву, тем самым, дав возможность новгородцам взять инициативу в свои руки. Рассматривая вторжение 1240 г. в контексте шведского и тевтонского продвижения на восток, нетрудно заметить, что основой владычества шведов в Финляндии и немцев в Прибалтике было сооружение в этих землях многочисленных крепостей и замков. И если первоначально вторжения этих государств в земли финских народов, зависимых от Новгорода, носили характер устрашающих и грабительских, то позднее, с укреплением позиций завоевателей,

Рис. 1. Местоположение территории археологических исследований, нанесенное на историческую карту Санкт-Петербурга 1913 г. (Карта района маневров. Издание Военно-топографического отдела Генерального штаба. 1913)

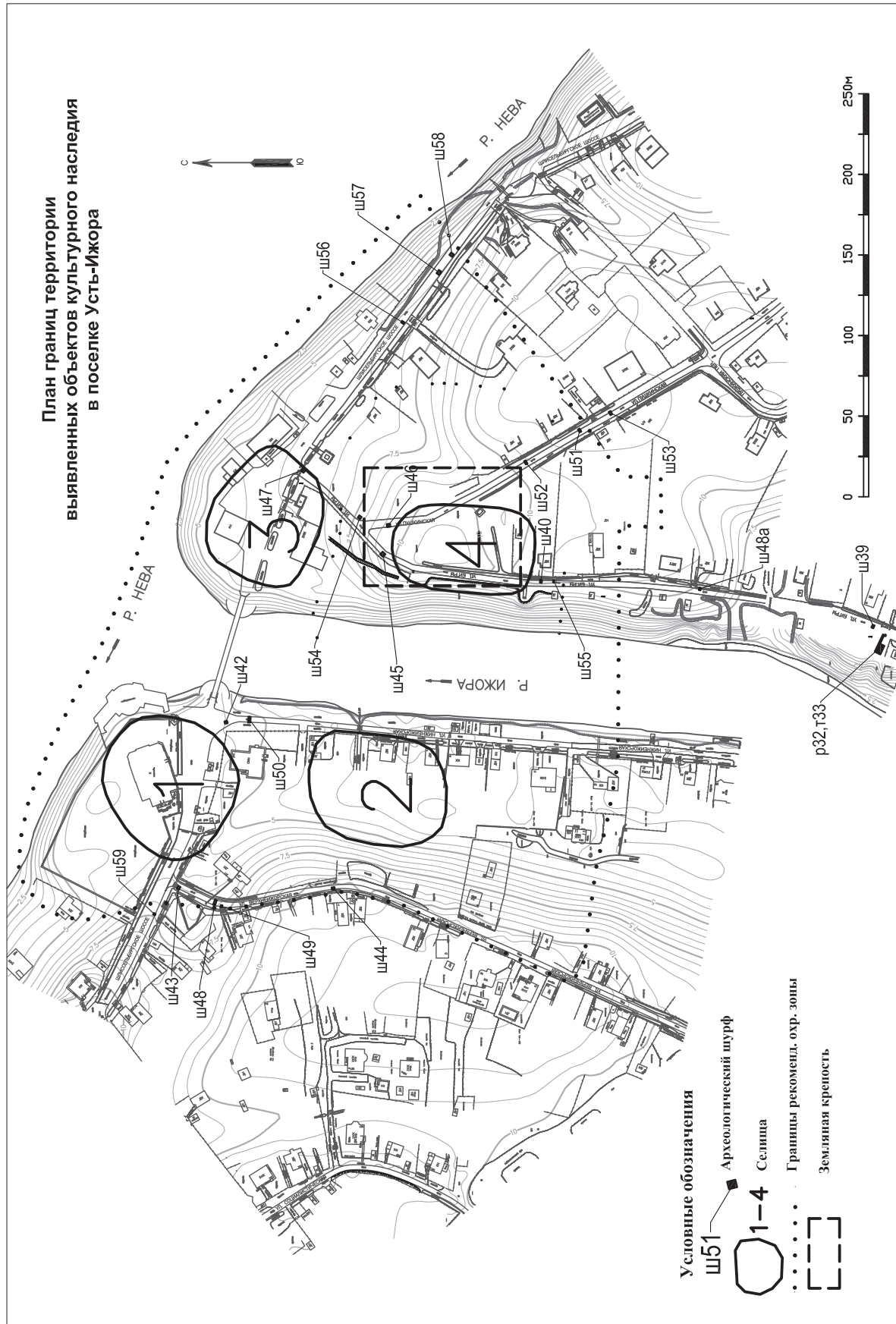

Рис. 2. Территория обследования и комплекс археологических памятников на территории пос. Усть-Ижора: 1-4 – селища (по П. Е. Сорокину)

в соседних землях начинают предприниматься попытки утвердиться и здесь. Так, всего через год после Невской битвы, в 1241 г. тевтонцы попытались построить крепость в земле води (Копорье), шведы же в 1256 г. начинают сооружать укрепления в устье р. Нарвы, в 1297 г. основывают в землях карелы Выборгский замок, а в 1300 г. предпринимая попытку закрепиться в Ижорской земле, построив при впадении р. Охты в Неву крепость Ландскрону (Сорокин, 2002. С. 301).

Такое развитие событий позволяет предположить, что подобная цель ставилась и в 1240 г. в местечке при впадении Ижоры в Неву. Это место, находящееся в среднем течении Невы, ниже труднопроходимых Ивановских порогов, обладало удобным географическим положением для ведения торговли и судоходства. Оно имело также несомненные топографические преимущества – гавань для стоянки и ремонта кораблей, перегрузки товаров с морских судов на речные и наоборот, а также рельеф, облегчающий сооружение укреплений. Такой опорный пункт позволил бы надежно контролировать водные пути по Неве и Ижоре (Сорокин, 1993. С. 12). Предположение о сооружении шведского опорного пункта в устье Ижоры подтверждается сообщением Лаврентьевской летописи XIV в., где говорится что Пелгусий указал «станы и обретья» неприятеля (ПСРЛ, 1926–1928. С. 479). Одни исследователи трактуют их как начало сооружения долговременных укреплений-крепости (Кучкин, 1996. С. 14), другие же – как временный полевой лагерь (Кирпичников, 1996. С. 31).

Одним из ключевых вопросов, касающихся Невской битвы, является вопрос о точном месте, где она происходила. Письменные источники содержат лишь общие сведения по этому поводу: «В Неве Устье Ижоры» (ПСРЛ, 2000. С. 77), «приде в рику Неву и ста Усть Ижеры...» (ПСРЛ, 2000. С. 291). Как считают В. Т. Пашуто (1951. С. 111) и Г. Д. Караева (1970. С. 115–131), шведский военный лагерь размещался на мысу правого берега Ижоры. Здесь же, по их мнению, происходило сражение, хотя отдельные его эпизоды могли совершаться и на противоположном – левом берегу Ижоры. В житии имеется свидетельство о нахождении на противоположном берегу Ижоры множество убитых шведов, гибель которых связывалась с действиями Ангела господня, посланного на помощь Александру. И. П. Шаскольский высказал предположение, что в действительности здесь могла действовать ижорская дружина, союзная новгородцам (Шаскольский, 1978. С. 177–192). Традиционно местом Невской битвы считался правый берег реки Ижоры – мыс при ее впадении в Неву. Однако в последнее время

появилась иная точка зрения по этому вопросу. И. П. Шаскольский высказал мнение, что битва должна была происходить на левом берегу Ижоры, так как этот берег якобы более подходил для места сражения (Шаскольский, 1995. С. 61–68). Эту позицию поддержал А. Я. Дегтярёв, на том основании, что расположение лагеря шведов на левом – западном – берегу Ижоры предохраняло его от внезапного нападения новгородцев, двигавшихся с востока (Дегтярёв, 1995. С. 78–82). По мнению П. Е. Сорокина, битва происходила на обоих берегах Ижоры, как об этом и сообщается в Житии Александра Невского, где речь идет о помощи Ангела русским войскам на другом берегу реки. Это вполне реально, так как ширина реки невелика и достигает всего около 40 м. Если шведские суда стояли в устье Ижоры поперек течения реки, они почти полностью перекрывали реку от одного берега до другого (Сорокин, 2002. С. 303).

Не следует забывать, что шведы не искали места для битвы, они искали наиболее защищенную природой позицию. Учитывая, что сильно заболоченные, покрытые непроходимым лесом берега Невы в это время не были заселены, то и дороги здесь наверняка отсутствовали. Путь, связывавший заселенные территории Южного Приладожья и Ижорского плато, проходил в 10–15 км от невых берегов по краю Балтийско-Ладожского уступа – глинта. Основными же путями сообщения в бассейне Невы были водные магистрали. В этих условиях выбор места для лагеря на том или ином берегу реки не имел особого значения.

Куда более важную роль играли ландшафтные условия местности. Судя по историческим планам XVIII–XIX вв., левый берег реки представлял собой пониженную заболоченную пойму, изрезанную многочисленными ручьями. Поверхность плавно переходила в открытую береговую возвышенность в 100 м от берега Ижоры. На противоположном – правом – берегу мыс при впадении Ижоры в Неву с севера и запада омывался водами этих рек, а с южной и восточной сторон был надежно защищен заросшими лесом, труднопроходимыми оврагами, по которым еще в прошлом столетии протекали ручьи. Лишь незначительный по ширине перешеек, соединяющий мыс с остальным массивом коренного берега, существовал между этими естественными преградами. Наиболее удобным с фортификационной точки зрения было возвышенное место в северо-западной части мыса – на самом берегу Ижоры, где в петровское время (1707 г.) была сооружена земляная фортеция. По-видимому, здесь и располагался в 1240 г. лагерь шведских войск (Сорокин, 2002. С. 303).

Впервые, в 1957 г., поле Невской битвы обследовали представители военно-исторической секции Дома ученых АН СССР во главе с генералом Г. Н. Караевым. Им были организованы подводные поисковые работы в устье реки Ижора и собраны сведения о находках предметов вооружения на территории поселка. Обнаружить здесь какие-либо свидетельства битвы тогда не удалось, информация о находке на берегу Невы средневековой кольчуги, переданной в Эрмитаж (Караев, 1970. С. 17), не подтверждается.

В канун приближающегося празднования 750-летия победы на Неве в Усть-Ижоре были организованы работы по комплексному изучению поля битвы силами СЗФ РНИИ «Наследие» под руководством П. Е. Сорокина. Они предусматривали выявление и обследование памятников истории и культуры различного времени на территории, примыкающей к устью Ижоры. Археологические работы включали шурфовку предполагаемого поля битвы, а также обследование отдельных участков на суше и в воде с применением геофизического метода магниторазведки. В акватории Невы, примыкающей к устью Ижоры, эти работы дополнялись проведением гидролокации бокового обзора и подводным обследованием донной поверхности с закладкой в различных ее местах 12 разведочных шурфов с помощью гидромонитора (Сорокин, 2002. С. 306). Однако уже при предварительном знакомстве с местом предполагаемого сражения становилось ясно, что шансы обнаружения здесь археологических свидетельств Невской битвы крайне невелики. Вся эта территория в настоящее время занята поселком, разбитым на небольшие земельные участки с жилыми домами и хозяйственными постройками. Доступные для исследования места обнаруживаются здесь лишь по берегам рек, да и те оказались сильно замусорены. Начиная с XVIII в. они постоянно подсыпались битым кирпичом, привозимым с располагавшихся в окрестностях заводов. Эта же участь постигла и реки, по которым несколько столетий сплавляли лес, в результате чего дно их во многих местах оказалось перекрыто завалами топняка. Тем не менее наблюдения за земляными работами и контакты с местными жителями в последние годы позволили отследить несколько находок предметов, которые могли быть связаны с битвой. Это найденная на левом берегу Ижоры рукоятка от скребницы для ухода за лошадьми, которая, судя по ее форме, могла относиться к XIII в., и наконечник стрелы, который был найден в 1970-е гг. местным жителем в устье реки Ижоры в воде у левого берега. Сильно корродированная находка рассыпалась через несколько дней. Изображение, сделанное по памяти,

напоминает реально существовавшие втульчатые наконечники ромбовидной формы времен Невской битвы (Сорокин, 2002. С. 306).

Первое упоминание поселений в устье реки Ижора содержится в писцовой книге Водской пятины 1500 г., где упомянуты пять деревень. Две из них назывались «на Усть Ижерь», три других – Карино, Заречье и на Кюллине на Коитине. В общей совокупности в них имелось десять дворов, восемь из них принадлежало своеземцам, один боярам Бровциным и один князю Ивану Темке Ростовскому. Князь был назначен воеводой в новгородском войске и в 1515 г., возглавляя передовой полк, погиб в битве с литовцами под Оршей. Деревни в устье Ижоры обозначены на шведских картах течения Невы 1681 и 1701 гг. Каких-либо сведений об этих поселениях после этого обнаружить не удалось. Не исключено, что они были уничтожены в начальный период Северной войны в 1702–1703 гг. В эпоху правления Петра I земли Усть-Ижоры были подарены монархом Александру Меншикову, получившему титул князя Ижорского.

Уточнением местоположения поселений было одной из задач Петербургской археологической экспедиции под руководством П. Е. Сорокина в 1989 г. В результате было выявлено местоположение четырех поселений. Два из них располагались на левом берегу Ижоры, два других на правом (рис. 1). В 1996 г. в устье Ижоры были проведены подводные археологические исследования, в ходе которых был найден нательный медный крест XVI–XVII вв. (Сорокин, 1989. С. 35; 1996. С. 19–20).

В процессе археологического надзора в 2012 г. были сделаны наблюдения над 37 строительными котлованами-шурфами и траншеями, в результате которых была получена серия стратиграфических (культурно-литологических) колонок, привязанных к определенным геоморфологическим уровням данной местности. На ул. Бугры (правый берег р. Ижоры) был заложен разведочный раскоп Р-32 6 x 4 м (24 кв. м) и к нему прирезана разведочная траншея Р-33 6 x 1 м (6 кв. м). В итоге получен разведочный раскоп площадью 30 кв. м, давший образец археологическо-литологической стратиграфии для II надпойменной террасы р. Ижоры и в том числе р. Невы или для так называемого коренного берега – главного геоморфологического уровня всей Невской низины с абсолютной отметкой высоты 10 м над уровнем моря (БС) для «материка». Кроме того, в пределах охранной зоны культурно-исторического памятника «Поле Невской битвы 1240 г.» были заложены 15 разведочных шурфов средней площадью около 200 кв. м. Лазерно-тео-

долитной фиксацией стратиграфия шурфов привязана не просто к плану местности, но и к трем характерным геоморфологическим уровням (участкам), выявленным в ходе визуальной топографически-геоморфологической съемки местности.

Вот эти геоморфологические уровни: 1) современная пойма, или так называемый бечевник, четко представленная только на левом берегу устья р. Ижоры (3–4 м БС) полосой (ширина 50–80 м) низкого, пологого, периодически подтапливаемого берега, – по сути, это обычные «плавни»; об этом говорят литологические наблюдения над слоем с характерной бурой окраской и фитолитами (ожелезненные следы болотных растений); 2) древняя пойма, или палеоустье, Ижоры, выявленное только на правом мысе (полоса шириной 50–60 м и длиной – вдоль Невы – 200 м), а для остальной местности данный уровень (5,5–6,0 м БС) является I надпойменной (луговой) террасой; 3) так называемый коренной берег – II надпойменная (боровая) терраса (10–11 м БС) – основной (по распространенности) уровень всей Невской низменности.

Итого археологическими раскопками вскрыта площадь более 80 кв. м. После шурфовок 1989 г., проведенных П. Е. Сорокиным, это первые масштабные археологические и естественно-научные исследования на данном культурно-историческом памятнике. Поскольку кроме новых археологических данных (артефакты и остатки сооружений) получены принципиально новые естественно-научные данные – так называемые экофакты – путем привязки археологического материала и обширной серии стратиграфических колонок к выявленным геоморфологическим уровням, отражающим поэтапное изменение естественной обстановки. Таким образом, уже можно говорить о предварительных палеоэкологических реконструкциях применительно к интересующим исследователей знаменательным для данной местности событиям или хронологическим периодам.

Новые археологические (артефакты) и палеоэкологические (экофакты) данные, полученные в Усть-Ижоре в 2012 г., предварительно позволяют сделать следующие выводы.

Топография, геоморфология, литология, новые артефакты и в целом предварительные палеоэкологические реконструкции (для эпох каменного века, средневековья и Нового времени) в Усть-Ижоре напрямую отсылают к недавним археологическим исследованиям в устье реки Охта (2007–2010 гг.). Ижора и Охта – реки одного гидрографического

и гидрологического порядка, и вполне можно говорить о том, что их «исторические судьбы» во многом общие. Причем это касается как материалов эпохи каменного века (стоянка Усть-Охта), так и материалов средневековья (крепость Ландскрона 1300–1301 гг.) и Нового времени (XVI–XIX вв.).

Освоение человеком местности в устье р. Ижора начато в конце позднего неолита или в начале эпохи раннего металла. Здесь в 2012 г. впервые найдены отдельные кремневые и кварцевые изделия, причем *in situ* и привязанные к четкому геоморфологическому уровню – к «древней пойме», на правом мысу в районе палеоустья, где выделяются приподнятая «гривка» (ул. Бугры) и древний берег (ул. Пушкинская). Предварительная палеоэкологическая реконструкция (геоморфология, литология) и археологические данные позволяют говорить о том, что вероятное время, благоприятное для первоначального освоения Усть-Ижоры, относится к периоду постлиториновой регрессии в Невской низине в начале–середине суббореала, т.е. около 3000–2500 лет до н.э.

Предварительная экологическая реконструкция для эпохи средневековья позволяет более надежно и конкретно очертить границы Невской битвы на местности. Выявлены топографические (планиграфические) искусственные элементы местности – рвы (или «обрытия», по словам летописца), оставленные шведскими завоевателями в 1240 г. на правом мысу, в настоящее время завалуированные под естественные мезоформы рельефа («овраги»). В связи с этим возможен новый подход к прочтению летописных сведений о данном историческом событии. Невская битва 1240 г., по естественно-климатическим и ландшафтно-топографическим причинам, могла происходить только на правом мысу – на территории, ограниченной с двух сторон так называемыми оврагами (шведскими рвами). Левый берег (в силу выше приведенных экофактов) для этих событий не подходил, так как говорить о стоянке судов и шведском лагере в затапливаемых плавнях на левобережье Усть-Ижоры не приходится. Поверхность левого мыса разрезана основным оврагом (есть еще и малый овраг, перпендикулярный основному), по которому проходит заболоченная корытообразная ложбина с ручьем, неровная и не пригодная для размещения средневекового военного лагеря и боевых действий (особенно конницы).

В целом до новейшего времени левый мыс – место малоприспособленное для поселения. Археологический материал 2012 г., добытый в этом месте на левом берегу (ул. Нижняя Ижорская), говорит

о том, что здесь современная пойма начала осваиваться под поселение во второй половине XIX в. после относительного осушения, связанного с общим тектоническим подъемом Невской низины. Существование позднесредневековых поселений XIII–XVII вв., указанных П. Е. Сорокиным на карте-схеме под № 1 и № 2 (раскопки Сорокина, 1989 г.) в затапливаемой современной пойме на левом берегу Усть-Ижоры, вызывает сомнение. Найденный здесь поселенческий археологический материал, датирующийся временем не ранее второй половины XIX в., может происходить только с вышележащего геоморфологического уровня – II надпойменной террасы, бровка которой соответствует трассе ул. Верхняя Ижорская. Но в новых археологических материалах 2012 г. из шурфов по ул. Верхняя Ижорская и Славянской дороге (в глубине территории левого мыса) артефакты ранее XIX в. (возможно, XVIII в.) не выявлены. В целом культурные слои на левобережье по ул. Верхняя Ижорская и Славянской дороге маломощные и малоинформативные.

Правый мыс в ландшафтном отношении более предпочтителен для поселений. В целом (за исключением искусственных оврагов-рвов) поверхность мыса ровная, со средней высотой 10 м БС. На правом мысу имеются очень удобные стоянки для кораблей как со стороны Невы (рейд длиной 200 м), так и со стороны Ижоры (рейд – 200 м). Территория, ограниченная рвами, по площади составляет почти 4 га – значительное место не только для средневекового поселения, но и для основания крепости. Ради основания крепости в Усть-Ижоре и был предпринят шведскими завоевателями поход в июле 1240 г., сопоставимый по своему характеру со следующим походом, с основанием крепости Ландскроны летом 1300 г. Отсюда и все исторические аналогии между событиями 1240 г. и 1300–1301 гг. и вытекающие из них сопоставимые исторические реконструкции.

Во время археологического надзора за строительными работами на правом берегу по ул. Бугры (котлован-шурф № 17) обнаружен забутованный красным кирпичом фундамент деревенской усадьбы, датирующийся археологическим материалом (поливной керамикой) в пределах конца XVII–XIX вв. Рядом, ближе к реке, на месте будущего глубокого котлована для газопровода через Ижору был заложен разведочный раскоп Р-32 и дополнен разведочной траншеей Р-33. Найден легкий фундамент (бревенчато-клетчатый) под хозяйственную постройку конца XIX – начала XX вв. В раскопе Р-32 получен эталонный стратиграфический профиль для основного геоморфологического

уровня Усть-Ижоры и в целом для Невской низины – II надпойменной террасы (10 м БС). В котловане № 17 в самом нижнем культурном слое, связанном с бытованием усадьбы, встречена (вероятно, переотложенная) самая ранняя по облику керамика: грубая черноглиняная с дресвой (ижорская позднесредневековая традиция?) и белоглиняная (новгородская позднесредневековая традиция?). В шурфе № 54 (геоморфологическая позиция – древняя пойма правого мыса или тыловой шов I надпойменной террасы) под двухметровым слоем поздних засыпок обнаружена погребенная (в непо потревоженном виде, высота около 5 м БС) почва – гумусированный культурный слой с однородным комплексом, в котором встречена только грубая черноглиняная керамика с дресвой, идентичная посуде из котлована-шурфа № 17. Возможно, эта керамика (ижорская традиция?) и этот слой связаны с первым средневековым (позднесредневековым) поселением, основанным в Усть-Ижоре в конце XV в. или на рубеже XV–XVI вв. и известным по Новгородским писцовым книгам как деревня Карино на правом мысу Ижоры. Топоним «Карино», вероятно, восходит к цепочке названий, характерных для Карельского перешейка и Невской низменности: Корелино – Карелино – Карлино – Карино. Как известно, ижора сама себя называла «корела», таким образом, самоэтноним ижорцев «корела», особенно в окружении славяно-новгородцев, при чересполосном расселении мог маркировать их место поселения. Интересно, что название другой ближайшей позднесредневековой деревни XV в., находящейся на противоположном левом берегу (кстати, со стороны р. Славянка), звучит как «Усть-Ижора»; приставка «Усть-» характерна именно для славянского расселения. Третья позднесредневековая деревня XV в., находившаяся южнее Карино, то ли на правом берегу Большой Ижорки, то ли на левом, т.е. на мысу между р. Ижора и р. Большая Ижорка, называлась Щукино. Вероятно, археологические материалы позднесредневековых поселений XIII–XVII вв., указанные П. Е. Сорокиным на карте-схеме как поселения № 3 и № 4 на правом мысу (раскопки Сорокина, 1989 г.), имеют прямое отношение именно к деревне Карино и к новым материалам 2012 г. из шурфа № 54 (между ул. Бугры и ул. Пушкинская) и котлована-шурфа № 17 (ул. Бугры, «за оврагом»), но тогда они не могут датироваться ранее конца XV в. По всей видимости, позднесредневековое поселение Карино, основанное на рубеже XV–XVI вв., топографически располагалось на возвышенном месте вдоль ул. Бугры по бровке II надпойменной (10 м БС) террасы, а не в древней пойме или на I надпойменной (5 м БС) террасе. Позднесредневековый материал, происходящий из

низких мест (поселение № 3 по П. Е. Сорокину [1989] и шурф № 54 2012 г.), вероятно, попал туда с более высокой II надпойменной террасы. Таким образом, поселение № 3 по П. Е. Сорокину, как и поселения № 1 и 2, вероятно, располагалось на более высоком геоморфологическом уровне.

Источники и литература

- Гадзяцкий С. С., 1940. Водская и Ижорские земли Новгородского государства // Исторические записки. Л. Т. 6.
- Караев Г. Н., 1970. Путем Александра Невского. М.
- Кирпичников А. Н., 1988. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Л. № 1.
- Кирпичников А. Н., 1996. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород.
- Кучкин В. А., 1996. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Новгород.
- Пашуто В. Т., 1951. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М.
- Попов А. И., 1981. Следы времен минувших. Л.
- Полное собрание русских летописей, 2000. Л. Т. III.
- Полное собрание русских летописей, 1926–1928. Л. Т. 1.
- Семёнов В. Л., 1900. Россия – озерная область. СПб. Т. III.
- Сорокин П. Е., 1989. Отчет об археологических исследованиях в пос. Усть-Ижора. Л. (Архив ИА РАН).
- Сорокин П. Е., 1993. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора.
- Сорокин П. Е., 1996. Отчет об археологических исследованиях в пос. Усть-Ижора. Л. (Архив ИА РАН).
- Сорокин П. Е., 2002. Усть-Ижора – поле Невской битвы (результаты изучения и перспективы создания музея-заповедника) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Шаскольский И. П., 1995. Сражение на Неве (к 750-летию) // Колпица. СПб.
- Шаскольский И. П., 1978. Борьба Руси против крестной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.

Археологические исследования средневекового Выборга в 2011–2012 гг.

А. И. Сакса, А. М. Смирнов

Раскопки 2011–2012 гг. проводились в центральной части города на пустыре у средневекового каменного дома (ул. Выборгская, д. 8) с его восточной стороны в месте пересечения улиц Выборгская и Новой заставы и в 120 м к ЮЮВ от руин средневекового кафедрального собора (рис. 1). Раскоп был заложен с южной стороны от раскопов 2004 и 2006 гг. (рис. 2). Общая площадь раскопов на исследованном за 2004–2012 гг. участке составила 290 кв. м.

Археологические работы отчетного сезона примечательны тем, что они завершили цикл раскопок 2004–2012 гг., в результате которых были полностью изучены дворовая территория, прилегающая к наиболее раннему сохранившемуся в Выборге средневековому дому дорегулярной (до 1640 г.) застройки, и городские слои предшествующего его строительству времени (XV–XVI вв.).

Научная и культурно-историческая ценность археологического изучения данного участка определяются его расположением в центральной части средневекового города, вблизи средневековой городской церкви и ратуши, и необычайно хорошей сохранностью культурного слоя, включающего до 10–12 горизонтов застройки эпохи Средневековья и Нового времени. Полученные при раскопках материалы представляют значительную ценность и в плане изучения материальной культуры и становления городской средневековой структуры в масштабах всего региона Балтики, поскольку они являются составной частью этой культуры и, таким образом, иллюстрируют ее восточное продолжение, замыкая и делая цельным все средневековое пространство Балтийского региона. Следует отметить, что до раскопок последних пятнадцати лет в Выборге граница известного по археологическим раскопкам балтийского «средневекового мира» проходила по линии Турку–Таллин. Уникальность выборгских материалов состоит еще и в том, что здесь хорошо сохранились горизонты XV–XVIII вв., чего нет (разрушены в процессе позднейшей строительной деятельности) на всем пространстве от Гамбурга и Любека до Турку, Риги и Таллина, где хорошо сохранившиеся культурные напластования ограничиваются XIV–XV вв. Выборг, следовательно,

является продолжением во времени и культуре этой Балтийской городской цивилизации, и его изучение представляет большую культурно-историческую и научную ценность в европейском масштабе.

Раскопки отчетного сезона финансировались по договору ИИМК РАН о безвозмездной помощи (пожертвование) с ОАО «Газпром-Нефть».

Мощность культурных отложений составляла от 3,0 до 4,2 м (с восточной стороны у склона холма). В нем было выявлено и изучено 10 строительных горизонтов. Получена большая коллекция предметов материальной культуры XV–XVIII вв. Находки передаются в Государственный Эрмитаж для формирования коллекции будущего археологического музея в городе, который будет располагаться в бастионе XVI в. Панцерлак. Музей будет существовать как часть выставочного центра «Эрмитаж–Выборг». Его открытие намечено на 2013 г.

В работах, помимо членов Выборгской археологической экспедиции ИИМК РАН, принимали участие три студента с кафедры археологии университета Турку (Финляндия) и до десяти краеведов, студентов и школьников старших классов из Выборга, имеющих опыт раскопок в городе в предыдущие годы работы экспедиции.

Целью раскопок отчетного сезона было продолжение изучения культурного слоя в этой части города, фиксация и анализ полученных материалов. Особую значимость проведенным в отчетный сезон работам придает достаточное их финансирование, позволившее завершить исследование примыкающего к средневековому дому участка, истории его застройки, начиная со времени его освоения в 1420-е гг. При этом открыты и изучены культурные напластования как предшествующего времени его постройки в конце XV – начале XVI вв., так и времени существования дома. Это уникальная для всех остальных исторических городов региона ситуация, где скудность позднейшей застройки не оставила места для раскопок. В Выборге же имеется редкая возможность для исследования всей дворовой территории, динамики ее развития, хозяйственной дея-

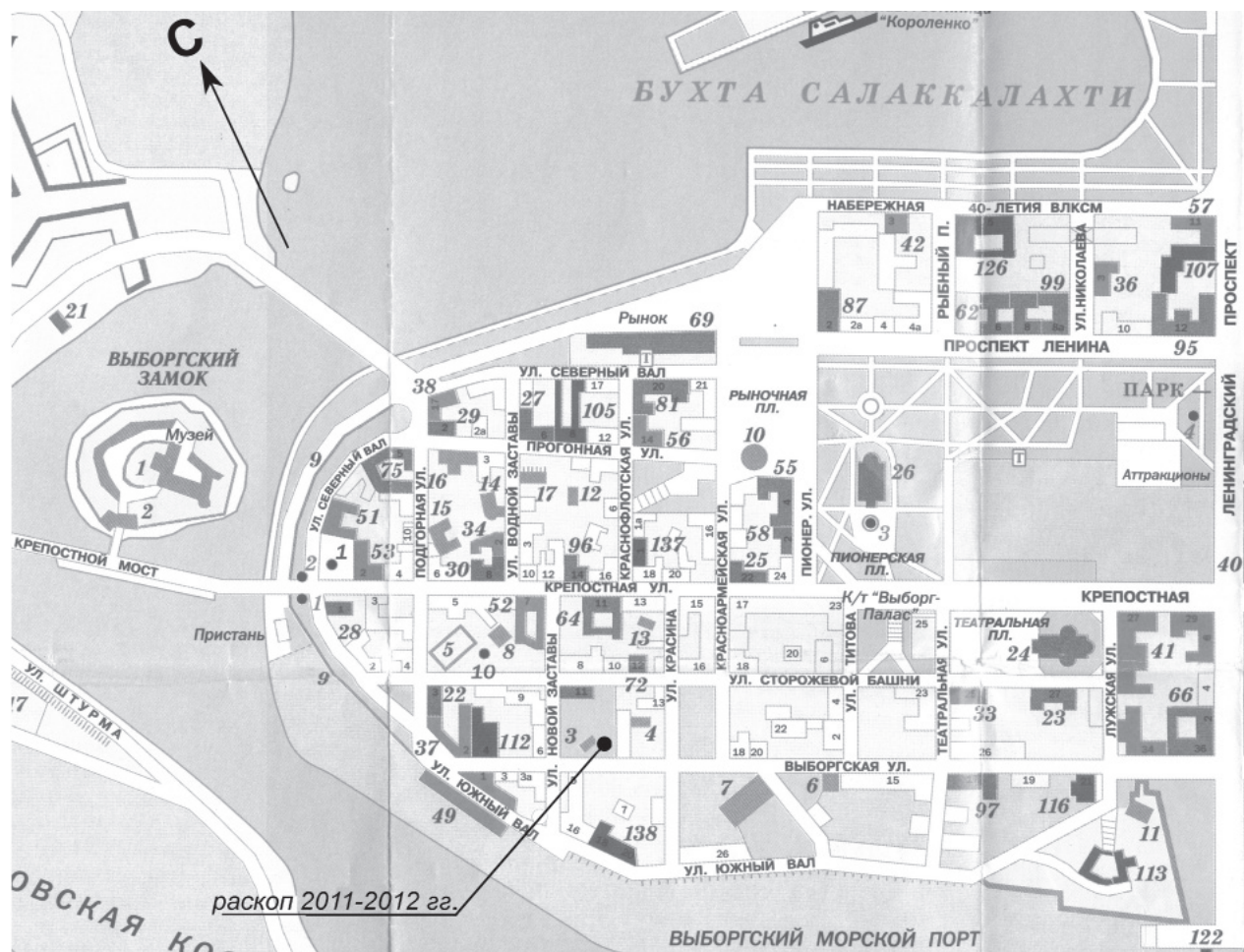

Рис. 1. Карта центральной части г. Выборга с обозначением места раскопа 2011–2012 гг.

тельности, внешних связей жителей на протяжении четырех столетий. Помимо этого, данная территория представляет собой исторический межевой участок – своего рода составную часть городской структуры, что интересно уже в плане изучения всей городской структуры и динамики ее развития. Кроме того, в задачу исследования входило сопоставление полученных данных с результатами предыдущих наших раскопок 1998–2006 гг. в средневековой части Выборга (рис. 2). В процессе этих работ были выявлены горизонты средневековой деревянной застройки XIII–XVI вв. (в восточной части города) с хорошо сохранившимися остатками построек, улиц, дренажной системой, а также с большим количеством различных находок, в том числе и из кожи и дерева. Мощность культурного слоя достигала 3 м, считая от дневной поверхности. Выявлено, что на всех исследованных участках наиболее ранние горизонты застройки относятся к XV в. или к его началу в случае с раскопами на Южном Валу и у средневекового дома по адресу ул. Выборгская, д. 8.

Сохранившиеся не потревоженными культурные слои представлены также остатками напластований первой четверти–середины XVIII в., т.е. уже российского периода в истории города. В восточной части средневекового города были открыты слои предшествующего основанию шведами Выборгского замка в 1293 г. Они перекрыты слоем пожара, соотносимым с военным походом новгородцев к Выборгу в 1411 г. Последующие раскопки в городе показали, что он был при этом полностью сожжен, и его строительная история практически началась заново. На отдельных участках также сохранились участки уличной мостовой XVIII – начала XIX вв. Таким образом, толща культурных напластований в Выборге сохранила остатки четырех культурно-исторических традиций: карельской новгородского времени, шведской (1293–1710 гг.), российской (1710–1811 гг.) и финской периода Великого княжества Финляндского.

Раскопки 2012 г. вскрыли отсутствующие детали полной картины развития города на этом участке

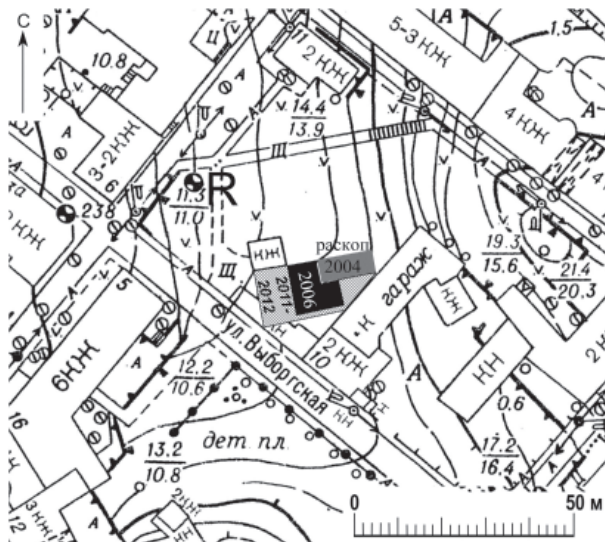

Рис. 2. Фрагмент современного генплана г. Выборга. Расположение места раскопок 2004, 2006, 2011–2012 гг. R – репер (высотная отметка 11,70 м БС)

и, что особенно важно, всю территорию двора сохранившегося до настоящего времени средневекового дома со всеми изменениями в его застройке и материальной культуре его обитателей. Археологические работы 2004–2012 гг. в целом выявили и наглядно представили все богатство культурного слоя на этом важнейшем участке центральной части средневекового города, что по-прежнему является также важной информационно-просветительской частью работы экспедиции в Выборге. Эта деятельность привела к тому, что постоянные раскопки, в том числе и на местах будущего строительства, становятся нормой в городе. Они также кардинальным образом повлияли на положительные изменения в ментальности горожан, на их отношение к культурному наследию. Раскопки сезона 2012 г. привлекли также пристальное внимание СМИ, как региональных, так и федеральных и международных (финских).

Раскопки проводились по принятой при исследовании средневековых городов методике. Они проводились вручную по горизонтам (слоям) с фиксацией всех конструкций и отдельных находок по глубине и квадратам. Особенно тщательно расчищались и фиксировались с нивелировочными отметками горизонты древней застройки и другие остатки различных конструкций каждого горизонта, а также все профили раскопа, материк. Использовались фото- и графическая фиксация. Верхний техногенный (насыпной послевоенный) слой сняли экскаватором, после чего была произведена зачистка дна котлована.

Горизонты культурного слоя, остатки сооружений, места находок предметов материальной культуры отмечались по Балтийской системе (БС), позволяющей с высокой точностью привязывать к единой системе отметок все раскопы в пределах исследуемой территории города. В ходе работ брались образцы для споро-пыльцевого анализа и датирования (дендрохронологический и радиоуглеродный методы). Также по горизонтам и квадратам собирались кости животных для определения их видового и количественного состава. Впервые были взяты образцы костей животных из разных хронологических горизонтов для определения ДНК, которое будет производиться в университете Турку (Финляндия). Анализ фаунистического материала домашних и диких животных и птиц, проведенный по материалам раскопок 2011 г., рисует нам картину достаточно обеспеченного и даже зажиточного существования большинства населения этой части города в XV–XVII вв.

Из сохранившихся верхних горизонтов в раскопках отчетного сезона горизонт № 3 представлял собой хорошо сохранившиеся остатки деревянной застройки конца XVII – начала XVIII вв., зафиксированной и в раскопах предыдущих лет. Часть раскопа занимают уже раскопанные в 2004 и 2006 гг. площади, выступающие своими углами в раскоп 2012 г. Уже на следующем горизонте № 4 выявлена южная граница построек, зафиксированных в раскопе 2004 г. Особенно отчетливо, уже как южная оконечность примыкающего к дому № 8 по улице Выборгская древнего межевого участка, она фиксируется на нижележащих горизонтах. На горизонте № 5 вскрыта южная часть конюшни, сгоревшей в тотальном городском пожаре 1628 г., большая площадь которой открыта на раскопах 2004 и 2006 гг. Она, таким образом, оказалась вскрытой полностью. Ее размеры составили 9 x 9 м. Еще одной удачей прошедшего сезона было открытие перекрестка древних улиц второй половины XVI в. Магистральная часть одной из улиц, открытая на раскопах предыдущих лет, шла по линии север–юг от доминиканского монастыря к главной городской церкви, руины которой сохранились до наших дней. Открытая на раскопе 2011–2012 гг. расположенная перпендикулярно к ней улица вела к ратуше, расположенной на вершине центрального городского холма. Она упиралась своим восточным концом в крутой склон холма и, видимо, заканчивалась лестницей или каким-либо переходом на вершину холма.

На уровне расположенных ниже горизонтов № 9, 10 фиксируются следы строительства каменного дома городской застройки. В это время (XV – первая

половина XVI вв.) исследуемый участок (и, соответственно, раскоп) был разделен выступом скалы на две части, условные восточную и западную. Характер застройки определяется небольшими по площади домами, нижние из которых были буквально построены на поверхности скалы, и наличием деревянных помостов, необходимых при влажной почве. Эта характеристика выборгского «мокрого» культурного слоя вынуждала в более поздние времена сооружать мощные, в том числе и свайные, фундаменты, как это видно на примере открытой в юго-восточном углу раскопа постройке XVIII в.

Раскопки на рассматриваемом участке, как и на всей исследованной городской территории, со всей очевидностью открыли, каким сложным был рельеф в мысовой, ближайшей к замку, части будущего города. Неровности поверхности скалы нивелировались культурным слоем и большим количеством щепы от предыдущих построек и строительства новых. Только наличием замка можно объяснить необходимость закладки города именно на этом месте. Судя по большому количеству остатков костей домашних животных и рыболовных

принадлежностей (поплавков и грузил от сетей), экономическое благополучие жителей на начальном этапе истории Выборга базировалось на обеспечении потребностей знати в замке продуктами питания.

Находки представлены изделиями из металла (в том числе и монетами), дерева, кожи, стекла и керамики. Небольшое, по сравнению с предыдущими годами, количество находок определяется тем, что изучению подверглась крайняя южная граница придомовой территории, характеризующаяся наличием хозяйственных сооружений. Непосредственно у границы южной части раскопа были открыты постройки, относящиеся уже к соседнему средневековому межевому участку у дома по Выборгской улице (дом № 10), во дворе которого сохранился еще один из выборгских «средневековых домов», построенный в XVII в. уже в период регулярной застройки города. Особый интерес представляет комплекс находок, связанный с хозяйственной деятельностью населения этой территории. Прежде всего, это набор предметов, связанных с рыболовством: грузила от рыболовных сетей, крючки, поплавки (рис. 3; 4). О высоком уровне матери-

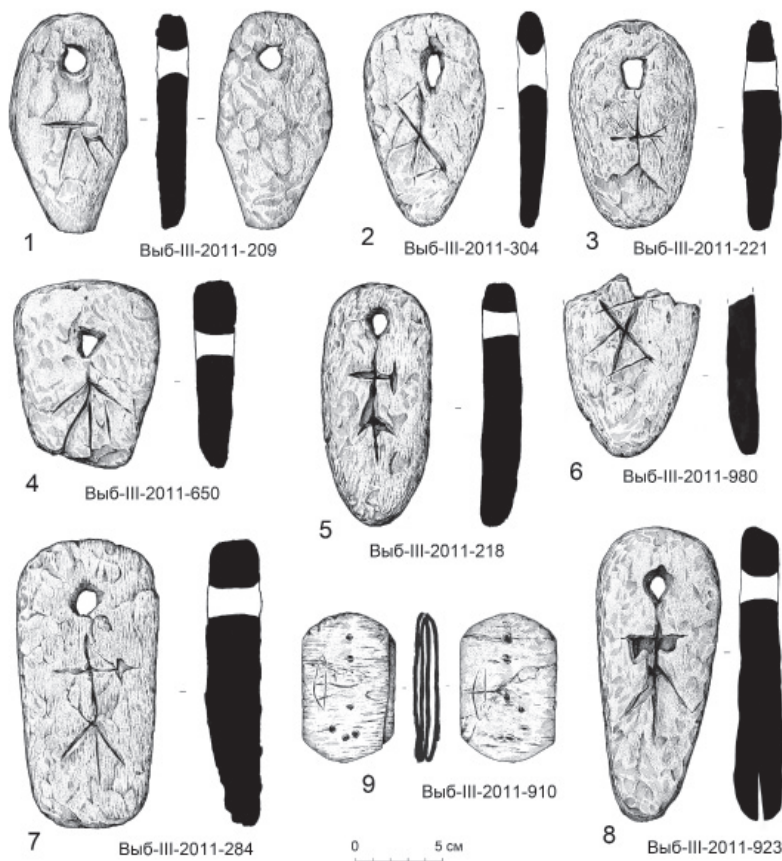

Рис. 3. Выборг. Средневековые рыболовные снасти: 1–8 – кора, 9 – береста

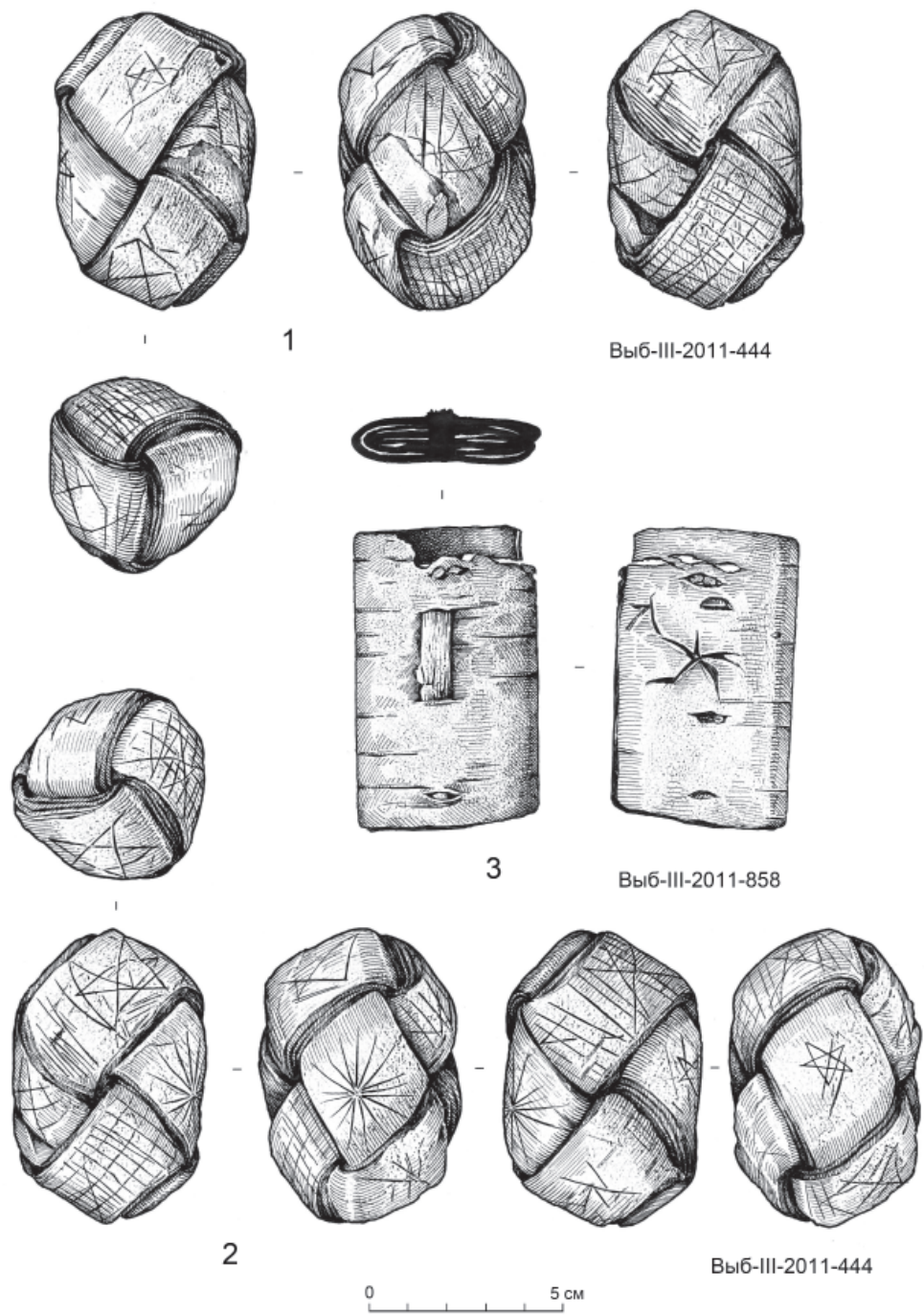

Рис. 4. Выборг. Средневековые рыболовные снасти: 1–3 – береста

альной и духовной культуры жителей средневекового Выборга говорят многочисленные предметы западноевропейского импорта: столовая посуда, монеты, торговые пломбы; особый интерес представляют латунные застёжки от книжного переплета (рис. 5–7).

Самым важным результатом прошедшего сезона, таким образом, можно считать полное изучение примыкающей к средневековому дому территории, его хозяйственного двора в процессе становления и развития, что представляет собой существенный вклад в изучение средневекового европейского

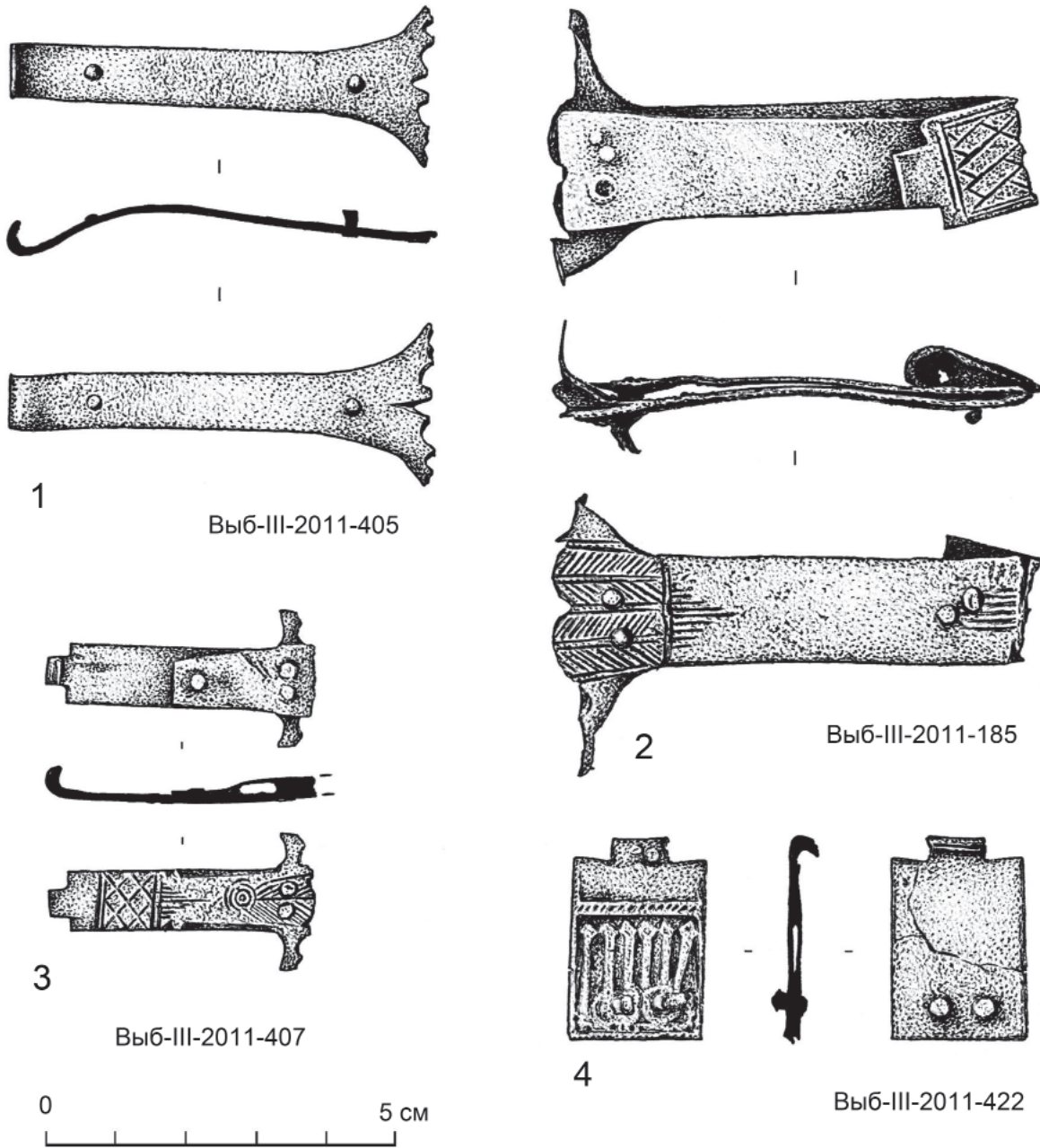
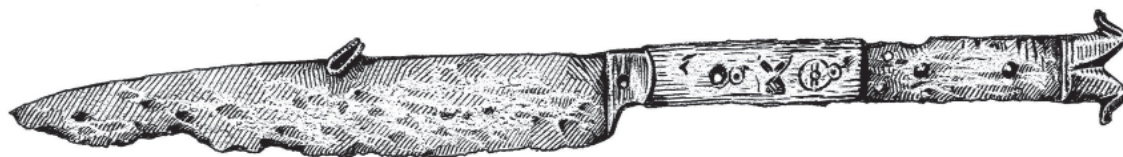
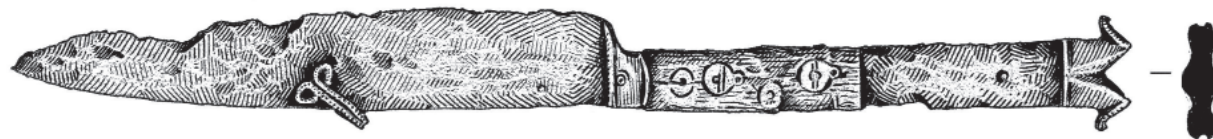
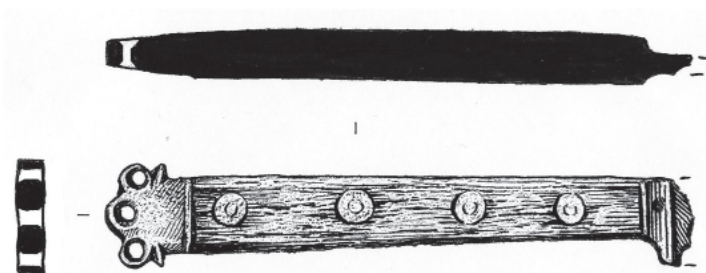

Рис. 5. Выборг. Фрагменты книжных переплетов

Выб-III-2011-26

1

2

Выб-III-2011-29

3

Выб-III-2011-30

Рис. 6. Выборг. Предметы западноевропейского импорта: 1–3 фруктовые ножи

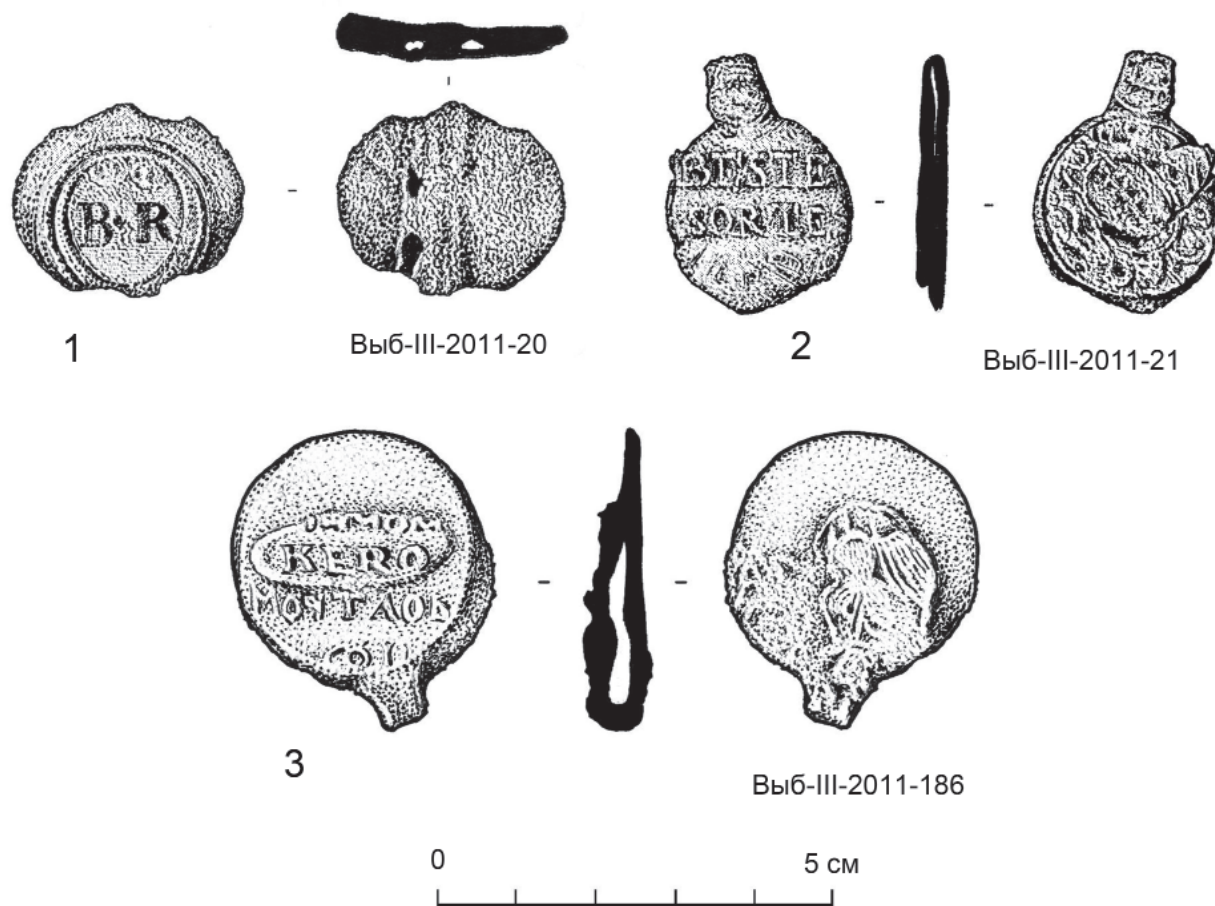

Рис. 7. Выборг. Предметы западноевропейского импорта: 1–3 торговые пломбы

города. Ценность рассматриваемого участка заключается в наличии на нем предшествующих строительству дома городских слоев, что дает возможность провести, с учетом ранее изученных нами частей средневекового города, исследование разви-

тия всей городской структуры и культуры на протяжении XV–XVIII вв. Опираясь на результаты этих исследований, можно утверждать, что Выборг играл важную роль в историческом развитии Балтийского региона.

Исследования в урочище Ушково под Новгородом в 2011 году

С. А. Семёнов, А. М. Смирнов

В апреле–мае 2011 г. Юрьевским отрядом Новгородской областной экспедиции Группы охранной археологии ИИМК РАН было проведено археологическое обследование земельного участка общей площадью около 200 кв. м, расположенного в 250–600 м к северо-западу от д. Юрьево в урочище Ушково на открытом всхолмлении, вытянутом по направлению север-юг между западным берегом Юрьевского пруда и восточным берегом оз. Мячино (рис. 1; 2).

Исследования, обусловленные планируемым на этой территории строительством коттеджного поселка, проводились под руководством С. А. Семёнова на основании Открытого листа № 195, выданного на его имя распоряжением Росохранкультуры от 17 мая 2011 г. № 40.

Основная задача проведения археологических исследований на участке планируемого строительства заключалась в поисках локализуемой здесь д. Ушково, известной по жалованной грамоте XII в. великого князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю и Новгородской писцовой книге Шелонской Пятины конца XV в.

Урочище Ушково находится в северной части Ильменского Поозерья – территории, расположенной к югу от Новгорода и протянувшейся узкой полосой шириной 4–5 км на длину 20 км между северо-западным берегом оз. Ильмень и р. Веряжей. (рис. 1).

Поозерье, согласно геологической истории своего формирования, является дельтой древней реки, и поэтому эта местность представляет собой чередование пологих холмов (бывших островов) и длинных заболоченных понижений (бывших протоков), а в почвенном отношении – озерно-ледниковых песков и ленточных глин (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 122; Великий Новгород, 2007. С. 394). Исследуемый участок представляет собой одно из таких невысоких открытых всхолмлений, сложенных тяжелой серо-коричневой (бурой) аллювиальной глиной (рис. 2).

Новгородская округа была заселена около пяти–шести тысячелетий назад в эпоху неолита (IV–III тыс.

до н.э.). В Поозерье поселение охотников и рыболовов новокаменного века известно при впадении в оз Ильмень рек Прость и Ракомка (памятник «Стрелка») (Конецкий, Носов, 1985. С. 10; Великий Новгород, 2007. С. 77).

Во II тыс. до н. э. в Приильменье проникают племена, знакомые со скотоводством и металлургией. Остатки поселений эпохи раннего металла (II–I тыс. до н.э.) открыты на берегах р. Прость и Веряжа, у д. Ращеп, Ракомо, Васильевское, Горошково, Еруново (Конецкий, Носов, 1985. С. 10-11).

В третьей четверти I тыс. н.э. в северном Приильменье появляются первые славяне (летописное племя словен), процесс расселения которых, вероятно, продолжался до VIII в. В середине VIII в. сюда проникают скандинавы – дружины варягов, заинтересованных в контроле над складывавшимся торговым путем из Балтики на арабский Восток (Волжский путь), а затем, с IX в., – над путем «из варяг в греки». Путь на юг проходил и через Поозерье по реке Веряже и протоке Прости, что косвенно подтверждается плотным заселением этой территории уже в конце I тыс. н.э. В 1662 г. именно этим маршрутом, по Веряже, плыл к Новгороду от устья Шелони австрийский посол Мейерберг (Конецкий, Носов, 1985. С. 40).

Через Поозерье проходил и важный сухопутный путь на Псков. Письменные источники XVII в. называют его «Псковской большой дорогой» (Великий Новгород, 2007. С. 395).

В результате археологических исследований, начатых еще в XIX в., в Поозерье зафиксированы 24 памятника конца I тыс. н.э. (два городища, 14 селищ, шесть пунктов с сопками, а также культовый камень и языческое святилище: Носов, 1991; Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 7, 122).

Самые ранние сведения о поозерских поселениях в письменных документах касаются села Ракомо, расположенного в 3,5 км к юго-западу от урочища Ушково. Под 1015 г. Ракомо упомянуто в летописях в связи с пребыванием в нем князя Ярослава Мудрого (Повесть Временных Лет, 1950. С. 95, 295).

Рис. 1. Карта Северо-западного Приильмения с указанием участка исследования

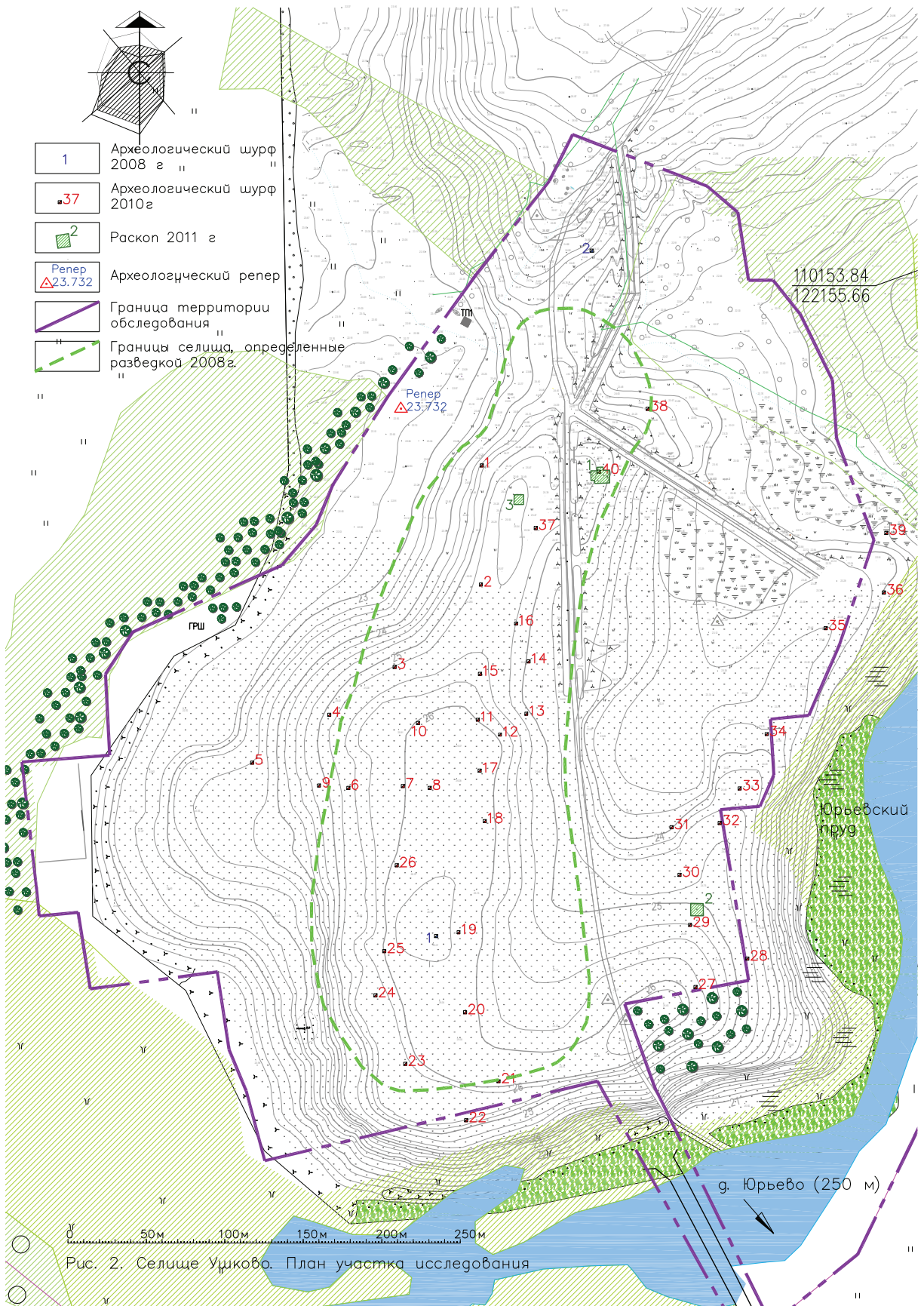

Рис. 2. Урочище Ушково. План участка исследования

Важным источником, дающим сведения о поозерских поселениях рубежа позднего средневековья и нового времени (и в ряде случаев локализации их на местности), являются Новгородские писцовые книги Шелонской Пятины конца XV–XVI вв., согласно которым в западном Приильменье (Поозерье) в то время существовало пять погостов: Курицкий, Лукинский, Васильевский, Лазаревский и Пискупицкий. На их территории находилось 116 поселений, состоящих из 406 дворов (Андрияшев, 1914. С. LXVI–LXVII, 7).

Деревня Ушково (точнее, ее земли) впервые упоминается в грамоте великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю, предположительно датированной 1134 г. В ней указывается, что монастырь жалуетсся смердами и землями ближайшей округи: «...святому Пантелемону землю село Витославицы и смерды и поля Ушково и до прости. А завод той земли от Юрьевской орамыцы простью вверх и с прости возли Ушковскую орамыцу по верхней стороне да направо в лог, логом по верховью Мячина и Мячином вниз по вешнюю воду к Добрыне улицы к образу святому, и от Добрыне улицы Мячином вверх подли рель да налево в Великий ручей, ручьем вверх подли княжую рель до Юрьевского межника, что крест стоит под межником, от Юрьевского межника логом подли Юрьевскую рель, да подли Юрьевскую орамыцу логом да по конец логу промеж орамыцы Юрьевской и Ушкова поля да в прость...» (Корецкий, 1955).

В писцовой книге 1501 г. деревня Ушково указана в списке деревень Лукинского погоста, относящихся к Дворцовым землям бывшего Пантелеймонова монастыря: «д. Ушково на Бору – съ пуст. Сокольничъ». Деревня состояла из четырех дворов и имела 2,5 обжи¹ (Андрияшев, 1914. С. 7, 11). А. М. Андрияшев (1914) соотносит «д. Ушково на Бору» с «д. Ушково близ оз. Мачино» Карты Генерального Межевания второй половины XVIII в. В XIX в. деревня, по-видимому, прекращает свое существование. В списках селений Ракомской волости Новгородского уезда 1884 г. ее уже нет (Материалы по статистике Новгородской губернии, 1884. С. VII, 38). И. Ю. Анкудинов (2007. С. 290–291, рис. 2) на основании данных писцовых книг локализует местоположение урочища Ушково у юж-

ной части восточного берега оз. Мячино (к западу от Юрьевских прудов), где и были проведены археологические исследования.

В 2001 г. на берегу Юрьевского пруда была найдена именная печать новгородского тиуна Никиты. Печать хранится в Новгородском музее, место находки зарегистрировано как «селище Ушково близ Витославиц в окрестностях Великого Новгорода» (Янин, Гайдуков, 2002. С. 169–170).

В 2004 г., по сообщению Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, при проведении экспертизы под застройку неподалеку от новгородского Свято-Юрьева монастыря археологами были обнаружены остатки поселения, по всей видимости, селища Ушково. По закону «Об объектах культурного наследия» археологический памятник был поставлен на государственный учет как выявленный объект культурного наследия «Селище Ушково». По некоторым данным, селище было открыто сотрудником НГУ В. Я. Конечким, отметившим здесь находки гончарной керамики XI–XVI вв., шлаков и фрагментов печной обмазки (Еремеев, 2010. С. 33).

В 2008 г. Восточно-Приильменским отрядом Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством И. И. Еремеева с целью уточнения границ и хронологии памятника в урочище Ушково было проведено археологическое обследование (Еремеев, 2010. С. 33–34). Исследования включали осмотр участка, сбор подъемного материала, осмотр осыпей песчаного карьера, расположенного на северной границе всхолмления. В результате было собрано 78 фрагментов гончарной керамики, предварительно датированной XV–XIX вв. Для получения более полной информации о памятнике были заложены два шурфа размерами 2 x 2 м (рис. 2), в которых найдено 28 фрагментов гончарной керамики, также датированной XV–XIX вв. По результатам шурфовки, оценке области распространения подъемного материала и рельефу были примерно указаны очертания территории, занимаемой селищем, определена его хронология. По заключению И. И. Еремеева, культурный слой поселения в основном был сформирован в XV–XIX вв.

В 2010 г. Юрьевским отрядом Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова в урочище Ушково в границах территории, отводимой под строительство коттеджного поселка, была предпринята шурфовка с целью определения наличия и мощности культурного слоя селища (Носов, 2011). На всей площади исследования было заложено 40 шурфов размерами

¹ Обжа, единица поземельного обложения в новгородских землях в XV–XVII вв., взыскивавшаяся с пахаря, имевшего одну лошадь. Размер обжи, имея определенную устойчивость для каждого района, менялся на протяжении конца XV–XVII вв. и колебался в зависимости от качества земли и других природных условий. Средняя величина обжи равнялась 15 десятинам (Абрамович, 1963).

2 x 2 м (рис. 2). В результате работ найдено 264 обломка гончарной керамики, а также отдельные фрагменты железного шлака, железные гвозди, костыли и подковки, фрагменты печной обмазки и кирпичей. Большая часть керамического материала датирована концом XVI – началом XX вв., четыре мелких фрагмента, предварительно, были отнесены к древнерусскому времени. В одном из шурфов (№ 40) на уровне материка были зафиксированы две ямы, в заполнении которых найдены девять фрагментов беложгущейся новгородской керамики конца XVI–XVII вв. По итогам работ сделано заключение об отсутствии на исследованном участке следов поселения ранее XVI в. Для завершения археологического изучения памятника на основании мощности пахотного слоя и концентрации керамического материала в шурфах были определены места для проведения дополнительных раскопок широкой площадью.

К началу археологических работ 2011 г. исследуемая территория представляла собой заброшенное и плотно задернованное пахотное поле, разделенное грунтовой дорогой и дренажными канавами на западную и восточную половины. С северной стороны участок ограничивался покрытой лесом южной оконечностью следующего всхолмления, с восточной и южной – Юрьевским прудом и протокой, вытекающей из него, с западной – небольшой ложбиной перед возвышенностями восточного берега заболоченного озера Мячино. В соответствии с данными исследований 2010 г. в местах наибольшей концентрации культурного слоя и керамического материала были заложены три раскопа общей площадью 200 кв. м (100, 64 и 36 кв. м, соответственно; рис. 2; 3).

Раскоп № 1

Раскоп № 1 расположен в северной части исследованного земельного массива, в 250 м к западу от берега Юрьевского пруда, в 200 м к востоку от грунтовой дороги, на месте шурфа № 40 (кв. А1), заложенного в 2010 г. (рис. 2; 3). Координаты северо-западного угла раскопа, полученные с помощью GPS-приемника: N 58°29'03.7"; E 031°15'55.8". Раскоп ориентирован по сторонам света, его площадь составила 100 кв. м. Дневная поверхность на месте раскопа имела небольшой уклон к юго-востоку, его нивелировочные отметки составили от 0,76–0,77 м в северо-западном углу до 0,28 м в юго-восточном.

Толщина дернового слоя составила 0,07–0,10 м. При снятии дерна было собрано 185 фрагментов стенок, донцов и венчиков круговой керамики (сероглиняной, белоглиняной и красноглиняной); в коллекцию отобрано 12 артефактов: медная мо-

нета полушка 1735 г. (инв. № 7), бронзовая литая круглая бляшка в виде 12-лепестковой розетки с коротким стержнем (инв. № 4); железные скоба, подкова, набойка на каблук, фрагменты ножа, обломки сошной полици (инв. № 3, 5, 6, 8, 61, 63, 64); сланцевый оселок, каменное грузило, кремневый отщеп (инв. № 1, 2, 65; рис. 4; 5). В целом керамический материал и другие находки из дерна могут быть датированы XVI–XVIII/XIX вв.

Под дерном залегал пахотный слой – бурый гумусированный суглинок. Поверхность пахотного слоя имеет нивелировочные отметки от 0,68 до 0,20 м, его толщина колеблется в пределах 0,25–0,35 м. Слой включал в себя камни, фрагменты битого кирпича, железные шлаки или мелкие куски кричного железа, фрагменты керамики, кованые и тянутые гвозди, современные фаянс и стекло. При разборке пахотного слоя найдено 3520 фрагментов круговой керамики (сероглиняной, белоглиняной и красноглиняной; рис. 6–9); в коллекцию отобрано 17 артефактов (рис. 10): медные монеты – денга 1734 г. и 5 копеек 1763 г. (инв. № 13, 26), бронзовые колечко и пластины (инв. № 10, 11, 16); железные скобы, подкова, набойка на каблук, обломки ножей (инв. № 12, 14, 15, 18, 20, 60); ружейные кремни, каменные грузила (инв. № 17, 19, 54, 57, 58); фрагмент глиняного грузила (инв. № 59). В целом керамический материал и другие находки из пахотного слоя могут быть датированы серединой XVI – XVIII/XIX вв.

Пахотный слой залегал на материке – бурой (серо-коричневой) глине. Поверхность материка имеет уклон: нивелировочные отметки в северо-западном углу раскопа составляют 0,55 м, а в юго-восточном – 0,05 м. На уровне материка были прослежены следы распашки и 23 ямы (рис. 11). Кроме пяти комплексов № 1, 4, 5, 17 и 20, остальные восемнадцать следует относить к столбовым ямам. Столбовые ямы, глубиной 0,18–0,90 м, имели округлую (диаметром 0,33–0,67 м), подовальную (размерами 0,49 x 0,35–1,25 x 0,80 м) или квадратную (один комплекс № 23, размерами 0,28 x 0,28 м) форму. В семи столбовых ямах (№ 7, 8, 12, 15, 16, 19, 22) зафиксированы остатки древесины. Заполнение столбовых ям состояло в основном из гумусированного суглинка с включениями угля, железного шлака, фрагментов криц, кусков печной обмазки, битого кирпича, обожженных камней, фрагментов керамики, в том числе ошлакованной, и находок XVI–XIX вв. (рис. 12–15). В расположении части столбовых ям прослеживается закономерность – они размещены по краям комплексов № 1 и № 5 двумя параллельными рядами по линии юго-запад–северо-восток.

Рис. 3. Урочище Ушково. Места расположения раскопов № 1–3. Вид с юга

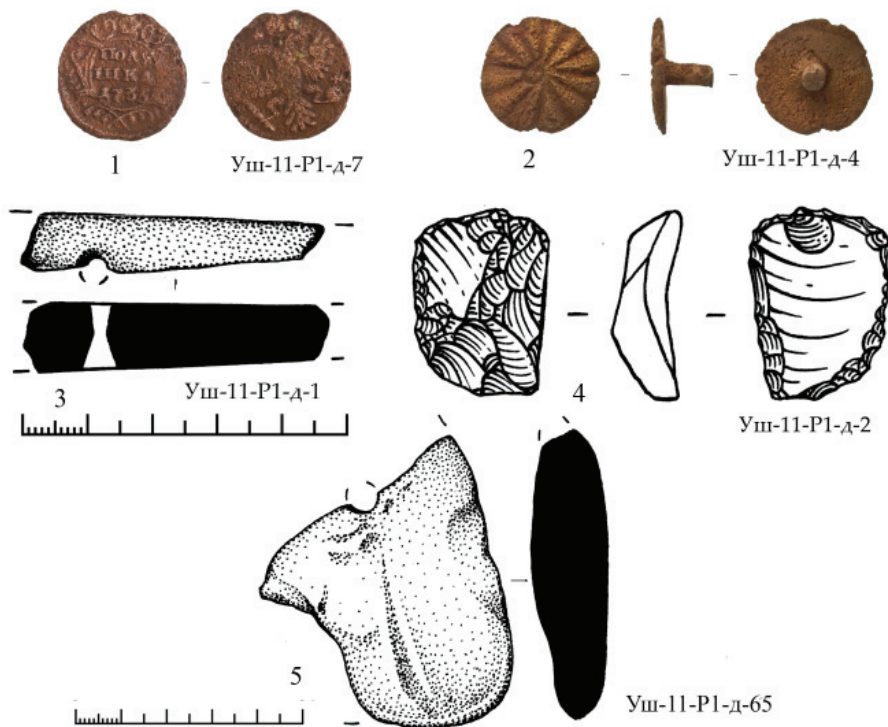

Рис. 4. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из дерна: 1 – медная монета; 2 – бронзовая бляшка; 3 – сланцевый оселок; 4 – кремь (ружейный?); 5 – каменное грузило

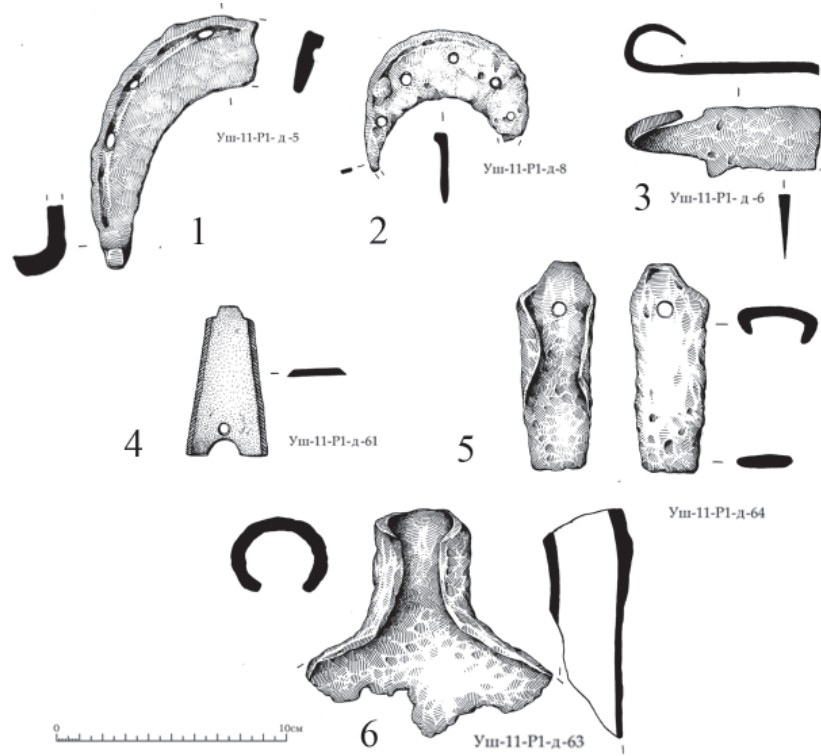

Рис. 5. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из дерна: 1–6 – изделия из железа: 1 – подкова; 2 – обувная подковка; 3 – фрагмент ножа; 4 – деталь; 5 – орудие (тесло?); 6 – сошная полица

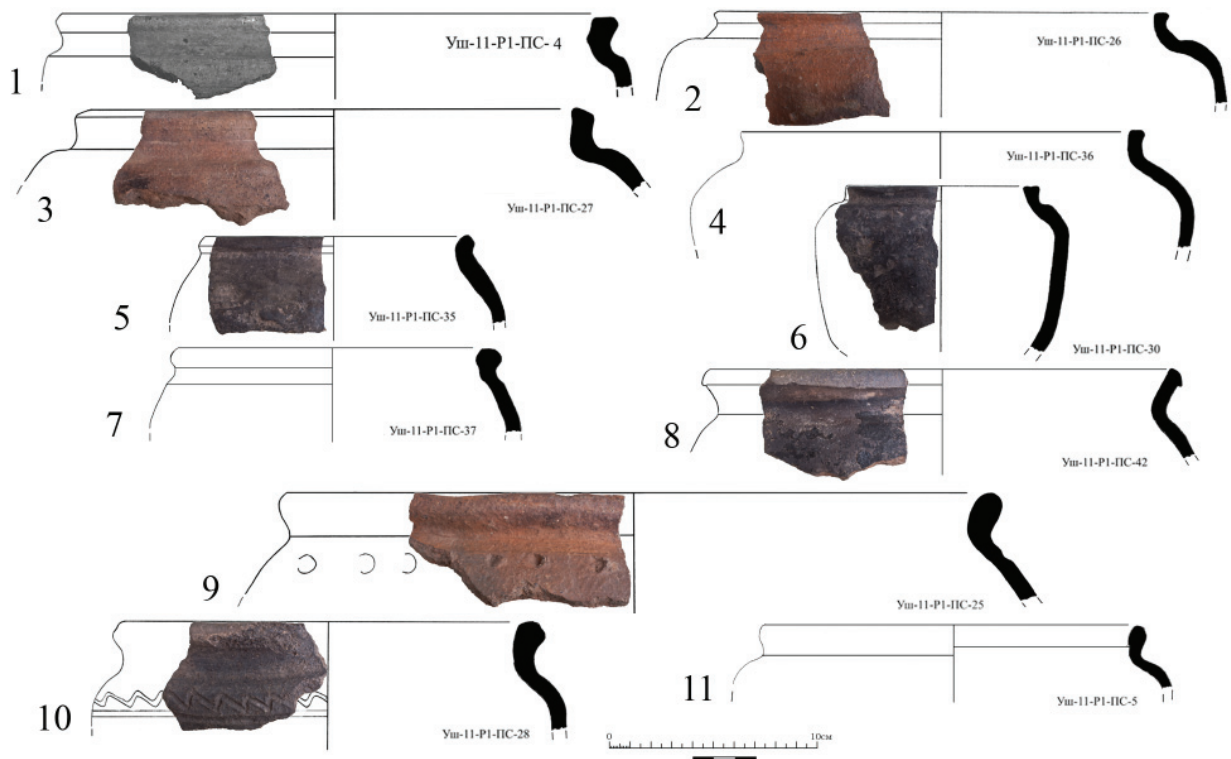

Рис. 6. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из пахотного слоя: 1–11 – типы сероглиняных горшков

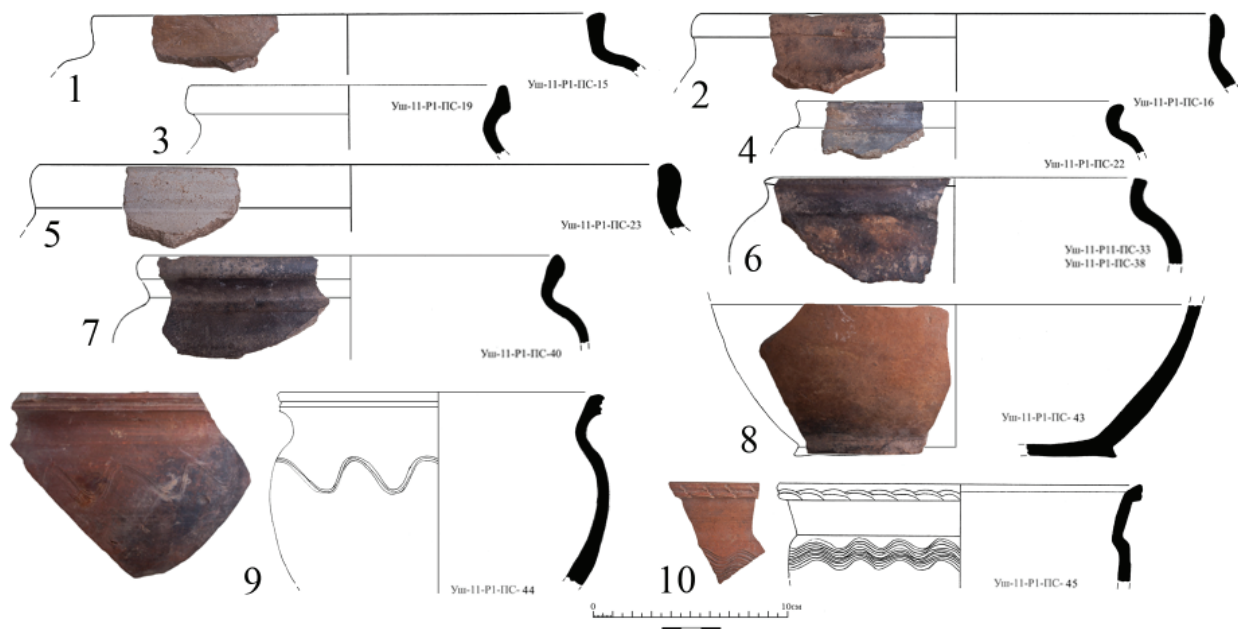

Рис. 7. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из пахотного слоя: 1–7 – типы светлоглиняных горшков; 8–10 – типы красноглиняных горшков

Рис. 8. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из пахотного слоя: 1–6 – типы белоглиняных горшков; 7–9 – фрагменты белоглиняных кувшинов

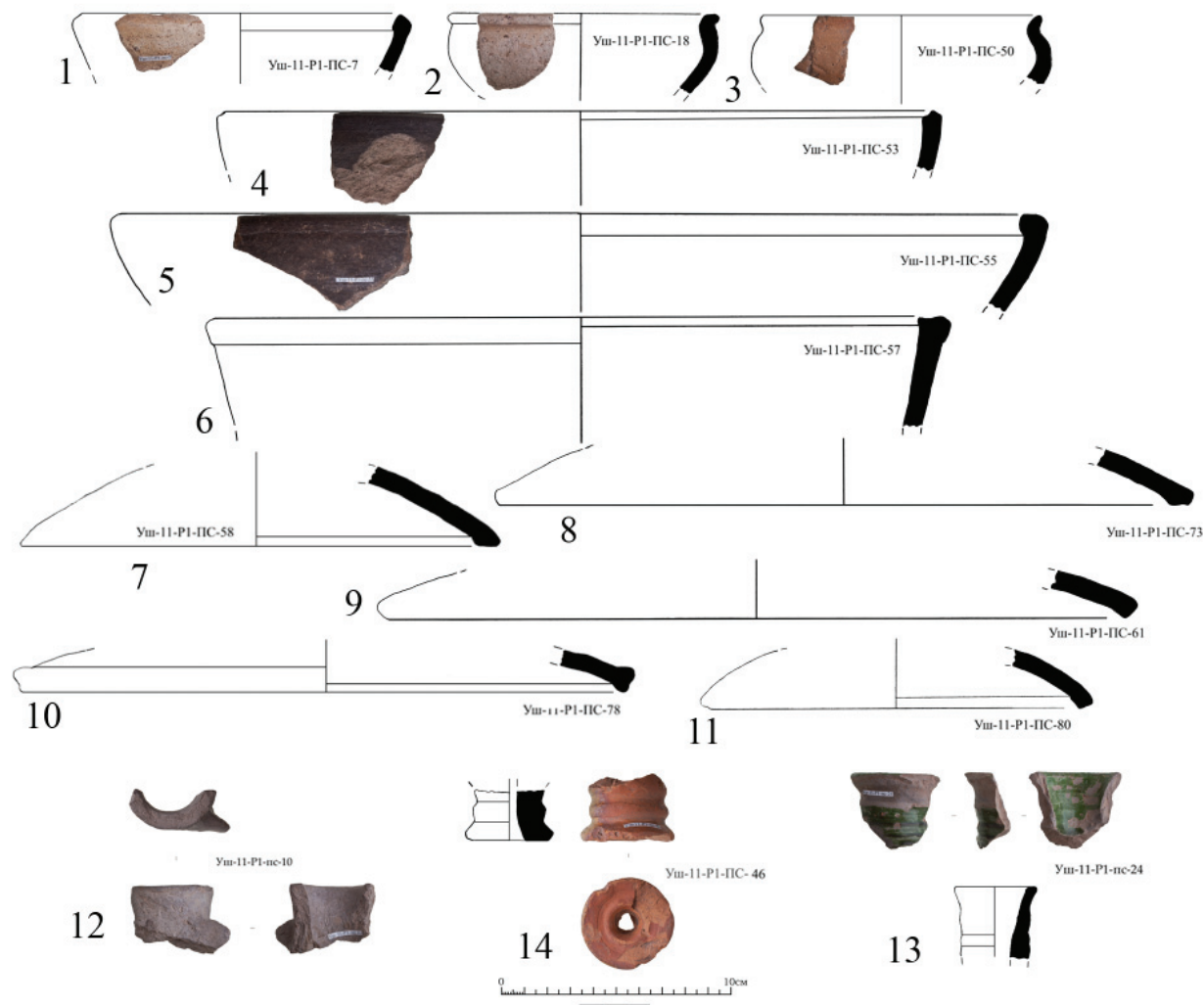

Рис. 9. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из пахотного слоя: 1–6 – типы мисок; 7–11 – типы крышек; 12, 13 – горла фляг или штофов; 14 – фрагмент подсвечника (?)

Комплекс № 4 находится в северо-западной части раскопа на кв. А1, А1' и А'1 и представляет собой выемку неправильной округлой формы диаметром до 0,85 м и глубиной 0,19 м. Заполнение ямы – гумусированный суглинок с включением обожженных камней, фрагментов битого кирпича, костей и ошлакованной керамики XVII в.

Комплекс № 17 расположен в восточной части раскопа на кв. Б4 и представляет собой большую хозяйственную яму подовальной формы, вытянутую по линии северо-запад–юго-восток, размерами 1,50 x 1,10 м и глубиной 0,50 м. В заполнении комплекса, состоящем из гумусированного суглинка, зафиксирован шлак, мелкие фрагменты битого кирпича, ошлакованная

керамика, стекло, кованые гвозди, железный пробой, кости, уголь, фрагменты кричного железа. Керамический материал комплекса, состоящий из 256 фрагментов гончарной керамики, датируется XVII–XVIII вв. (рис. 14: 5–13). В заполнении также найден фрагмент точильного камня (инв. № 62; рис. 14: 14).

Комплекс № 20, расположенный в юго-западной части раскопа на кв. В0 и В1', представляет собой большую яму вытянутой по линии северо-запад–юго-восток формы, размерами 1,9 x 0,96 м и глубиной от 0,65 м в северо-западной части до 0,25 м в юго-восточной. Этот комплекс, скорее всего, самый поздний. В заполнении, состоящем из гумусированной супеси, помимо 23 фрагментов керамики,

Рис. 10. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из пахотного слоя: 1, 2 – медные монеты; 3 – бронзовое колечко; 4–8 – изделия из железа (5 – подкова, 6 – обувная подкова, 7, 8 – фрагменты ножей); 9 – каменное грузило; 10 – кремь ружейный

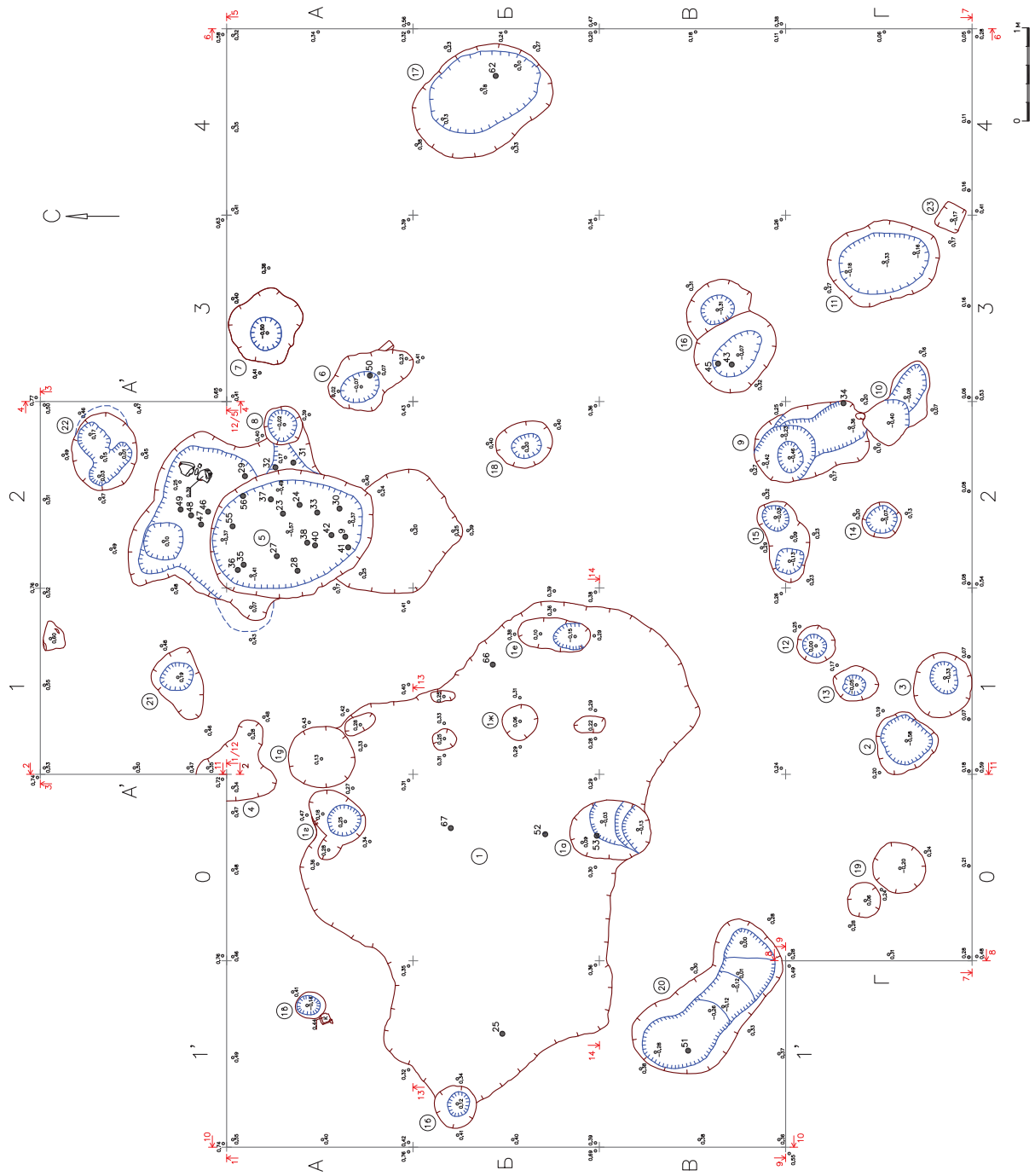

Рис. 11. Урочище Ушково. Раскоп № 1. План по материке. Комплексы № 1–23

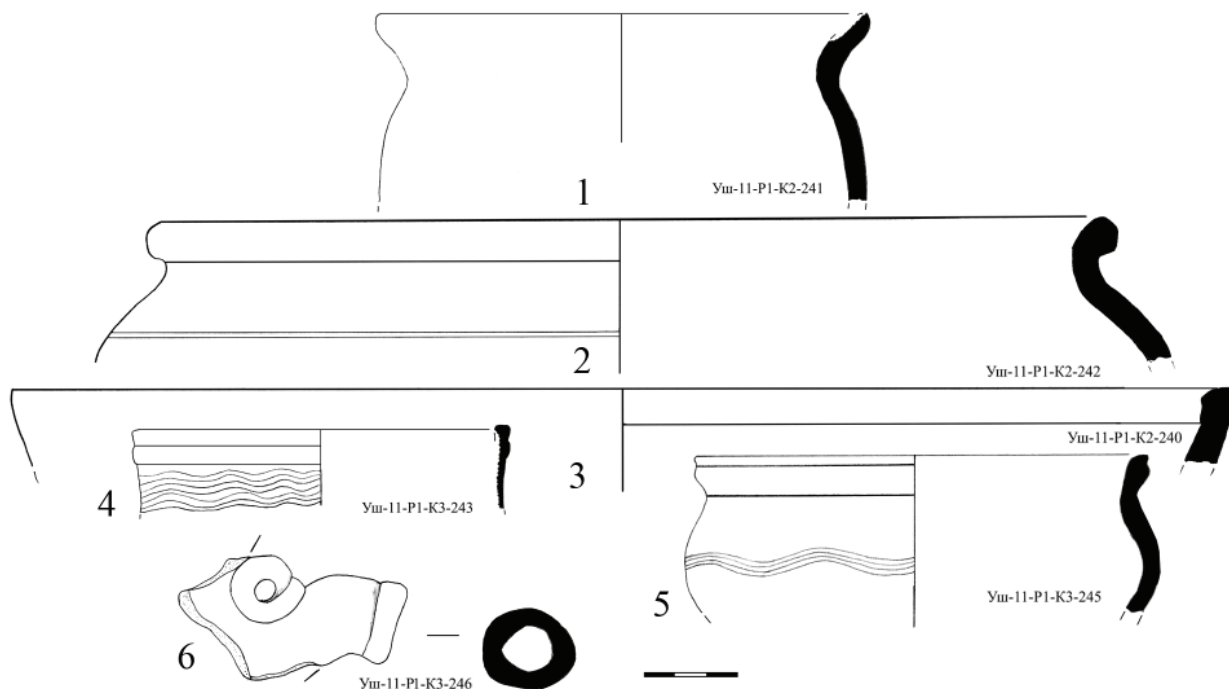

Рис. 12. Урочище Уиково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 2: 1, 2 – типы светлоглиняных горшков; 3 – красноглиняная миска. Находки из комплекса № 3: 4, 5 – типы красноглиняных горшков; 6 – носик рукомоЙника (?)

которые можно датировать XVIII в., и фрагмента известнякового грузила (инв. № 51; рис. 15: 1–6), встречено современное железо (гвозди, фрагмент автомобильной рессоры) и современное оконное стекло. Таким образом, комплекс можно датировать серединой – второй половиной XX в. Керамика и грузило, по всей видимости, попали в заполнение комплекса уже при его засыпке или распахке поля.

Особый интерес представляют комплексы № 1 и № 5.

Комплекс № 1, расположенный в западной части раскопа на кв. А1, Б1, В1, В2, А1', Б1', В1', А1', В2', В2', представляет собой небольшое углубление неправильной формы, размерами 5,50 x 4,00 м и глубиной 0,10–0,20 м, заполненное темной гумусированной супесью с большим количеством угля, древесного тлена, обожженных камней (рис. 11). В заполнении комплекса были найдены фрагменты разбитых стеклянных сосудов (штофов), кованые гвозди, фрагменты строительных железных скоб, шлак, ошлакованная керамика, фрагменты обожженного кирпича (изготовленного в деревянных формах) и печной обмазки. Отдельно следует отметить

большие куски кричного железа (рис. 16: 1, 2). Найдено шесть крупных криц: уплощенной округлой формы, размерами 0,20 x 0,17 м, толщиной 0,08 м, весом 3,8 кг; уплощенной округлой формы, размерами 0,16 x 0,15 м, толщиной 0,065 м, весом 2 кг; бесформенная, размерами 0,14 x 0,10 м, толщиной 0,09 м, весом 1,5 кг; уплощенная, размерами 0,12 x 0,09 м, толщиной 0,055 м, весом 1,4 кг; уплощенная, размерами 0,14 x 0,09 м, толщиной 0,05 м, весом 0,9 кг; подквадратной формы, размерами 0,09 x 0,08 м, толщиной 0,06 м, весом 0,6 кг.

При разборке заполнения комплекса найдено 299 фрагментов круговой керамики (сероглиняной, белоглиняной и красноглиняной); в коллекцию отобрано пять артефактов: два известняковых грузила (инв. № 25, 52; рис. 16: 3); небольшой обожженный глиняный шарик (инв. № 53; рис. 16: 4); две железные крицы (инв. № 66 и 67; рис. 16: 1, 2). В целом керамический материал и другие находки из комплекса датируются XVI–XVII вв.

По краям комплекса расположены семь столбовых ям (1а, 1б, 1в, 1г, 1д, 1е, 1ж) размерами: 0,86 x 0,63 м, 0,45 м, 0,33 м, 0,66 x 0,45 м, 0,71 м, 0,77 x 0,32 м, 0,38 м, соответственно (рис. 11).

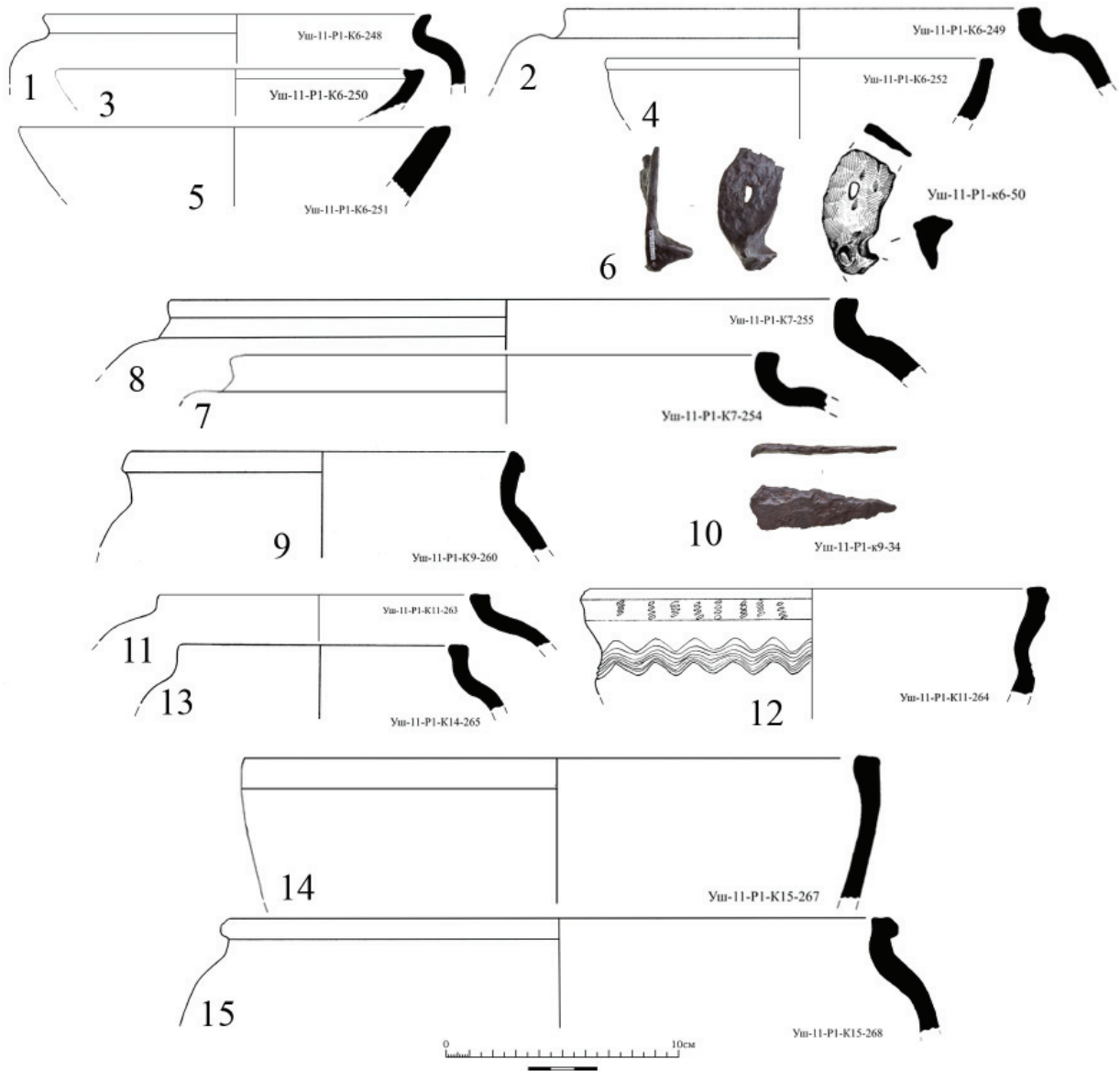

Рис. 13. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплексов № 6 (1–6), № 7 (7, 8), № 9 (9, 10), № 11 (11, 12), № 14 (13), № 15 (14, 15): 6, 10 – железо; 1–5, 7–9, 11–15 – керамика

Их глубина колеблется от 0,26 до 0,60 м. Заполнение ям идентично заполнению всего комплекса, в некоторых (1б, 1е, 1ж) можно проследить остатки деревянных столбов. По всей видимости, здесь находилась столбовая деревянная конструкция, возможно, являвшаяся местом складирования готовой продукции производства кричного железа.

Комплекс № 5 находится в северной части раскопа на кв. А1, А2, А'1, А'2 и представляет собой углубленный котлован со ступеньками, вытянутый по

линии север–юг, размерами 3,60 x 1,50–1,80 м (рис. 11; 17). Центральная часть комплекса – яма овальной формы, вытянутая по линии ССЗ–ЮЮВ, размерами 1,70 x 1,45 м, глубиной от поверхности материка 1,00 м. Дно ямы четко прослеживается на уровне прослойки оргзанда. Верхняя часть ямы заполнена землей с большим количеством угля, глиняной обмазки, битого кирпича, шлака, обложенных камней, керамики, нижняя часть – гумусированным суглинком с песком и большим количеством крупных фрагментов керамики. В заполнении также найдены стекло и кованые железные гвозди.

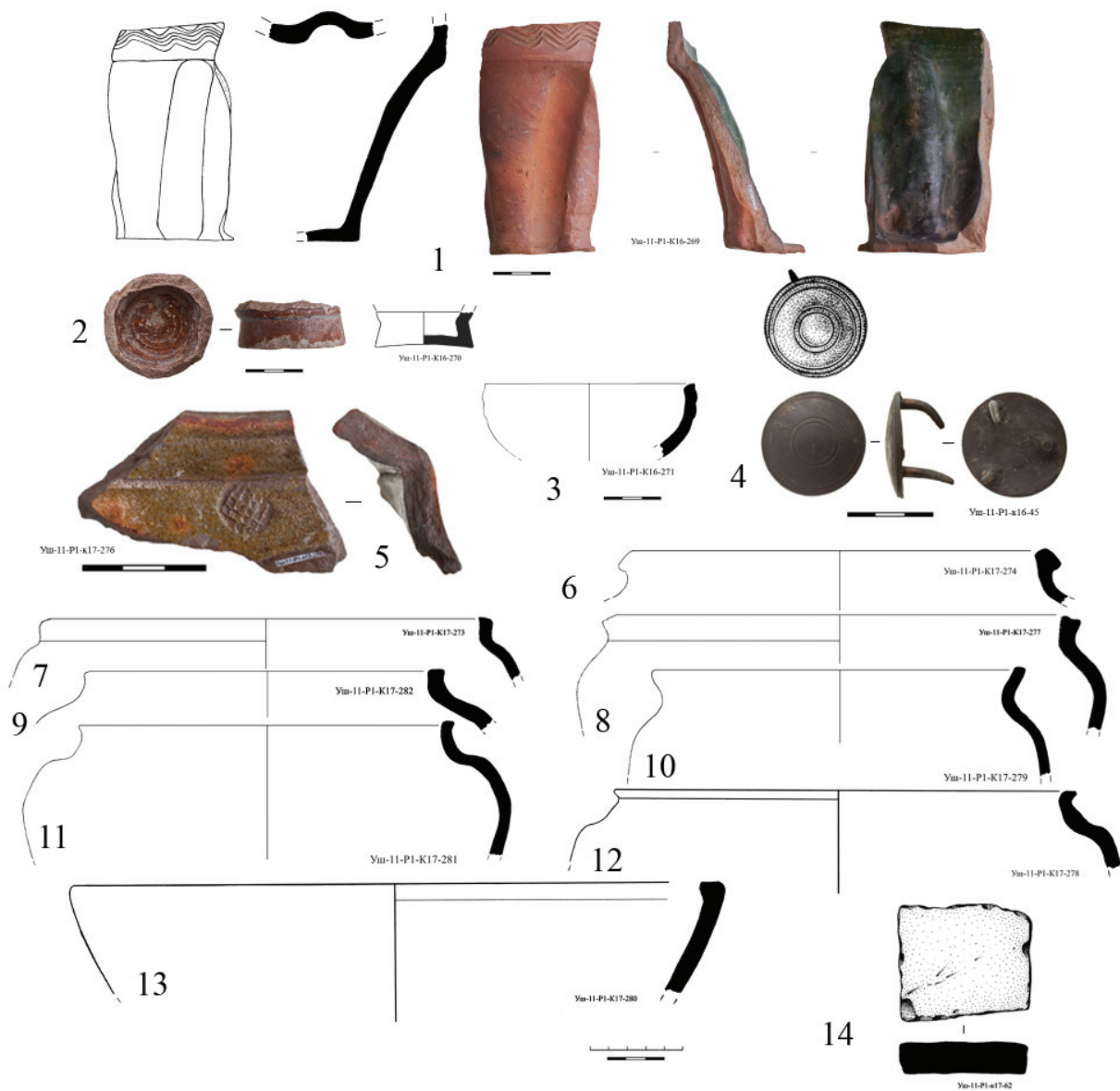

Рис. 14. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 16: 1 – керамическая форма; 2 – банка; 3 – миска; 4 – бронзовая накладка. Находки из комплекса № 17: 5 – миска (?); 6–12 – типы горшков; 13 – миска; 14 – точильный камень

С запада и с востока от центральной ямы зафиксированы столбовые ямки. Западная ямка вплотную прилегает к центральной яме, ее размеры 0,50 x 0,55 м, глубина 0,33 м. Заполнение состоит из бурого гумусированного суглинка с прослойками угля. В нем встречены битый кирпич, керамика, глиняная обмазка, обожженные мелкие камни, древесный тлен. Восточная столбовая ямка расположена на удалении 0,30 м от центральной ямы, поэтому изначально выбиралась отдельно как комплекс № 8. Яма имеет правильную округлую форму диаметром 0,40 м и глубиной 0,36 м. За-

полнение ямы – бурый гумусированный суглинок с включениями битого кирпича, керамики, древесного тлена от столба.

С севера и с юга по краям центральной ямы расположены два полуовальных углубления, или ступеньки. Южная ступенька с пологими стенками имеет размеры 1,50 x 1,00 м и глубину 0,20 м. В заполнении углубления найдены фрагменты битого кирпича, уголь, керамика, шлак и ошлакованная керамика. Северная ступенька имеет размеры 1,75 x 0,80 м и глубину 0,30 м. В заполнении углубления

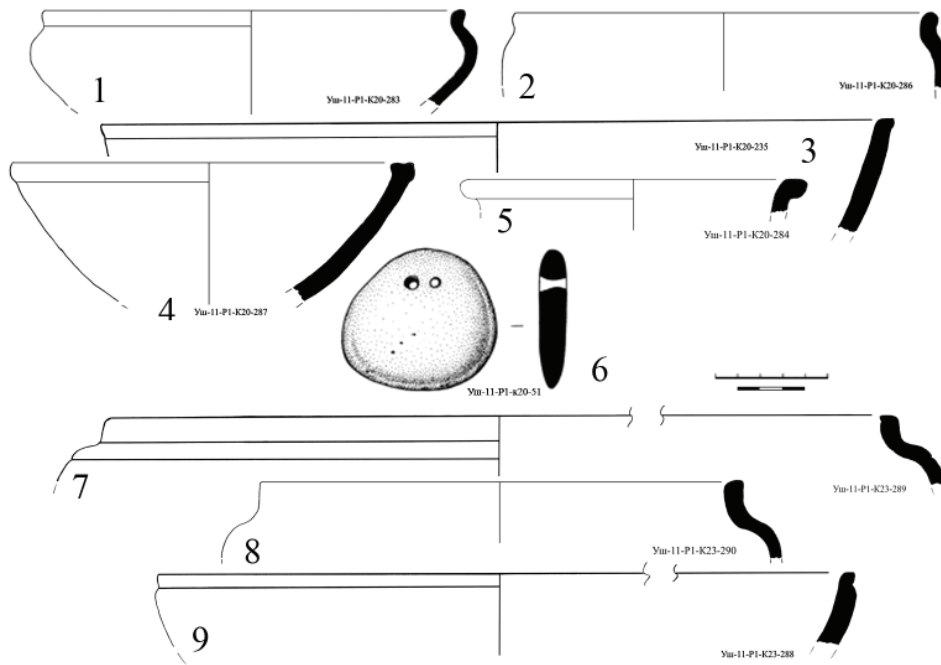

Рис. 15. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 20: 1–5 – типы керамической посуды; 6 – каменное грузило. Находки из комплекса № 23: 7–9 – типы керамической посуды

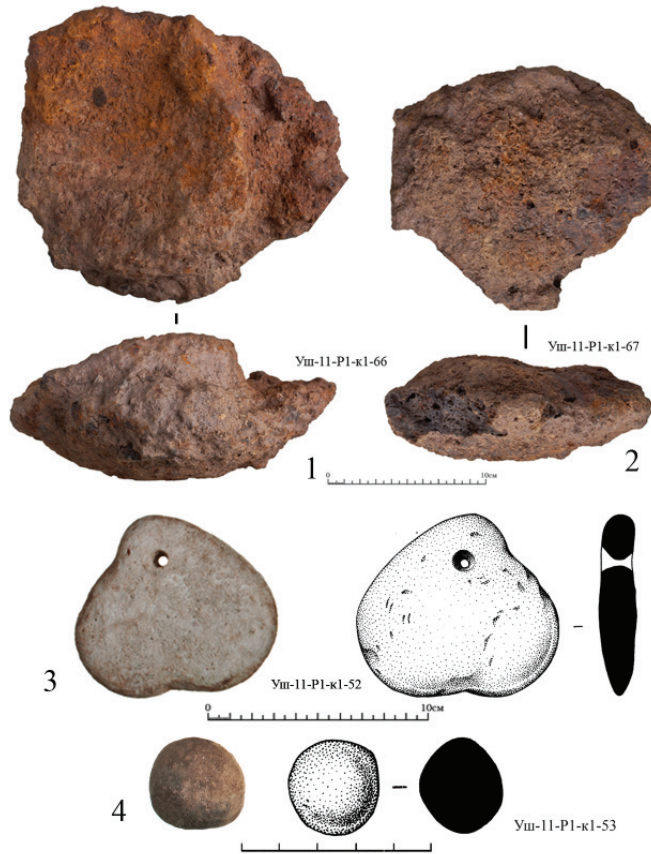

Рис. 16. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 1: 1, 2 – железные крицы; 3 – каменное грузило; 4 – глиняный шарик

встречены фрагменты битого кирпича, уголь, керамика, шлак и ошлакованная керамика. В восточной части этого углубления зафиксировано скопление обожженных камней диаметром 0,03–0,10 м, печной обмазки, фрагментов обожженных кирпичей. При расчистке заполнения на дне ямы зафиксированы крупные фрагменты печной обмазки на песчаной подсыпке.

Кирпичи из заполнения комплекса, несомненно, местного производства, изготовлены вручную в деревянных формах из красножгущейся глины с добавками крупнозернистого грубо толченого известняка. Все кирпичи обнаружены в обломках, поэтому можно лишь констатировать, что их ширина составляла 0,125–0,13 м, а толщина – 0,07–0,075 м.

При разборке заполнения комплекса найдено 1225 фрагментов круговой керамики конца XV – начала XIX вв., что составляет почти 19 % от количества всего керамического материала из раскопов № 1–3 (в коллекции керамика комплекса составляет более 50 % – 155 находок; рис. 18–23). В коллекцию отобрано 23 артефакта: монеты – денга чеканки 1730 г. (инв. № 9), денга 1750 г. (инв. № 49) и копейка чеканки 1715 г. (инв. № 28; рис. 24: 1–3); фрагмент бронзового крестика XVI–XVII вв. с рельефным изображением креста в центре и буквами «IC» и «XC» по краям горизонтального перекрестия (инв. № 30; рис. 24: 4); две железные пряжки (инв. № 23 и 56), дверная петля (жиковина?; инв. № 24), пять скоб (инв. № 31, 32, 40, 41, 47), кольцо (инв. № 42), рукоятка ножа (инв. № 35), подковка на каблук XVII–XVIII вв. (?) с тремя гвоздевыми отверстиями (инв. № 37; рис. 25: 1–7); два фрагмента известняковых грузил (инв. № 27, 46), сланцевый оселок (инв. № 48), каменное точило (инв. № 29), кремневый отщеп (инв. № 36; рис. 24: 7–9); половина синей стеклянной бусины XVII–XIX вв.² (инв. № 33; рис. 24: 5); фрагмент обожженного глиняного шарика диаметром 2,5 см (инв. № 38; рис. 24: 6); кость (астрал) для игры в бабки с вставленным в нее железным стержнем (инв. № 55; рис. 25: 8).

Следует предположить, что комплекс № 5 – это остатки заглубленной конструкции железоплавильной печи или домницы (горна). Котлован со ступеньками является предпечной ямой – шлако-сборником, а наземная часть самого горна не сохранилась. При разрушении горна в яму были сброшены части его конструкции, зафиксирован-

ные в верхней половине шлакоборника, северной и южной ступеньках. На основании этих находок можно предположить, что горн был сложен из кирпичей, камней и глины. Столбовые ямы, зафиксированные в пределах комплекса, возможно, свидетельствуют о наличии и деревянной конструкции горна. Исходя из заполнения северного полуовального углубления («ступеньки»), можно предположить, что наземная часть горна находилась с северной стороны от котлована-шлакоборника. Возможно, северная яма («ступенька») являлась заглубленной (подовой) частью самого горна.

Керамический материал, основная масса которого датируется XVII–XVIII вв., и другие находки позволяют датировать начало функционирования этого комплекса XVII в., а завершение – не ранее середины XVIII в. (судя по датам чеканки монет) и не позднее начала XIX в.

В результате археологических работ на раскопе № 1 был обнаружен и исследован производственный комплекс по выплавке кричного железа XVII – второй половины XVIII – начала XIX вв. Комплекс состоял из котлована-шлакоборника (комплекс № 5), несохранившегося наземного горна, участка складирования готовой продукции – криц (комплекс № 1), хозяйственной ямы (комплекс № 17) и столбовых ям, вероятно, оставшихся от наземной конструкции – навеса или постройки над всем производственным сооружением.

Раскоп № 2

Раскоп № 2 располагался в юго-восточной части исследуемого участка, в 123 м к западу от берега Юрьевского пруда, в 58 м к востоку от грунтовой дороги, в непосредственной близости от шурфов № 29–30, заложенных в 2010 г., в 273 м к юго-востоку от раскопа № 1 (рис. 2; 3). Раскоп, ориентированный по сторонам света, представляет собой квадрат площадью 64 кв. м. Дневная поверхность имела небольшой уклон в северо-западном направлении (нивелировочные отметки от 1,16 м в северо-западном углу до 1,47 м в юго-восточном).

Толщина дернового слоя составляла 0,07–0,10 м. Находок в нем не обнаружено. Под дерном на отметках 1,08 до 1,41 м залегал пахотный слой – бурый гумусированный суглинок. Толщина пахотного слоя колеблется в пределах 0,06–0,30 м. В пахотном слое встречены фрагменты битого кирпича, современные стекло, фаянс, керамика. Керамический материал из пахотного слоя можно датировать довольно широко – от XVI (возможно, конца XV) до XX вв. Всего найдено 144 фрагмента гончарной керамики (рис. 26:

² По определению сотрудника Государственного Эрмитажа Я. В. Френкеля.

Рис. 17. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Комплексы № 5 и № 8 после разборки заполнения. Вид с юга

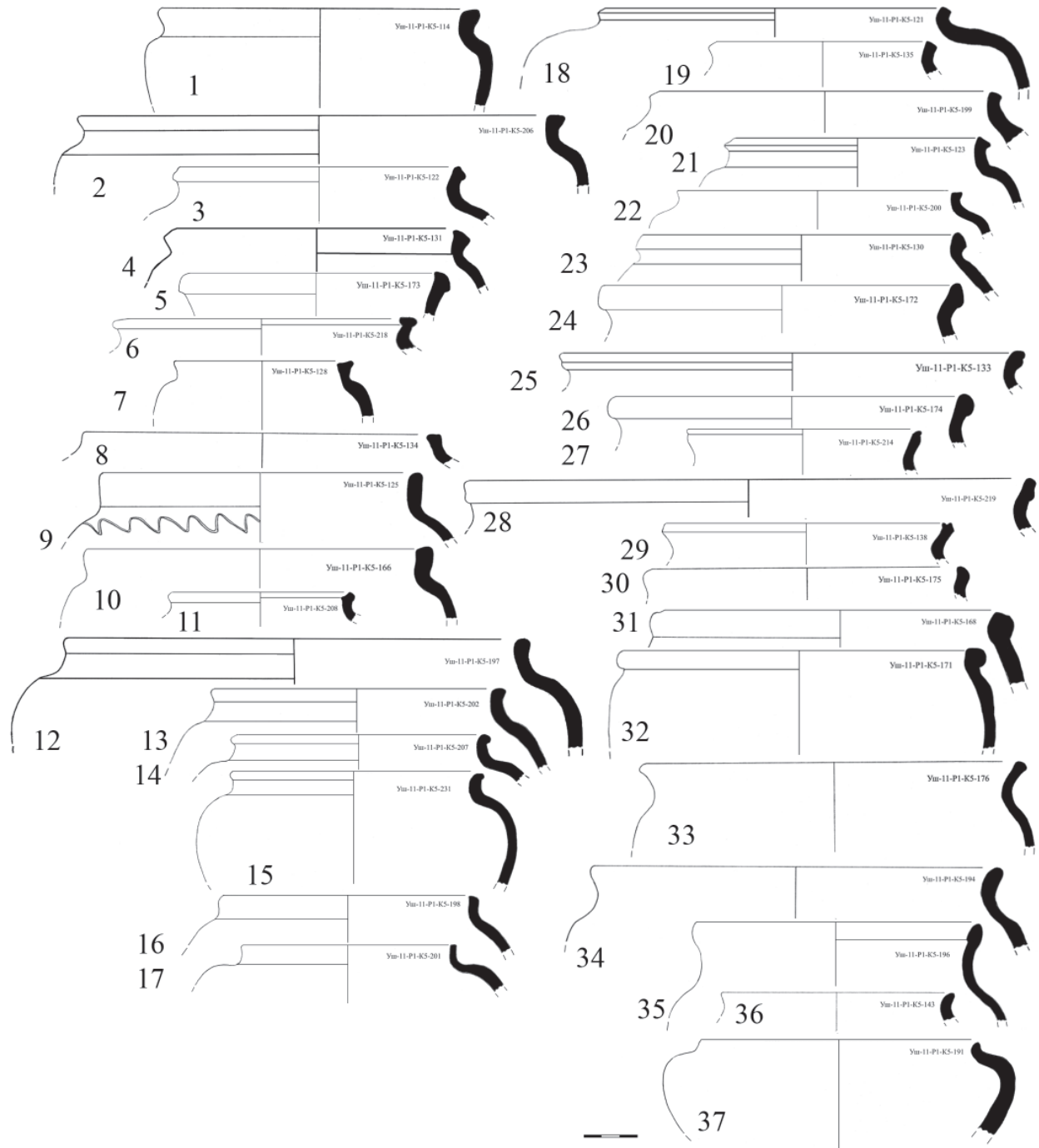

Рис. 18. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–37 – типы сероглиняных горшков

Рис. 19. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–3 – сероглиняные горшки

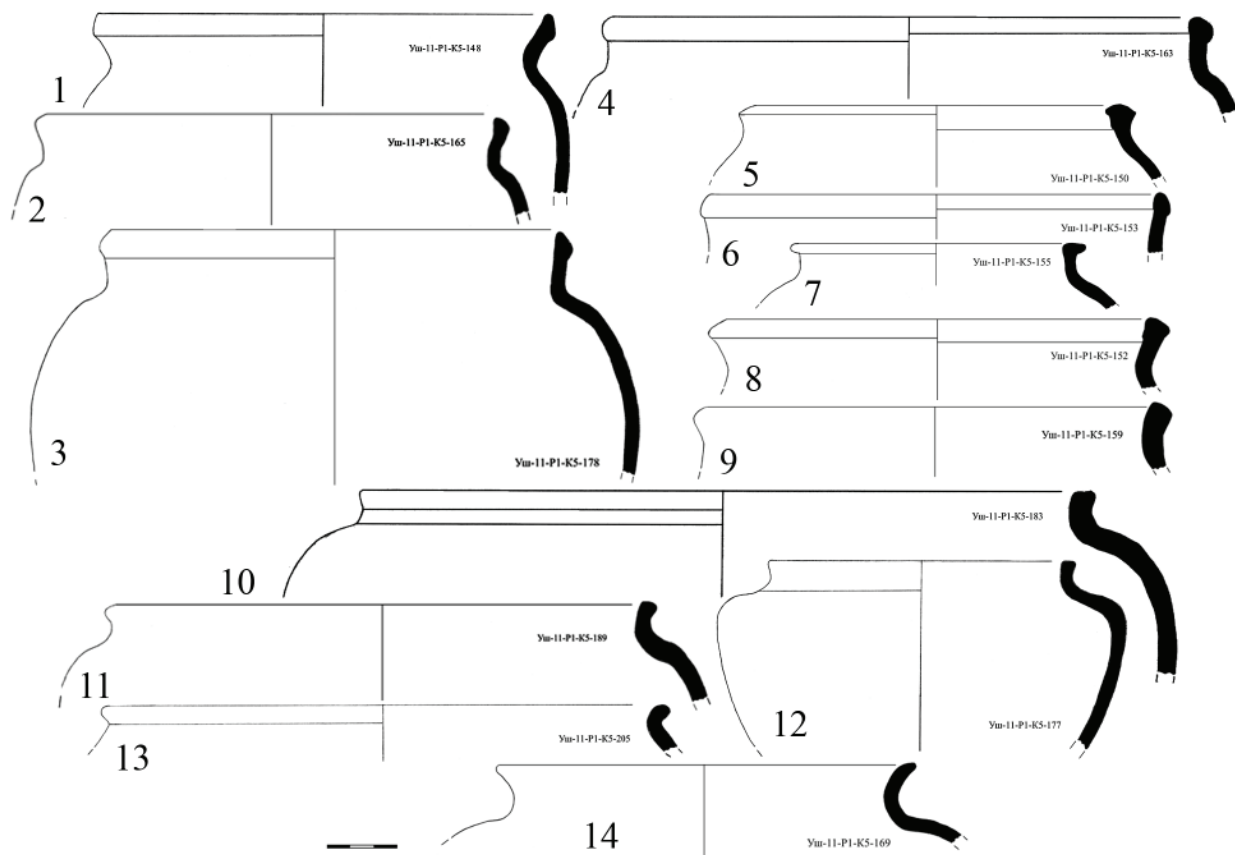

Рис. 20. Урочище Уиково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–14 – типы светлоглиняных горшков

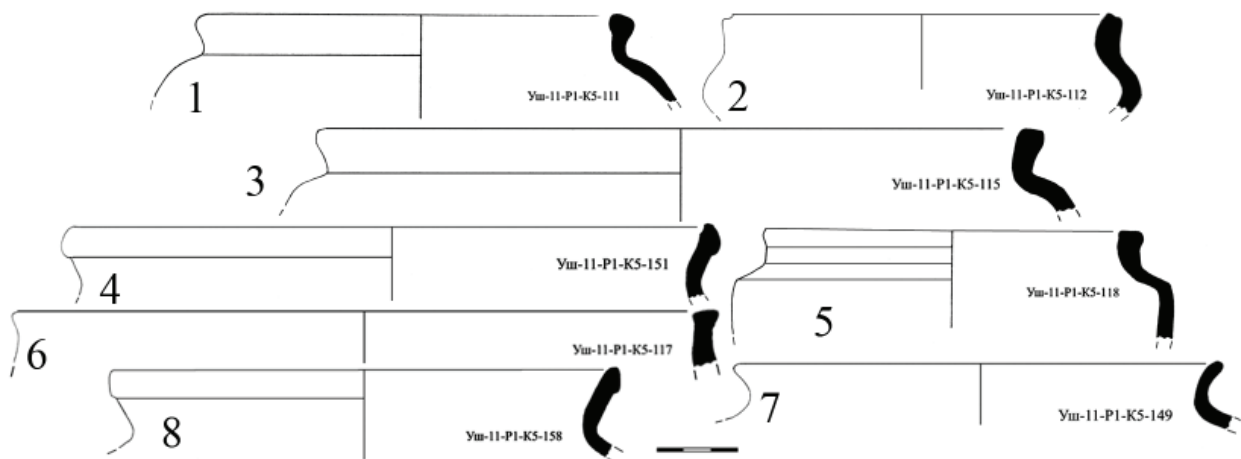

Рис. 21. Урочище Уиково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–8 – типы белоглиняных горшков

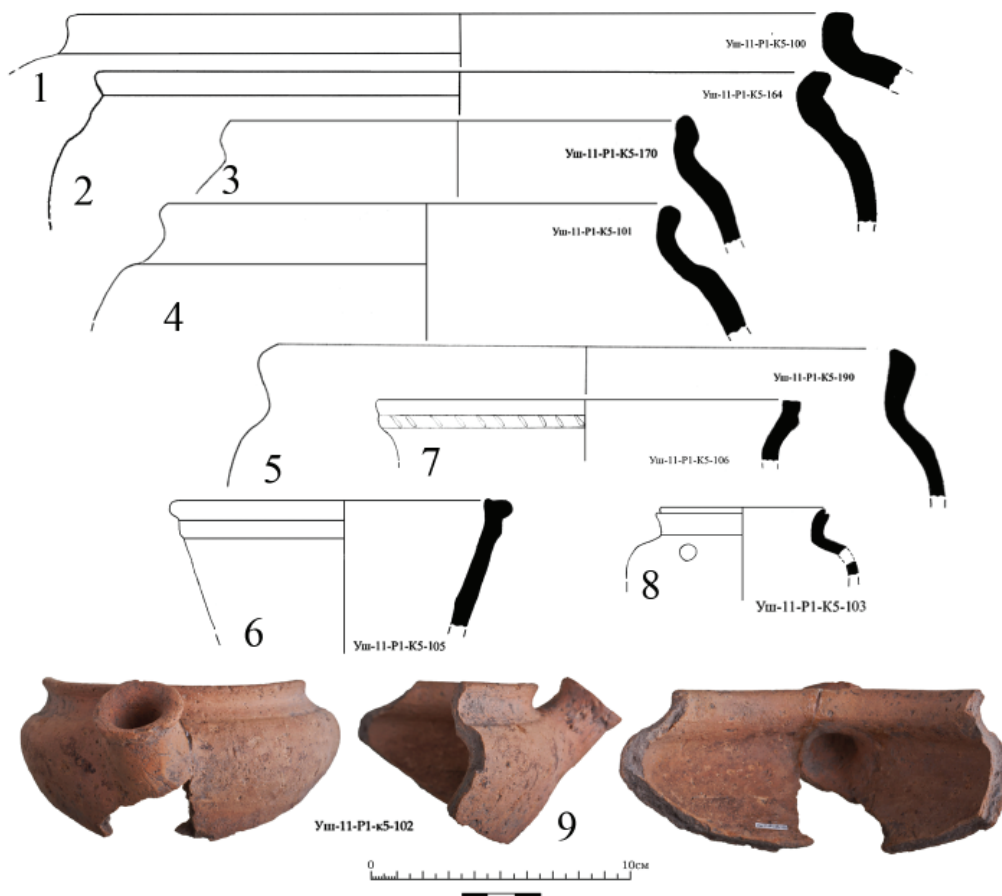

Рис. 22. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–9 – типы красноглиняной посуды

1, 2). В коллекцию взят фрагмент сланцевого оселка (инв. № 21; рис. 26: 3).

Пахотный слой залегал на материке – бурой (серо-коричневой) глине. Поверхность материка также имеет уклон – его нивелировочные отметки в северо-западном углу раскопа 0,92 м, в юго-восточном – 1,17 м. На уровне материка прослежены следы распашки – борозды шириной 0,12–0,32 м, пересекавшие раскоп по линии северо-восток–юго-запад. Следов ям и сооружений не обнаружено.

Мощность исследованных слоев до материка составила 0,40 м.

Раскоп № 3

Раскоп № 3 расположен в северной части исследуемого участка, на поле в 21 м к западу от грунтовой дороги, в 46 м к юго-западу от раскопа № 1, между шурфами № 1 и 37, заложенными в 2010 г. (рис. 2; 3). Раскоп, ориентированный по сторонам света, представляет собой квадрат площадью со-

ставляет 36 кв. м. Дневная поверхность лежит на отметках 0,97–1,05 м.

Толщина дернового слоя составила 0,07–0,10 м. Находок в слое не обнаружено. Под дерном на отметках 0,90–1,11 м залегал пахотный слой – светло-коричневый гумусированный суглинок, толщиной 0,25–0,35 м. В нем найдены камни, фрагменты битого кирпича, железные кованые гвозди, стекло, фаянс, керамика. Керамический материал из пахотного слоя можно датировать рубежом XVI–XVII – концом XVIII вв., при этом его основная часть относится к XVII в. Всего найдено 227 фрагментов круговой керамики (рис. 26: 4, 5, 7, 11, 13). В коллекцию отобраны три находки: два кремневых отщепы (инв. № 22, 44) и небольшой обожженный глиняный шарик (инв. № 39; рис. 26: 14–16).

Пахотный слой залегал на материке – светло-коричневой глине. Поверхность материка практически ровная на отметках 0,67–0,82 м. На уровне материка были прослежены следы распашки – бо-

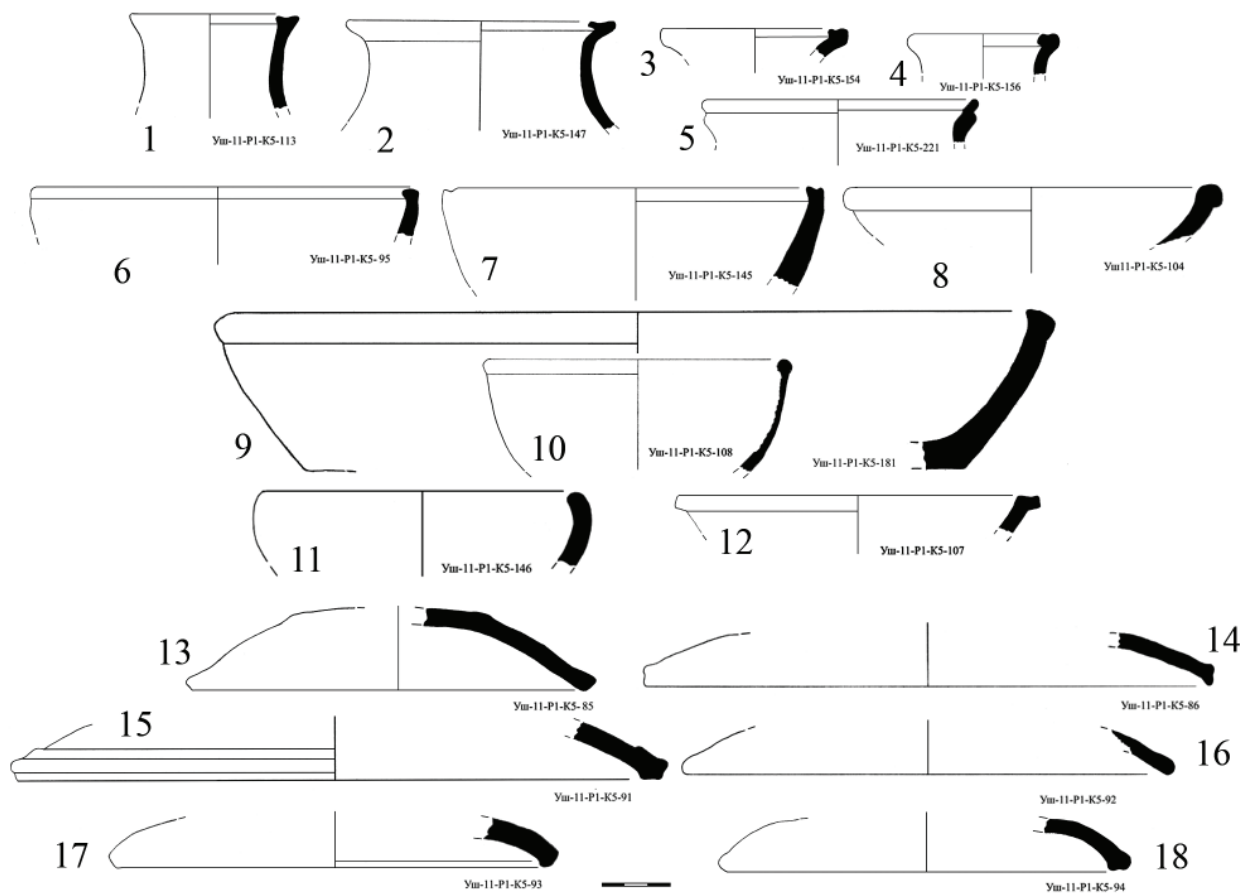

Рис. 23. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–5 – кувшины; 6–12 – типы мисок; 13–18 – типы крышек

розды шириной 0,08–0,29 м, глубиной 0,10 м, пересекавшие раскоп по линии северо-восток–юго-запад. Материал, найденный в бороздах, представлен только фрагментами керамики, идентичными встреченным в пахотном слое. Всего обнаружено 32 фрагмента круговой керамики (рис. 26: 6, 9, 10, 12).

Комплекс, зафиксированный на кв. В3, представлял собой яму правильной округлой формы диаметром 0,92 м и глубиной 0,30 м, заполненную темно-желтой гумусированной супесью с включениями фрагментов битого кирпича и керамики. Всего найдено шесть фрагментов белоглиняной керамики XVII в. (рис. 26: 8).

Мощность исследованных слоев до материка составила 0,45 м.

Находки

I. *Монеты.* Найдено семь медных монет: шесть монет в раскопе № 1 и одна монета как подъемный материал. Из дернового слоя раскопа № 1

происходит полушка, чеканенная в 1735 г. при императрице Анне Иоанновне (инв. № 7; рис. 4: 1), из пахотного слоя – денга 1734 г (инв. № 13) и 5 копеек 1763 г. (инв. № 26), чеканенные при Анне Иоанновне и Екатерине II, соответственно (рис. 10: 1, 2). Большое значение имеют три монеты, обнаруженные в заполнении комплекса № 5 раскопа № 1: денга 1730 г. (инв. № 9), копейка 1715 г. (инв. № 28) и денга 1750 г. (инв. № 49), чеканенные во времена правления Анны Иоанновны, Петра I и Елизаветы Петровны, соответственно (рис. 24: 1–3). Последняя монета датирует время разрушения комплекса не ранее середины XVIII в. Еще одна монета – 2 копейки 1819 г. – найдена в пахотном слое в 50 м к юго-востоку от раскопа № 1 (рис. 27: 2).

II. *Изделия из цветных металлов.* Найдено восемь артефактов: семь в раскопе № 1 и одна случайная находка. Из дернового слоя раскопа № 1 происходит круглая бронзовая литая бляшка в виде двенадцатилепестковой розетки со штырьком (инв. № 4, рис. 4: 2). Похожие бляшки, но в виде шести-

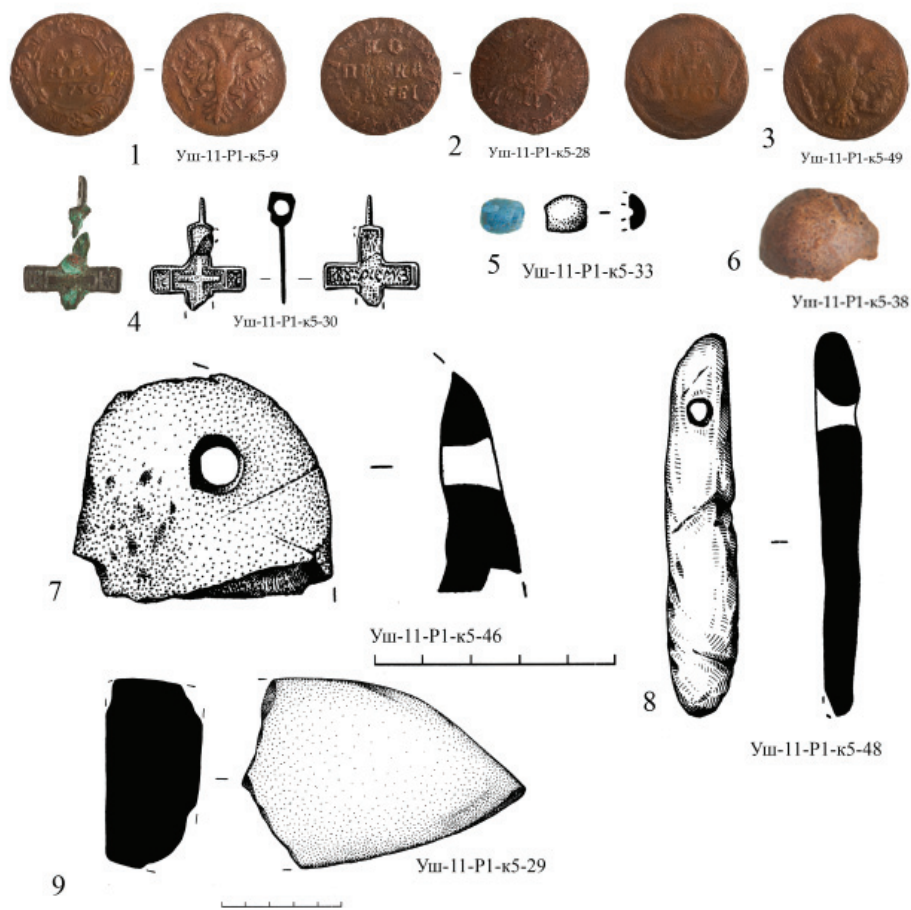

Рис. 24. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–3 – медные монеты; 4 – бронзовый крестик; 5 – стеклянная бусина; 6 – глиняный шарик; 7 – каменное грузило; 8, 9 – точильные камни

лепестковой розетки найдены в Новгороде в слоях XII–XIII вв. (Гайдуков, 1992. С. 98, 161, рис. 70: 6). Три находки обнаружены в пахотном слое: небольшое колечко из бронзы диаметром 1,5 см (инв. № 16; рис. 10: 3), бронзовая(?) и свинцовая пластины (инв. № 10, 11). В заполнении комплекса № 5 раскопа № 1 найден сильно поврежденный нательный крестик (инв. № 30; рис. 24: 4). На лицевой стороне можно различить рельефное изображение креста в центре и буквы «IC» и «XC» по краям горизонтального перекрестия. Крестик датируется поздним средневековьем – новым временем, возможно, XVI–XVII вв. Интересная находка происходит из заполнения комплекса № 16. Это бронзовая круглая накладка-украшение, диаметром 3,3 см, орнаментированная по краю и центру четырьмя кругами, вероятно, предназначенная для конской упряжи, сумки или поясного набора (инв. № 45; рис. 14: 4). С внутренней стороны накладка имеет крепеж из трех штырьков-скоб. В этом же комплексе находился фрагмент небольшого плоского предмета неизвестного назначения (инв.

№ 43). Рядом с раскопом № 1 в поле найдена бронзовая цельнолитая сферическая пуговица с круглым ушком (инв. № пм1; рис. 27: 1). Такие пуговицы были распространены в Новгородской земле довольно длительный период времени – с XI вплоть до XVIII/XIX вв.

III. *Изделия из железа.* Всего 30 находок: 28 в раскопе № 1 и две случайные. В их составе: восемь скоб, пять подков, три подковки (набойки) на обувь, пять ножей, две пряжки, кольцо, дверная (?) петля (жиковина), наконечник пахотного орудия, две крыцы, два фрагмента орудий (предметов).

Скобы найдены в дерновом слое раскопа № 1 (инв. № 3), в пахотном слое (инв. № 18, 20; рис. 10: 4), в комплексе № 5 (инв. № 31, 32, 40, 41, 47; рис. 25: 6). Они представляют собой небольшие уплощенные стержни, заостренные на концах, вытянутой П-образной или U-образной формы, в сечении 0,3–0,9 x 0,1–0,3 см. Одна скоба имеет расширение (щиток) по центру размерами

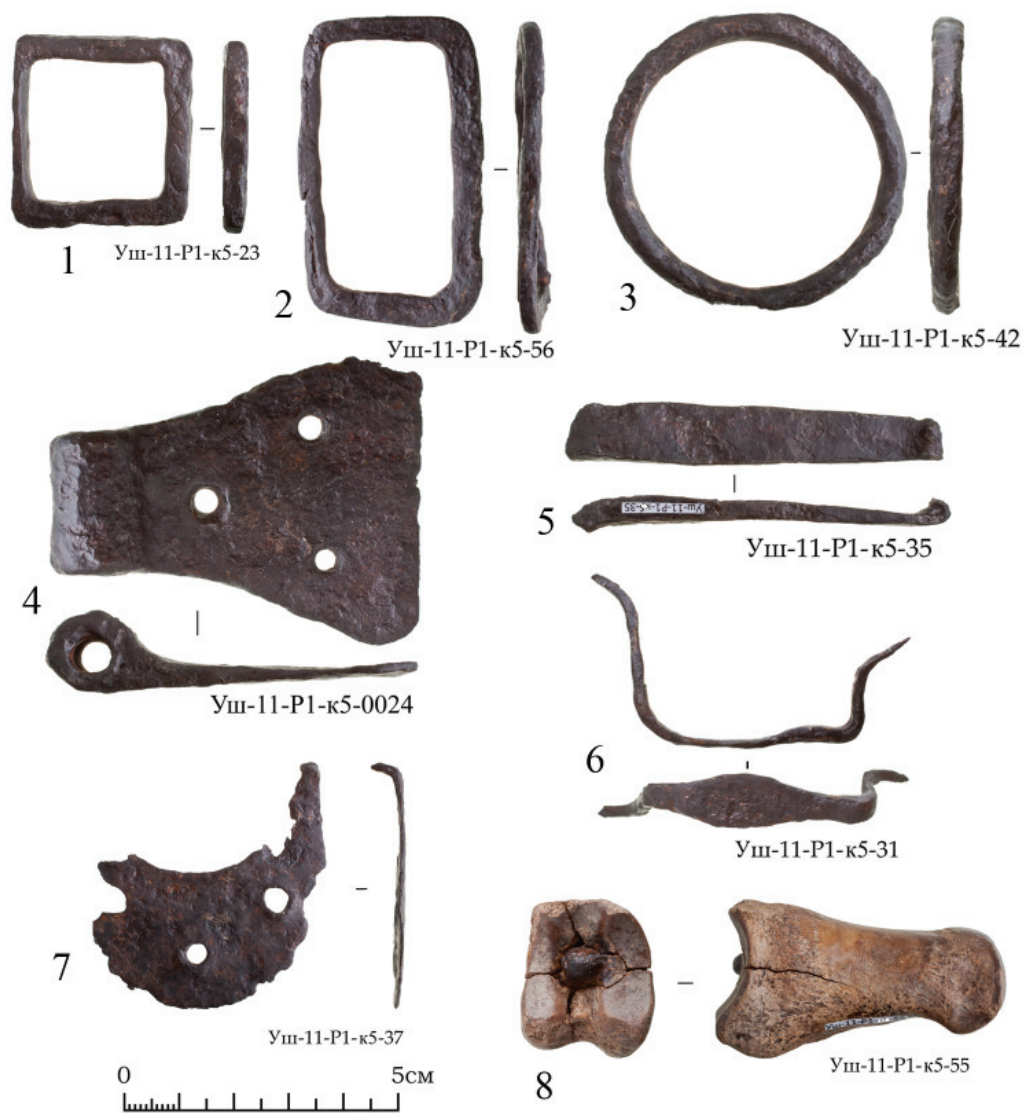

Рис. 25. Урочище Ушково. Раскоп № 1. Находки из комплекса № 5: 1–7 – изделия из железа: 1, 2 – пряжки; 3 – кольцо; 4 – дверная (?) петля; 5 – черенок ножа; 6 – скоба; 7 – обувная подковка; 8 – игральная кость (бабка)

3 x 2 см (инв. № 41), вторая – расширение 0,9 см (инв. № 31).

Подковы найдены в слое дерна (инв. № 5; рис. 3: 1), в пахотном слое (инв. № 14; рис. 10: 5), в комплексе № 6 (инв. № 50; рис. 13: 6), в поле как подъемный материал (инв. № пм2, пм3; рис. 27: 3, 4). Левая половина подковы с тупым задним шипом и тремя овальными отверстиями для гвоздей в желобке (инв. № 5) датируется не ранее XVI в. Левая половина подковы с тремя прямоугольными отверстиями для гвоздей в желобке (инв. № 14) датируется не ранее XVI в. (вероятно, XVI–XVII вв.). Обломок правой половины подковы с острым пе-

редним шипом и одним вытянутым отверстием для гвоздя (инв. № 50) датируется XI–XVII вв. Целая левая и обломанная правая половины подковы с передним шипом (инв. № пм2), на левой половине три овальные отверстия для гвоздей в желобке, датируются XVI–XVII вв. Целая левая и обломанная правая половины с передним и задним шипом (инв. № пм3), на левой половине три овальных отверстия для гвоздей в желобке, на обломанной правой одно отверстие, датируются XVI–XVII вв.

Подковы (набойки) обувные найдены в слое дерна (инв. № 8; рис. 5: 2), в пахотном слое (инв. № 12; рис. 10: 6), в комплексе № 5 (инв. № 37;

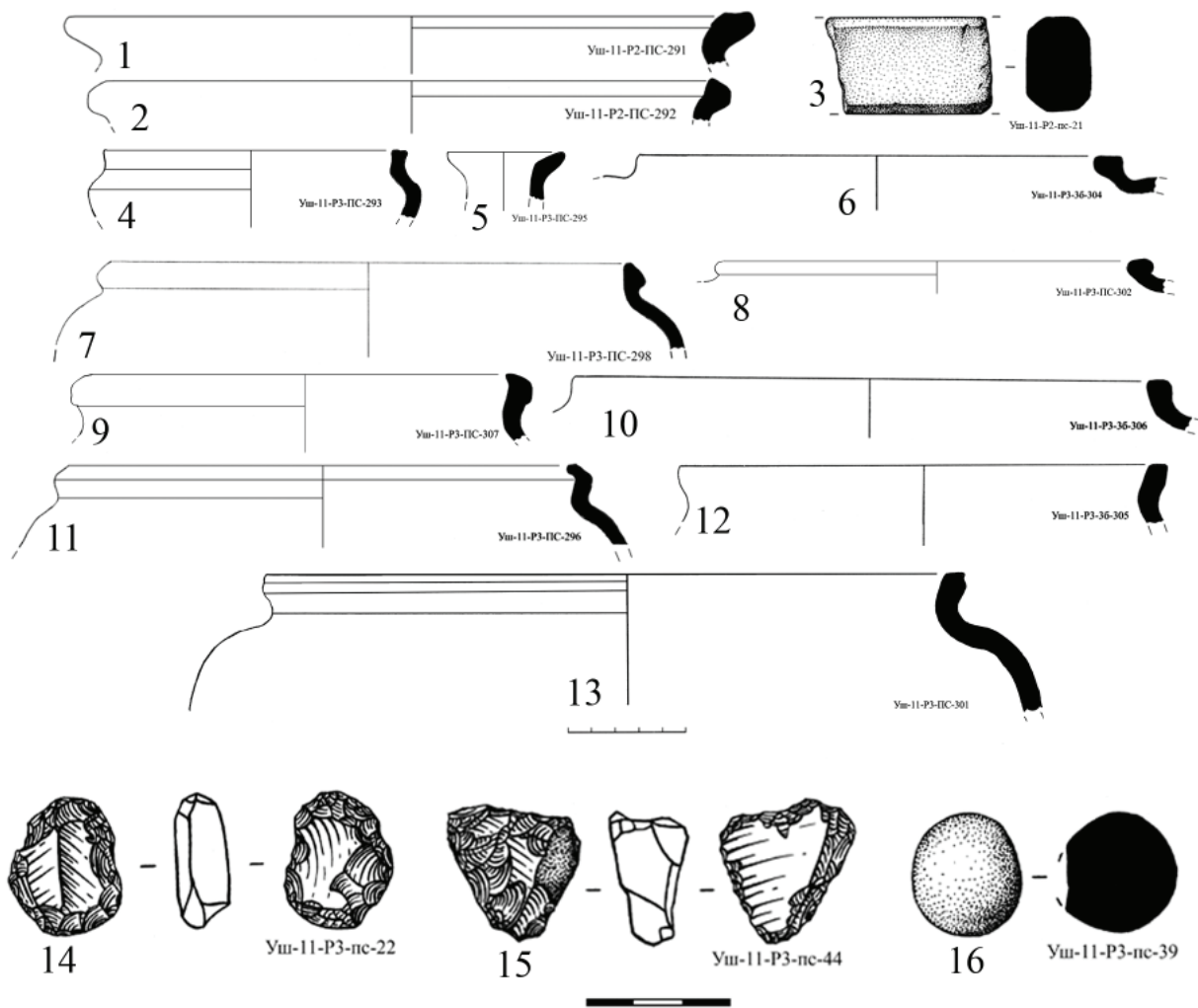

Рис. 26. Урочище Ушково. Раскоп № 2. Находки из пахотного слоя: 1, 2 – типы горшков; 3 – сланцевый оселок. Раскоп № 3. Находки из пахотного слоя: 4, 5, 7, 11, 13 – типы керамической посуды; 14, 15 – кремневые отщепы; 16 – глиняный шарик. Находки из комплекса: 8 – горшок. Находки из заполнения борозд: 6, 9, 10, 12 – типы горшков

рис. 25: 7). Подковки № 12 и 37 имеют по три гвоздевых отверстия и относятся к первому типу (по Колчину). Подковка № 8 имеет пять гвоздевых отверстий. Согласно общему мнению, обувные подковки начали использоваться на Руси с XVI–XVII вв., однако в Новгороде они также найдены в слоях XIV–XV вв. (Колчин, 1959. С. 108–109; Гайдуков, 1992. С. 95). Следует полагать, что экземпляры из Ушково датируются XVII–XVIII вв.

Ножи найдены в слое дерна (инв. № 6; рис. 5: 3), в пахотном слое (инв. № 15, 60; рис. 10: 7, 8), в комплексе № 5 (инв. № 35; рис. 25: 5), в комплексе № 9 (инв. № 34; рис. 13: 10). Нож инв. № 6 (с об-

ломанным лезвием) – широколезвийный (ширина лезвия 2,8 см, ширина спинки 0,4 см); инв. № 60 (с обломанным лезвием) – однотипный с предыдущим, но лезвие более узкое (2,2 см, ширина спинки 0,3 см); инв. № 15 (обломок лезвия) – с округлым кончиком (столовый?; ширина лезвия 2,5 см, ширина спинки 0,2–0,3 см); инв. № 34 (лезвие) – с конусообразным (клиновидным) кончиком (длиной 6,2 см, ширина лезвия у черенка 2 см, спинки 0,2 см); № 35 – железная часть рукояти ножа (черенок; длиной 6,5 см, шириной 1 см, толщиной до 0,5 см).

Обе пряжки обнаружены в заполнении комплекса № 5. Первая, вероятно, поясная, прямоугольной

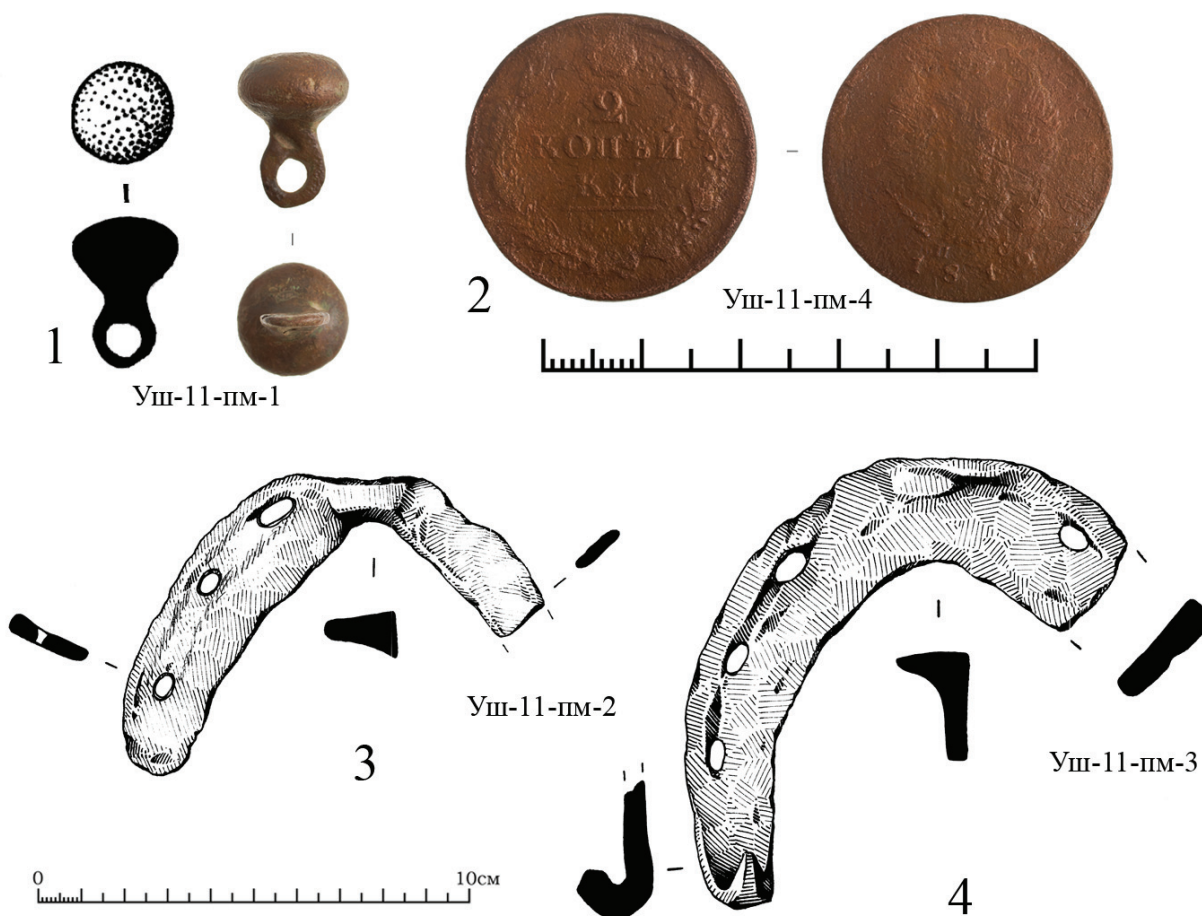

Рис. 27. Урочище Ушково. Находки. Подъемный материал: 1, 2 – изделия из цветного металла (1 – пуговица, 2 – монета); 3, 4 – изделия из железа (подковы)

формы 3,2 x 3 см с уплощенным приемником (инв. № 23; рис. 25: 1), вторая – подпружная (?), прямоугольной формы 5,4 x 3 см (инв. № 56; рис. 25: 2). В этом же комплексе найдено единственное кольцо диаметром 5,2 см, в сечении 0,5 см (инв. № 42; рис. 25: 3), и обломок дверной петли (жиковины?) в виде трапеции с тремя круглыми гвоздевыми отверстиями (инв. № 24; рис. 25: 4).

В слое дерна обнаружена интересная и редкая находка – обломок втульчатого широколопастного с покатыми плечиками наконечника пахотного орудия (инв. № 63; рис. 5: 6). В верхней части орудие имеет загибы, образующие несомкнутую втулку (трубицу), округлой в поперечном сечении формы; ее внешний диаметр 4,5 см, внутренний 3,5 см, длина около 5 см. Рабочая часть (лопасть) обломана у самого окончания загибов втулки, максимальная ширина сохранившейся части составляет 11 см.

Отсутствие рабочей части (лопасти), малые размеры втулки, поперечное сечение и двусторонние плечики орудия, найденного в урочище Ушково, позволяют соотнести его только с двумя типами наконечников, а точнее железными деталями пахотных орудий, – с дополнительными лопатовидными наральниками Восточной Европы для особой разновидности рал с полозом и железными полицами, приспособлениями для отваливания пласта земли у русской сохи. Дополнительные лопатовидные наральники известны в Восточной Европе и южных районах Руси, где они датируются I тыс. н.э. Самый поздний из них найден в Гомеле в слое XIII в. Длина наконечников колеблется от 14–15 см до 30–33 см, ширина втулки 3,8–5 см. Поперечное сечение втулки всегда округлое, лопасть прямая в продольном сечении, имеет большую ширину, чем втулка (Краснов, 1981. С. 63).

Ряд исследователей считают древнейшие наконечники пахотных орудий восточного славянства, обнаруженные в Новгородской земле, а точнее в Старой Ладогe, наральниками, отличающимися по форме от сошников лесной полосы, попавшими сюда «из районов с достаточно развитой агротехникой» (Конецкий, 2000) или «занесенными из южной Руси» (Левашова, 1956. С. 25), которые «имеют поразительное сходство с наральниками из поселений культуры полей погребений первой половины I тыс. н.э. на Среднем Поднепровье» (Кирьянов, 1959. С. 315; Довженок, 1952. С. 136). Согласно этой точке зрения, предположение о возможности появления дополнительных втульчатых наральников на Северо-западе представляется вполне допустимым. Между тем, с наибольшей долей вероятности, наконечник из Ушково следует считать сошной полицей. Этнографические материалы показывают, что полицы (точнее, ее железная часть – наконечник) были разных типов и форм, в том числе и в виде втульчатой железной лопаточки с плечиками. Появление сохи с полицей, как этап дальнейшей эволюции русской сохи, по мнению ряда исследователей, следует относить не позднее XV–XVI вв. (Горский, 1965. С. 30; Конецкий, 2000). В археологических материалах сошные полицы немногочисленны, самые ранние из них датируются XIII–XV вв., ареал распространения – от Прибалтики до Среднего Поволжья (Левашова, 1956. С. 32: № 16, 22; С. 33: № 26; С. 35–37; Краснов, 1986. С. 107, 114, 115). В письменных источниках сохи с полицами впервые упоминаются в правовой грамоте 1543 г., к этому же столетию относятся и первые их изображения на книжных миниатюрах. В рукописи «Круг миротворный» конца XVI – начала XVII вв. сошная полица изображена в виде «лопатки широкой сверху и сужающейся книзу» (Горский, 1965. С. 28–29). Опубликованные В. П. Левашовой две полицы из собрания ГИМ, найденные в Московской области, имеют узкую и короткую втулку и рабочую лопасть одинаковой ширины по всей длине (или слегка расширяющуюся к нижнему краю) с плечиками шире втулки, нижний край подпрямоугольный. Еще одна полица, найденная в мордовском могильнике, имеет треугольную форму (Левашова, 1956. С. 36, 37). Соха с полицей применялась в крестьянских хозяйствах до конца XIX в.

Обе крицы, взятые в коллекцию, находились на дне комплекса № 1 раскопа № 1. Они похожи на толстую лепешку или уплощенный круглый хлеб: одна размерами 20 x 17 см, толщиной 8 см и весом 3,8 кг; другая размерами 16 x 15 см, толщиной 6,5 см, весом 2 кг (инв. № 66, 67; рис. 16: 1, 2). На сломе второй крицы видно ее губчатое строение,

состоящее из металла, шлаковых включений и пустот. Это, несомненно, заготовки или брак товарных криц, поставляемых производителями на продажу. Близкие по форме, размерам и весу крицы найдены в Новгороде в слоях XI–XIV вв. и на других памятниках средневековой Руси (Колчин, 1959. С. 12; 1985. С. 247, табл. 91: 8, 9).

Еще две находки, происходящие из слоя дерна раскопа № 1, возможно, следует атрибутировать как фрагменты столярных инструментов (инв. № 61, 64; рис. 5: 4, 5).

IV. *Изделия из камня.* Найдено 20 артефактов: 17 в раскопе № 1, один в раскопе № 2, два в раскопе № 3. В их составе три сланцевых оселка, два точильных камня, девять каменных грузил, шесть кремневых изделий и отщепов.

Два оселка, найденные в слое дерна (инв. № 1; рис. 4: 3) и в заполнении комплекса № 5 (инв. № 48; рис. 24: 8) раскопа № 1, идентичны и представляют собой небольшие узкие сланцы (для заточки ножей и т.п.) с отверстиями для подвешивания. Оселок, найденный в пахотном слое раскопа № 2, – обломок крупного обработанного сланца со скошенными продольными гранями в форме восьмиугольника в сечении, размерами 6,5 x 4,1 x 2,8 см (инв. № 24; рис. 26: 3).

Оба точильных камня найдены на раскопе № 1: один (инв. № 29, рис. 24: 9) в комплексе № 5, другой (инв. № 62, рис. 14: 14) в комплексе № 17. Точильный камень из комплекса № 5 представляет собой обломок уплощенного камня размерами 11 x 7,3 см, толщиной 4 см, с подработанными краями и заостренным концом. Точильный камень из комплекса № 17 – плоский камень четырехугольной формы, размерами 7 x 6,3 см, толщиной 1,6 см.

Все каменные грузила, в количестве девяти, происходят из раскопа № 1: одно из дерна (инв. № 65; рис. 4: 5), три из пахотного слоя (инв. № 17, 19, 54; рис. 10: 9), два из комплекса № 1 (инв. № 25, 52; рис. 16: 3), два из комплекса № 5 (инв. № 27, 46; рис. 24: 7) и одно из комплекса № 20 (инв. № 51; рис. 15: 6). Грузила представляют собой небольшие уплощенные камни, в основном из белого известняка или других мягких пород камня, с просверленными отверстиями. Такие камни использовали в качестве грузил для сетей и неводов. По письменным данным известно, что одним из основных занятий населения Поозерья было рыболовство. В Писцовых книгах упоминаются и способы ловли рыбы поозерцами с помощью бродов, невода, уды (Великий Новгород, 2007. С. 394–395).

Также обнаружено шесть кремневых предметов: четыре в раскопе № 1 (инв. № 2, 57, 58, 36) и два в раскопе № 3 (№ 22, 44). Из дерна на раскопе № 1 происходит одна находка (инв. № 2; рис. 4: 4), из пахотного слоя – две находки (инв. № 57, 58; рис. 10: 10), из комплекса № 5 – одна находка (инв. № 36), из пахотного слоя на раскопе № 3 происходят две находки (инв. № 22 и 44; рис. 26: 14, 15).

Следует полагать, что две находки служили ружейными кремнями (инв. № 2, 58), остальные являлись отщепами или кремневыми сколами, которые могли использоваться в качестве кресала, на части из них сохранилась галечная корка.

V. *Изделия из глины.* Найдено четыре артефакта: три в раскопе № 1 и один в раскопе № 3, один из них фрагмент грузила (инв. № 59) и три шарика (инв. № 53, 38, 39). Шарика, по одному, найдены в комплексах № 1 и № 5 на раскопе № 1 (рис. 16: 4; 24: 6) и в пахотном слое на раскопе № 3 (рис. 26: 16). Они представляют собой небольшие шарики из обожженной глины, диаметром 2,4–3 см. Похожие изделия найдены на большой территории – от северо-западных (Петербург [Охта 1], Новгород) до южных земель России (Старая Рязань) – и датируются весьма широко – от домонгольского периода до XVII–XVIII вв. Такие находки трактуются как шарики для различных игр (Гайдуков, 1992. С. 109; Сорокин и др., 2009. С. 200) или детские игрушки в виде изображения круглых хлебов (Воронин, 1948. С. 264). Возможно, это шарики от детских погремушек (Гайдуков, 1992. С. 88) или от пращи (для охоты?). Четвертое изделие из глины – фрагмент грузила с отверстием (инв. № 59), найденный в пахотном слое на раскопе № 1.

VI. *Изделия из стекла.* В коллекцию включена только одна находка – половина бусины синего цвета (инв. № 33; рис. 24: 5). Найдена в комплексе № 5 на раскопе № 1. По определению Я. В. Френкеля (Государственный Эрмитаж), бусина относится к периоду XVII–XIX вв.

VI. *Изделия из кости.* Данная категория представлена одной находкой из комплекса № 5 на раскопе № 1 – астрагалом коровы или быка с вставленным в него железным стержнем (инв. № 55; рис. 25: 8), который использовался для игры в бабки. По этнографическим сведениям, кости, отобранные для биты, для утяжеления заливались оловом или свинцом в отверстие, просверленное в бабке (Покровский, 1994. С. 320–321).

Керамика

На трех раскопах было обнаружено 6502 керамические находки, из которых 441 ед. красноглиняной, 4399 ед. сероглиняной, 1662 ед. белоглиняной керамики, датируемых в целом концом XV/XVI – XIX вв. Находки представлены фрагментами горшков, корчаг, мисок, кувшинов, фляжек, крышек, подсвечников, форм для выпечки. Целых изделий не найдено. Материал распределился следующим образом. На раскопе № 1 найдено 6093 фрагмента изделий, в составе которых 381 ед. красноглиняной, 4245 ед. сероглиняной, 1467 ед. белоглиняной керамики. Из дерна происходят 185 находок (17 ед. красноглиняной, 119 ед. сероглиняной, 49 ед. белоглиняной керамики); из пахотного слоя – 3520 находок (249 ед. красноглиняной, 2236 ед. сероглиняной, 1035 ед. белоглиняной керамики); из комплексов – 2388 находки (115 ед. красноглиняной, 1890 ед. сероглиняной, 383 ед. белоглиняной керамики). На раскопе № 2 найдено 144 находки, среди которых 17 обломков красноглиняной, 44 обломка сероглиняной, 83 обломка белоглиняной керамики. Все были обнаружены только в пахотном слое раскопа. На раскопе № 3 найдено 265 фрагментов, в составе которых 43 обломка красноглиняной, 110 обломков сероглиняной, 112 обломков белоглиняной керамики. Из пахотного слоя происходят 227 находок (33 ед. красноглиняной, 104 ед. сероглиняной, 90 ед. белоглиняной керамики); из заполнения борозд – 32 фрагмента (10 ед. красноглиняной, шесть ед. сероглиняной, 16 ед. белоглиняной керамики); из комплекса – шесть фрагментов белоглиняной керамики.

Часть красноглиняной керамики покрыта поливой разного цвета – в основном зеленой, но встречается желтая и коричневая. Несколько фрагментов белоглиняной керамики также покрыты зеленой поливой. Зафиксированы отдельные черепки белоглиняной керамики со следами обвара и сероглиняной с ангобом и следами оплетки. На некоторых фрагментах сероглиняной и белоглиняной керамики отмечен нагар. В коллекцию отобрано 307 экз., представленных фрагментами венчиков, донышек, стенок с орнаментом, крышек, ручек, носиков, горлышек.

При анализе керамической коллекции, исходя из сорта глины, используемой при изготовлении керамических изделий, вместо трех, было выделено четыре категории находок (из сероглиняной выделена категория светлоглиняной керамики).³

³ Анализ керамического материала проведен научным сотрудником ИИМК РАН В. И. Кильдюшевским.

Красноглиняная керамика в коллекции представлена 49 экз., сероглиняная (включая фрагмент чернолощеного сосуда) – 163 экз., светлоглиняная – 53 экз. и белоглиняная – 42 экз.

После первичной обработки всех керамических находок для сравнительного анализа был привлечен коллекционный материал (307 экз.). Типологизация керамики в основном происходила на основании венчиков горшков, составляющих около 68 % от всех керамических находок коллекции, а также фрагментов кувшинов, мисок и крышек.

Классификация

Горшки (213 находок: венчики, донца, стенки с орнаментом, один профиль сосуда; рис. 6; 7; 8: 1–6; 12: 1, 2, 4, 5; 13; 14: 6–12; 15: 2, 7, 8; 26). Наиболее ранним типом керамики являются невысокие горшки с четко выделенным плечиком и шейкой. Край венчика утолщен, косо срезан наружу, в единичных случаях – срезан горизонтально. Как правило, большая часть горшков этого типа изготовлена из беложгущейся глины с двух–трехслойным обжигом (инв. № 1, 3, 4, 6, 14, 15, 27, 29, 32, 114, 115, 117, 255, 302, 303). Некоторые из них украшены линейным орнаментом. Эти типы характерны для слоев XV–XVI вв. в Новгороде, Орешке, Кареле. В Пскове наиболее ранние его варианты появляются в конце XV – начале XVI в. и бытуют в XVI–XVII вв. (тип X по типологической шкале Пскова; Кильдюшевский, 2002. С. 14, 17, рис. 6: 1–6).

К ранним типам горшков относятся также типы VI (инв. № 249, 254, 255, 268, 281, 277) и IX (инв. № 272, 278, 282; Кильдюшевский, 2002. С. 12–15, рис. 2: 13–18; 3: 13–18). Это горшки с довольно четко выраженным плечиком и шейкой. У типа VI край венчика, треугольный в сечении, отогнут наружу, утолщен и, как правило, косо срезан. Все они изготовлены из серой или красножгущейся глины. Горшки типа VI в Пскове появляются на рубеже XIV–XV вв. Поздние варианты этого типа бытуют в XVI–XVII вв. Они также встречены в поздних слоях Новгорода, Орешка, Ям. Горшки типа IX в Пскове являются самыми массовыми для XVI–XVII вв.

Значительная часть венчиков относится к поздним вариантам VII типа (Кильдюшевский, 2002. С. 12, рис. 5). Это горшки с высокой шейкой, слабо выраженным плечиком. Край венчика отогнут наружу и косо срезан. Большинство из них изготовлены из серой глины с примесью мелкого песка с двух–трехслойным обжигом, отдельные экземпляры – из красножгущейся и светложгущейся глины (инв. № 183, 189, 190, 197, 200, 208, 211,

212, 217, 229–232, 236 и др.). Бытуют до середины XVII в.

Еще одну небольшую группу образуют горшки с высокой прямой шейкой, отогнутой наружу или вовнутрь. Край слегка утолщен, заострен и оттянут наружу. Все они изготовлены из серой глины с примесью мелкого песка, имеют хороший двух–трехслойный обжиг (инв. № 163, 165, 176–178, 180, 236, 237). Скорее всего, они появляются в середине XVII в. и бытуют в начале XVIII в.

Остальные формы горшков можно отнести к концу XVII–XVIII вв. В основном это горшки с высоким венчиком, округлым плечиком. Край, как правило, закруглен и имеет небольшое утолщение с наружной или внутренней стороны. Оно появляется при обработке края верха сосуда с помощью ножа, когда излишки глины срезаются и заворачиваются снаружи или вовнутрь. По большей части они изготовлены из светло-серой, хорошо отмученной глины с примесью мелкого просеянного песка (инв. № 5, 9, 16, 19, 21, 23, 34, 260, 261 и др.). Обжиг хороший, черепок плотный. В изломе двухслойный или однослойный, имеет ровную толщину стенок. Судя по следам обработки поверхности, сосуды изготовлены на быстровращающемся гончарном круге. Встречены черепки с подлощением и пятнами обвара. Единичные фрагменты покрыты желто-зеленой (XVIII в.; инв. № 44) и коричневой поливой (XIX в.; инв. № 245).

Кувшины (12 находок: горло, венчики, ручки; рис. 8: 7–9; 23: 1–5). Изготовлены из беложгущейся и светложгущейся глины (инв. № 2, 11–13, 48, 49, 113, 147, 154, 221, 294, 299). Аналогичны найденным в различных городах Новгородской земли и датируются XVI–XVII вв. Представляют собой высокие сосуды с узким горлом и сливом. В верхней части расположена ручка, овальная или круглая в сечении.

Миски (29 находок; рис. 9: 1–6; 12: 3; 13: 3–5; 14: 3, 5, 13; 15: 1, 3–5, 9; 23: 6–12). Миски – невысокие сосуды в виде усеченного конуса, как правило, с прямыми или округлыми стенками (инв. № 7, 8, 18, 50, 51, 53–57, 93, 95, 99, 104, 105, 107, 108, 145, 146, 181, 240, 250, 252, 259, 267, 271, 280, 288, 297). Край миски срезан горизонтально (инв. № 57, 240, 252, 297) или с небольшим наклоном вовнутрь (инв. № 18, 55, 56, 250). Миски являются столовой посудой, но, судя по нагару, некоторые из них могли использоваться и для приготовления пищи (кухонная посуда). В основном датируются XVII–XVIII вв., наиболее ранние из них относятся к концу XVI – началу XVII вв. (инв. № 250). Изготавливались из всех типов глины.

Крышки (46 находок; рис. 9: 7–11; 23: 13–18). Представленные в коллекции крышки делались в виде конуса небольшой высоты с сильно распластанным краем и с ручкой в центре (инв. № 52, 58–92, 94, 96–98, 109, 110, 157, 239, 285, 287). Края крышек косо срезаны и часто имеют небольшой выступ для лучшего прилегания к горлу сосуда. Крышки появляются не ранее XV в. и наибольшее распространение получают в XVI–XVII вв. В коллекции представлены наиболее поздние варианты I и II типов (Кильдюшевский, 2002. С. 14, 17, рис. 6: 13–15, 17). Изготовлены из серожгущихся и красножгущихся глин. Одна крышка относится к белоглиняной керамике (инв. № 157).

Формы (две находки). В комплексах № 11 и № 16 на раскопе № 1 найдены два фрагмента (инв. № 264, 269; рис. 14: 1) от одной или двух одинаковых форм, вероятно, для выпечки куличей (?). Фрагменты изготовлены из красножгущейся плотной глины, внутри покрыты темно-зеленой поливой, по внешней стороне под венчиком украшены четырехрядной волной. От края плечика до дна, вероятно по всему тулову формы, располагались вертикальные, с небольшим наклоном желоба. Подобные формы редки и встречаются в поздних слоях русских городов (Псков, Тверь, Тихвин и др.). Следует полагать, что форма относится к концу XVII – XVIII вв.

К единичным находкам относятся фрагменты горла фляги или штофа (?) (инв. № 10, 24; рис. 9: 12, 13), ножка подсвечника (?) (инв. № 46; рис. 9: 14), донце баночки (?) (инв. № 270; рис. 17: 2) и два слива (инв. № 246, 295). Находка № 246 представляет собой фрагмент носика, изготовленного из красножгущейся глины, покрытого коричнево-зеленой поливой и украшенного сверху парой завитков-«баранчиков» (рис. 12: 6). Такие носики, как правило, относятся к ручомойникам. В Пскове ручомойник со сливом в виде головы барана найден в слое второй половины XVII в. (Кильдюшевский, 2002. С. 20).

В хронологическом отношении керамическая коллекция может быть поделена на шесть групп: наиболее ранняя группа конца XV – XVI вв. (52 ед.), XVI–XVII вв. (51 ед.), XVII в. (61 ед.), XVII–XVIII вв. (59 ед.), XVIII в. (81 ед.), XIX в. (3 ед.).

Заключение

В результате раскопок, проведенных в урочище Ушково в 2011 г., была вскрыта площадь 200 кв. м. В трех раскопах зафиксирована стратиграфия участка (почвенные и культурные слои), исследованы 23 комплекса (ямы) на раскопе № 1 и один комплекс (яма) на раскопе № 3. Найдены материалы рубежа

XV/XVI – XIX вв., собрана коллекция предметов (71 инв. №) и коллекция керамики (307 инв. №).

Следует полагать, что 22 ямы (из 23) на раскопе № 1 являются остатками производственного комплекса по выплавке кричного железа из болотной или озерной руды: на месте ямы № 5 размещалась углубленная в материк часть конструкции горна – котлован-шлакосборник, а на месте ямы № 1 – участок складирования готовой продукции – криц. Расположенные вокруг комплексов № 1 и № 5 столбовые ямы – следы столбовой конструкции: постройки или навеса над всем комплексом. Остальные ямы, кроме современной № 20, также связаны с железоплавильным комплексом – во всех найден шлак, ошлакованная керамика, фрагменты кричного железа или железный шлак, уголь, обломки кирпичей, фрагменты печной обмазки, обожженные камни, керамические и индивидуальные находки XVI–XIX вв.

Полученные археологические материалы позволяют реконструировать историю хозяйственного освоения исследуемого участка. По всей видимости, до рубежа XV–XVI вв. поле не использовалось интенсивно, поскольку находки, датируемые более ранним временем, отсутствуют. Часть находок имеет широкий период бытования – от классического средневековья до нового времени. Вероятно, постройки и сооружения локализуемой здесь с XII в. деревни Ушково находились за пределами территории исследования. Само поле с XII до XVI в. могло служить пашней. Об Ушковской оралице (т.е. пашне, пахотном поле) упоминается в грамоте Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю в 1134 г. Отсутствие ранних материалов может свидетельствовать о слабом использовании пашни, малодворности деревни (в XV в. она состояла из четырех дворов), отсутствии или незначительном применении навоза для удобрений, с которым значительная часть керамики попадала на поля. Возможно, поле служило для выгона скота. С XVI в. поле активно использовалось под пашню. Распределение керамического материала по всему полю и его характер – обилие форм сосудов и небольшие размеры фрагментов – позволяют предположить, что керамика попадала сюда вместе с навозом. В начале XVII в. на краю поля появляется производственный комплекс с горном для выплавки кричного железа, существующий до середины XVIII – начала XIX вв. Комплекс располагался в некотором отдалении от деревни, по-видимому, в целях пожарной безопасности. Концентрация керамики на участке производственного комплекса (раскоп № 1; 6093 фрагмента) в тысячи раз превышает концентрацию керамики на других

участках поля (144 фрагмента на раскопе № 2 и 265 фрагментов на раскопе № 3).

Железоплавильные комплексы, но более раннего времени (X–XIII вв.), также найдены в других местах Приильменя. Крупный железоделательный комплекс открыт С. Н. Орловым рядом с Антониевым монастырем, где были найдены остатки печей, шлаки, выплавленное железо в виде криц, напоминающих «большие круглые буханки хлеба» (Конечкий, Носов, 1985. С. 69). Остатки металлургических конструкций, состоявших из углубленных в материк котлованов со ступеньками, похожих на найденные в урочище Ушково, открыты на поселениях Заручевье IV Окуловского района (Торопов, 2005. С. 224–229).

Источники и литература

- Абрамович Г. В., 1963. Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (Коробья, Копна, Обжа) // Проблемы источниковедения. М. Т. 11.
- Андрияшев А. М., 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская Пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Т.1: Списки селений. Т.2: Карты погостов. М.
- Анкудинов И. Ю., 2007. Предварительные итоги историко-географического изучения Ильменского Поозерья конца XV в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 21: Материалы научной конференции (Новгород, 23–25 января 2007 г.).
- Великий Новгород, 2007. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь. СПб.
- Воронин Н. Н., 1948. Пища и утварь // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л. Т. 1: Материальная культура.
- Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец Средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Горский А. Д., 1965. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI–XVII вв. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М. Сб. VI.
- Довженок В. И., 1952. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н.э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. М.
- Еремеев И. И., 2010. Отчет о работе Восточно-Приильменского отряда Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН в 2008 г. СПб.
- Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Кирьянов А. В., 1959. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. // Труды новгородской археологической экспедиции. М. Т. 2 (МИА, № 65).
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды новгородской археологической экспедиции. М. Т. 2 (МИА, № 65).
- Колчин Б. А., 1985. Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Конечкий В. Я., Носов Е. Н., 1985. Загадки новгородской округи. Л.
- Конечкий В. Я., 2000. Изучение древнейших пахотных орудий Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 14.
- Корецкий В. И., 1955. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. № 5.
- Краснов Ю. А., 1981. Рало из Токаревского торфяника // Славяно-русская археология. М. (КСИА. № 164).
- Краснов Ю. А., 1986. Ранняя история сохи // СА. №1.
- Левашова В. П., 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 32).
- Материалы по статистике Новгородской губернии, собранные и обработанные статистическим отделением новгородской губернской земской управы, 1884. Новгород: III. Списки населенных мест и сведения о селениях Новгородской губернии. Новгородский уезд.
- Носов Е. Н., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н.э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. М.

- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. СПб.
- Носов Е. Н., 2011. Отчет о полевых археологических работах Юрьевского отряда Новгородской областной экспедиции в 2010 г. СПб.
- Повесть временных лет, 1950. Перевод Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. М.; Л.
- Покровский Е. А., 1994. Детские игры преимущественно русские. СПб. (Переиздание книги: М., 1895).
- Сорокин П. Е., Поляков А. В., Иванова А. В., Михайлов К. А., Лазаретов И. П., Гукин В. Д., Ахмадеева М. М., Глыбин В. А., Попов С. Г., Семёнов С. А., 2009. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г. Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.
- Торопов С. Е., 2005. Черная металлургия на территории Приильменя в конце I – начале II тыс. н.э. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 19.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 2002. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции (Новгород, 22–24 января 2002 г.). Великий Новгород. Вып. 16.

Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году

С. В. Александров, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков

Саянская археологическая экспедиция была сформирована в ИИМК РАН в 2009 г. в связи с началом работ по проектированию железнодорожной линии Кызыл–Курагино (начальник экспедиции А. В. Поляков). В ее задачу входит изучение и сохранение объектов историко-культурного наследия, которые могут пострадать в результате реализации этого крупного инфраструктурного проекта. В период 2009–2011 гг. двумя отрядами под руководством А. В. Полякова (Курагинский и Каратузский районы Красноярского края) и Н. А. Боковенко (Ермаковский район Красноярского края) активно проводились разведки, в результате которых было выявлено 40 ранее неизвестных памятников археологии. В 2011 г. на двух памятниках были произведены небольшие рекогносцировочные работы для уточнения их характеристик: на поселении Старая Копь 1-2 вскрыто 152 кв. м (Поляков, 2012) и раскопан один курган могильника Маральское 2.

В 2012 г. при активной поддержке Русского Географического Общества (РГО) начаты планомерные исследования значительной серии памятников, попадающих в зону проектируемого строительства железной дороги Кызыл–Курагино. Для проведения работ развернуты четыре самостоятельных отряда: один возле райцентра Курагино, а еще три в долине реки Иджим, где наблюдается наибольшая концентрация выявленных археологических памятников. Там же, на берегу реки Ус, расположен базовый лагерь РГО «Ермак», в котором проживало до 80 волонтеров, оказавших значительную помощь в проведении раскопок.

Первый (Тубинский) отряд Саянской экспедиции под руководством А. В. Полякова проводил исследования четырёх памятников поселенческого типа, которые могли быть полностью уничтожены или частично пострадать в ходе реализации проекта по строительству железной дороги. В работе отряда принимали участие археологи: П. Б. Амзараков, С. А. Васильев, Ю. А. Гревцов, О. В. Ковалёва, С. В. Морозов.

Поселение Рощинское 1 расположено в 1,6 км к востоку от поселка Рощинский Курагинского района Красноярского края на довольно крупном песчаном

холме, который подвергался регулярной распашке. В ходе работ на трех раскопах на небольших отдельных вершинках было вскрыто 2054 кв. м, из них около 400 кв. м поисковыми траншеями. В результате выявлено 29 объектов, интерпретированных как хозяйственно-бытовые ямы, обнаружено около 900 единиц находок, среди которых были изделия из бронзы (два шила, лезвие бронзового ножа), камня и кости, а также многочисленные фрагменты керамики. Можно констатировать, что свидетельств постоянного проживания древнего населения на этой площадке не обнаружено. Культурный слой практически полностью уничтожен современной сельскохозяйственной деятельностью и сохранился только в небольших ямах, содержащих минимальное количество артефактов. По сумме признаков этот памятник логичнее рассматривать как местонахождение.

Значительно больший интерес представлял расположенный в непосредственной близости (800 м к юго-востоку) памятник Рощинское 2, который первоначально рассматривался именно как местонахождение (общая вскрытая площадь 1075,5 кв. м). Он также находился на пахотном поле, и значительная часть культурного слоя была полностью уничтожена. Однако в южной половине сравнительно небольшой возвышенности был выявлен комплекс из трех довольно крупных западин со следами столбовых конструкций (полуземлянки), вокруг которых насчитывалось 26 хозяйственных ям различных форм, типов и назначения, диаметром от 0,35 до 2,65 м, их глубина колеблется от 0,23 до 1,50 м (рис. 1). Внутри заполнения ям встречаются кости животных и фрагменты керамики. Близкое число ям обнаружено и в самих постройках. Обращает на себя внимание, что все три сооружения разнятся по форме, типу и ориентации. В одном из них отсутствовали следы очага. Это позволяет полагать, что все три объекта имели разное назначение: собственно жилищем можно считать только одно из них, тогда как остальные являлись хозяйственными постройками. Таким образом, перед нами комплекс сооружений, которые можно рассматривать как некоторую обособленную хозяйственную единицу (хутор).

В составе находок следует отметить серию фрагментов каменных оселков и грузил, аргиллитовую

Рис. 1. Местонахождение Роцинское 2. Объект № 2 (жилище). Вид с северо-востока

застежку, костяной наконечник стрелы, бронзовое шило, лезвие бронзового ножа, каменный «утюжок», две шлифованные костяные проколки. Большинство находок представлено фрагментами керамических сосудов.

В одной из ям на окраине памятника обнаружено безинвентарное захоронение пяти человек (двое взрослых и три подростка) и собаки (рис. 2). Тела были сброшены в нее в беспорядке, сопроводительный инвентарь отсутствовал. Кроме того, следует отметить, что в других ямах также были обнаружены еще три скелета собак (рис. 3).

Третий памятник, где продолжались работы, начатые еще в 2011 г., – это поселение Старая Копь 1, расположенное на правом берегу реки Амыл в Каратузском районе Красноярского края. В ходе работ было установлено, что памятник состоял из трех обособленных участков, расположенных вдоль края высокого обрыва, где прослежен культурный слой и обнаружены археологические объекты и находки. Полностью был исследован средний Участок 2 площадью 1450 кв. м. Выявлено 17 объектов, из которых один может быть интерпретирован как жилище. Обнаружено свыше 300 находок, среди которых особо отметим удила, которые можно уверенно

датировать VI в. до н.э. Керамика, найденная в процессе раскопок 2012 г., аналогична той, которая была собрана в результате работ 2011 г. Она может быть датирована финалом подгорновского этапа тагарской культуры.

Очень большое научное значение имеют раскопки четвертого памятника – Ирба 2, где вскрыто 3262,2 кв. м. площади. Этот памятник расположен на северо-восточной окраине поселка Курагино. На нем найдены материалы разных археологических эпох, начиная с позднего палеолита и заканчивая средневековьем. По предварительному заключению С. А. Васильева, культурный слой эпохи палеолита, вскрытый на площади не менее 400 кв. м относится к афонтовской археологической культуре, существовавшей в Минусинской котловине и ее горном окружении в позднесартанское время (15–10 тыс. лет назад). Кроме того, также найдены материалы, датируемые эпохой ранней и поздней бронзы. Более всего были представлены находки, относящиеся к скифскому времени. Завершают хронологическую колонку памятника единичные находки эпохи средневековья, аналогии которым можно найти среди материалов, полученных Н. В. Леонтьевым при исследованиях в Казыр-Кизырском междуречье. Работы на памятнике были закончены только в кон-

Рис. 2. Местонахождение Роцинское 2. Объект 6. Вид с востока

Рис. 3. Местонахождение Роцинское 2. Объект № 27 (деталь). Вид с севера

це октября, в связи с этим даже первичные данные о памятнике еще находятся в стадии обработки.

Помимо раскопок, Тубинским отрядом Саянской экспедиции проводились мероприятия по обеспечению сохранности памятников, расположенных вблизи проектируемой трассы, и дополнительные обследования, в ходе которых заложено более 150 шурфов, в том числе глубиной свыше 3 м с целью поиска памятников палеолита. В результате этих дополнительных исследований было выявлено два ранее неизвестных памятника поселенческого типа – Ирба 2 и Ирба 3, расположенные в Курагинском районе на правом и левом берегах реки Ирба, соответственно.

Второй отряд Саянской экспедиции под руководством Н. А. Боковенко проводил исследования в верхнем и среднем течении реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края). На могильнике Маральское 2 (I тыс. до н.э.) было исследовано семь курганов, сложенных из массивных круглых каменных насыпей диаметром 6–10 м и высотой до 1 м (рис. 4; 5). В каменных ящиках обнаружены захоронения людей в скорченном положении, головой на запад. Могилы ограблены. Обнаружены

остатки глиняной посуды, каменные чаша и пестик (рис. 6). Под некоторыми курганами прослежен культурный слой эпохи бронзы. В нем встречены фрагменты орнаментированной керамики и кремневый наконечник стрелы (рис. 7). В межкурганном пространстве восточнее кургана 3 на уровне современной дневной поверхности открыты прямоугольные каменные выкладки (размерами 2,00 x 0,80 м) от сложного ритуально-поминального сооружения, относящиеся к III–II тыс. до н.э. Аналогичный памятник был исследован на могильнике Аргалыкты 2 в 1965 г. Саяно-Тувинской экспедицией А. Д. Грача.

Также исследовано поселение Черноусово 3, которое находится на правом берегу р. Иджим на 260,6 км проектируемой новой железной дороги Курагино–Кызыл. В восточной части оно частично уничтожено при строительстве автодороги в 60-х гг. XX в. Стратиграфия стенок обрыва, обращенного к реке, на глубине 0,20–0,30 м от современной дневной поверхности включала горизонт с находками. Под дерновым слоем в шурфе были найдены фрагменты орнаментированной керамики и колотые кости копытных животных. Территория поселения подвергалась распашке.

Рис. 4. Курганный могильник Маральское 2. Курган 2. Вид с запада

Рис. 5. Курганный могильник Маральское 2. Курган 2. Вид с юга

Рис. 6. Курганный могильник Маральское 2. Курган 2. Каменные пестик и ступка, найденные внутри ограды

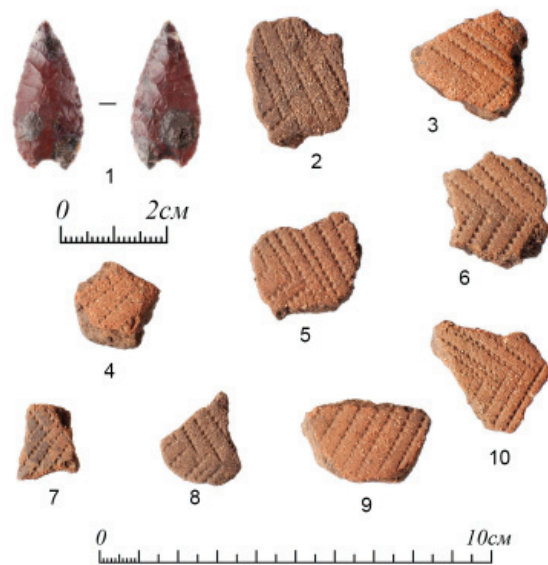

Рис. 7. Курганный могильник Маральское 2. Курган 2. Артефакты из культурного слоя:
1 – кремневый наконечник стрелы;
2–10 – фрагменты керамики

В 2012 г. изучение объекта культурного (археологического) наследия поселения Черноусово 3 (Ермаковский район Красноярского края) проводилось на площади 1305 кв. м (рис. 8). Были обнаружены: бронзовый предмет, 105 каменных орудий, 819 кремневых орудий и отщепов, 949 разных (орнаментированных и неорнаментированных) фрагментов глиняной посуды. Открыты следующие археологические комплексы: очаг круглой формы диаметром 60 см, сформированный из скальных обломочных пород и валунов, имеющий сильный прокал, что свидетельствует о долговременности его существования; восемь хозяйственных ям, содержавших остатки костей и фрагменты глиняной посуды, одну из них (яма № 8) можно определить как коптильню (рис. 9), круглой в плане формы, диаметром 1,80–1,90 м, содержащую в придонной части толстый слой горелых сучьев и веток, а в верхней части фрагменты орнаментированной керамики эпохи ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.); скопления камней и каменная наковальня в виде большой гальки, вокруг которых найдено большое количество остатков кремневой индустрии; скопления фрагментов глиняной посуды; остатки наземной постройки позднего времени размерами 4 x 6 м, со столбовыми ямами вдоль стен.

Судя по археологическому материалу и стратиграфии, поселение функционировало в разные исторические периоды: в эпоху ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.), в эпоху поздней бронзы (конец II – начало I тыс. до н.э.) и в XIX–XX вв. Большое значение имеет тот факт, что впервые в этом районе обнаружено поселение эпохи бронзы (III–II тыс. до н.э.). Стратиграфические наблюдения, а также анализ находок – орнаментированная керамика, кремневая индустрия (скребки, наконечники стрел, отщепы) – позволяют отнести этот памятник к центральноазиатскому кругу культур. Для определения палеоклимата и датировки памятника были взяты пробы для радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов.

Третьим отрядом Саянской археологической экспедиции был исследован курганный могильник Сухорослово 1. Он находился на правом пологом берегу реки Иджим. До раскопок на старом пахотном поле были видны два небольших округлых возвышения высотой 0,10–0,15 м с окатанными камнями на поверхности. Расстояние между двумя насыпями составляло 20–22 м.

Принимая во внимание малое расстояние между двумя объектами, курганный могильник Сухо-

Рис. 8. Поселение Черноусово 3. Вид с юго-запада

Рис. 9. Поселение Черноусово 3. Очаг и «копильня». Вид с запада

рослово 1 исследовался одним раскопом (рис. 10). В результате работ установлено, что он состоял из двух курганов, которые представляли собой каменные выкладки округлой формы, сооруженные из крупных речных валунов. Первоначальный диаметр каменных конструкций курганов был около 5 м.

В кургане 1 (рис. 11) было обнаружено две могилы. Могила 1 (рис. 12), расположенная в центре под каменной выкладкой кургана, представляла собой грунтовую яму подпрямоугольной формы размерами 1,15 x 0,90 м и глубиной 0,30 м от древней дневной поверхности. Длинными сторонами она ориентирована по линии восток–запад. У ее западной стенки на дне лежало скопление кальцинированных костей взрослого человека. К югу от кальцинированных костей найдены позвоночники трех баранов. Погребальный инвентарь состоял из железной трехлопастной черешковой стрелы, бронзовых пряжки и наконечника ремня, двух сильно корродированных железных предметов.

Могила 2 находилась в северной части кургана. Могильная яма представляла собой неглубокий подбой под каменную выкладку кургана, вытянутый по

линии восток–запад. Ее размеры в верхней части составили 0,80 x 0,80 м, в придонной – 0,70 x 0,50 м. Глубина ямы от древней дневной поверхности достигала 0,30 м. На дне ямы лежал скелет ребенка в возрасте одного года, вытянуто на спине, головой на запад. Погребальный инвентарь не обнаружен.

В кургане 2 обнаружена одна могила. Захоронение было сделано на уровне древней дневной поверхности. Под каменной выкладкой кургана были открыты обожженные части деревянной конструкции, которые позволяют определить размеры наземного деревянного погребального сооружения, не превышавшие 0,80 x 0,80 м. Внутри обугленных деревянных конструкций на уровне древней дневной поверхности были найдены кальцинированные кости взрослого человека. Там же найдены две железные пряжки. Одна из них плоская, прямоугольной формы, размерами 2,5 x 1,5 см, с двумя отверстиями для крепления к ремню; другая пряжка овальной формы, с подвижным язычком, размерами 2,0 x 1,5 см.

Судя по погребальному обряду и вещественным находкам (рис. 13), раскопанные курганы относятся

Рис. 10. Курганный могильник Сухорослово 1. Общий вид с запада

Рис. 11. Курганный могильник Сухорослово 1. Курган 1. Вид с северо-запада

Рис. 12. Курганный могильник Сухорослово 1. Курган 1. Могила 1. Вид с севера

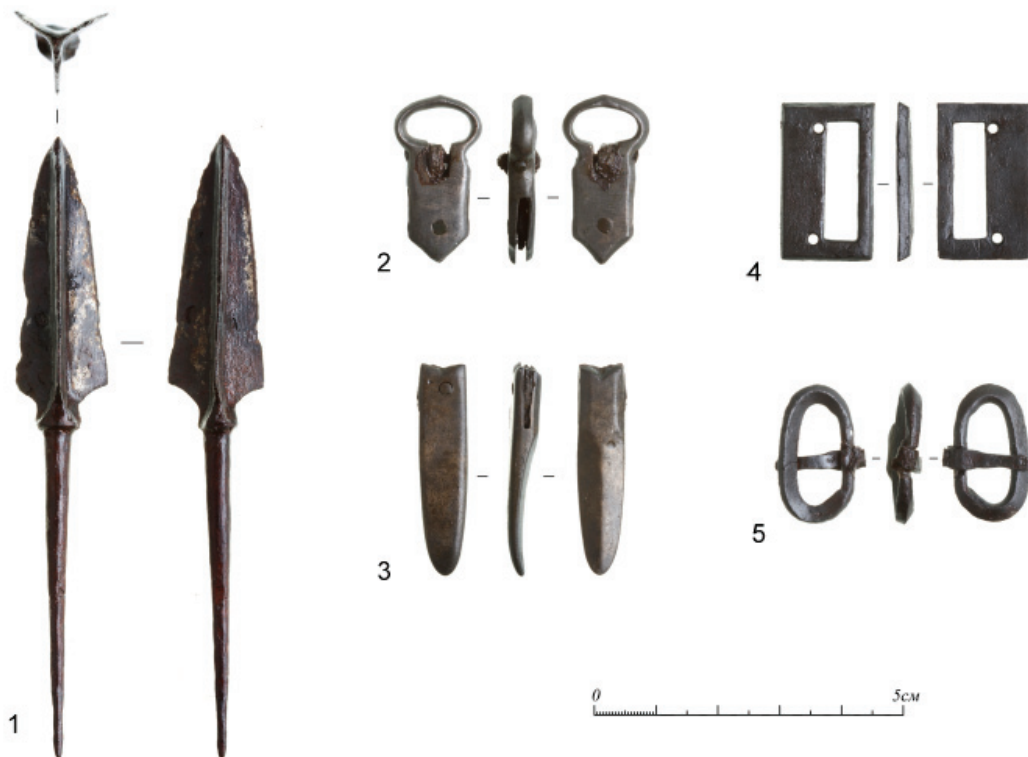

Рис. 13. Курганный могильник Сухорослово 1. Находки: 1–3 – курган 1, могила 1; 4–5 – курган 2, могила 1 (1, 3, 4 – железо; 2, 5 – бронза)

к эпохе раннего средневековья и могут быть датированы IX–X вв. В обоих курганах взрослые умершие были погребены по обряду кремации. Сожжение производилось на стороне, а в могилы помещался прах кремированных. Вместе с тем между двумя курганами заметны некоторые отличия. В кургане 1 кальцинированные кости захоронены в грунтовой яме, а в кургане 2 – в срубе на уровне древней дневной поверхности.

Таким образом, на могильнике Сухорослово 1 сосуществовали две погребальные традиции: в кургане 1 прослежена погребальная традиция, известная по памятникам, расположенным на территории Хакасско-Минусинских котловин; курган 2 типологически близок к памятникам Саяно-Алтайского региона.

Второй объект, который был раскопан третьим отрядом Саянской археологической экспедиции, – это курганный могильник Сухорослово 3. До раскопок он имел вид небольшой округлой земляной насыпи с выступающими на поверхности камнями. Границы объекта определялись по округлому всхолмлению диаметром 6 м и высотой 0,25 м. В ходе раскопок было установлено, что исследуемая территория в середине XX в. подверглась интенсивной распашке. Следы плуговых борозд отчетливо просматриваются даже в материковом слое. В результате распашки все каменные конструкции могильника были нарушены. На многих камнях видны следы в виде царапин, оставленных плугом. В силу этого интерпретация раскопанного объекта затруднена. Найденные в раскопе камни могли быть остатками погребальной конструкции или же иметь природное происхождение, связанное с геологическими процессами, происходящими в условиях горного ландшафта. Обломочные горные породы, сносимые водными потоками со склона гор, образовывали конгломератные скопления, состоявшие из обломков крупных камней и щебня.

Четвертый отряд Саянской экспедиции в 2012 г. приступил к раскопкам поселений Усть-Иджим 1 и Сухорослово 2 в Ермаковском районе Красноярского края. Памятники расположены в 20 км к северо-востоку от села Верхнеусинское на ровной площадке надпойменной террасы правого берега реки Иджим, вблизи от места ее впадения в реку Ус. Местонахождения удалены друг от друга на 1 км. Исследование памятников проводилось по единой методике. Для уточнения стратиграфии раскопы были поделены бровками на отдельные участки-сектора размерами 4 x 4 м. Каждый сектор получил свою буквенно-цифровую нумерацию в зависимости от его пространствен-

ной ориентации (буквы С, Ю, З, В) и удаления (арабская цифра) от центрального репера. Такая схема кодировки позволяет закладывать сразу несколько раскопов любой конфигурации и размера, а затем объединять их в единую систему без каких-либо изменений. Кроме того, каждый сектор имел еще и свой последовательный цифровой номер, отражающий очередность его закладки. Выборка культурных напластований производилась шанцевым инструментом послойно с составлением планов и фотофиксацией нижнего горизонта. Индивидуальные находки фиксировались в трехмерной системе координат с помощью электронного тахеометра.

На поселении Усть-Иджим 1 раскопано 544 кв. м. В ходе работ выяснилось, что северная часть памятника практически полностью уничтожена современной распашкой. В гумусном и пахотном слоях каменные орудия, кремневые отщепы и пластины, фрагменты орнаментированной керамики эпохи ранней бронзы залегали совместно с неорнаментированной посудой скифского времени, средневековыми железными наконечниками стрел и разнообразным мусором второй половины XX в. В южной части раскопа на склоне речной террасы реки Иджим под пахотой был прослежен сохранившийся участок культурного слоя. Он представлял собой супесь темно-коричневого цвета толщиной 0,15–0,25 м. К этому слою относились несколько обожженных участков почвы, возможно оставшихся от разжигавшихся здесь костров, и скоплений обожженной речной гальки. Каким-либо очаговых конструкций не обнаружено. Рядом с местами разведения костров отмечена повышенная концентрация археологических артефактов: каменных отбойников, нуклеусов, скоплений кремневых отщепов и пластин, каменных и костяных наконечников стрел разной степени готовности, скребков (рис. 14–16). Вероятно, эти места использовались как своеобразные производственные площадки. Здесь же обнаружены скопления керамики и отдельные развалы горшков эпохи ранней и поздней бронзы.

Посуда эпохи ранней бронзы представлена слабопрофилированными баночными сосудами с овальным или прямым срезом венчика, орнаментированными рядами частых отпечатков зубчатых штампов или оттисков полой трубочки округлой, овальной или ромбической формы. В нескольких случаях орнаментация нанесена на верхний срез венчика и плоские доньшки сосудов. Такая керамика может быть датирована концом III – серединой II тыс. до н.э. Посуда эпохи поздней бронзы представлена слабопрофилированными горшковидными сосу-

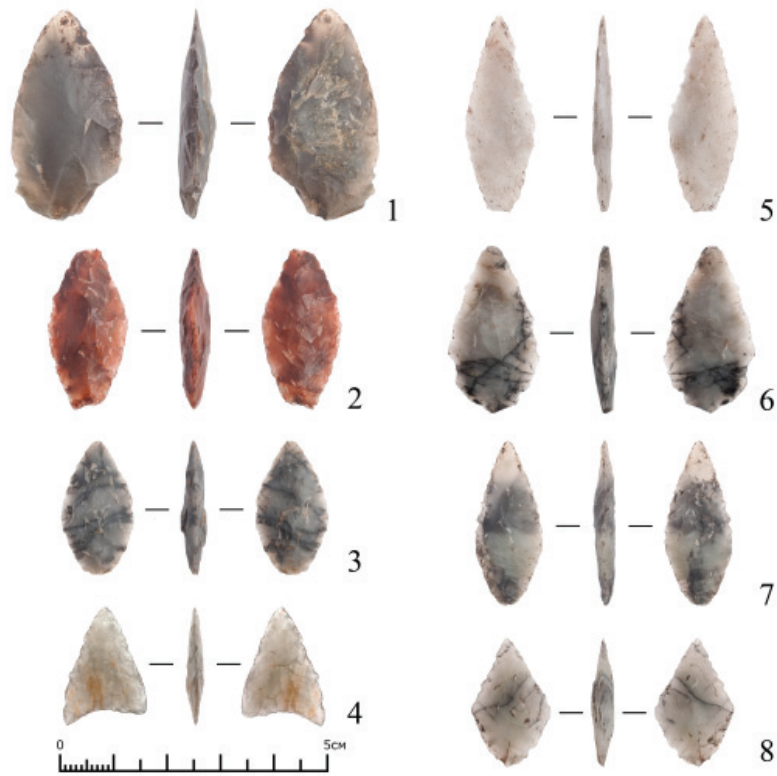

Рис. 14. Поселение Усть-Иджим 1. Кремнёвые наконечники стрел

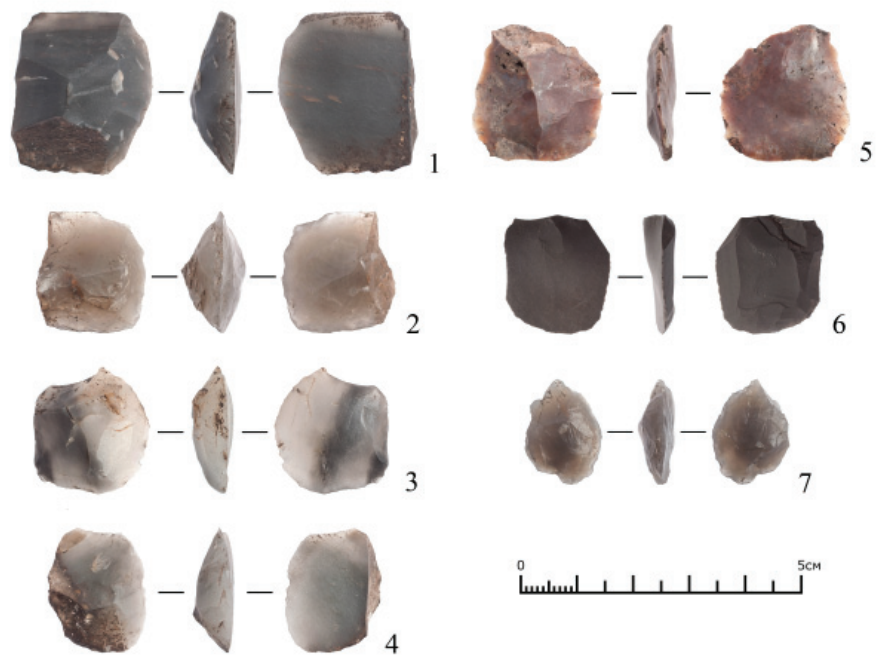

Рис. 15. Поселение Усть-Иджим 1. Кремнёвые скребки

Рис. 16. Поселение Усть-Иджим 1. 1, 2 – заготовки
костяных наконечников стрел,
3, 4 – фрагменты роговых отжимников

дами. Их венчики зачастую имеют наплыв по внешнему краю или «карнизик». Декор состоит из разреженных оттисков гладкого и, реже, зубчатого штампов, резных линий, насечек, «жемчужин» и формованных валиков. Такая посуда характерна для комплексов эпохи поздней бронзы Саяно-Алтая и датируется концом II – началом I тыс. до н.э. Отдельные неорнаментированные сосуды могут относиться к развитой скифской эпохе.

Изделия из металла представлены единичными экземплярами. Два бронзовых четырехгранных шильца, вероятно, относятся к эпохе ранней бронзы. Железные наконечники стрел и обломки ножей датируются в широких пределах – от скифского времени до эпохи средневековья.

На поселении Сухорослово 2 раскопано 1114 кв. м. Культурный слой эпохи бронзы частично уничтожен постройками первой половины XX в., а затем перекрыт отходами современной деревообработки. Как и на поселении Усть-Иджим 1, находки на площади памятника распределялись неравномерно, в виде отдельных скоплений, в основном отходов производства каменных орудий: нуклеусов, кремневых отщепов и пластин, образовавшихся при изготовлении скребков и кремневых наконечников стрел. Сами орудия выглядят несколько более грубыми, чем на поселении Усть-Иджим 1, а для их производства зачастую использовался не только

кремь, но и различные окремненные породы камня: кварциты и даже песчаник. Керамика двух местонахождений в целом похожа. В равной степени представлены сосуды периода ранней и поздней бронзы, неорнаментированная посуда развитой скифской эпохи. Все артефакты залежали в пределах одного культурного слоя. Выделить закрытые археологические комплексы, содержавшие предметы только одной исторической эпохи, пока не удалось.

Памятники долины реки Иджим располагаются на древней тропе, связывавшей межгорные котловины Верхнего и Среднего Енисея. Это последний ее степной островок на южном склоне Саян перед входом на труднопроходимый горно-таежный участок. Возможно, в эпоху бронзы здесь не существовало долговременных поселений со стационарными постройками. Удобные террасы реки Иджим использовались древними людьми главным образом для кратковременных остановок для пополнения запасов продовольствия и подготовки к переходу через горные перевалы Саян.

Таким образом, в 2012 г. Саянская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила работы на десяти памятниках, из которых четыре исследованы полностью, а на шести объектах раскопки будут продолжены в следующем году. Эти работы имеют большое научное значение, так как они открывают новую страницу в исследованиях малоизученных районов Верхнего и Среднего Енисея.

Источники и литература

Поляков А. В., 2012. Комплекс археологических памятников Старая Копь на правом берегу р. Амыл // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. Кн. 2.

Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл–Курагино

М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов

Археологические изыскания в зоне строительства железной дороги Кызыл–Курагино были начаты Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством Вл. А. Семёнова и М. Е. Килуновской в 2009 г. и продолжены в 2010 г., когда были проведены разведки на всем протяжении планируемой линейной части железной дороги (на территории Республики Тыва протяженностью 110 км) и обследованы зоны отвода под пять карьеров (рис. 1). Производились фиксация визуально выявляемых памятников и шурфовка для обнаружения культурного слоя в зонах, перспективных для местонахождения объектов историко-культурного наследия. В 2011 и 2012 гг. мы продолжали разведки, так как проект трассы постоянно менялся и в зону строительства попадали разные памятники. Всего на территории Республики Тыва выявлено 74 ранее неизвестных археологических объекта, находящихся в непосредственной близости к трассе проектируемой железной дороги, из них 69 могильников, четыре стоянки и одно местонахождение петроглифов. Не все эти памятники попадают непосредственно в зону землеотвода, но те, которые там находятся, должны быть раскопаны, остальные же окружены охранными зонами, и над ними должен осуществляться постоянный мониторинг. В 2011 г. по инициативе Русского географического общества ТАЭ ИИМК РАН начала археологические раскопки. В этот год были исследованы курганы на могильниках Саускен 3 и Эки-Оттуг 1 в Кызылском кожууне, а также стоянка Кара-Орга в Пий-Хемском кожууне Республики Тыва. В 2012 г. начались планомерные раскопки на могильниках в долине реки Эрбек и на берегу Белого озера, которые попадают непосредственно в зону строительства. В результате исследований получен уникальный материал, который является существенным вкладом в изучение истории и культуры древних племен Центральной Азии.

Река Эрбек – правобережный приток Улуг-Хема – берет начало на южном склоне Уюкского хребта. В истоках реки преобладает тундровая растительность, затем она входит в таежную зону, образуя значительную по ширине пойму, расчлененную многочисленными старицами. Здесь на

открытых полянах с редкой таежной растительностью встречаются некрополи скифского времени, характерной особенностью которых является отсутствие надмогильных сооружений (курганов). На одной из таких полян обнаружено городище площадью около 4000 кв. м предположительно первых веков н.э. (Катылыг 5). В предтаежной зоне в районе фермы Саускен выявлены несколько десятков западин (грунтовых скифских могильников) и отдельно стоящие курганы. Исследования 2011 г. показали, что в ряде случаев каменные кольца вокруг ям полностью задернованы и представление о бескурганности могильников является ложным. Конечно, возведение кольца из плитняка нельзя рассматривать как курган, тем не менее обозначение места захоронения на могильнике Саускен 3 для курганов 3–6 существовало.

Ниже Саускена р. Эрбек входит в горную теснину. Слева она принимает притоки Эки-Оттуг и Кара-Суг (Черная речка). Пойма не широкая, но русла рек очень извилистые. Правый берег – низкая терраса, местами прорезанная временными водотоками, имеет ширину от 50–80 м до 5–6 м и менее. Здесь исследованы могильники Эки-Оттуг 1 и 2. Это цепочки курганов, пристроенных один к другому. Ограды вокруг этих каменных набросок отсутствуют. В центре курганов глубокие ямы с невысокими срубами. Нередко проникновение в срубы грунтовых вод. Детские захоронения в колодах и каменных ящиках располагаются на древнем горизонте или в неглубоких ямах под насыпями. Затем теснина еще более сужается, и на осыпях правого берега реки, несколько выше впадения в нее притока Черная речка, исследовано четыре кургана монгун-тайгинского типа в могильниках Кадылын 1 и Черная Речка 1. В 16,5 км от поселка Эрбек долина расширяется, таежная растительность исчезает, в пойме произрастает тополевая урема, склоны долины террасированы и покрыты степной растительностью. Здесь раскопан ряд могильников с курганами монгун-тайгинской и алды-бельской культур – Бай-Даг 1, 6 и 8, Ак-Даг 1, Эрбек 2, а также могильник Ак-Даг 2 эпохи раннего средневековья.

В 2011–2012 гг. ТАЭ ИИМК РАН в долине р. Эрбек исследовала на могильниках Саускен 3

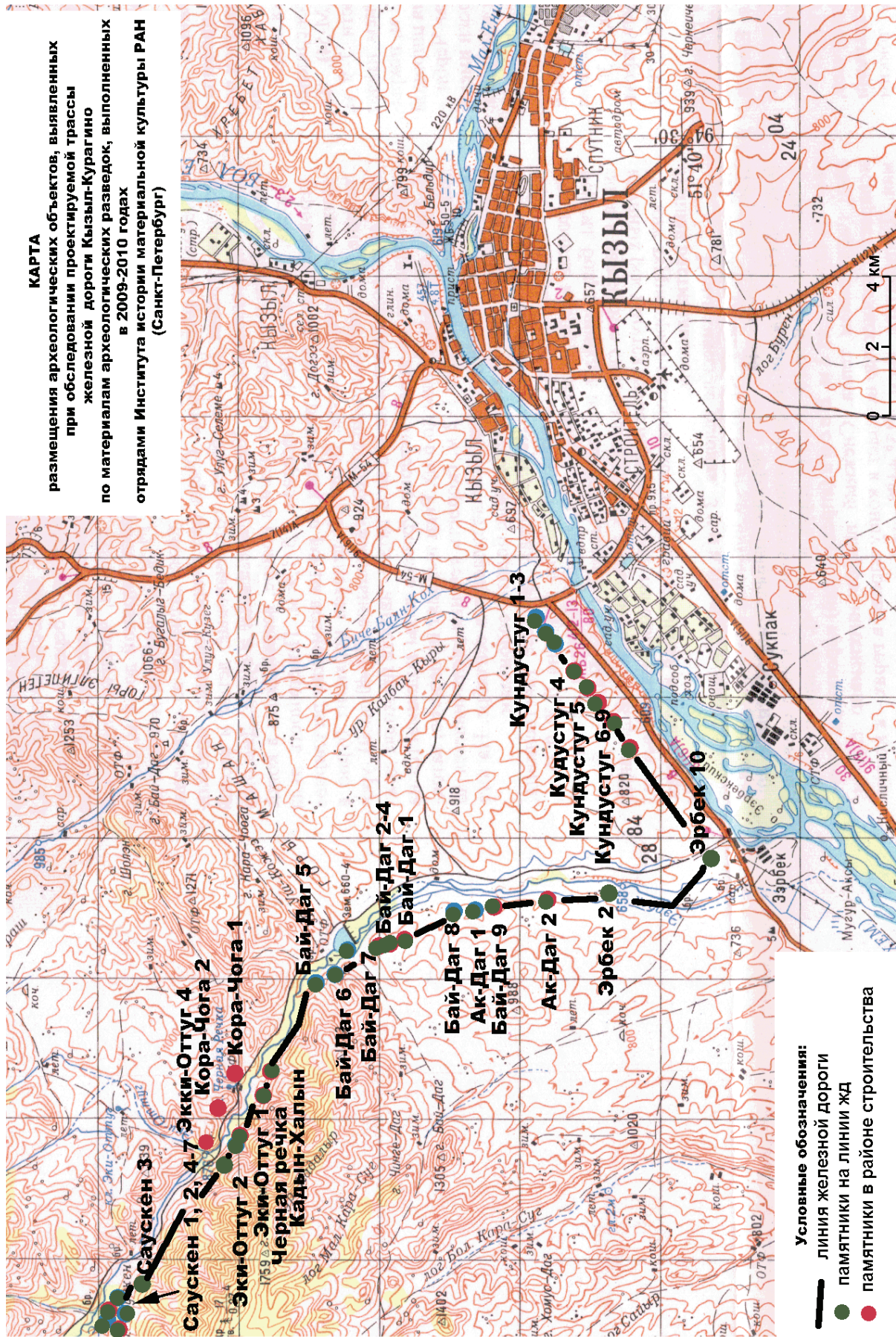

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников по трассе железной дороги Кызыл-Курагино в Кызылском кожууне Республики Тыва

шесть скифских срубов уюкской и саглынской культур (рис. 2; 3), на Эки-Оттуг 1 12 курганов, включающих культовые и поминальные выкладки, из которых один курган относится к алды-бельской культуре, остальные захоронения в срубках и детские захоронения в колодах под курганными насыпями относятся к переходной стадии от алды-бельской к уюкской культуре. На могильнике Эки-Оттуг 2, включающем восемь курганов, исследовано два объекта. Один из них (1) был комплексом из шести срубов в ямах глубиной 3–4 м, покрытых каменно-земляной насыпью общей длиной 45,2 м, шириной 18,2 м и высотой до 1 м. Под полкой кургана выявлено 32 детских захоронения, 17 из которых можно считать кенотафами. Объект 2 примыкал с запада к объекту 1. Это курган диаметром 12 м, закатанный полевой дорогой. В нем выявлено центральное и два боковых захоронения. Эти памятники также относятся к уюкско-алды-бельской культуре.

Могильник Бай-Даг 6 расположен на неширокой надпойменной террасе на выходе реки из теснины (рис. 4–12). На нем насчитывается 18 курганов, сложенных из рваного камня, который брали тут же со склоновых осыпей. Здесь можно выделить два типа курганов: 1) компактные округлой формы насыпи из крупных обломков скал высотой от 0,30 до 0,70 м и диаметром от 4 до 9 м (12 объектов); 2) насыпи из обломков скал средней величины и валунов овальной формы, вытянутые по линии запад–восток (объекты 6 и 15) и округлой формы (объекты 3, 10, 16 и 17) диаметром около 12 м и высотой 0,20–0,30 м. В ходе раскопок 2011–2012 гг. выяснилось, что первый тип – это курганы монгун-тайгинской культуры, а второй – алды-бельской. Курган № 17 был раскопан в 2011 г. Саянской экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Ю. С. Худякова. В нем были захоронения алды-бельской культуры. В 2012 г. исследовано 10 курганов. Восемь из них относились к монгун-тайгинской культуре и содержали захоронения в цистах на уровне древнего горизонта, окруженных кольцом из крупных камней. Цисты были двух типов: 1) овальной формы, вытянутые по линии запад–восток, сложенные из лежащих плоских камней (рис. 6; 7); 2) из вертикально поставленных каменных глыб подпрямоугольной формы (рис. 5). В цистах прослежены плохо сохранившиеся остатки погребенных, лежавших вытянуто на спине, головой на З и СЗ (рис. 7). Все погребения безинвентарные. Раскопанные курганы № 3 и 6 относятся к алды-бельской культуре (рис. 8–12). В них было семь погребений в каменных ящиках, из которых происходит 19 предметов: бронзовые дисковидные зеркала (одно с бортиком по краю), ножи (один с кольцевидным

навершием), шилья, вток от рукояти чекана, трехлопастные наконечники стрел, фигурная ворворка и поясные обоймы, бусы. Оба кургана были разграблены в древности.

В 3,2 км ниже по течению р. Ээрбек расположен могильник Бай-Даг 8, который также был выявлен в результате разведки 2010 г. и раскопан в 2012 г. отрядом Института археологии РАН под руководством И. В. Рукавишниковой (рис. 13–15). Могильник расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Ээрбек и включал два объекта: курган № 1 – каменная насыпь размерами 26 x 17 м, вытянутая по линии север–юг, и курган № 2 – круглая каменная выкладка диаметром 2 м. Курган № 1 относится к алды-бельской культуре. Под расплывшейся насыпью находились три западины, каждая над собственным сооружением. Сначала появилась южная могила, к ней примкнула та, что была в центре, а последняя пристроена с севера. Вероятно, все сооружения имели собственные ограды из вертикально поставленных плит, а затем покрытых общей насыпью. При разборке насыпи кургана в ограде и внутри нее обнаружены два оленных камня (рис. 14; 15). В южном и северном сооружениях выявлены «входы» с западной стороны, «закрытые» горизонтально уложенными плитами. Напротив «входа» в северное сооружение зафиксирован каменный треугольник. Эта деталь погребального обряда известна и на других скифских памятниках в долине р. Ээрбек, в том числе и на алды-бельском кургане № 6 могильника Бай-Даг 6. Всего в кургане 14 погребений: четыре основных взрослых в каменных ящиках, восемь боковых детских также в каменных ящиках и два детских в деревянной колоде. В погребениях обнаружен уникальный инвентарь (40 предметов): два деревянных ковша, роговой гребень с орнаментом, бронзовые зеркало, нож в кожаных ножнах, два шила, пуговица, пронизь, костяной наконечник стрелы, подвески из кости и клыка кабарги, бисер, бусы, а также много фрагментов кожаных ремешков, чехлов и другой органики. В северо-восточной части ограды обнаружен «клад» конского снаряжения, состоявший из двух бронзовых двудырчатых пса-лиев со шпеньком, двух подпружных бронзовых пряжек и бронзовой пронизи со шпеньком. В юго-западном секторе ограды обнаружены бронзовые стремечковидные удила. Подобные «клады» характерны для алды-бельских курганов и найдены на других памятниках р. Ээрбек.

В той же цепочке могильников на второй надпойменной террасе р. Ээрбек находятся памятники Ак-Даг 1 и 2, расположенные у восточного отрога

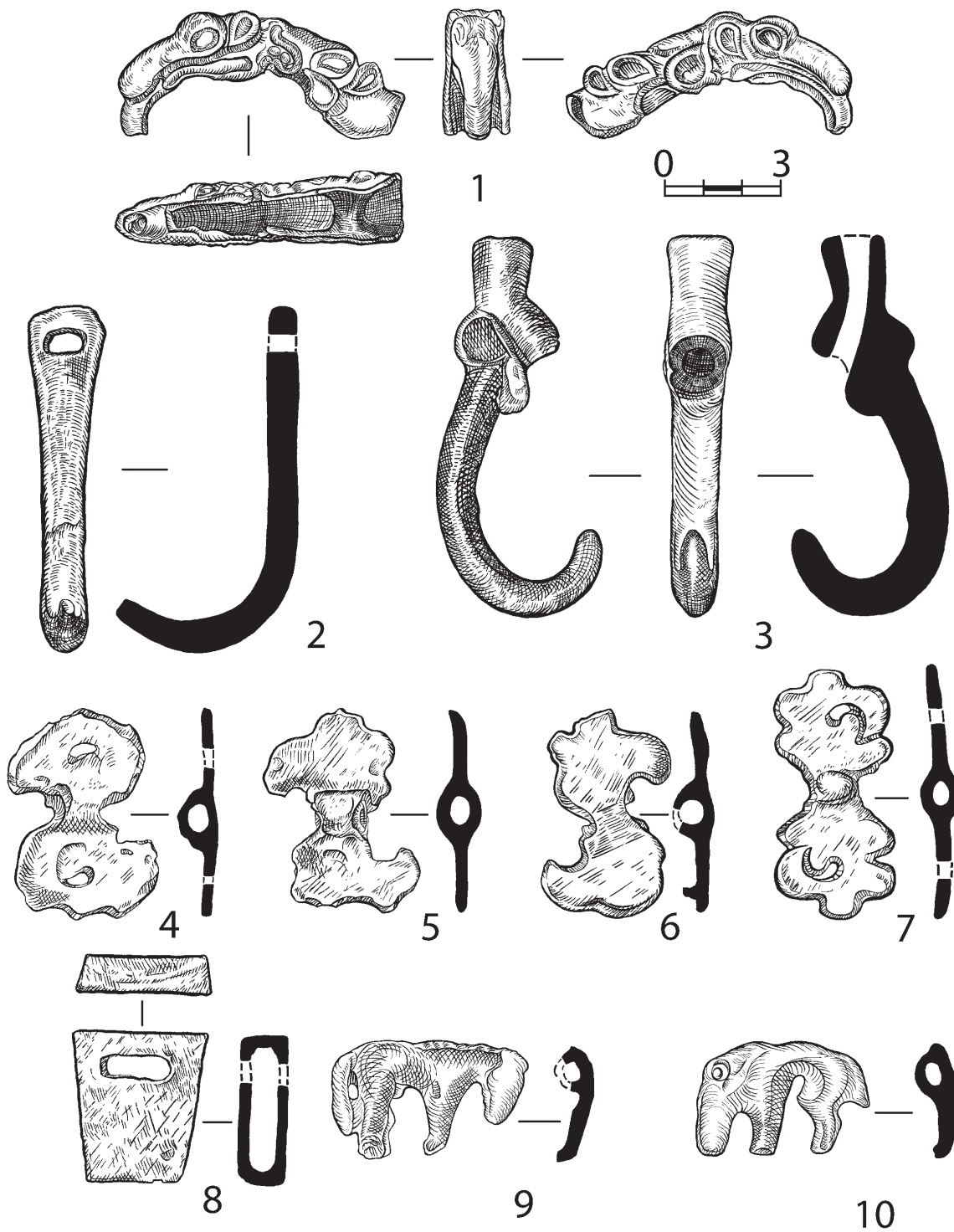

Рис. 3. Могильник Саускен 3. Находки

Рис. 4. Могильник Бай-Даг 6. Вид с юга

Рис. 5. Могильник Бай-Даг 6. Объект 1. Вид с севера

Рис. 6. Могильник Бай-Даг 6. Объект 5. Вид с востока

Рис. 7. Могильник Бай-Даг 6. Объект 5. Погребение в цисте. Вид с севера

Рис. 8. Могильник Бай-Даг 6. Объект 6 после разборки. Вид с юго-запада

Рис. 9. Могильник Бай-Даг 6. Объект 6. Могила 1. Вид с востока

Рис. 10. Могильник Бай-Даг 6. Объект 6. Могила 3. Вид с востока

Рис. 11. Могильник Бай-Даг 6. Объект 6. Находки

ТАЭ-2012
Бай-Даг 6

Рис. 12. Могильник Бай-Даг 6. Объект 6. Находки

Рис. 13. Могильник Бай-Даг 8. Объект 1. Вид после разборки с севера

Рис. 14. Могильник Бай-Даг 8. Объект 1.
Олений камень

Рис. 15. Могильник Бай-Даг 8. Объект 1.
Олений камень

хребта Бай-Даг горы Ак-Даг. Могильник Ак-Даг 1 раскопан полностью САЭ Института археологии и этнографии СО РАН, как и могильник Бай-Даг 1, расположенный неподалеку. Здесь были раскопаны курганы алды-бельской культуры с захоронениями в каменных ящиках и поминальники. На могильнике Ак-Даг 2 в 2012 г. работы проводились отрядом ТИГИ под руководством Д. К. Тулуша (рис. 16). Исследованные памятники содержали три захоронения, два из которых в курганах № 2 и № 3 периода древнекыргызского каганата (IX–XI вв.), одно в кургане № 1 монгун-тайгинского периода (III тыс. до н.э.), в котором был обнаружен олений камень общеевразийского типа. Все погребения разграблены в древности. Всего в трех курганах обнаружено 20 артефактов, в том числе раннесредневековые поясные накладки, стремяна, а также серьга из золота уйгурского типа (рис. 17).

У горы Ак-Даг по другую сторону прижима р. Эрбек в 2012 г. раскопан еще один могильник, на котором сочетались памятники алды-бельской и

монгун-тайгинской культур – Эрбек 2 (рис. 18–21). На нем исследовано шесть объектов: два кургана монгун-тайгинского типа, представлявшие собой круглые наземные сооружения, сложенные по принципу ложного свода и окруженные кольцом-крепидой из крупных камней; два кургана алды-бельской культуры с захоронениями в каменных ящиках в слегка заглубленных ямах; две ритуально-поминальные выкладки. В курганах алды-бельской культуры под наземными сооружениями были обнаружены «клады» конского снаряжения – бронзовые удила, а в кургане № 3 нож с кольчатым навершием, характерный для инвентаря тагарской культуры (рис. 21). Погребения в каменных ящиках были разграблены, в них найдены наконечники стрел из кости и бронзы, бронзовый нож тагарского облика, бронзовые поясные обоймы, костяная заколка, пастовые и каменные бусы и др. Всего 132 предмета (из них 109 бусин). Данный памятник очень важен для решения проблем соотношения памятников эпохи бронзы и скифского времени, что дает нам данные для решения проблем про-

Рис. 16. Могильник Ак-Даг 2. Вид с юга

Рис. 17. Могильник Ак-Даг 2. Объект 1. Золотая серьга уйгурского типа

Рис. 18. Могильник Ээрбек 2. Объекты 3, 4. Вид с северо-запада

Рис. 19. Могильник Ээрбек 2. Объект 3. Погребение 1. Вид с востока

Рис. 20. Могильник Ээрбек 2. Находки

Рис. 21. Могильник Ээрбек 2. Волонтеры РГО и сотрудники экспедиции

исхождения скифской культуры в Центральной Азии.

Раскопки 2011–2012 гг. привели к открытию механизма смены культур скифского времени в Туве, ранее уже намеченных при раскопках некрополей на правом берегу Енисея. Материалы, полученные из большого числа курганов разного времени, серии дат С14 и, наконец, общность территории, на которой эти памятники были оставлены, позволяют сделать объективные выводы, достоверность которых может быть подтверждена в процессе дальнейших исследований. В первую очередь следует отметить атипичность некоторых памятников, совмещающих признаки алды-бельской и уюкской культур. Цепочки срубов, сравнительно небольших по площади, в глубоких ямах, и коллективные захоронения на могильниках Эки-Оттуг 1 и Эки-Оттуг 2 покрывают общие каменно-земляные курганы. Под этими насыпями находятся сопроводительные детские погребения в колодах и каменных ящиках – черта, характерная для алды-бельской культуры, пережитки которой встречаются и в более позднее время.

Еще очень важный «алды-бельский» признак – оленные камни, которые найдены на могильнике Эки-Оттуг 1. Они лежали на одной линии северо-запад–юго-восток: один у северной оконечности кургана № 2, а другой у южной границы кургана № 1. Эти курганы могут рассматриваться как единый комплекс, в который также входит и объект 7. Оленные камни довольно простые – это продолговатые речные гальки длиной около 70 см, на одном конце которых нанесены три косые полосы, два круга – серьги – и опоясывающая их линия – ожерелья. На одном из камней имеется изображение стоящего на кончиках копыт оленя или козла.

Могильник Эки-Оттуг 1 за два полевых сезона 2011 и 2012 гг. раскопан полностью (рис. 22–34). В нем вскрыто 12 различных объектов, включающих курганы-кладбища с несколькими срубами и детскими сопроводительными захоронениями, отдельно стоящими курганами, поминальными выкладками и вымошками. Судя по всему, наиболее ранним здесь является курган № 3 (рис. 25–27). Это было невысокое сооружение из камня, обнесенное нечетким кольцом из крупных плит и валунов (нужно отметить, что использование валунов характерно только для этого кургана, остальные все сделаны из обломков скал). Валик выброса почти не прослеживался, что и не удивительно, поскольку захоронение было совершено в центре кургана в каменном ящике на небольшой глубине. Могила разграблена в древности. По костям можно установить, что

погребенный здесь мужчина среднего возраста лежал головой на запад. Около ног сохранился колчан с четырьмя бронзовыми наконечниками стрел и одной деревянной – тамарой (рис. 26). У бронзовых наконечников черешок превышает не менее чем в два раза ударную часть (головку) стрелы. Все наконечники могут быть отнесены к трехгранно-трехлопастным. Погребальный обряд и тип бронзовых наконечников позволяют отнести этот курган к алды-бельской культуре – VII–VI вв. до н.э. Объекты 8, 9, 11 – ритуально-поминальные выкладки скифского времени. В насыпях курганов находилась керамика скифского облика и кости животных. На объекте 8 найден оленный камень, аналогичный обнаруженному в 2011 г. в кургане № 2. Курганы № 1, 2, 4–7, 10 и 12 – это захоронения в ямах со срубами или деревянными рамами уюкско-алды-бельской культуры VI–V вв. до н.э. В погребениях обнаружено более 300 предметов: три кинжала с бабочковидным перекрестием и 10 бронзовых ножей разных типов, один вотивный кинжал из рога оленя, 50 бронзовых и более 70 костяных наконечников стрел, деревянные стрелы тамары, восемь бронзовых зеркал, три поясные бляхи и 12 поясных пронизей и обойм, бронзовые и железные заколки для волос, золотые проволочные серьги, две золотые пекторали, пастовые и каменные бусы, мелкий бисер, бусы из камня и пасты, клыки кабарги и др. (рис. 31–34).

Могильники Эки-оттуг 1 и 2 представляют тип переходных памятников от алды-бельской к уюкской культуре. Ранее эти переходного типа памятники были раскопаны на могильнике Чарга при прокладке автомобильной дороги Ээрбек–Баян-Кол. Для них характерны срубы в глубоких ямах, в погребальный инвентарь которых не входит керамика, но постоянно встречаются сопроводительные детские погребения в каменных ящиках и деревянных колодах. Наборы наконечников стрел, обнаруженные на могильниках Эки-Оттуг и Чарга, идентичны. Они могут датироваться VI–V вв. до н.э. В дальнейшем все наши данные, и в том числе даты, будут уточняться, так как материал находится в обработке в лабораториях ИИМК РАН.

Также необходимо отметить наличие наборов конского снаряжения, помещенных под курганное сооружение, что достаточно характерно для алды-бельских комплексов. На Эки-Оттуге 2 один «клад» найден на уровне древнего горизонта у западины 3, а второй в детском захоронении в колоде под каменной плитой под головой младенца – случай уникальный. Первый клад включал (рис. 35) бронзовые удила с треугольными окончаниями и дополнительным круглым отверстием диаметром приблизительно 0,5 см, пару бронзовых ворворок,

Рис. 22. Могильник Эки-Оттуг 1. Общий вид с северо-запада

Рис. 23. Могильник Эки-Оттуг 1. Объекты 4–5. Вид с запада

Рис. 24. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 3 после разборки. Вид с востока

Рис. 25. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 3. Погребение 1. Вид с востока

Рис. 26. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 3. Погребение 1. Наконечники стрел

Рис. 27. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 1. Центральное погребение. Вид с востока

Рис. 28. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 1. Находки

Рис. 29. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 7. Находки

Рис. 30. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 1. Находки. Наконечники стрел

Рис. 31. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 1. Находки

Рис. 32. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 1. Находки

Рис. 33. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 2. Находки

Рис. 34. Могильник Эки-Оттуг 1. Объект 2. Находки

ТАЭ-2012
Эки-Оттуг 2

Рис. 35. Могильник Эки-Оттуг 2. Объект 1.
Комплекс конского снаряжения № 1

подпружную пряжку и блок для крепления ремней, два бронзовых плоских кольца диаметром 5,5 см. Их назначение не вполне понятно. Вероятно, к этим кольцам крепились какие-то детали сбруи. Также к этому комплексу относится листовидная бронзовая бляха – наносник. Во втором наборе была пара полусферических блях – застежек для сбруйных ремней, подпружная пряжка и блок, кольчатые удила (рис. 36).

Рис. 36. Могильник Эки-Оттуг 2. Объект 1.
Комплекс конского снаряжения № 2

Всего из срубов могильника Эки-Оттуг 2 происходит более 100 различных предметов (рис. 37–40). Самая многочисленная категория находок – наконечники стрел, 22 костяных и 16 бронзовых. Костяные наконечники трехгранные, с расщепленным насадом и черешковые, бронзовые – все черешковые, трехгранно-трехлопастные. В нескольких случаях длина черешка превышает длину боевой части наконечника. Зеркала – два экземпляра, медалевидные. Сравнительно много ворворок, поясных напускных бляшек и обоймиц, также два пластинчатых ножа. Определенный интерес представляет костяной гребень, ручка которого выполнена в виде головы лошади. Бронзовые поясные бабочковидные бляшки с прорезными, в виде запятых, отверстиями на лопастях и с ассиметрично развернутыми головами грифонов находят широкие аналогии как в Туве, так и за ее пределами – от Ордоса до Новосибирского Приобья, и могут в известной мере служить хронологическими индикаторами. Это же можно сказать и о небольшом бронзовом кельте с ушком. В целом могильник Эки-Оттуг 2 предварительно может быть датирован VI–V вв. до н.э. Даты по С14 еще не получены.

ТАЭ ИИМК РАН проводила раскопки и по другую сторону Уюкского хребта в так называемой Долине царей (рис. 41). В 2011 г. раскапывалась стоянка Кара-Орга в 1,5 км к востоку от кургана Аржан 2, а в 2012 г. могильники Белое Озеро 3а и 4. Стоянка Кара-Орга – уникальный для Тувы памятник поселенческого типа с материалами эпох неолита и бронзы. Здесь были найдены две плиты с личинами окуневского типа, подобные найденным в комплексе Аржан 2. На могильниках исследован большой курган Белое Озеро 4-2 скифского времени и три ритуально-поминальных комплекса кокэльской культуры II–IV вв. (объекты Белое Озеро 4-1 и 4-8 и Белое Озеро 3А; руководитель работ В. А. Завьялов). Нужно отметить, что курганы кокэльской культуры в Турано-Уюкской котловине достаточно редки. В ходе наших исследований получена представительная коллекция керамики гунно-сарматского времени. Объект Белое Озеро 4-2 представляет собой два разновременных кургана, последовательно пристроенных один к другому. Каждый курган окружен кольцом камней и ровиком с входами. Изначально был сооружен курган 4-2-1, в котором обнаружено пять могил, две из которых разграблены в древности. Другие же две могилы не потревожены грабителями. Это могила № 4, которая была впущена в насыпь кургана уже после его сооружения, и могила № 3, которая была также впускной, так как располагалась за пределами ограды кургана. Могила № 5 – это погребение младенца, совершенное при возведении каменного панциря кургана, видимо, в качестве строительной жерт-

Рис. 37. Могильник Эки-Оттуг 2. Вид с юга

Рис. 38. Могильник Эки-Оттуг 2. Объект 1 после расчистки. Вид с востока

Рис. 39. Могильник Эки-Оттуг 2. Объект 1 в процессе раскопок. Вид с юго-востока

Рис. 40. Могильник Эки-Оттуг 2. Объект 1 в процессе раскопок. Вид с юго-запада

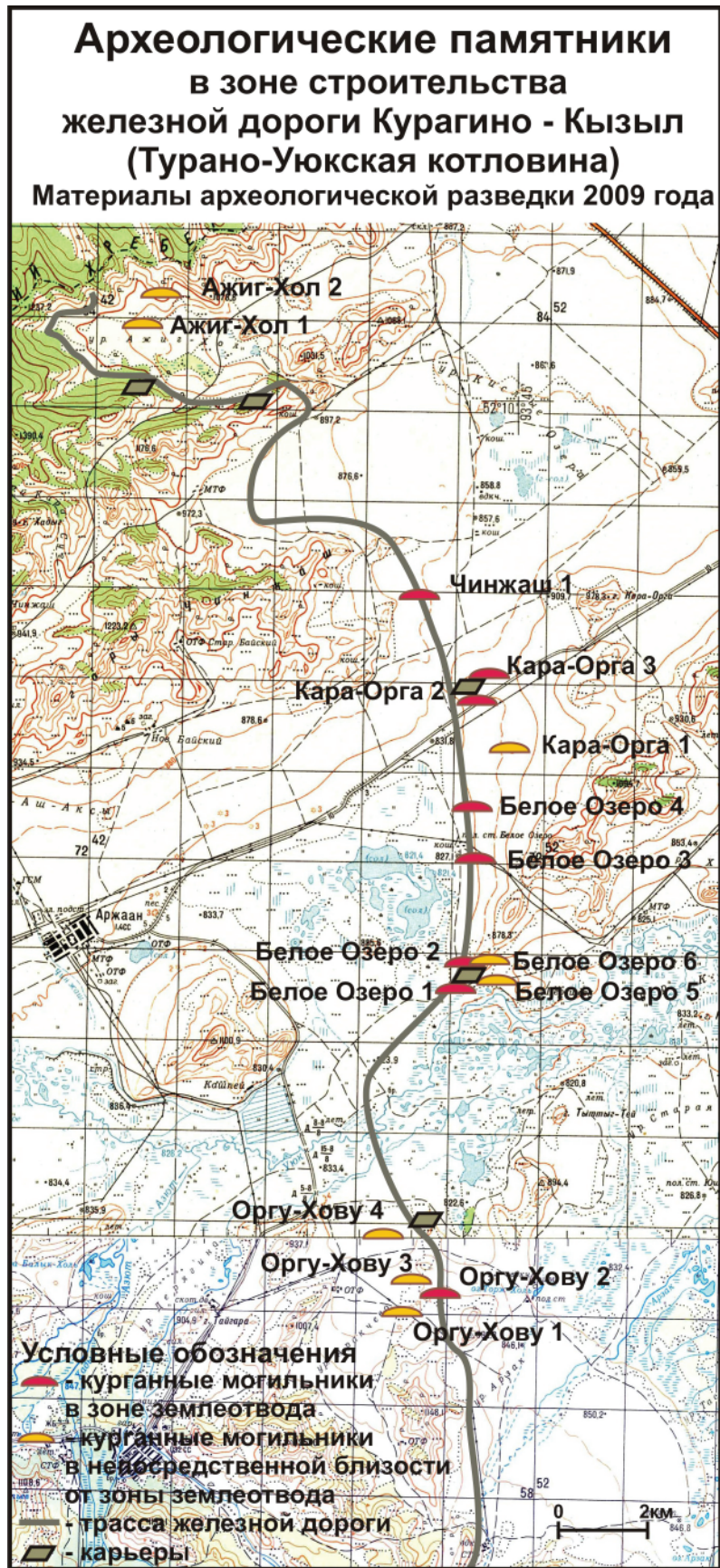

Рис. 41. Карта-схема расположения археологических памятников в Пий-Хемском кожууне Республики Тыва

вы. Очень интересна непо потревоженная могила № 4, в погребальном инвентаре которой нужно отметить бронзовые кинжал с навершием в виде грифонов, чекан и колчанную крепежную гарнитуру, найденные при погребенном взрослом мужчине, в грудном позвонке которого обнаружены фрагменты острия кинжала. Здесь также обнаружены золотые пектораль и серьги, каменный оселок, деревянный гребешок, бронзовые зеркало, нашивка на кожаную сумочку в виде стилизованной пантеры, нож и шило в кожаном чехле, а также берестяной туесок и деревянные ковши из капа. Все предметы датируются в пределах VI в. до н.э. Второй курган 2А был пристроен к кургану 2-1 с юго-запада. Под каменно-земляной насыпью этого кургана обнаружена только одна разграбленная в древности могила, глубина которой достигала

4,30 м. На дне могильной ямы обнаружены остатки деревянного сруба, от которого почти ничего не сохранилось, кроме фрагментов золотой нашивки в виде оленя, золотой нашивки на одежду в виде барана, трех бронзовых трехгранных наконечников стрел и одного трехлопастного наконечника. Предварительная датировка кургана 4-2 укладывается в пределы VI–V вв. до н.э.

Благодаря археологическим исследованиям по трассе планируемой железной дороги Кызыл–Курагино были не только спасены памятники истории и культуры федерального значения, но и получен уникальный и богатый материал, который является существенным вкладом в изучение древних культур Центральной Азии.

Охранные археологические раскопки на поселении Железнодорожное (Крымский район Краснодарского края)

С. Л. Соловьёв, А. Ю. Городилов, Т. Р. Садыков

В сообщении представлены краткие результаты охранных археологических раскопок Варнавинской археологической экспедиции ИИМК РАН на поселении Железнодорожное, расположенном с северной стороны железной дороги на Порт-Кавказ в 1,2 км к югу от пос. Черноморский (Крымский район Краснодарского края) (рис. 1; 2). Работы велись с 5 марта 2012 г. по 30 апреля 2012 г. на основании договора, заключенного между ОАО «Наследие Кубани» и ИИМК РАН, Открытого листа, выданного на имя С. Л. Соловьёва, и разрешения, выданного Управлением по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края.

Главной задачей исследований являлось проведение охранных археологических раскопок участка поселения Железнодорожное в зоне строительства железнодорожного узла 9 км, выявление и фиксация древних культурных слоев и строительных остатков.

Участок поселения, попадающий в зону строительства и имеющий форму многоугольника площадью 8000 кв. м, был разбит на квадраты размерами 5,0 x 5,0 м с оставлением контрольных бровок между ними. Стратиграфические бровки оставлены через каждые десять метров, проведена графическая фиксация их профилей (двадцать профилей по всему участку). Установлены три репера (в Балтийской системе высот): R1 8.132 м, R2 7.913 м, R3 7.591 м. За период с 5 марта 2012 г. по 27 апреля 2012 г. экспедицией было полностью исследовано 320 квадратов (тринадцать полос квадратов, ориентированных по линии В–3) общей площадью 8000 кв. м на глубину 0,80 м. Раскопки велись вручную с помощью шанцевого инструмента с привлечением техники для уборки снега и отвалов выбранного грунта (рис. 3).

Снятие пахотного слоя (слой 1) до уровня желто-серого слабогумусированного суглинка (древней погребенной почвы) (слой 2) производилось землекопами под наблюдением археологов. На уровне древней погребенной почвы (вероятно, древней дневной поверхности) проводился первый этап графической и фотофиксации, а также замеры глубин

с помощью тахеометра. На этом уровне исследовались грунтовые сооружения современной эпохи. После снятия древней погребенной почвы до уровня материкового суглинка наступал следующий этап графической и фотофиксации планиграфии раскопа и его стратиграфических разрезов. На этом уровне исследовались грунтовые сооружения древней эпохи. Археологические находки фиксировались по квадратам, объектам и слоям (рис. 4).

На раскопе собрана коллекция предметов (3267 ед.) XII–XIV вв., из которых было выделено 240 профильных частей сосудов и фрагментов керамики с орнаментацией. В коллекцию находок, имеющих музейное значение, выделено всего лишь десять предметов, переданных в краеведческий музей г. Крымска.

Поселение Железнодорожное открыто Н. Ф. Шевченко в 2007 г. при выполнении детальной археологической разведки, в ходе которой были заложены шурфы для определения наличия или отсутствия культурного слоя памятника. Памятник поставлен на государственную охрану приказом управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 14 декабря 2007 г. № 24. В 2011 г. с целью определения границ поселения и поиска грунтового могильника в пределах охранной зоны экспедицией «Наследие Кубани» было заложено 27 шурфов на территории обследуемого участка. На поверхности поселения собран подъемный археологический материал.

Как было установлено, поселение расположено с северной стороны железной дороги на Порт-Кавказ. Центр поселения находится на расстоянии 1,15 км от центра железнодорожной развилки на Порт-Кавказ, на западной окраине хут. Красный, и в 1,2 км, к югу от пос. Черноморский. Поселение размещается на ровной местности, центральная его часть расположена на небольшом возвышении, вытянутом с севера на юг вдоль восточной стороны дренажного канала. С южной стороны вдоль поселения накатана полевая дорога. Памятник находится на участке, арендуемом местным фермером. Его поверхность была распахана осенью 2011 г.

Рис. 1. Местоположение поселения Железнодорожное на географической карте Крымского района

Рис. 2. Поселение Железнодорожное. Исследуемый участок. Вид с севера

Рис. 3. Поселение Железнодорожное. Исследуемый участок. Вид с северо-востока

Стратиграфия памятника представлена двумя слоями: 1) пахотный толщиной до 0,35 м – вероятно, собственно культурный слой, нарушенный в ходе проводившихся здесь ранее мелиоративных и сельскохозяйственных работ, а также в ходе боевых действий в период Великой отечественной войны (часть открытых современных ям вполне могла быть остатками воронок от разрывов снарядов и мин); 2) древняя погребённая почва (слой 2), на глубине 0,70–0,80 м плавно переходившая в материковый суглинок жёлтого цвета с известковыми включениями (так называемая «белоглазка»). Толщина слоя древней погребённой почвы уменьшается в западном направлении.

При разборке пахотного слоя (слой 1) на исследуемой площади был найден малочисленный вещественный материал – всего лишь 2456 обломков керамики, из которых большую часть составляли фрагменты амфор (70,50 %). В их составе представлены красноглиняные и сероглиняные сосуды с высоким горлом, нередко украшенным горизонтальными каннелюрами, иногда с горизонтальным рифлением на тулове, с полукруглыми, овальными в сечении ручками, порой с вертикальными рельефными выступами, и с плоским дном (рис. 5–8). Следующая по численности группа посуды представлена лепной керамикой (20 %) (рис. 9), в составе которой, наряду с обычными горшками, орнаментированными пальцевыми вдавлениями по краю и прочерченным волнистым орнаментом на плечиках, мисками, кружками,

кастрюлями, крышками, нередко встречаются лепные имитации круговой посуды, прежде всего амфор с горизонтальным рифлением на тулове и плечиках. Столовая круговая посуда (рис. 10; 11) представлена преимущественно простой красноглиняной (6,20 %, в основном обломки кувшинов и мисок) и сероглиняной (3,30 %, преимущественно обломки закрытых сосудов) керамикой, изредка встречаются фрагменты кухонных и толстостенных сосудов для хранения продуктов, сделанных на круге. Среди других категорий находок из пахотного слоя следует отметить обломок бронзового браслета, железные рыболовный крючок, обломок ножа, пряжка, фрагмент ножниц, каменную пряжку, керамические пряслица (рис. 12). Кроме того, в большом количестве найдены куски обмазки сводов печей, использовавшихся для приготовления пищи. Также отметим многочисленные материальные свидетельства Великой отечественной войны: гильзы патронов и артиллерийских снарядов и их осколки, фрагменты противопехотных мин и даже неразорвавшуюся минометную мину.

В пространственном отношении вещественные находки в пахотном слое распределялись неравномерно: их концентрация возрастала в восточном и юго-восточном направлениях. Они почти не встречались в западной части исследованного участка. По всей вероятности, пахотный слой является остатками культурного слоя памятника, нарушенного в ходе мелиоративных и сельскохозяйственных работ современной эпохи.

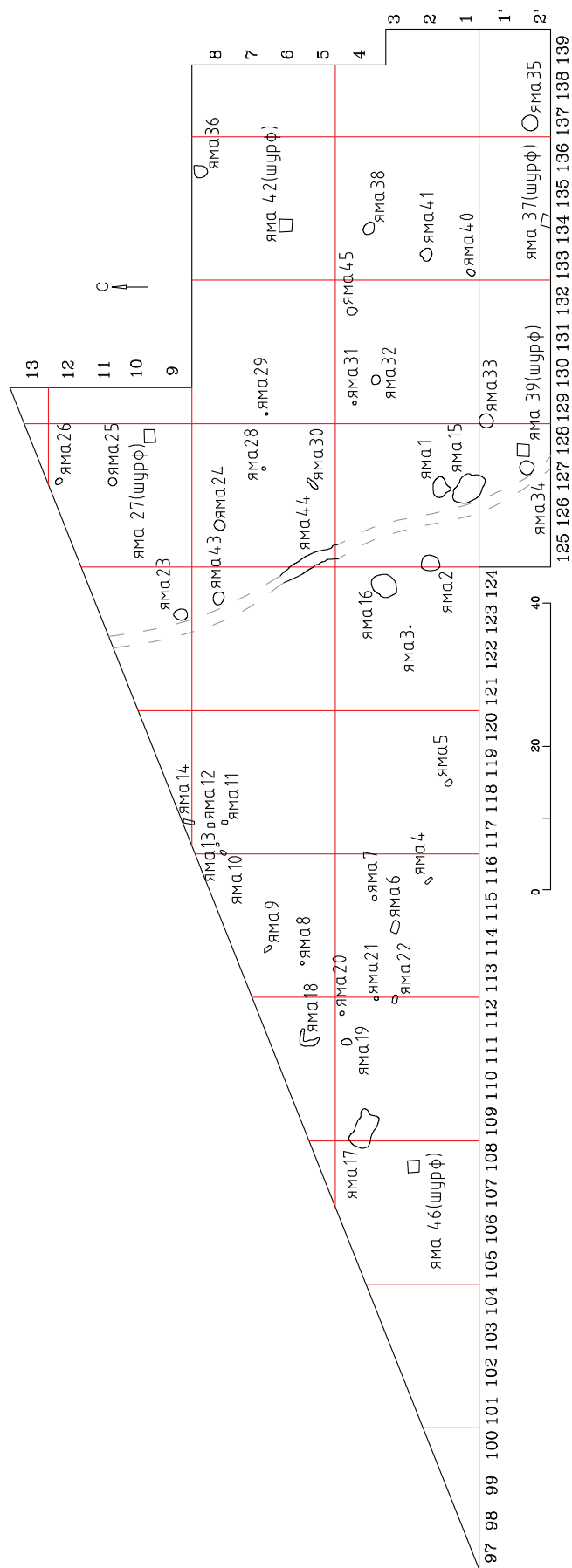

Рис. 4. Поселение Железнодорожное. План исследованного участка на уровне материкового суглинка с выявленными грунтовыми сооружениями

Рис. 5. Поселение Железнодорожное. Обломки амфор из слоя поселения

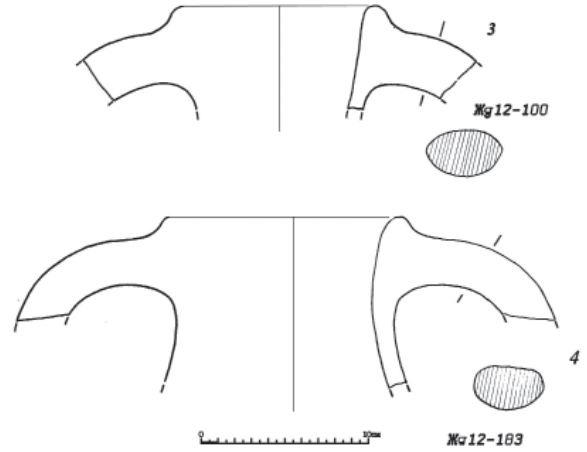
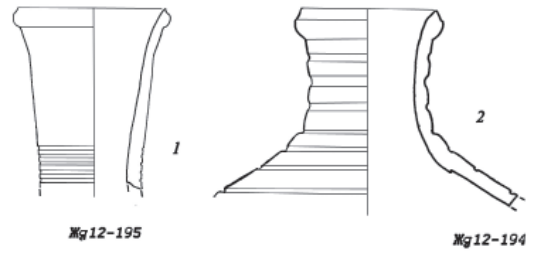

Рис. 7. Поселение Железнодорожное. Обломки амфор из слоя поселения

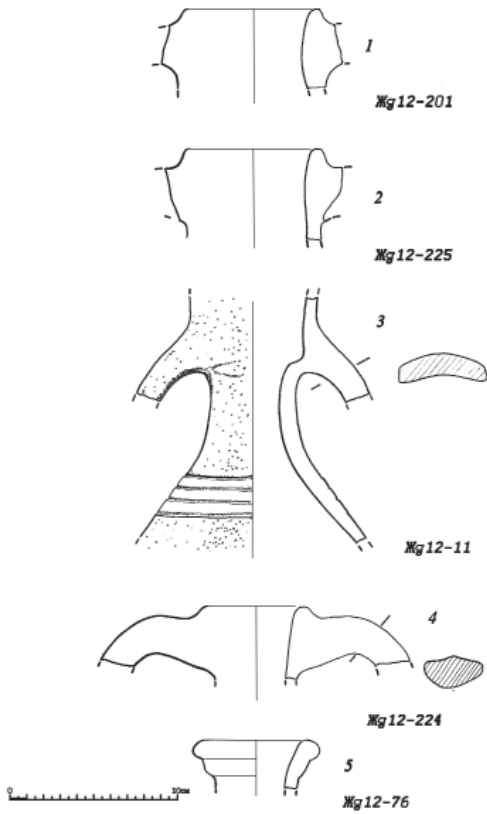

Рис. 6. Поселение Железнодорожное. Обломки амфор из слоя поселения

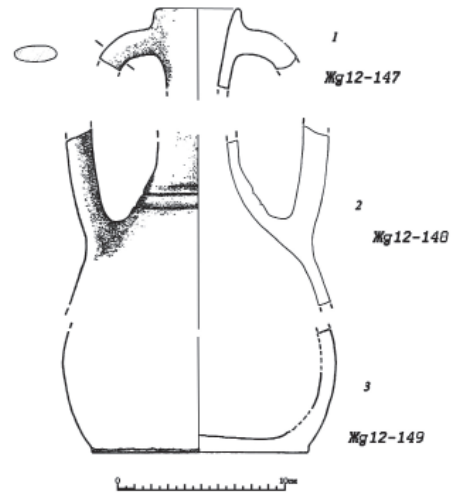

Рис. 8. Поселение Железнодорожное. Обломки амфор из слоя поселения

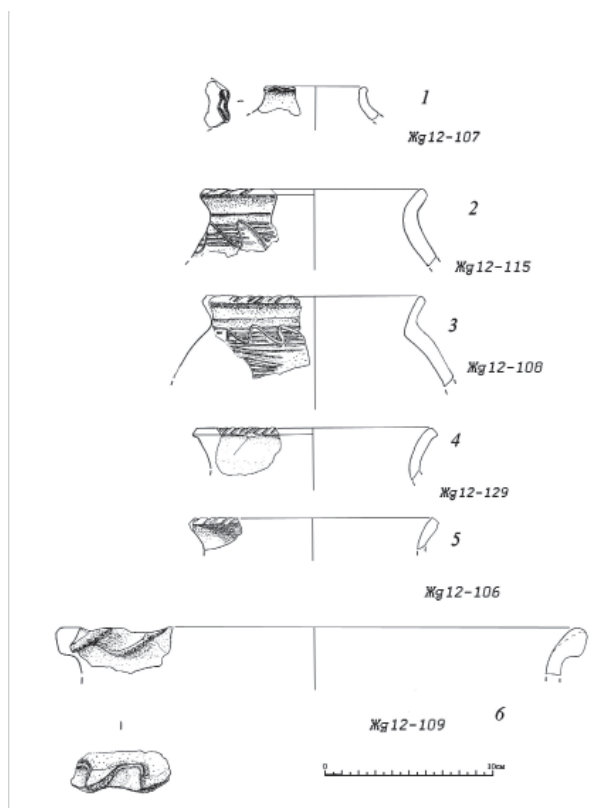

Рис. 9. Поселение Железнодорожное. Обломки лепной керамики из слоя поселения

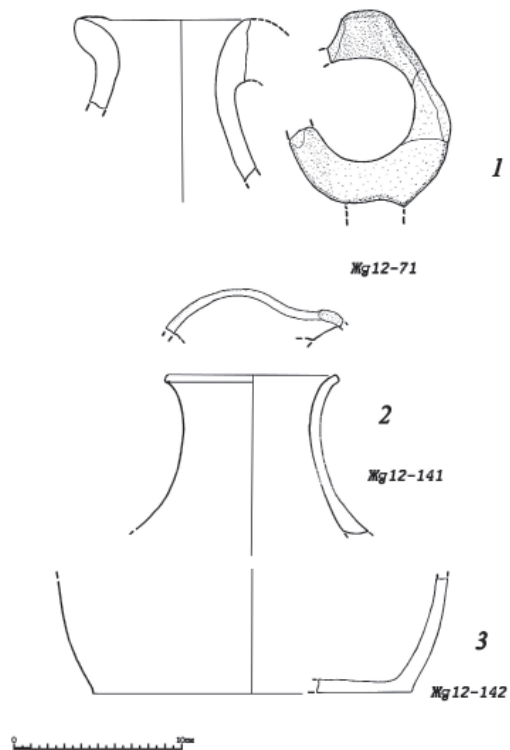

Рис. 10. Поселение Железнодорожное. Обломки круговой посуды из слоя поселения

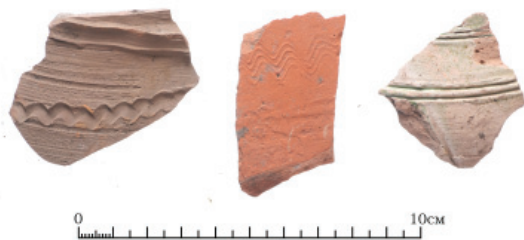

Рис. 11. Поселение Железнодорожное. Обломки круговой посуды из слоя поселения

При разборке древней погребенной почвы (слой 2), толщиной 0,35–0,45 м, уменьшающейся в западном направлении, было найдено всего лишь 69 предметов, из которых 35 обломков амфор, четыре обломка красноглиняной посуды, пять фрагментов сероглиняных сосудов и шесть обломков лепных сосудов, а также керамическое грузило.

На уровне погребенной почвы и материкового суглинка всего было открыто 46 грунтовых сооружений, из которых пять углублений являлись шур-

фами экспедиции «Наследие Кубани» 2011 г., 19 ям связаны с современной деятельностью и периодом Великой отечественной войны, остальные относились к древней эпохе. Как было установлено в ходе раскопок, ямы 1–3, 15, 16, 23, 33, 34 и 43 были устроены вдоль границ ямы (объекта) 44, которая, в свою очередь, скорее всего, является руслом древнего ручья, протекавшего по территории памятника в XII–XIV вв. Здесь же отмечена наибольшая концентрация вещественных находок этого времени, заметно уменьшавшаяся в западном

Рис. 12. Поселение Железнодорожное. Находки из слоя поселения: 1 – железные ножницы; 2 – каменная пряжка; 3 – бронзовый браслет; 4 – глиняное пряслице

направлении, что свидетельствует о пространственном развитии памятника далее к востоку и юго-востоку от ранее установленных его границ в зоне строительства железной дороги. К сожалению, характерный для этой местности высокий уровень грунтовых вод создавал большие трудности, часто непреодолимые, при исследовании объектов, заглубленных в материковый суглинок.

В составе находок из ям отмечены фрагменты тарной керамики (амфор, больших хозяйственных

сосудов), столовой красноглиняной и сероглиняной посуды, лепной керамики, иногда с вдавленным орнаментом (рис. 13; 14), из которых выделено более двух сотен профильных частей (краев, донцов и ручек) для их графической и фотофиксации. Встречаются кости домашних животных.

Полученные в ходе раскопок данные в первом приближении позволяют определить функцию памятника как места для сезонного выпаса домашнего скота, также нуждавшегося в источ-

Жд12-221

Рис. 13. Поселение Железнодорожное. Лепной горшок из ямы 32

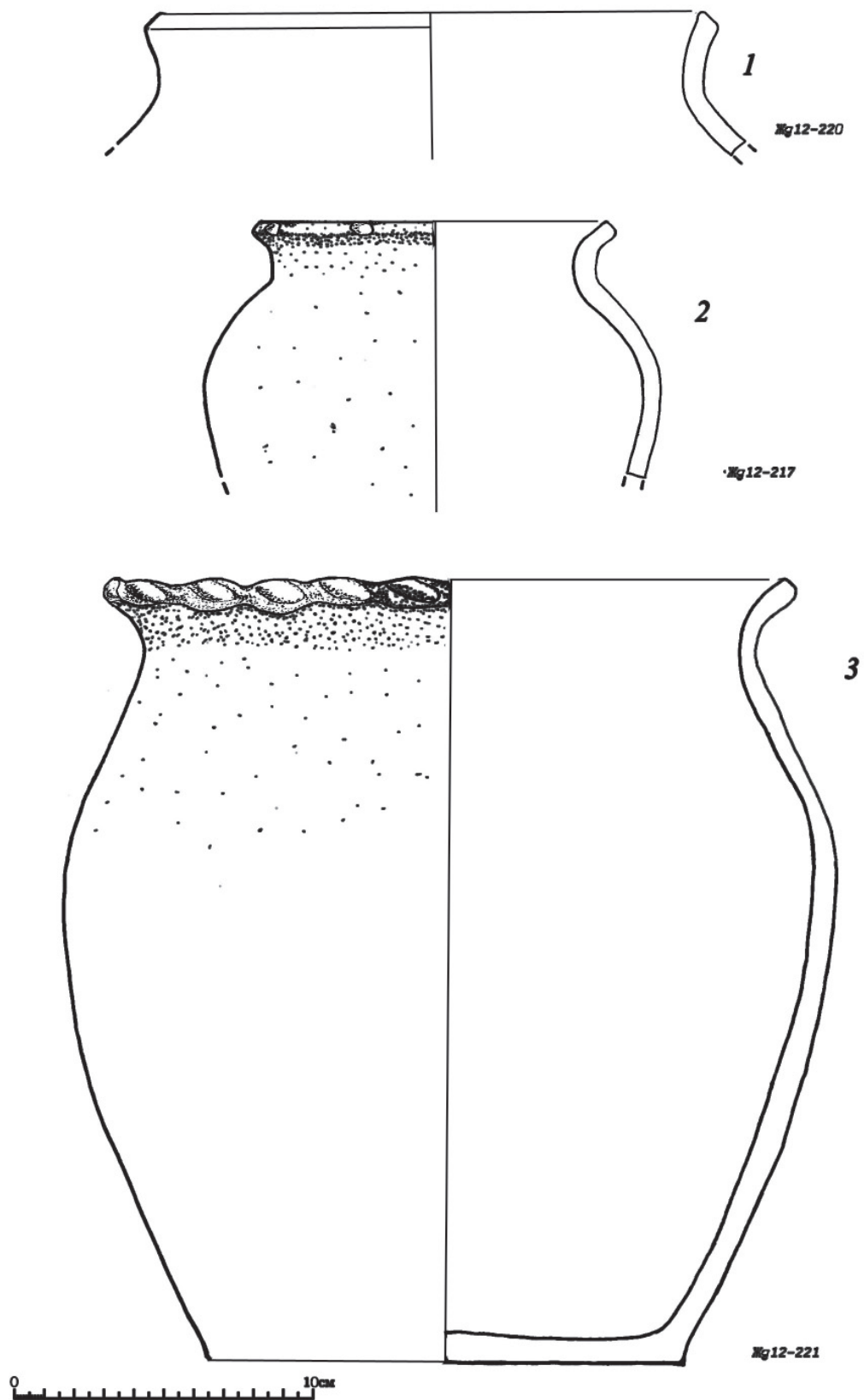

Рис. 14. Поселение Железнодорожное. Лепная керамика из ямы 32

нике питьевой воды, которым в данном случае мог служить вышеупомянутый ручей. Следов недолговременных пастушьих построек, по понятным причинам, не сохранилось, хотя материальные свидетельства жизнедеятельности на этой территории вполне очевидны. Сюда относятся об-

ломки керамической посуды, хозяйственные ямы, кости домашних животных, употреблявшихся в пищу, и куски глиняной обмазки печей для её приготовления. Судя по формам и орнаментации круговой и лепной посуды, памятник может быть датирован XII–XIV вв.

Экспериментально-трасологическое исследование кремней, импортированных на территорию Карельского перешейка в каменном веке – эпоху раннего металла

Е. Ю. Гиря, Д. В. Герасимов, Д. Н. Фёдорова

Введение

Для восточной части Финского залива одним из важнейших археологических свидетельств контактов с удаленными территориями в каменном веке – эпоху раннего металла являются находки кремневых артефактов.

Восточная Фенноскандия, включая Карельский перешеек (рис. 1), практически лишена выходов кремнеосных отложений (Ковнурко, 1963; Галибин, Тимофеев, 1993; Edgren, 1984). Основными типами сырья для изготовления каменных орудий служили кварц и сланец.

Использовался также и импортный кремень, доставлявшийся в разные периоды из разных источников и с различной интенсивностью. Известные нам сегодня ближайшие к рассматриваемому региону источники качественного кремня находятся на расстоянии нескольких сотен километров. Выходы мелового кремня расположены в центральной и западной частях Белоруссии и на юге Литвы. Верхневолжский карбоновый кремень встречается в обнажениях известняков на Валдае и в верховьях Западной Двины. Кремень также выпавался мореной из силурийских отложений в центральной части Эстонии (Галибин, Тимофеев, 1993; Ковнурко, 1963; Jussila et al., 2007; Kriiska, Tvauri, 2007. S. 40; Крийска, 2008).

Таким образом, сам факт присутствия кремневых артефактов в археологических комплексах Карельского перешейка свидетельствует о том, что эти предметы (или заготовки для них) были доставлены из удаленных регионов. Трасологическое изучение двух кремневых артефактов, происходящих из разновременных комплексов Карельского перешейка, позволило получить данные о следах износа на их поверхностях, которые могут быть интерпретированы как свидетельство длительного пребывания данных предметов в человеческом обиходе и, возможно, транспортировки на значительное расстояние в том числе.

Бифас из Ниеншанца

Кремневый бифас из серо-сиреневого кремня (рис. 2) был найден в 2010 г. при раскопках кре-

пости Ниеншанц экспедицией ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьёвой. Крепость расположена в устье р. Охты при впадении в р. Неву на территории Санкт-Петербурга. На этом участке выявлены также артефакты, относящиеся к периодам позднего неолита – эпохи раннего металла (Сорокин и др., 2009; Базарова и др., 2010).

Предметы, аналогичные рассматриваемому бифасу, достаточно широко представлены на памятниках позднего неолита – эпохи раннего металла (конец IV – III тыс. до н.э.) северо-запада России. Ближайшие к устью Охты аналогичные находки происходят со стоянки Сосновая Гора севернее Петербурга (Гурина, 1961. С. 435, рис. 170: 8) и из материалов поселения Усть-Рыбежна 1 в Юго-Восточном Приладожье (Гурина, 1961. С. 349, рис. 126: 11).

Аналогичные изделия обнаружены также на памятниках северо-востока европейской части России, а точнее в комплексах Энты III и VI, Пезмогты IA и IV (Карманов, 2008. С. 45–49). Для различных типов технологий, связанных с бифасиальным расщеплением, характерны специфические последовательности расщепления, различные приемы подготовки зон расщепления, использование ударных инструментов различной твердости и плотности, а также применение различных техник скола – от ударной до отжимной. Для констатации производства на месте, для оценки наличия или отсутствия продуктов расщепления той или иной бифасиальной технологии в каменной коллекции следует рассмотреть ее с точки зрения полноты технологического контекста на наличие заготовок (незаконченных форм), которые могут появиться в связи со стадийностью последовательности расщепления, и на наличие отходов данной технологии – «сколов утончения бифасов». В коллекциях данных памятников широко представлены как заготовки (рис. 3: А), так и готовые изделия (рис. 3: В–Н).

Рассматриваемый нами бифас из Ниеншанца лишен технологического контекста. Он изготовлен из цветного кремня. Без проведения минералогического анализа, судя исключительно по цвету

Рис. 1. Карта расположения рассматриваемых археологических памятников: Сирино и Охта 1

Рис. 2. Кремневый бифас из серо-сиреневого кремня, найденный в 2010 г. при раскопках крепости Ниенианц экспедицией ИИМК РАН

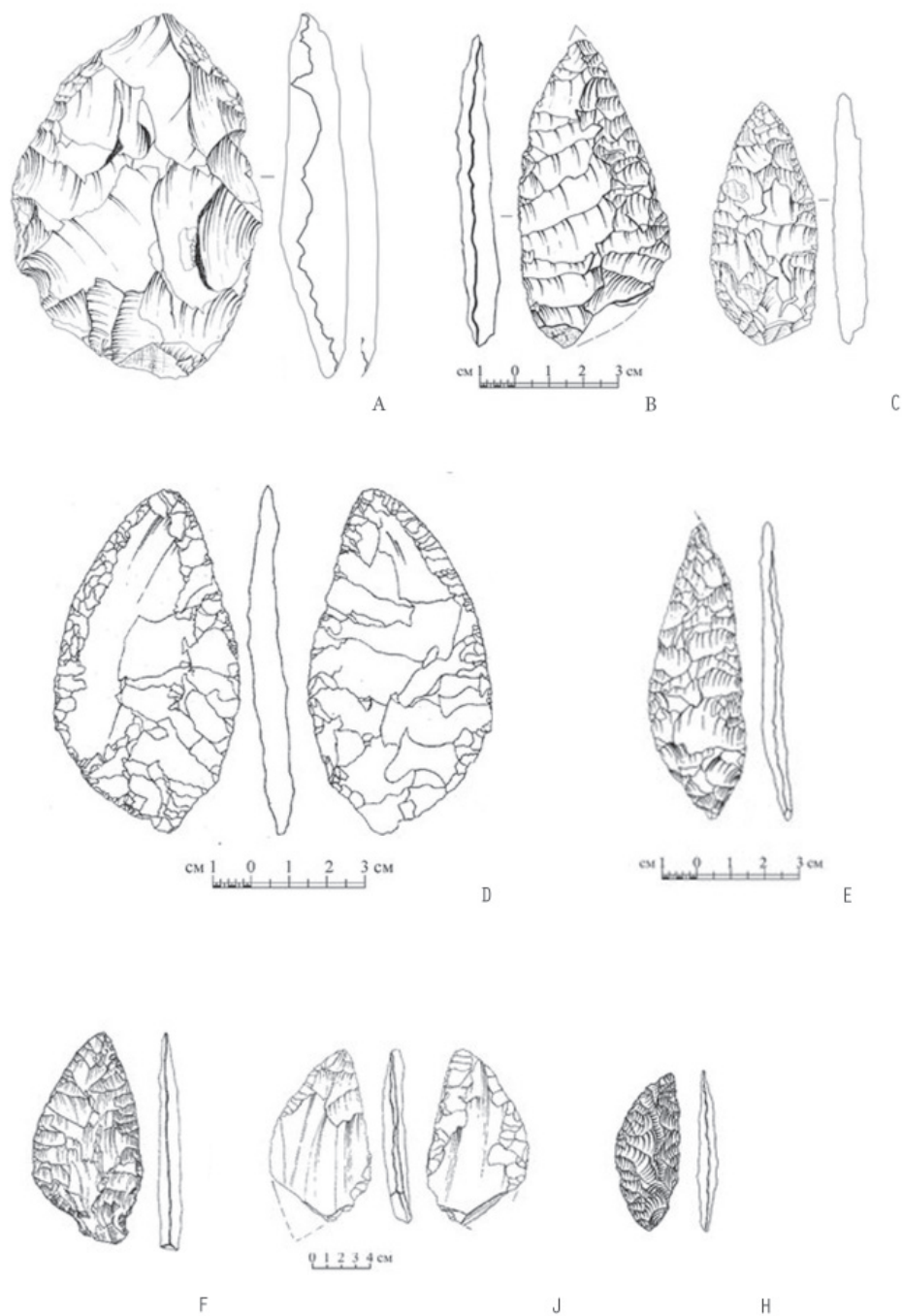

Рис. 3. Аналогии кремневому бифасу из раскопок крепости Ниенишани, происходящие из раскопок памятников Эньты III и VI, Пезмогты IA и IV (по Карманову, 2008. С. 167, 183, 191, 193): A – заготовки; B–H – готовые изделия

и зернистости, мы полагаем, что это хорошо известная разновидность кремня карбонового возраста, широко распространенного в Московской и Тверской областях, чаще всего, обобщенно именуемая «верхневолжским кремнем», т.е. данный тип сырья является импортным для территории Санкт-Петербурга. Ближе северо-восточных отрогов Валдайской возвышенности источники кремня верхневолжского типа нам не известны.

Выходы кремня данной разновидности – фиолетовый или серо-фиолетовый, мелкой и средней зернистости – известны нам по работам в Зарайском районе Московской области (Гирия, 1997. С. 168–169). Фиолетовый кремень грубой зернистости чаще всего встречается в виде очень крупных уплощенных желваков с особенно толстой (до 5 см) и плотной известняковой коркой. Обычно внутри большинства отдельных сырьевых образцов наблюдается зональная слоистость. В одном и том же куске породы могут присутствовать и тонкозернистые желтовато-коричневые прослои, чаще всего примыкающие к корке, и грубозернистые, имеющие фиолетовую окраску. Желваки меньших размеров обычно гораздо более мелкозернистые. Они чаще окрашены в коричнево-желто-красные тона.

В целом сырье верхневолжского типа обрабатывать расщеплением непросто, поскольку оно часто обладает сразу двумя, казалось бы, трудно совместимыми качествами: вязкостью и хрупкостью. Эксперименты по изготовлению тонких бифасов из данного типа сырья показали, что мелкозернистые его разновидности вполне пригодны для такого вида работ.

Рассматриваемое изделие имеет миндалевидную форму. С морфологической точки зрения изделие представляет собой достаточно крупный бифас. Не вызывает сомнения, что сделан он с помощью оббивки с применением технологии вторичного утоньшения. Поверхности его боковых сторон (фасов) в центральной части практически параллельны друг другу, хотя в целом изделие имеет уплощенно-линзовидное сечение с острыми краями по всему периметру. Длина 181 мм, ширина 70 мм, толщина (по наименьшему измерению в центре) 10 мм. Таким образом, отношение максимального значения ширины к минимальной толщине равно семи, т.е. это достаточно тонкий бифас, вполне профессионально выполненный на достаточно сложном для данного типа обработки сырье.

Негативы сколов оформления – широкие, с глубокими ступенчатыми и петлеобразными окончаниями утоньшения, не имеющие каких-либо

признаков регулярности, в месте расположения встречных снятий, сделанные с обоих краев на обе боковые стороны. Большая их часть трансмидиальна, т.е. большинство сколов достигало центра стороны бифаса и продвигалось несколько дальше. По причине того, что изделие было ретушировано по всему периметру, какие-либо следы специально подготовленных площадок и/или пришлифовки, оставшиеся от стадии вторичного утоньшения, на кромках края бифаса не прослеживаются.

Окончательные очертания краев бифаса сформированы дополнительной ретушью. Мы определяем данную ретушь как результат ручного отжима. Фасетки ретуши различны по длине и ширине с преобладанием удлиненных субпараллельных, направленных перпендикулярно краю. У обоих концов изделия фасетки, идущие с противоположных краев, перекрывают друг друга, полностью удаляя рельеф поверхности предыдущих негативов сколов формирования – утоньшения бифаса. Проксимальные участки фасеток этой ретуши достаточно широкие, что свидетельствует об использовании мягкого отжимника. Углы заострения краев бифаса сформированы этой ретушью и приблизительно одинаковы по всему периметру изделия, кроме нижней трети правого края (рис. 2: А). Здесь симметричной двусторонней регулярной, относительно короткой (длиной до 10 мм) отжимной ретушью сформирован более тупой угол кромки края. Фасетки этой ретуши срезают негативы снятий, полученные на всех предыдущих этапах, т.е. ретуширование данного участка было заключительным этапом изготовления орудия.

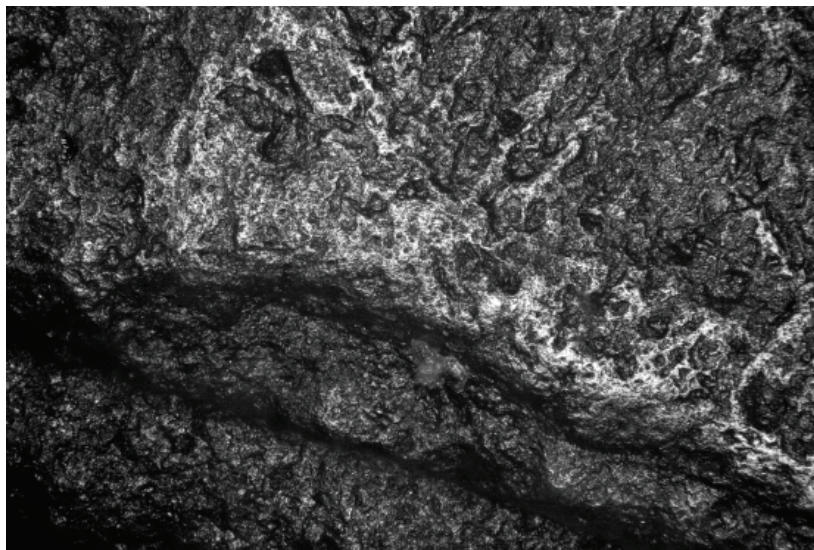
Таким образом, морфологически, т.е. технологически, на поверхности бифаса, выделяются (читаются) следующие участки: остатки поверхности негативов широких сколов, полученных оббивкой на стадии формирования – утоньшения бифаса, с их помощью было сформировано «тело» изделия, определены длина, ширина и толщина, задано уплощенно-линзовидное сечение; поверхность, сформированная в ходе отжимного ретуширования, придавшего изделию необходимые очертания в плане, а также определившего угол заострения краев и форму кромок в профиле по большей части периметра изделия; поверхность, сформированная серией регулярных негативов ретуши притупления нижней трети правого края бифаса.

Трасологически все упомянутые участки поверхности бифаса контрастны. Иными словами, они имеют различный характер изменения исходного естественного микрорельефа расщепленного

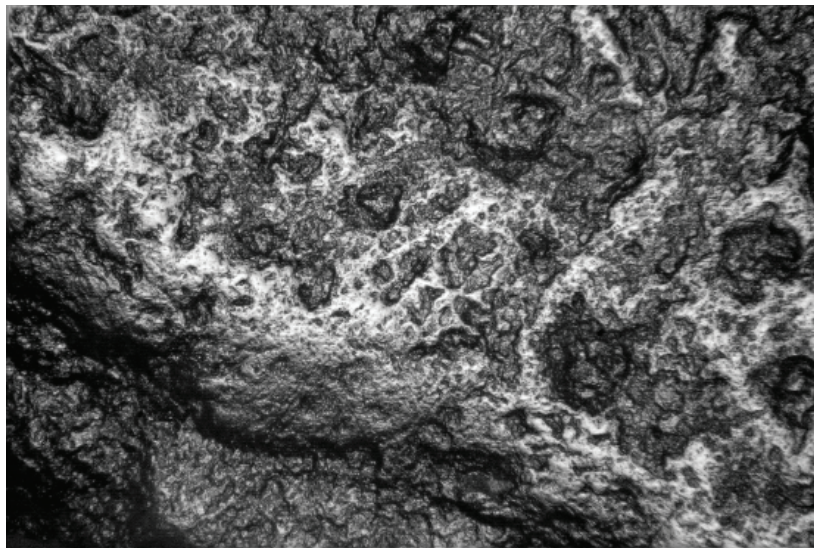
кремня. Поверхность, представленная остатками негативов сколов формирования-обработки, ограниченная окружающими ее фасетками последующей ретуши в центре изделия вдоль длинной оси на обеих его сторонах, имеет хорошо выраженный неутилитарный износ. Он представлен скруглением наиболее выпуклых межфасеточных ребер и легкой пришлифовкой выступающих участков прилегающих поверхностей. При осмотре под металлографическим микроскопом этот износ имеет вид заполировки, в чем-то напоминающей следы от работы по сухой шкуре. Это такая же «рыхлая» заполировка, однако она локализуется только на самых высоких точках рельефа, не про-

никая даже в самые широкие депрессии (рис. 4: А). При больших увеличениях хорошо видно, что, в отличие от заполировки «от сухой шкуры» на самых выступающих участках, этот износ имеет вид ноздреватых, но достаточно компактных сплошных пятен кремневого геля без выразительных линейных следов на их поверхности (рис. 4: В).

Поскольку анализ неутилитарного износа не является стандартной процедурой современных трасологических исследований, мы считаем уместным привести здесь необходимые пояснения. Данный тип износа был определен как особый

А

В

Рис. 4. Следы неутилитарного износа на боковой поверхности бифаса из крепости Ниеншанц: А – увеличение X100; В – увеличение X200. Прямое, проходящее через объектив освещение. Здесь и далее для всех микрофотографий – цифровое изображение, полученное путем совмещения серии частично резких кадров с помощью программы Helicon Focus

тип следов, наряду с традиционно выделяемыми в археологической трасологии «следами использования» и «следами обработки» (Семёнов, 1957. С. 11–30) в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века (Гиря, Ресино Леон, 2002. С. 182; Giria, 2004. P. 151). В течение прошедших лет в целях его изучения было проведено немало исследований археологических материалов и поставлено более сотни различных экспериментов. Следы неутилитарного износа были обнаружены на артефактах самого различного назначения – от нуклеусов до предметов искусства – и самого различного возраста – от изделий среднего палеолита до кресал и ружейных кремней XIX в.

Такие следы неизбежно формируются на поверхности любых предметов, достаточно долго находящихся в обиходе человека. Любые вещи (природного и/или искусственного происхождения) в ходе постоянного использования, контактов с иными предметами, переноски и т.п. приобретают определенный износ поверхности. К примеру, каждый может невооруженным глазом отличить новую, недавно отчеканенную монету от старой, уже побывавшей в хождении. Такое же различие может быть прослежено и для каменных орудий, только для этого понадобятся не только определенные навыки, но и специальное оборудование. Название «неутилитарный износ», в отличие от терминов «следы использования» и «следы обработки», традиционно выделяемых в археологической трасологии (Семенов, 1957. С. 11–13), на наш взгляд, удачен. Он вполне отражает неслучайность, закономерность и в то же время многофакторность, полигенность причин возникновения такого рода изменений поверхностей предметов. Термин «следы транспортировки», иногда используемый нами в качестве синонима термина «неутилитарный износ», весьма конкретен. Тем не менее его употребление, по-видимому, уместно в тех случаях, когда есть основания для столь узкого определения причин возникновения следов.

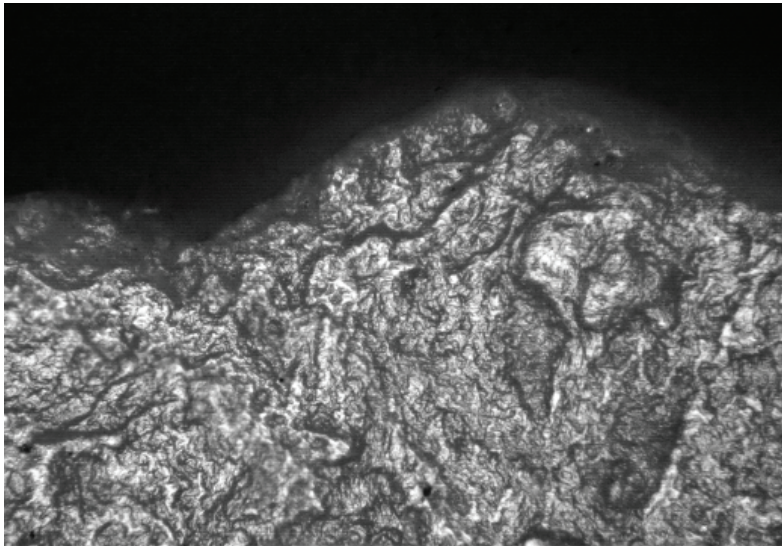
Признаки неутилитарного износа, как и любого иного вида изменения микрорельефа поверхности, определяются путем сравнения с известной исходной, полученной в результате производства изделия, поверхностью. На поверхностях мягких материалов эти следы формируются быстрее, но плохо сохраняются. На твердых каменных поверхностях они формируются дольше, но сохраняются лучше.

Опыт проведения слепых тестов, нацеленных на выяснение возможности выявления и определения неутилитарного износа на орудиях из различных видов сырья (кремня, кварца, кварцита

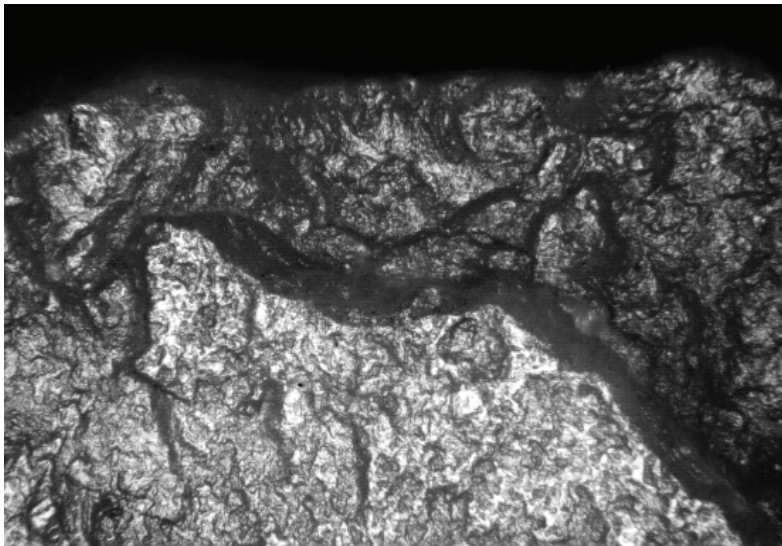
и обсидиана) показал, что даже начинающие специалисты-трасологи в состоянии справиться с этой задачей, используя только бинокулярную лупу. Так, в ходе работы Международной экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН, проводившейся на археодrome «Затерянный мир» Донского археологического общества в 2012 г., в слепом тесте приняли участие восемь молодых исследователей. Тест был посвящен определению следов неутилитарного износа, признаков повторной обработки (подправки изделия после неутилитарного износа) и следов от залегания в культурном слое. В среднем количество верных определений превысило 87 %, при этом два стажера-исследователя сумели достичь 100 % правильных определений.

Возвращаясь к артефакту из Ниеншанца, напомним, что в ходе анализа следы неутилитарного износа в развитом виде обнаружены лишь на поверхности фасеток, сделанных на стадии вторичного утоньшения бифаса. Все иные участки поверхности изделия, сформированные негативами фасеток последующего, более позднего, ретуширования, в сравнении с описанными выше выглядят практически «свежими». Межфасеточные ребра в этих зонах изделия соответствуют своему исходному, полученному в ходе производства, виду: они либо острые, либо с минимальными признаками неутилитарного износа и/или следов от залегания в культурном слое. Мы не приводим их макро- и микрофото лишь по причине их ординарности, в целях сокращения объема публикации.

Кроме неутилитарного износа, на поверхности описываемого бифаса обнаружены и иные следы. Прямой участок одного из краев бифаса (рис. 2: А, правый край от верхнего конца до нижней трети длины), по всей видимости, имеет следы использования и может быть признан за рабочий край рыбного ножа (рис. 5: А, В). Большой уверенности в точности данного определения у нас нет по следующим причинам: следы на данном участке кромки не самой лучшей сохранности по причине многократного повторного ретуширования края и слабого развития износа на уцелевших участках; было бы гораздо легче интерпретировать данный износ, если бы он был представлен не на одном орудии, а на серии изделий; мы не располагаем достаточным количеством эталонных (полученных экспериментальным путем) орудий из верхневолжского сырья с таким видом износа; сам по себе износ каменных орудий от обработки рыбы, как специфический вид следов, пока еще недостаточно четко определен в археологической трасологии (Коробкова, Щелинский, 1996. С. 48–51).

A

B

Рис. 5. Следы на кромке дистальной части прямого лезвия бифаса, интерпретируемые нами как износ от обработки рыбы: А, В – увеличение X200. Прямое, проходящее через объектив освещение

Тем не менее, опираясь на наши собственные эксперименты и опыт коллег, мы полагаем, что более всего этот вид износа характерен именно для рыбных ножей. Линейные следы в виде отдельных полос заполировки или царапин на данном изделии нами не прослежены. На описываемом бифасе данный износ выражен: притуплением кромки за счет чешуйчатого выкрашивания (микрофасетки размерами до 1 мм); хорошо развитой «мясистой» заполировкой, заходящей достаточно далеко от кромки края, проникающей в самые мелкие депрессии микрорельефа, не приводящей к значительному округлению острых участков кромки в плане и в профиле (рис. 5: А); наличием множественных разреженных мелких пятен сплошной яркой (как от

контакта с костью, но без выразительных мелких трещин) заполировки на фоне «мясного» износа (рис. 5: В).

Судя по несколько более развитому неупотребительному износу нижней трети бифаса с обеих сторон, можно предположить, что данная часть испытывала дополнительное воздействие в результате ее фиксации в рукояти. Лишь отсутствие линейных следов в виде царапин и разнонаправленных борозд на участках с интенсивной заполировкой удерживает нас от твердой констатации того, что в данном месте орудие имело длительный контакт с поверхностью иного рода. Как показывают результаты экспериментов, при достаточной чистоте работы,

при отсутствии абразивных частиц между рукоятью и орудием, отсутствие таких следов вполне вероятно даже после продолжительного использования. Не исключено, что притупление нижней трети края бифаса самой последней серией мелких фасеток также было вызвано необходимостью адаптации под рукоять.

Суммируя полученные наблюдения, можно констатировать, что данное изделие в виде бифаса, неизвестных нам очертаний, вначале подверглось достаточно длительной транспортировке, после чего было подвергнуто дополнительной обработке отжимной ретушью, выполненной достаточно профессиональным образом, и превращено в орудие миндалевидной формы, использованное впоследствии, вероятнее всего, в качестве рыбного ножа. В ходе использования рабочий край орудия неоднократно подправлялся, особенно вблизи острия, в верхней трети изделия.

Отщеп из мезолитического слоя стоянки Силино

Не менее интересную информацию нам удалось получить в результате исследования отщепа, происходящего из жилого комплекса периода позднего мезолита, выявленного на многослойном памятнике Силино в Приозерском районе Ленинградской области. (рис. 6). Отщеп происходит из слоя, содер-

жащего комплекс позднего мезолита, подтопленного во время максимума Литориновой трансгрессии 5500 до 4800 лет до н.э. (около 6200 лн). Из этого слоя получены AMS даты по углю 6010–5720 лет до н.э. (6975±80, Hela-524), 5970–5620 лет до н.э. (6860±75, Hela-526), 5890–5560 лет до н.э. (6815±80, Hela-525) (Герасимов, Кулькова, 2003; Takala, Sirviö, 2003; Timofeev *et al.*, 2004). Данный отщеп также изготовлен из кремня явно импортного, вероятнее всего верхневолжского, происхождения (минералогический анализ нами не производился).

Морфологически это не целый отщеп, а лишь его обломок без проксимальной части. Судя по огранке спинки и петлеобразному окончанию, есть основания полагать, что он снят с какого-то достаточно крупного изделия, с поверхности со следами разнонаправленных широких негативов сколов оббивки. На обеих сторонах скола хорошо читаются следы термической десквамации в виде внутренних, не выполнившихся трещин на спинке и брюшке и в виде негативов отслоившихся чешуек на брюшке, т.е. данный артефакт побывал в костре.

На дорсальной поверхности скола невооруженным глазом хорошо различим интенсивный люстраж, особенно контрастирующий в сравнении с матовой поверхностью брюшка. В ходе анализа под микроскопом удалось установить, что это результат за-

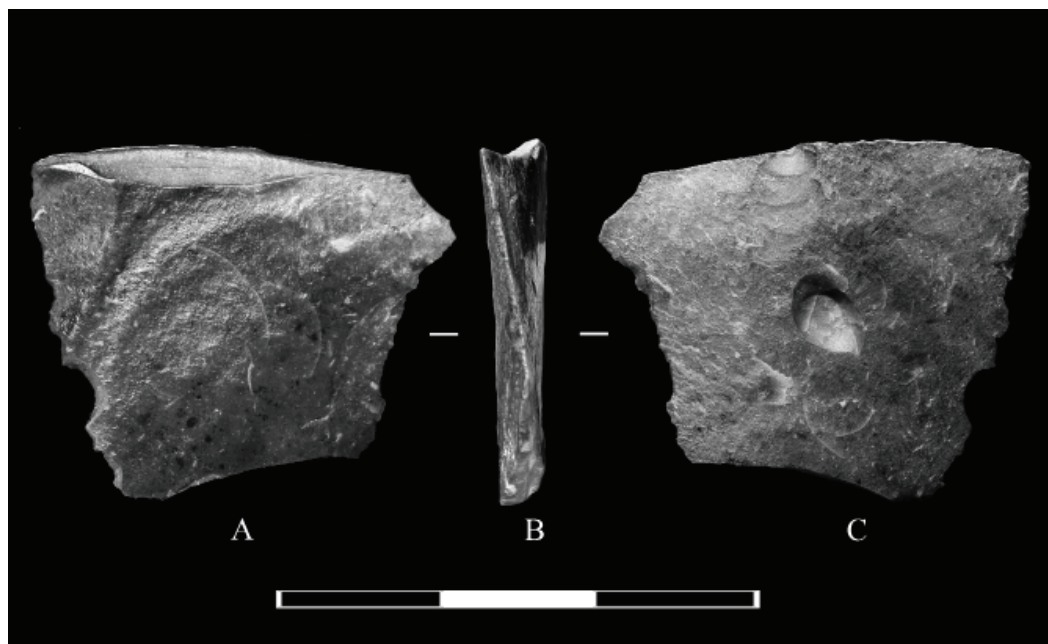

Рис. 6. Дистальная часть кремневого отщепа, происходящая из жилого комплекса периода позднего мезолита, выявленного на многослойном памятнике Силино. Приозерский район Ленинградской области. Раскопки Д. В. Герасимова

полировки, возникшей на лезвии орудия, частью которого данный скол когда-то являлся. Причем, поскольку данный тип следов изучен вполне основательно, мы уверенно определяем его как следы копания грунта. В целях установления функции костенковских «топоров», оказавшихся на деле орудиями для копания земли (Гиля, Ресино Леон, 2002. С. 178–179), нами были произведены десятки экспериментов по использованию кремневых орудий для рытья различных почв и грунтов (суглинков, супесей, песка и других видов рыхлых отложений). Результаты экспериментов показали, что облик этих следов в определенной мере зависит от вида обрабатываемого грунта. Тем не менее, в силу интенсивности изменения микрорельефа, эти следы определяются с достаточной степенью достоверности, их трудно перепутать с каким-либо иным видом износа.

Это действительно интенсивная, кардинально изменяющая микрорельеф поверхности кремня, мягкоабразивная заполировка. Процесс ее формирования во многом подобен промышленным способам полировки поделочных камней. Влажный грунт в данном случае работает как абразивная паста. Заполировка охватывает всю контактную (с грунтом) площадь рабочего края орудия, мягко огибая и слегка сглаживая межфасеточные ребра. Микрорельеф исходной поверхности (естественной поверхности скола) изменяется кардинально, на отдельных участках он в буквальном смысле истирается и полностью, кроме очень мелких и глубоких депрессий, перекрывается слоем кремневого геля. Такое состояние поверхности камня ювелиры называют «недополировкой» и весьма удачно сравнивают его облик с «лимонной коркой», имея в виду не только ее пористость, но и бугристость.

Однако, в отличие от очищенных и калиброванных промышленных абразивов, состав и размеры частиц почв и грунтов обычно далеко не столь однообразны. В них присутствуют разноразмерные твердые отдельности – песчинки, щебень и т.д. Благодаря контакту с такими частичками, одновременно с выглаживанием и полировкой контактной зоны орудия на ее поверхности возникают линейные следы. Это широкий спектр преимущественно однонаправленных, разноразмерных по длине, глубине и ширине следов – от широких борозд до тонких нитевидных царапин. При прямом, без проскальзывания, столкновении орудия с достаточно крупным и твердым телом в грунте на поверхности заполировки возникают разнообразные ямки-выбоины. В ходе работы, по мере развития износа, заполировка, царапины и выбоины многократно перекрывают друг друга.

Именно так выглядят следы изменения естественного микрорельефа на спинке отщеп из мезолитического слоя стоянки Силино (рис. 7: А, В). Естественный исходный рельеф отчасти сглажен и практически полностью перекрыт гелем заполировки. Блеск присутствует на всей поверхности, однако, ни на микро-, ни на макроуровнях рельеф ее не сглажен. Межфасеточные ребра и выпуклости рельефа «ударной волны» изношены сильнее других участков, но не стертые. Участки матовой естественной поверхности кремня без заполировки сохранились лишь на дне мелких депрессий, и поэтому даже на участках наиболее компактного образования заполировка имеет ноздреватый вид. Линейные следы очень выразительны. Преобладают очень длинные широкие и узкие царапины и борозды. Они несколько разнонаправлены, что говорит о незначительных изменениях угла атаки орудия в ходе работы. Контактный материал был весьма тонкозернистым, поскольку при больших увеличениях можно проследить проникновение заполировки внутрь наиболее широких борозд (рис. 8: А, В).

Таким образом, на основании анализа заполировки и линейных следов с достаточно высокой степенью достоверности мы можем констатировать, что данный отщеп был снят с рабочего края какого-то неизвестного нам орудия, которым копали грунт. Опираясь на результаты наших экспериментов, мы также можем не без оснований полагать, что данный грунт представлял собой достаточно щебнистый суглинок, а не песок. Пески и песчаные грунты оказывают гораздо более сильное абразивное воздействие и оставляют следы с гораздо менее яркой заполировкой.

Кроме рассмотренных выше следов от копания грунта, на данном отщепе обнаружены и следы неупотребительного износа. Если на бифасе из Ниеншанца следы неупотребительного износа сохранились лишь на плоских сторонах, то износ отщепы из Силино представлен более полно – он присутствует и на краях, и на обеих плоских поверхностях. Края отщепы сильно скруглены по всему периметру, на участках с наиболее тонким краем присутствуют фасетки мелкой нерегулярной выкрошенности, также имеющие скругленную кромку. Благодаря наличию на брюшке негатива скола термической десквамации, обнажившего участок незатронутого износом естественного рельефа поверхности кремня, существует возможность наблюдать в едином поле зрения микроскопа контакт не тронутой износом исходной и видоизмененной поверхностей (рис. 9). На брюшке и краях этот износ представлен в наиболее «чистом» виде (рис. 10:

A

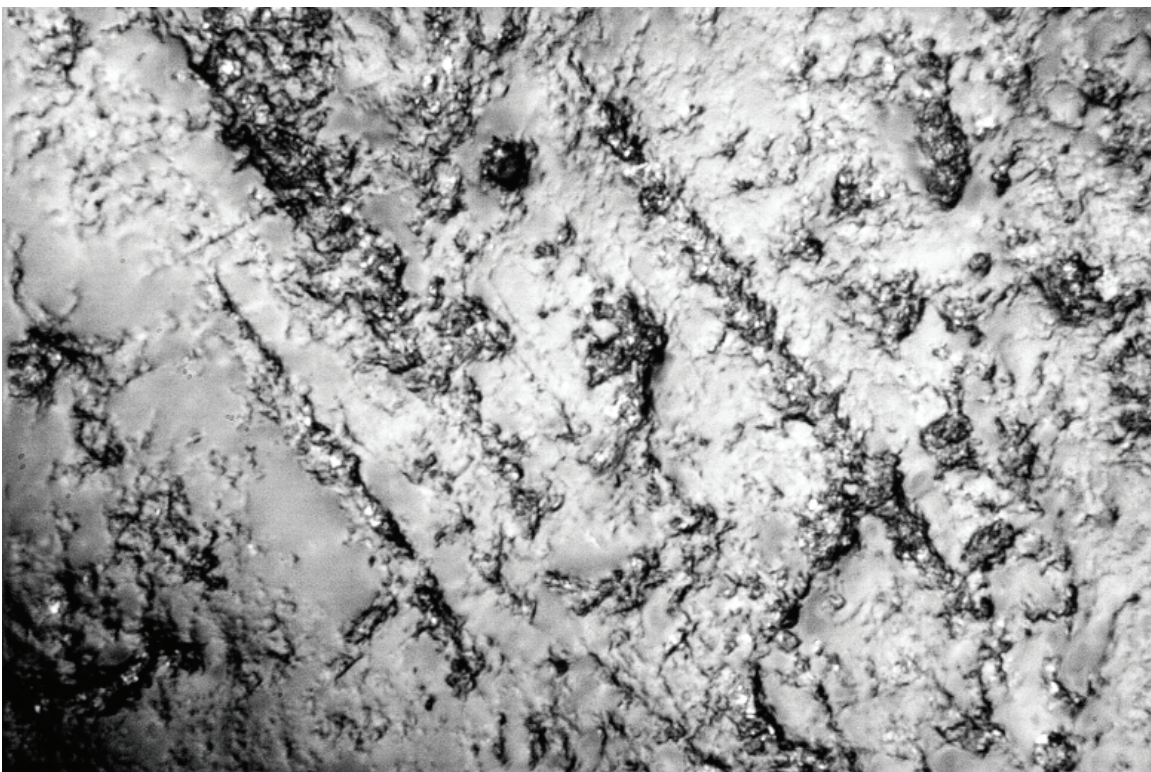

B

Рис. 7. Следы от копания грунта на дорсальной поверхности кремневого отщепы из мезолитического слоя стоянки Силино: А – заполировка и царапины (косонаправленное освещение, увеличение X5); В – заполировка и царапины (прямое, проходящее через объектив освещение, увеличение X50)

A

B

Рис. 8. Следы от копания грунта на дорсальной поверхности кремневого отщепы из мезолитического слоя стоянки Силино: А – увеличение X100; В – увеличение X500. Прямое, проходящее через объектив освещение

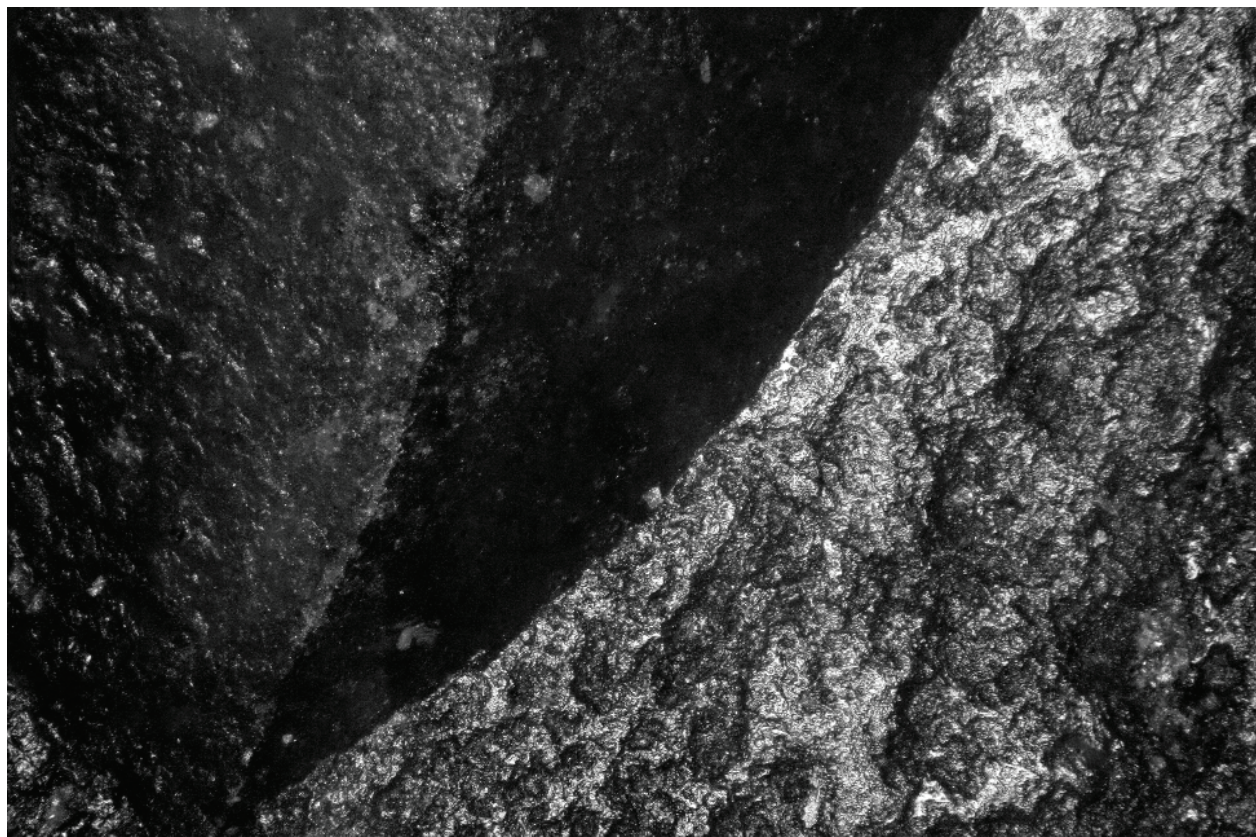

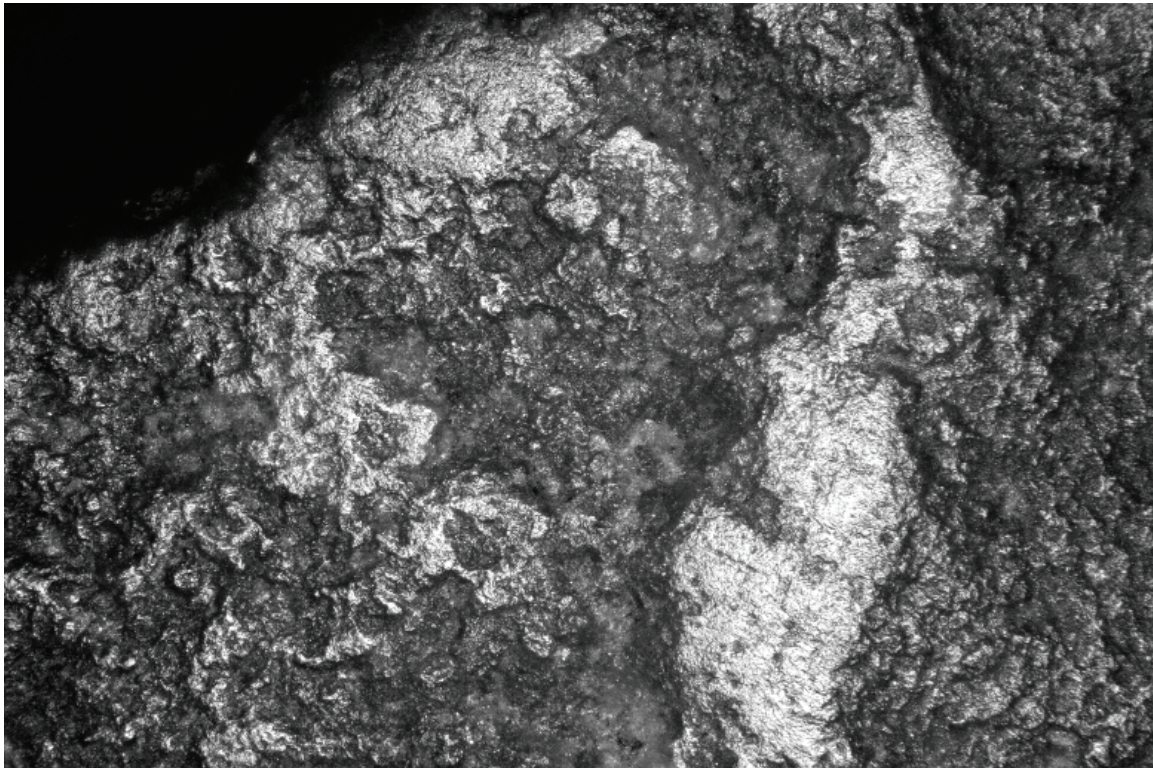
Рис. 9. Негатив скола термической десквамации и следы неутилитарного износа на поверхности брюшка кремневого отщепца из мезолитического слоя стоянки Силино. Естественная поверхность скола кремня – левый верхний угол изображения. Поверхность с заполировкой от неутилитарного износа – правая часть изображения. Прямое, проходящее через объектив освещение, увеличение X100

А, В). Он в деталях аналогичен такому же типу следов на бифасе из Ниеншанца (рис. 4: А, В).

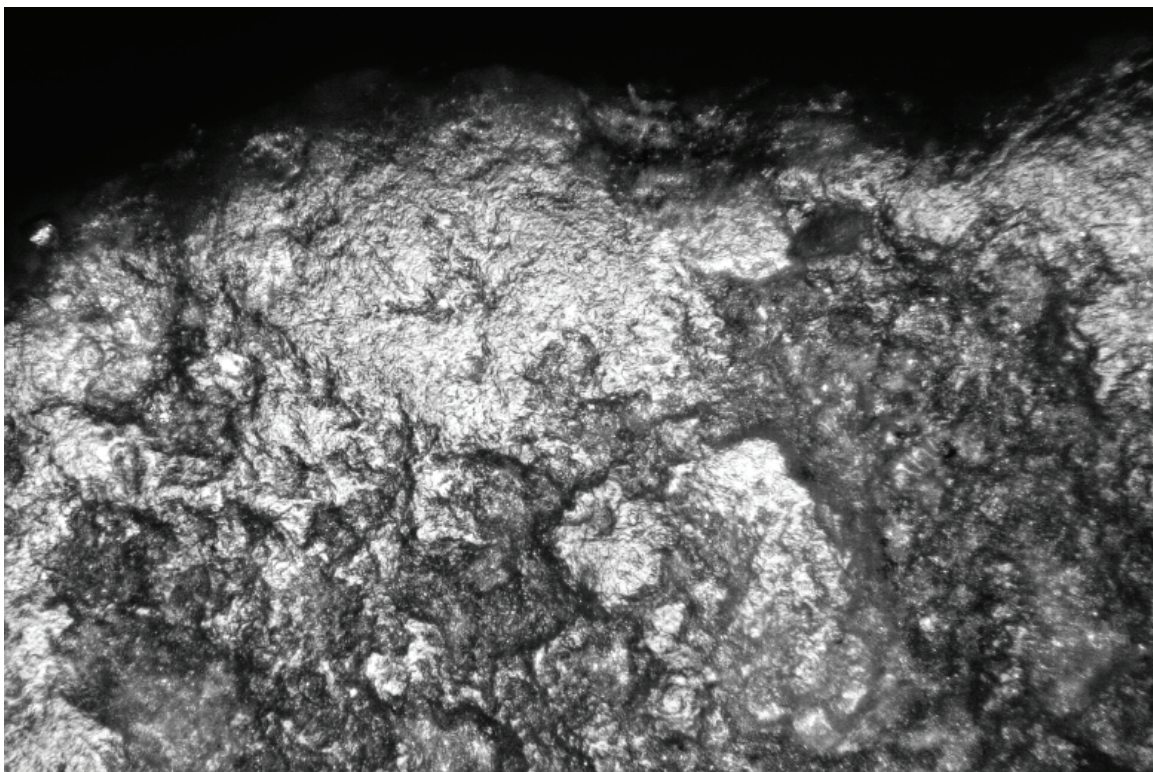
На поверхности спинки неутилитарный износ перекрывает износ от копания грунта. Это достаточно редкий и весьма ценный для трасологов случай столь очевидно представленного наложения различных видов следов (рис. 11: А, В). В отличие от следов копания, зоны развитого неутилитарного износа концентрируются только на выступающих участках поверхности спинки отщепца. Наложение двух различных заполировок читается достаточно легко, в первую очередь благодаря различию в фактуре заполированных поверхностей. Участки с матовой шероховатой заполировкой от неутилитарного износа достаточно сильно контрастируют с относительно более гладкой и блестящей заполировкой от копания грунта. Поверхности со следами заполировки от копания испещрены многочисленными линейными следами. В зонах развитого неутилитарного износа эти следы уничтожены. Сохранились только са-

мые крупные и рельефные борозды-царапины. Не вызывает никаких сомнений, что в случае, если бы следы от копания грунта перекрывали неутилитарный износ, последний вряд ли бы уцелел. Благодаря экстенсивному развитию по горизонтали и вертикали микрорельефа, блестящая заполировка от контакта с грунтом уничтожила бы любые следы неутилитарного износа.

Таким образом, анализ следов на отщепе позволяет реконструировать достаточно сложную цепь событий из «жизни» данного кремня. Вначале изготовленное из импортного сырья орудие используется для копания грунта. Потом оно либо подправляется, либо переоформляется во что-то иное, от чего и происходит данный отщеп со следами от рытья земли на дорсальной поверхности. Отщеп почему-то не выбрасывают, а достаточно долго носят с собой. Потом он попадает в огонь, т.е. данному отщепу в древности явно было уделено некое особое внимание. В чем оно выражалось, скорее всего, мы никогда не узнаем.

A

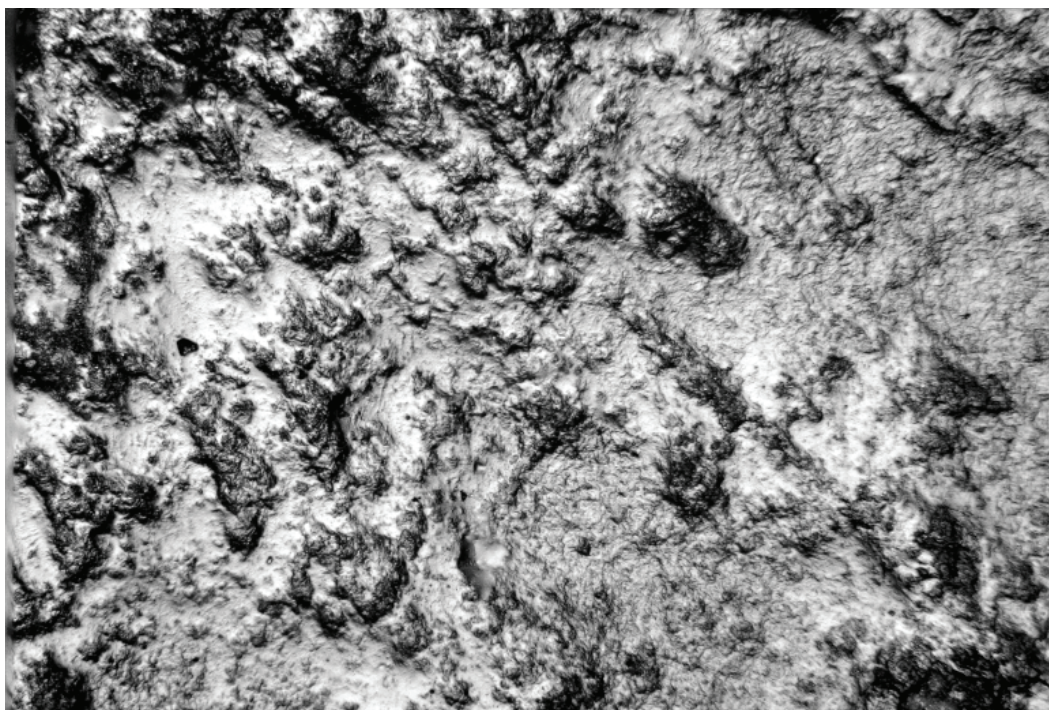

B

Рис. 10. Следы неутилитарного износа в виде матовой заполировки краев и выступающих участков поверхности бруска кремневого отщепца из мезолитического слоя стоянки Силино: А – увеличение X100; В – увеличение X200. Прямое, проходящее через объектив освещение

A

B

Рис. 11. Наложение следов неутилитарного износа и следов от копания грунта на дорсальной поверхности кремневого отщепы из мезолитического слоя стоянки Силино: А – рыхлая, матовая заполировка от неутилитарного износа (левая часть изображения), глубокая диагональная царапина-борозда – остаток следов от копания грунта, гладкая блестящая заполировка и царапины от копания грунта (правая часть изображения), увеличение X100; В – гладкая блестящая заполировка и царапины от копания грунта (левая часть изображения), рыхлая, матовая заполировка от неутилитарного износа (правая часть изображения), глубокая диагональная царапина-борозда – остаток следов от копания грунта, увеличение X200

Объяснений гипотетического характера может быть выдвинуто великое множество: от предполагаемой особой магической сущности данного кремня до его более банального и прагматического использования в качестве образца сырья. Однако нам представляется важным подчеркнуть, что хотя данный отщеп орудием как таковым никогда и не был, после отделения от ядрища он достаточно долго находился в обиходе его обладателей.

Заключение

В двух рассматриваемых случаях мы имеем два различных по типу комплекса актов человеческой деятельности, цепочек поступков древних людей – «*chaîne opératoire*». Но в обоих случаях ясно, что данные вещи достаточно долго были включены в человеческий обиход. В случае с бифасом это, скорее всего, транспортировка, ношение совместно с иными каменными орудиями, использование, хранение в походном мешке и/или иные виды манипулирования изделием в течение длительного времени. В случае с отщепом, как уже указывалось, причины возникновения неутилитарного износа не ясны. Тем не менее результаты нашего исследования вполне достоверно могут быть интерпретированы как свидетельства различий в сырьевой стратегии, по крайней мере в отношении двух рассматриваемых артефактов.

Отщеп с ретушью из позднемезолитического комплекса изготовлен на принесенном издалека сколе с относительно крупного орудия. Этот скол, возможно, не представлял никакой ценности в месте своего происхождения. Для периода позднего мезолита, по сравнению с предшествующим периодом, на Карельском перешейке, как и во всем регионе Финского залива, по археологическим данным, фиксируется значительное ослабление связей с удаленными территориями, богатыми выходами кремня (Kriiska *et al.*, 2010; Герасимов и др., 2010). Находки кремневых артефактов этого времени свидетельствуют о стремлении к максимальному использованию редкого кремневого сырья. Поэтому транспортировка случайного скола на значительное расстояние вполне соответствует такому толкованию особенностей сырьевых стратегий данного периода.

В позднем неолите – эпоху раннего металла регион Финского залива вновь включен в систему развитых межрегиональных связей, фиксируемых по распространению однотипных изделий, таких как украшения из прибалтийского янтаря, топоров русско-карельского типа, производившихся в специализированных мастерских в Прионежье, накопителей типа пюхансилта и специфических слан-

цевых блесен (Лозе 1985; Тарасов 2008; Тарасов и др., 2010; Nunez, 1998; Zhulnikov, 2008). Доля кремневых предметов в материалах этого времени значительно выше, чем в позднем мезолите – раннем неолите. Значительно количество находок крупных бифасиальных предметов. В позднем неолите – эпоху раннего металла кремнь, вероятно, поступал на территорию Карельского перешейка в виде крупных заготовок, завершающая обработка которых происходила уже на месте. Об этом свидетельствуют клад кремневых заготовок из Разлива и выявленные в ряде комплексов скопления отщепов, морфологически определяемых как отщепы утоньшения бифасов (Герасимов, 2000; 2006). Об этом же свидетельствует и наша интерпретация результатов трасологического анализа бифаса из раскопок на Охте.

Некоторые аналогии в структуре кремневого сырья бифаса из Ниеншанца и отщепа из Силино позволяют предположить их происхождение из очень близких источников, что, при справедливости нашего предположения, является свидетельством устойчивости направления межрегиональных связей на протяжении тысячелетий.

Авторы благодарны за предоставленные материалы и консультации Н. Ф. Соловьёвой, А. Ю. Тарасову, В. Н. Карманову, Н. В. Косоруковой, М. А. Юшковой.

Источники и литература

- Базарова В. И., Бобкова А. А., Васильев Ст. А., Воротинская Л. С., Гордилов А. Ю., Екимова А. А., Илюхина О. М., Ластовский А. А., Мурашкин А. И., Никитин М. Ю., Соловьёва Н. Ф., Суворов А. В., Хребтикова К. С., Шаровская Т. А., 2010. Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. СПб. № 1.
- Галибин В. А., Тимофеев В. И. 1993. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // Археологические вести. СПб. Вып. 2.
- Герасимов Д. В., 2000. Культурно-хронологическая атрибуция местонахождения Разлив на Карельском перешейке // ТАС. № 4. Т. 1.
- Герасимов Д. В., 2006. Каменный век Карельского перешейка в материалах МАЭ /Кунсткамеры/ РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. Т. 1 / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.

- Герасимов Д. В., Кулькова М. А. 2003. Хронологическая атрибуция археологических комплексов многослойных памятников Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.
- Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н., 2010. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // Материалы III Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск.
- Гиря Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. СПб. Ч. 2: Методика микро-макроанализа древних орудий труда.
- Гиря Е. Ю., Ресино Леон А., 2002. С. А. Семёнов, Костенки, палеолитоведение // Археологические вести. № 9. СПб.
- Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М.; Л.
- Карманов В. Н., 2008. Неолит Европейского северо-востока. Сыктывкар.
- Ковнурко Г. М., 1963. О распространенности кремня на территории Европейской части СССР: Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.
- Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб. Ч. 1.
- Крийска А., 2008. Приморская адаптация и заселение Западно-Эстонских островов Балтийского моря в каменном веке // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб. Том. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки / Отв. ред. Г. А. Хлопачев.
- Лозе И., 1985. Об основных центрах обработки и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн.
- Семёнов С. А., 1957. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л. (МИА. № 54).
- Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М., Глухов В. О., Екимова А. А., Кулькова М. Н., Мокрушин В. П., 2009. Некоторые результаты изучения поселения Охта-1 в Санкт-Петербурге. Эпоха неолита – раннего металла // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.
- Тарасов А. Ю., 2008. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. СПб. (Замятнинский сборник. Вып. 1).
- Тарасов А. Ю., Крийска А., Кирс Ю., 2010. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: по результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Труды Карельского научного центра РАН. № 4 (Серия гуманитарные исследования. Вып. 1).
- Edgren T., 1984. Kivikausi // Suomen historia. Espoo. № 1.
- Giria Evgeny Yu., 2004. «A Use-Wear Analyses Of Some Middle Paleolithic Flint Artifacts From Buran-Kaya III, Layer B» // Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of the Eastern Crimea / V. P. Chabai, K. Monigal (eds). Liege. (Etudes et Recherches Archeologiques de L'Universite de Liege. Vol. III).
- Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. 2007. The Mesolithic settlement in NE Savo, Finland. And the earliest settlement in the eastern Baltic sea // Acta Archaeologica. Vol. 78. № 2.
- Kriiska A., Tvauri A., 2007. Viron esihistoria. Helsinki.
- Kriiska A., Gerasimov D., Lisitsyn S., 2010. Initial settlement of the Gulf of Finland region // 8th International Conference on the Mesolithic in Europe. Santander.
- Nunez M., 1998. Slates, the “plastics” of Stone Age Finland // Occasional papers in archaeology. Uppsala. Vol. 16 (Third flint alternatives conference at Uppsala).
- Takala H., Sirviö T., 2003. Telkkälä, Muolaa – a multi-period dwelling site on the Karelian Isthmus // Fennoscandia archaeologica. Vol. XX.
- Timofeev V. I., Zaitseva G. I., Lavento M., Dolukhanov P., Halinen P., 2004. The Radiocarbon Datings of the Stone Age – Early Metal Period on the Karelian Isthmus // Geochronometria. Vol. 23.
- Zhulnikov A., 2008. Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions // Estonian Journal of Archaeology. № 12/1.

Находка памятной медали «Свершившемуся тысячелетию государства российского»

В. А. Лапшин, А. А. Лазарев

В мае 2012 г. экспедицией Отдела охранной археологии Института истории материальной культуры РАН были проведены археологические исследования участка, расположенного в северной части Петроградского района Санкт-Петербурга (Левашовский пр., участок 1 восточнее д. 24, лит. А.) При проведении раскопок было заложено четыре шурфа 2 x 2 м, общей площадью 16 кв. м. Они дали материал второй половины XIX–XX вв. Среди археологических находок, относящихся к этому периоду, отдельно следует отметить найденную в шурфе № 1, расположенном в северо-восточной части исследуемого участка, памятную настольную медаль, посвященную празднованию тысячелетия российского государства, отчеканенную в 1862 г. медальером П. Л. Брусницыным (рис. 1; 2).

Медаль выполнена из медного сплава. На ее аверсе по центру изображен профиль императора Александра II. По краю медали расположена надпись «ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО». Под профилем императора фамилия медальера «П. БРУСНИЦЫН Р[.] З». На реверсе по центру изображен памятник тысячелетию России. По периметру расположена надпись «СОВЕРШИВШЕМУСЯ ТЫСЯЩЕЛЕТІЮ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО». Под изображением памятника год чеканки «1862».

Помимо безусловной научной ценности, хотелось бы отметить также символизм данной находки, связанный с празднованием в 2012 г. 1150-летия Российской государственности. В ходе исследования данной находки следует рассмотреть подробнее вопрос зарождения и развития такого явления как создание медалей в европейской культуре в целом.

Первые медали были созданы в Древнем Риме. Во времена установления и укрепления империи по заказам императоров и их ближайших соратников мастера выполняли большие бронзовые медали, которые никогда не служили разменной монетой. Они украшались изображениями императоров и членов их семей, на их оборотной стороне размещались, наряду с фигурами божеств и аллегорическими сюжетами, высокохудожественные изображения сцен

триумфов и жертвоприношений. Тогда же зародились прообразы медалей за военные заслуги – фалеры, бляхи из различных металлов, на которые было нанесено изображение императора, полководца или какого-либо божества, которые надевали на специальные кожаные ремни и носили поверх боевых доспехов. Позднее, в период раннего Средневековья медальерное искусство пришло в упадок. Медали практически не чеканились, а изображения на монетах, как правило, были грубы, просты по рисунку и примитивны по изготовлению.

На рубеже XIV–XV вв. в Северной Италии впервые стали отливать медали как памятные знаки, не имевшие никакой покупательной ценности. Так, в 1390 г. мастер Франческо Каррара изготовил памятные знаки в честь завоевания Падуи. С этого времени памятные медали получили широкое распространение в Италии, а с XV в. – и во всей Европе. Портретные изображения на лицевой стороне итальянских медалей свидетельствовали о влиянии медальерного искусства античности. На оборотной стороне медали, обычно выполненной в технике литья, помещались эмблемы, гербы, аллегорические сцены, комментировавшие портретное изображение.

К середине XV в. медальерное искусство в Италии достигло вершины расцвета. Это было связано с общим подъемом культуры в эпоху Возрождения. Лучшие итальянские медали XV–XVI вв. отличаются строгой простотой композиции, свободное пространственное размещение фигур, лаконичность и высокое качество изображения. Шедевры медальерного искусства создавали М. Пизанелло, М. де Пасти, Б. Челлини, Л. Леоне, Поджи, А. Витторио, С. Савелли, Дж. Треццо, К. Джеремиа, Н. Фьорентино. В эпоху Возрождения появляются прекрасные мастера-медальеры и в других странах Европы: Ж. Пилон и Э. де Лон во Франции, К. Массейс в Нидерландах, А. Дюрер в Германии и другие. На немецких медалях, представляющих галерею портретов князей, герцогов, епископов, бюргеров, в период Реформации появляются религиозно-аллегорические сцены. Особое место в европейском медальерном искусстве занимают медали

Лев-2012-Ш1-109

Рис. 1. Памятная медаль «Свершившемуся тысячелетию государства российского»
(Левашовский пр., д. 24, шурф 1, 2012 г.)

Лев-2012-Ш1-109

Рис. 2. Памятная медаль «Свершившемуся тысячелетию государства российского»
(Левашовский пр., д. 24, шурф № 1, 2012 г.)

(главным образом немецкие и голландские) со сложным изображением битв, осад городов, крепостей и замков, с видами городов, отдельных зданий, свидетельствующие о росте медальерного мастерства. Тогда же создаются агитационные медали, например антипапские медали-монеты немецких протестантских князей.

До XVI в. медали повсеместно отливались в специальных формах. В XVI–XVII вв. в Нидерландах, Англии, ряде княжеств Германии для их изготовления стали также применять гравировку. С появлением в XVII в. достаточно мощных прессов была освоена чеканка медалей с высоким рельефом, ставшая вскоре основной техникой медальерного искусства.

Первые русские наградные медали относятся к XV в. В 1469 г. великий князь Иван III в награду устюжанам за мужество, проявленное в борьбе с ордами Казанского ханства, дважды присылал специальные золотые монеты со своим портретным изображением. Пожалованные монеты-медали нашивались на рукава и шапки, носились как особые знаки отличия, т.е. были прообразом современных наградных медалей.

Несколько позже памятных появляются наградные медали как знаки отличия за военные подвиги. Военные наградные медали как часть наградной системы изучает фалеристика, а как произведение искусства – медальерика.

Медальерика – вспомогательная историческая дисциплина; изучает возникновение и историю медали, становление и развитие медальерного искусства, использует отдельные медали и медальерные комплексы как исторические источники для исследования событий прошлого, жизни и деятельности выдающихся людей, а также изучения истории искусства. Традиционно медальерика входила в состав нумизматики. Как самостоятельную научную дисциплину ученые европейских стран стали выделять ее в первой половине XX в. В России оформление медальерики в специальную историческую дисциплину началось в 50–70-х гг. XX в. Термин «медальерика» этимологически связан с объектом изучения дисциплины – медалями. Медаль (от франц. *medaille*, итал. *medaglia*, лат. *metallum* – металл) – металлический знак, пластинка в большинстве случаев круглой или овальной формы, с изображением на двух сторонах (реже одно-сторонним), выпущенная в честь какого-либо события или выдающейся личности.

Первые наградные медали были специально отчеканены в XVII в. После сражения при Нюрнберге

в 1632 г. шведский король Густав-Адольф вручил офицерам и генералам золотые медали для ношения на шею на золотых цепочках. Для награждения рядовых солдат – участников победоносной битвы или кампании – специальные медали были впервые использованы австрийским императором Иосифом II в 1788 г., позднее такие знаки появились и в других государствах. В России первая военная наградная медаль была пожалована в правление царевны Софьи генералу Аггею Шепелеву за Троицкий поход 1632 г. против восставших стрельческих полков.

Бурное развитие медальерного искусства в России началось в годы царствования Петра I, пригласившего ко двору ряд опытных мастеров для создания памятных, государственных и наградных медалей. Петр ввел обычай отмечать офицеров медалями в память значительных побед над врагом. Особенно широко этот обычай распространился при Екатерине II, в конце царствования которой медали стали вручаться и рядовым солдатам – участникам войн и сражений. Всего при Петре I было выбито 25 медалей, первая в 1701 г. – за победу при Эрестфере, последняя – в 1720 г. за победу при Гренгаме. При Петре I и при Елизавете Петровне в России до 70-х гг. XVIII в. работали в основном мастера-иностранцы, приглашенные из Европы, – Гасс, Иегер и др. Екатерина II, стремясь увековечить память о своем правлении, ознакомилась с лучшими образцами медальерного искусства Европы и приняла меры к его широкому развитию в России: в конце 1764 г. в Академии художеств был создан специальный медальерный класс. Его первым профессором стал Пьер-Луи Вернье, обучивший многих русских мастеров. В конце XVIII – первой половине XIX вв. русское медальерное искусство достигло своего расцвета.

Бюрократический аппарат Российской империи усиливал контроль над изготовлением медалей. Указы Сената от 1767 и 1787 г. разрешали частным лицам изготавливать их только по специальному разрешению императора, тогда как по указу Сената от 5 декабря 1729 г., действовавшему почти столетия, это мог делать каждый, доложив предварительно в Сенат. Последующие законы 1814, 1837 и 1840 гг. запретили вообще изготавливать чеканы и выбивать ими медали где-либо, кроме мастерских Императорского монетного двора. В результате многие талантливые мастера оставили медальерное искусство, и со второй половины XIX в. оно стало приходить в упадок. В 1894 г. был ликвидирован медальерный класс в Академии художеств.

Таким образом, найденный во время разведочных работ образчик медальерного искусства является одним из знаковых памятников, созданных на Императорском монетном дворе. Данные выводы подтверждаются также тем, что медальер Павел Львович Брусницын, создавший в 1862 г. данную памятную медаль, был последним главным медальером Санкт-Петербургского монетного двора.

Ивангородская керамика конца XV–XVI вв.

В. П. Петренко (†), В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов

Введение

Данная работа была написана в 1982 г. по материалам раскопок Ивангородской крепости в 1980–1981 гг. и опубликована в сильно сокращенном виде, в форме тезисов (Петренко, Кильдюшевский, 1989. С. 37–40). Однако интерес к материалам Ивангорода, а также к общим оценкам изменений в керамическом производстве, наблюдаемом в городах Северной Руси, сохраняется и сейчас. Здесь мы предлагаем полный вариант первоначальной статьи, доработанный на материалах раскопок 1982–1986 гг. В. И. Кильдюшевским и А. В. Курбатовым. В работе также приведены и таблицы реконструированных сосудов из раскопа 1984 г. (рис. 1; 2), сделанные В. И. Кильдюшевским (Петренко, 1985. Рис. 84).

Коллекция керамики из раскопок Ивангородской крепости в 1980–1986 гг. (около 60 тысяч единиц хранения) представляет значительный интерес как источник информации о гончарном ремесленном производстве, особенностях местного рынка, торговых и культурных связях с отдаленными землями и городами, о путях формирования городского населения. Эту коллекцию можно считать эталонным собранием, важным для изучения древностей всего северо-запада средневековой России, для которого керамика XVI в. остается несистематизированной из-за малого числа четко стратифицированных комплексов, дающих «узкие» хронологические интервалы. Десятилетия раскопок в городах Новгородской земли показали, что слои этого времени, как правило, сохранились здесь очень плохо.

Надо отметить, что и в соседних регионах Восточной Прибалтики данный источник разработан недостаточно. Например, отсутствуют обобщающие исследования по позднесредневековой керамике Ливонии. В основном работы сводятся к систематизации отдельных небольших коллекций (Сметмане, 1964). Кроме того, при публикациях памятников развитого и позднего средневековья данная категория изделий часто описывается неполно, а классификация дается по отдельным признакам, выбор которых может быть случайным (Петренко, 1981. С. 305). Следует добавить, что в литературе по данной теме иногда встречаются утверждения, основанные на недоразумениях, например заявление, что

на территории Ивангородской крепости встречается «эстонская» керамика XI–XII вв. (Strauss, 1942. S. 19; цит. по Kaljundi, 1976. S. 27–28).

Информационная база

Мощность сохранившихся культурных отложений в Ивангороде в 1980–1981 гг., вскрытых на раскопе № 1 (площадью около 200 кв. м), достигала свыше 1 м. При разборке этих напластований расчищены десятки разных объектов – мостовые, вымостки, ограды, основания жилых, хозяйственных и производственных построек, залежавших группами на нескольких уровнях. Эти объекты можно назвать следами застройки крепостного двора в разное время. Глубина их залегания, соотношение между собой, стратиграфические наблюдения и некоторые другие данные позволяют выделить четыре строительных горизонта (II, III, IV, V), объединяющих синхронные сооружения. Объекты, перекрывающие постройки II строительного горизонта получили значительные повреждения при строительных работах, в ходе которых на участке раскопок верхние слои культурных напластований были уничтожены. Деформация слоя и объектов не позволяет определенно считать синхронными сооружения, перекрывающие постройки II строительного горизонта. Указанные комплексы объединены условно в I (наиболее поздний) строительный горизонт.

Для уточнения хронологических границ анализируемой коллекции необходимо принимать во внимание следующие факты. Начало формирования оборонительного комплекса на берегу реки Наровы относится к 1492 г., когда здесь была построена небольшая каменная четырехугольная крепость (Косточкин, 1952. С. 230). Видимо, к последнему десятилетию XV в. относится и начало интенсивного образования культурного слоя на площадке «Девичьей горы». Однако еще до начала строительства укреплений на этой площади, вероятно, уже существовало небольшое поселение (Косточкин, 1961. С. 261–269), что позволяет допускать наличие в собрании единичных находок более раннего времени. После захвата Ивангорода в 1612 г. шведами функции крепостного двора отчасти меняются. Теперь здесь размещается только гарнизон (Soom, 1937. S. 286). Следовательно хронологическими границами керамического комплекса,

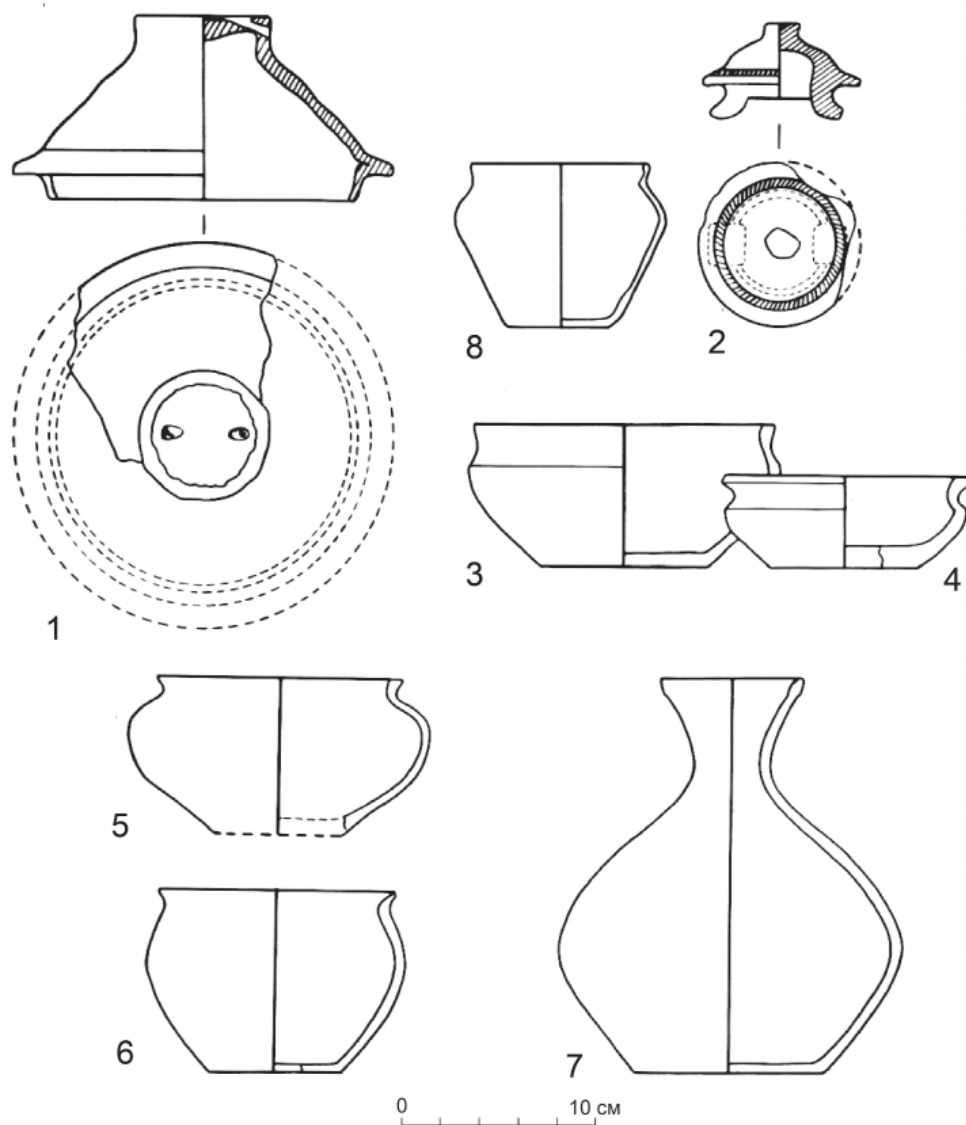

Рис. 1. Ивангород. Реконструируемые формы керамики из раскопок 1984 г.: 1, 2 – крышки; 3, 4 – миски; 5, 6 – мисковидные горшки; 7 – кувшин; 8 – горшок

учитывая возможную одновременность построек I строительного горизонта, следует считать последнюю четверть XV – начало XVII вв.

Следует сделать пояснение, помогающее связать материалы и выводы настоящей работы с последующими публикациями. Раскоп № 1 расширялся за счет прирезок и последующие несколько лет. После работ сезона 1986 г. общая изученная площадь, вскрытая до материковой скалы, составила 1065 кв. м. При реконструкции застройки на всем раскопе была изменена таксономия зафиксированных строительных горизонтов. Если в процессе раскопок горизонты нумеровались сверху, в последовательности их раскрытия от современной поверхности, то при

реконструкции застройки таксономия горизонтов определяла историческая последовательность смены строений. Таким образом, нижний – V – горизонт застройки в материалах раскопок стал при реконструкции I строительным горизонтом. В этой работе были определены хронологические ориентиры для всех горизонтов (Курбатов, 1997).

Определенным ориентиром для раннего горизонта служит клад русских серебряных монет, возможно, принадлежавший московскому «испомещенцу» и сокрытый в 1520–1525 гг. (Калинин, Петренко, 1985. С. 130). Стратиграфически находка соотносится с прослойкой горелого дерева выше настила. В. П. Петренко был склонен связывать клад с по-

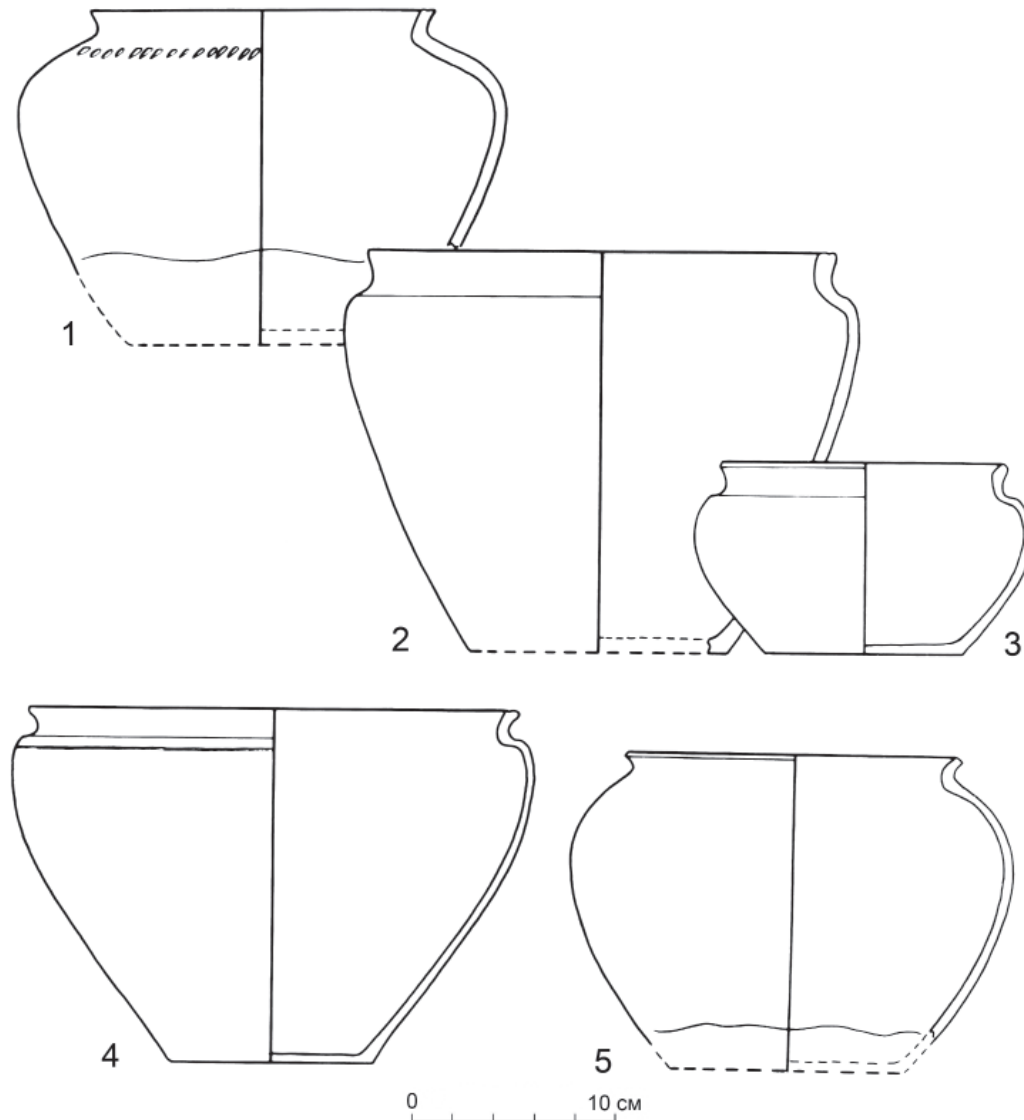

Рис. 2. Ивангород. Реконструируемые формы керамики из раскопок 1984 г.: 1–5 – горшки

стройками III–IV выделенных им горизонтов, что должно соответствовать I–II или началу II горизонта в реконструкции. Этот клад дает ориентировочный интервал для существования I (раннего) строительного горизонта – конец XV – первая четверть XVI вв.

Существование II и III горизонтов застройки можно сопоставлять со временем появления Никольской церкви. Обследования 1982 г. показали, что фундаментный ров церкви впущен в культурный слой с уровня песчано-галечной прослойки, перекрывавшей уже разобрannую каменную стенку, уходящую под угол церкви, т.е. с уровня горизонта III (Курбатов, 2006). Также зафиксировано,

что фундамент Никольской церкви в отдельных местах стоял на культурном слое, сохранявшемся в углублениях материковой скалы. Эти данные заставляют критически отнестись к предложенной дате постройки церкви в 1496–1498 гг. (Косточкин, 1952. С. 257). Исследователь основывался на записи в Новгородской писцовой книге под 1496 г.: «внутри крепости церковь Никола Святый». Скорее всего, здесь речь шла о деревянном храме, стоявшем в крепости 1492 г. Правильнее считать, что прямых указаний на время построения каменной церкви у нас нет. Видимо, были правы Г. Хансен и Н. Крузенштерн, относившие ее постройку к 1558 г. – времени взятия русскими войсками Нарвы (Hansen, 1858. S. 37; Крузенштерн, 1890.

С. 10). С этой датой согласились и современные историки архитектуры, исследовавшие Никольскую церковь (Мильчик, Петров, 1997. С. 175).

В археологическом контексте дата построения Никольской церкви в 1558 г. отражается в горизонте III использованием каменных плит в качестве подкладок под деревянные постройки, что не фиксируется в нижних горизонтах. Учитывая это, время функционирования горизонта III можно относить к 50-м гг. XVI в. Тогда существование горизонта II ограничивается рамками середины 20-х – начала 50-х гг. XVI в. Общая продолжительность существования горизонтов I и II составляет около 50 лет, или 25 лет на каждый горизонт.

Начало застройки на уровне горизонта IV следует соотносить с изменениями в характере самих построек и в категориях массовых находок. В первую очередь это появление группы каменных построек производственного назначения, органично включенных в существовавший комплекс деревянной застройки. В ранних горизонтах такого совмещения деревянных и каменных строений не встречено. Также отметим, что в горизонте IV появились новые группы массовых находок – так называемые голландские курительные трубки и обувные подковки. Это отчетливо видно на участках раскопов 1984–1985 гг., где хорошо сохранились все ярусы деревянной и каменной застройки. Появление курительных трубок и обувных подковок, нехарактерных для культуры Ивангорода в нижних горизонтах, стало возможным в период шведского присутствия в крепости, т.е. не ранее 1581 г. (Курбатов, 1995. С. 198 сл.). На этом основании горизонт IV можно датировать 1581 г. – началом XVII в. Тогда время существования горизонта V можно ограничить первой половиной XVII в., что подтверждается находкой серии монет шведского короля Густава II Адольфа и королевы Кристины на деревянных настилах мостовой, являющейся продолжением настилов, открытых в южной части раскопа № 1. Здесь же найдена и русская серебряная монета Михаила Федоровича, связанная с одним из настилов возле апсиды Никольской церкви (Курбатов, 1997. С. 93, 118–121).

Керамический материал

В качестве начального этапа изучения керамического материала решено рассмотреть находки, собранные на участке раскопа № 1, исследованного в 1980–1981 гг., где в нижних напластованиях культурного слоя выделено не менее пяти строительных горизонтов. В слоях, соответствующих выделенным горизонтам, распределение керамики представлено в табл. 1. За основу типоло-

гии керамики взята типологическая шкала, разработанная В. И. Кильдюшевским по материалам городов Псковской и Новгородской земель.

Выделяемые «спектры» преобладания керамических типов и форм, характерных для различных периодов формирования культурного слоя, уже сейчас дают возможность исследовать группы соответствующих находок, полученных при раскопках участков, стратиграфия которых прослеживается неотчетливо. Но при оценке количественных показателей надо учитывать, что слои, соответствующие постройкам I и II строительных горизонтов, исследованы на большей площади, чем сооружения, относимые к горизонтам III и IV, а комплексы V строительного горизонта вскрыты только на небольшой площади.

Визуальное исследование теста сосудов показало, что все они изготовлены из глины двух сортов: серобурой, железистой и плохо отмученной (88,8 %), и беложгущейся, более чистой и пластичной (11,2 %). Второй сорт глины в основном характерен для III (13,2 %) и IV (24,3 %) горизонтов. Особенно редко он использовался в I горизонте (5,1 %).

Для изготовления сосудов брали песчанистую глину. В качестве отощителя в нее добавляли мелкий и средний песок и, крайне редко, крупную дрсеву. В тесте отмечена большая концентрация непластичных материалов, особенно в массе с серобурой глиной, что повышало огнестойкость изделий. Обжиг сосудов довольно хороший, хотя в нижних горизонтах около 1/5 или 1/4 всех сосудов имели двух–трехслойный в изломе черепок.

Судя по отдельным признакам, таким как следы плохо заглаженных лент, находки днищ с ровными краями облома по всему диаметру, следы примазывания донца к стенкам и др., сосуды изготавливали на гончарном круге методом кольцевого или спирального налепа. Их внешняя поверхность, особенно верхняя часть, обтачивалась с помощью ножа или скребка и дополнительно заглаживалась (Бобринский, 1978. С. 131–135, 167). Из других способов обработки поверхности можно выделить несколько фрагментов белоглиняной керамики с пятнами обвара, а также обломки трех лощеных сосудов, многочисленные аналогии которым исследованы в Москве (Розенфельдт, 1968. С. 44). Поливная посуда представлена в основном мелкими фрагментами изделий, покрытых одно- или двусторонней поливой зеленого цвета. По сырью (красножгущаяся глина), хорошему обжигу, хорошо отмученной глине, она значительно отличается от основной массы керамики.

Таблица 1. Распределение керамики по горизонтам

Горизонт	Горшки		Крышки	Кувшины	Миски	Поливная керамика	Всего
	фрагменты	целые					
I	2835	1	6	48	14	74	2978
II	2573	10	6	17	7	19	2632
III	1863	12	3	34	2	19	1933
IV	1095	5	–	17	3	11	1131
V	47	–	–	1	–	–	48
Итого:	8413	28	15	117	26	123	8722

За основу типологической классификации взят профиль венчиков сосудов, а там, где это было возможно, учитывались также форма сосуда, состав глиняного теста, обжиг и орнаментация. Отметим, что всего было собрано 1296 фрагментов венчиков горшков и 70 венчиков посуды других форм. Предлагаемые здесь типы и варианты форм сосудов, а также их нумерация аналогичны типам, которые выделял В. И. Кильдюшевский при обработке керамической коллекции городов Новгородской земли XIV–XVI вв. Выделенные типы керамики имеют следующее соотношение в строительных горизонтах (количество / проценты) (см. табл. 2).

Тип I. Это невысокие, округлые широкодонные сосуды с расширением тулова в средней трети. Высота их составляет 2/3 ширины. Венчик отогнут наружу, его край утолщен и слегка приподнят, закруглен и загнут внутрь, образуя канавку. Шейка невысокая, мягко изогнута и переходит в округлые плечики. Большая часть горшков этого типа собрана в III–IV горизонтах. По оформлению края венчика выделено четыре варианта, которые отличаются хронологически. Более ранними являются варианты Б и Г, а позднее – вариант Е, который имеет слабо выраженную шейку, большой наклон венчика к плечикам и массивный край, округлый в сечении (рис. 3: 1; 4: 1).

Тип II. Отличается от предыдущего конфигурацией венчика, край которого загнут внутрь, образуя ложбинку. Он представлен в III–IV горизонтах единичными экземплярами. Выделено два варианта: вариант Б с сильно заостренным краем, отогнутым

внутри, и вариант В, край которого горизонтально срезан (рис. 3; 4: 5).

Тип III. Самый массовый тип горшков Ивангорода. Его отличает более простая конфигурация венчика, край которого закруглен или слегка заострен и не имеет канавки с внутренней стороны (рис. 3; 4: 3, 4, 8, 12; 5). Основные размеры горла горшков этого типа 16–23 см (80 %), несколько меньшие, чем у предыдущих типов. Распределение горшков по горизонтам более равномерное (табл. 2).

На основе различий в наклоне и оформлении края венчика выделено четыре варианта (рис. 3; 4: 2–4, 8, 12). Наиболее малочисленным и ранним является вариант А – это горшки с высокой округлой шейкой и оттянутым к плечикам венчиком, край которого горизонтально срезан. Вариант Б – самый массовый и наиболее поздний в горшках данного типа, он имеет невысокую, слабо выраженную шейку и закругленный край венчика. Его количество в I горизонте составляет 52,8 %, а во II горизонте – 42,2 %. Варианты В и Г по тенденциям своего развития очень близки. Они являются основными формами этого типа сосудов в III–IV горизонтах, а в верхних горизонтах их количество несколько меньше. Таким образом, среди горшков III типа наиболее ранними вариантами (вернее, исчезающими в I горизонте) являлись А и Г, а наиболее поздними – вариант Б.

Тип IV. Венчик горшков этого типа имеет утолщенный край, округлый или треугольный в сечении. Шейка высокая, отогнутая внутрь горшка. Плечики значительно выступают и, как правило,

Таблица 2. Процентное соотношение типов керамики

Типы Горизонты	I	II	III	IV	V	VII	VIII	Всего
I	3	–	197	131	28	86	1	446
	0,7 %	–	44,2 %	29,4 %	6,3 %	19,3 %	0,22 %	34,4 %
II	9	1	109	97	64	36	2	317
	2,8 %	0,3 %	34,4 %	30,6 %	20,2 %	11,3 %	0,6 %	24,5 %
III	31	4	122	86	51	36	2	332
	9,3 %	1,2 %	36,7 %	25,9 %	15,4 %	10,8 %	0,6 %	25,6 %
IV	23	4	83	33	21	23	2	189
	12,2 %	2,1 %	43,9 %	17,4 %	11,1 %	12,2 %	1,0 %	14,6 %
V	1	–	5	2	3	1	–	12
	8,3 %	–	41,6 %	16,6 %	25,0 %	8,3 %	–	0,9 %
Итого	67	9	516	349	167	182	7	1296
	5,2 %	0,7 %	39,8 %	26,9 %	12,9 %	14,0 %	0,5 %	100 %

имеют острое ребро. Тип характерен в основном для I–III горизонтов. По оформлению края венчика выделено 5 вариантов (рис. 3; 6; 7).

Наиболее ранние и самые массовые для этого типа горшки варианта «Б». Они имеют оттянутый к плечикам и косо срезанный край венчика, треугольный в сечении. Наиболее характерны для III–IV горизонтов. Варианты А и В отличаются от предыдущего более округлым оформлением края (рис. 3: 6; 4: 6, 11). Они встречаются в незначительном количестве, преимущественно в I–II горизонтах. Вариант Г близок по своему облику к варианту Б и отличается более высокой прямой шейкой и менее массивным краем венчика, отогнутым к плечу. Наибольшую популярность он имел в слоях I и II горизонтов, а в нижних встречается в единичных экземплярах. Вариант Д сосудов этого типа генетически связан с вариантами Б и Г, отличаясь от них сильно оттянутым и заостренным краем венчика (рис. 3: 11). Он равномерно распределен во всех слоях, с некоторым преобладанием в III и IV горизонтах.

Рассмотрев все варианты IV типа сосудов можно заключить, что основными и наиболее ранними формами горшков были варианты Б и Д. Остальные,

видимо, были их модификациями, появившимися несколько позднее и поэтому, представленные преимущественно в верхних строительных горизонтах.

Тун V. Горшки этого типа имеют достаточно высокий, прямой венчик с утолщенным и оттянутым наружу массивным, горизонтально срезанным, краем. Вертикальная шейка сосуда переходит в четко выраженное округлое плечико (рис. 3: 4; 7, 9, 10, 13; 6; 8). Диаметр их, как правило, составляет 16–23 см (89,4 %). Почти половина горшков (49,7 %) изготовлена из беложгущейся глины.

Внутри типа сосуды разделены на пять вариантов. Вариант Б встречается в основном на уровне III–IV горизонтов и является наиболее ранним (рис. 3; 4: 10). Он отличается от остальных утолщением венчика и наличием канавки в его верхней части на внутренней стороне. Вариант В близок предшествующему и является самой массовой формой горшков данного типа, особенно на уровне IV горизонта, где составляет 57,4 % от общей массы. Он также широко распространен и в I–II горизонтах (рис. 3; 4: 9, 13). Вариант Г очень немногочислен и характерен в основном для I горизонта. От остальных вариантов он отличается

ТИП	I			II		III				
вариант	Б	Е	Г	Б	В	А	Б	В	Г	
ТИП	IV					V				
вариант	А	Б	В	Г	Д	Б	В	Г	Д	Е
ТИП	VII						VIII			
вариант	А	Б	В	Д	З	Л	А	Б		

Рис. 3. Ивангород. Распределение типов и вариантов горшков по горизонтам на раскопе № 1

более массивным оформлением края венчика (в форме «сапожка»). Варианты Д и Е – наиболее распространенные формы горшков этого типа. Их отличает более стройная форма венчика с оттянутым наружу краем. Горшки варианта Д распространены преимущественно в III–IV горизонтах, а Е – самый массовый вид горшков во II–I горизонтах. Таким образом, наиболее ранними для этого типа являются горшки вариантов Б, В и Д, а поздними – Г и Е. Надо отметить, что в верхних строительных горизонтах большая часть горшков V типа изготовлена уже из серой глины.

Tun VII. Горшки этого типа приземистые, округлые, с широким дном. Венчик у них значительно ниже за счет уменьшения высоты шейки и превращается в утолщение по краю сосуда. Он косо срезан и оттянут наружу, образуя в сечении треугольник (рис. 3; 5; 9: 1–6). Сосуды этого типа равномерно представлены в IV–III горизонтах, а в I горизонте их количество составляет до 19,3 % (табл. 2). Большая часть горшков изготовлена из серой глины (80 %).

По оформлению края сосудов выделено шесть вариантов. Вариант А наиболее ранний. Единич-

ные фрагменты обнаружены в I–II горизонтах, а основная масса встречена в III–IV горизонтах. Этот вариант сходен по оформлению венчика с сосудами V типа и возможно является переходным для этих типов. Отметим, что сосуды варианта А в основном белоглиняные, тогда как остальные варианты преимущественно изготовлены из серой глины. Варианты Б и В по степени распространения близки между собой. Вариант В (рис. 9: 6) появляется еще в IV горизонте, а Б – в III (рис. 9: 2). Наибольшего распространения они достигли во II горизонте. Варианты Д и З появились в III горизонте и сходны по своей форме и времени распространения. Во II горизонте их количество несколько сократилось. Вариант Л наиболее поздний и самый распространенный в данном типе сосудов (рис. 9: 3, 5). Хотя он встречен уже на уровне IV горизонта, но наибольшее распространение получил только в слоях I горизонта (51,2 %). В целом, к самым ранним формам этого типа можно относить сосуды вариантов А и В, а к поздним – Л.

Tun VIII. У горшков этого типа венчик превращается в небольшой закругленный валик, прилепленный непосредственно к плечикам сосуда (рис. 9: 7). В связи с его малочисленностью (всего семь фраг-

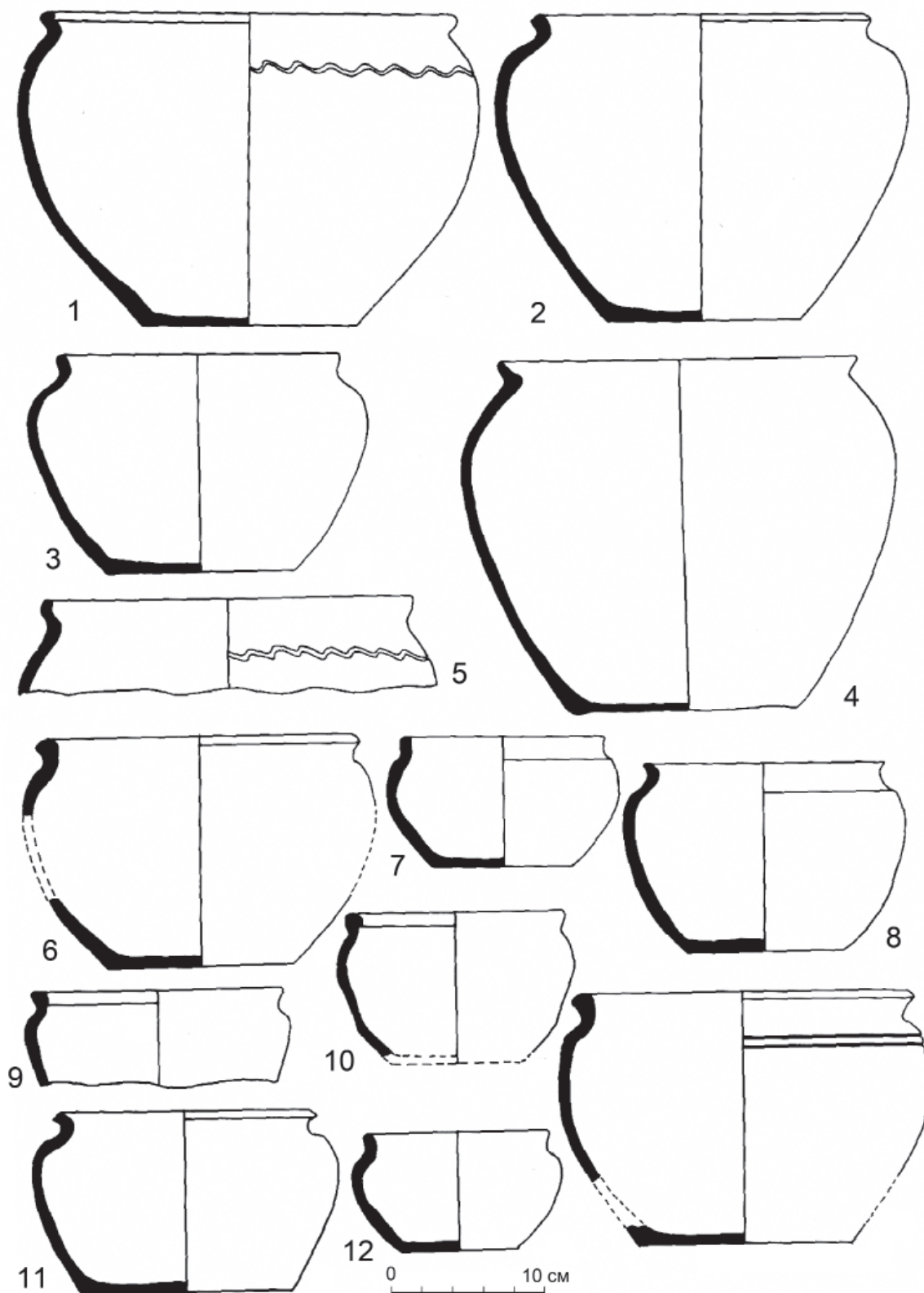

Рис. 4. Ивангород. Типы горшков с раскопа № 1: 1 – тип I E (IV гор-м); 2 – тип III A (II гор-м); 3 – тип III B (IV гор-м); 4 – тип III Г (III гор-м); 5 – тип II B (III гор-м); 6 – тип IV B (II гор-м); 7 – тип V B (III гор-м); 8 – тип III Г (III гор-м); 9 – тип V A (III гор-м); 10 – тип V B (IV гор-м); 11 – тип IV Д (III гор-м); 12 – тип III B (II гор-м); 13 – тип V B (III гор-м)

Рис. 5. Реставрированные сосуды. Горшки, тип (слева направо) III, VII

Рис. 6. Ивангород. Реставрированные сосуды. Горшки, тип V, IV, IV (слева направо)

ментов) невозможно дать четкую картину его развития. Тем не менее здесь уместно выделять варианты «А» и «В», которые появляются в IV горизонте и встречаются до II горизонта (рис. 3).

Орнаментация встречена на незначительной части керамических фрагментов данной коллекции – на 132 фрагментах (12,9 %), учитывая то, что из подсчетов исключены мелкие фрагменты венчиков (276 предметов). Это не мешает наблюдать отчетливую картину уменьшения числа орнаментированных сосудов от нижнего горизонта к верхнему (табл. 3).

Из таблицы видно, что если в IV горизонте найдено 32,2 % орнаментированных частей сосу-

дов, то в I – только 3,7 %. При этом среди орнаментированных сосудов чаще всего присутствуют наиболее ранние типы горшков – I, II, V. Обычно орнамент наносился палочкой по плечикам сосуда. Использовалось всего три типа мотивов орнаментации. Это: волна – а) однорядная (37 фр.), б) двухрядная (4 фр.), в) трехрядная (1 фр.); горизонтальная линия – а) однорядная (60 фр.), б) двухрядная (20 фр.), в) трехрядная (3 фр.); косые насечки – а) однорядные (6 фр.); б) двухрядные (1 фр.).

Можно заметить, что для отдельных типов сосудов имеются и преобладающие виды орнамента. Так, для горшков I типа характерен волнистый орнамент, а для V типа – линейный. Можно констатировать, что в Ивангороде в XVI в. еще про-

Рис. 7. Ивангород. Реставрированные сосуды. Горшки, тип IV

Рис. 8. Ивангород. Реставрированные сосуды. Крышка II типа, горшок, тип V

должали бытовать некоторое время (строительные горизонты III и IV) древние традиции украшения сосудов, которые в дальнейшем (к I горизонту) практически исчезают.

Кроме горшков, коллекция содержит небольшое число и других форм керамических сосудов, а также фрагменты поливной керамики (табл. 1). Незначительное количество этих форм и их фрагментарность позволяют только наметить линии развития посуды и выделить ее основные типы.

Крышки (11 фр.) встречены в I–III горизонтах, с преобладанием в верхних слоях. По внешнему виду они делятся на два типа. Тип I (7 фр.) представляет небольшой высоты конус (рис. 9: 9, 12). Иногда край бывает сильно распластан, а обрез оттянут наружу. Их диаметр составляет 20–24 см. Тип II (4 фр.) – это высокие конусовидные изделия с закраиной по нижнему контуру (рис. 8). Ручки оформлены в виде шишек в центре (рис. 9: 10). Аналогичные типы крышек бытовали в то время в Москве (Розенфельдт, 1968. Табл. 5: 1; 6: 25, 26).

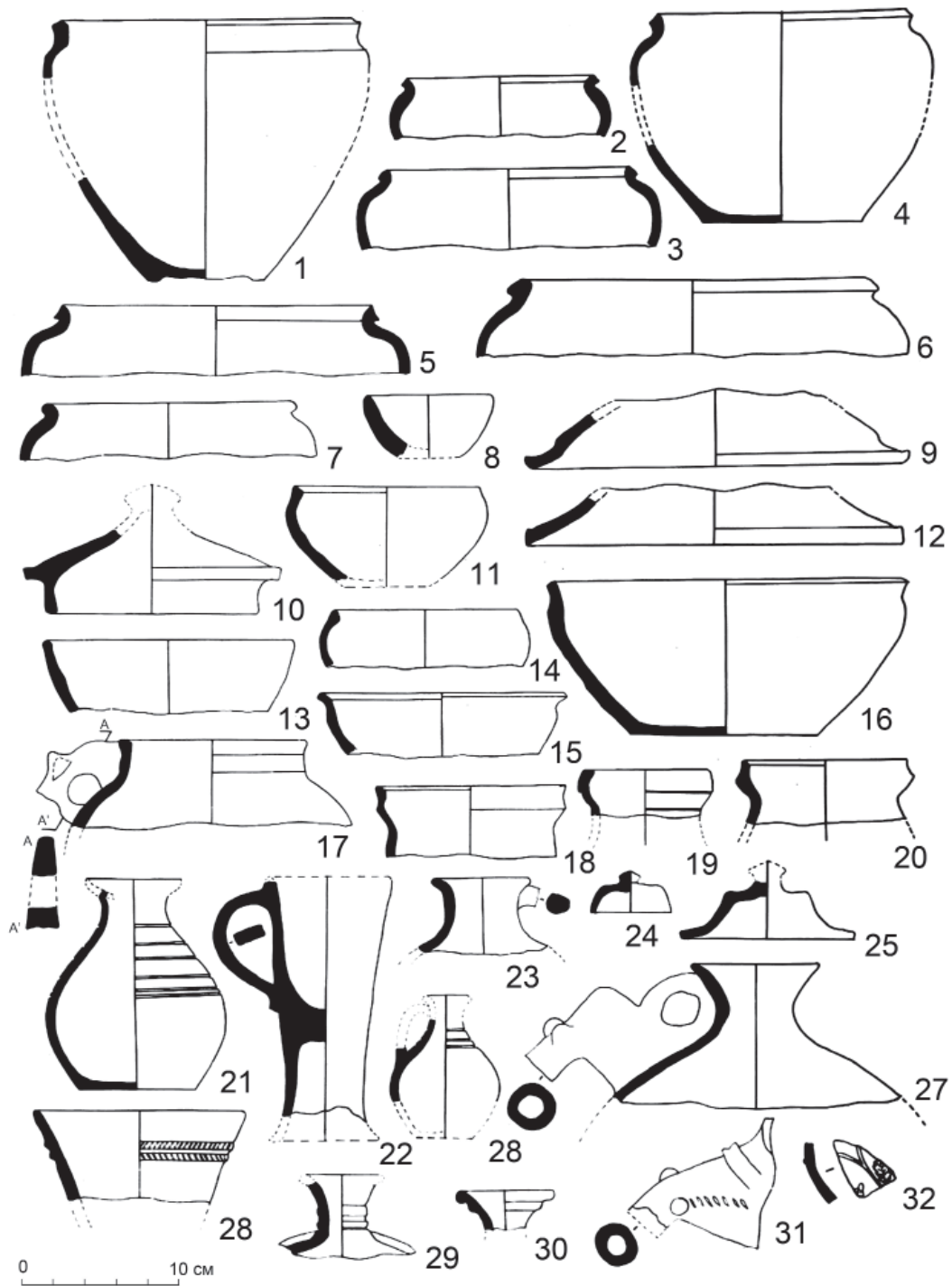

Рис. 9. Типы ивангородской керамики. Горшки: 1 – тип VII А (II гор-т), 2 – тип VII Б (III гор-т), 3 – тип VII В (II гор-т), 4 – тип VII 3 (III гор-т), 5 – тип VII Л (I гор-т), 6 – тип VII В (II гор-т), 7 – тип VIII А (III гор-т); миски: 8 – тип II (IV гор-т), 11 – тип III (IV гор-т), 13 – тип II (II гор-т), 14 – тип III (I гор-т), 15 – тип I (I гор-т), 16 – тип I (IV гор-т); крышки: 9, 12 – тип I (I гор-т), 10 – тип II (I гор-т); кувшины: 17 – тип I Б (III гор-т), 18 – тип III А (I гор-т), 19 – III Б (III гор-т), 20 – тип III А (I гор-т), 21 – тип IV А (IV гор-т); поливная керамика: 22 – кружка (II гор-т), 23 – обломок горла кувшина (III гор-т), 24, 25 – крышки сосудов (II гор-т), 26 – кубышка (I гор-т), 28 – миска (I гор-т), 29, 30 – обломки дисковидных флаг (I гор-т), 26, 31 – обломки рукояев (I, II гор-т), 32 – фрагмент «рейнской» керамики (I гор-т)

Миски (26 фр.) в основном встречены в I и II горизонтах (табл. 1). Самые маленькие из них имеют диаметр 10–11 см, а крупные 22–24 см. Высота мисок, как правило, составляет 1/2 их диаметра. По оформлению верхней части можно выделить три типа. Тип I представляют миски в виде усеченного конуса. Их края отогнуты наружу, а небольшая шейка переходит в слабо выраженное плечико (рис. 9: 15, 16). Такие миски встречены во всех горизонтах, но преобладают в I. Тип II (9 фр.) по облику напоминает первый тип, но имеет более округлые стенки, без плечика. Края их горизонтально срезаны или заострены (рис. 9: 8, 13). Тип III – это миски с округлыми стенками, их края загнуты внутрь, утолщены и косо срезаны (рис. 9: 11, 14). Эти вещи сравнительно небольшие, диаметром 10–16 см. В целом по своим формам коллекция мисок идентична изделиям XV–XVI вв. из Москвы и Новгорода (Смирнова, 1956. Рис. 8: 5, 6).

Кувшины (19 фр.) представлены в основном обломками (табл. 1). Все они изготовлены из беложгущейся глины. На внутренней стороне хорошо заметны следы лент, из которых лепились эти сосуды. По особенностям оформления горла выделены три типа кувшинов. Тип III (12 фр.) лучше всего представлен в Ивангороде. Он подразделяется на 2 варианта. Вариант А (8 фр.) представляет кувшины, горло которых имеет с наружной стороны утолщение, а с внутренней – глубокую ложбину. Их верхний край отогнут наружу и закруглен (рис. 9: 20). Вариант Б (4 фр.) отличается наличием вертикального горла с горизонтально срезанным краем венчика и ложбинкой внутри (рис. 9: 19). Тип IV (5 фр.) имеет в составе небольшие широкогорлые кувшинчики высотой 14–15 см. Венчик сильно отогнут наружу и заострен. С внутренней стороны имеется широкая ложбина. Они украшены многорядным линейным орнаментом встречены, в основном, на уровне IV горизонта (рис. 9: 21). Тип V (4 фр.) отличается невысоким, вертикальным горлом с утолщенным, горизонтально срезанным краем. Один из фрагментов имеет небольшую ручку зооморфной формы (рис. 9: 17). Кроме венчиков и стенок в коллекции имеются 9 обломков овальных в сечении ручек кувшинов.

Поливная керамика (123 фр.) в большинстве представлена небольшими обломками с поливой зеленого цвета на одной или обеих сторонах. Сосуды изготовлены из тонкой, хорошо отмученной глины, красного или серого цвета на изломе. Две трети фрагментов найдены на уровне I горизонта. Среди этой керамики выделены фляги, крышки, кувшины и кубышка.

Фляги (15 фр.) представлены в основном мелкими обломками стенок от дисковидных изделий только по данным раскопок 1980–1981 гг. Судя по ним, фляги имели короткое горло с раструбом, ручки-налепы прямоугольной формы со сквозным отверстием и ребра по окружности тулова (рис. 9: 29, 30). Лицевые стенки украшены спиральным или волнистым орнаментом. Диаметр фляг 16–20 см. Подобные сосуды широко использовались в Москве и Пскове, и датируются XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 50; Кильдюшевский, 2002. С. 24, рис. 9). Встречены две поливные крышки конусовидной формы диаметром 5 и 11 см. Вероятно, они принадлежали кувшинам или кумганам (рис. 9: 24, 25). Также встречены два фрагмента кувшинов – это обломки горла двух изделий, покрытые коричнево-зеленой поливой (рис. 4: 23).

Среди единичных находок поливной посуды можно отметить обломок небольшой кубышки (рис. 9: 26). Подобные чернолощенные кубышки встречены в Москве в слоях XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 4, табл. 11: 14). Интересна также находка фрагмента миски диаметром 14 см, с двусторонней поливой, украшенной двумя валиками с прорезными насечками (рис. 9: 28). Она похожа на сосудики для масла, оставшегося после соборования, которые также были найдены в Москве в слое конца XV–XVI вв. (Розенфельдт, 1968. С. 49, табл. 17: 1–20). Уникальной является и поливная кружка, высотой 18 см и диаметром 8 см, найденная во II строительном горизонте (рис. 9: 22). Эта кружка интересна своей конструкцией – она двойная, т.е. посередине перекрыта глиняной перегородкой. Возможно, сосуд служил какой-то мерой и использовался с двух сторон. Кроме того, во II–IV горизонтах выделены четыре фрагмента рукомольников. Все они являются обломками носиков сливов в виде фигур животных. Один из них сероглиняный (рис. 9: 27), остальные поливные (рис. 9: 31). Подобные виды рукомоев встречены в Москве в слоях XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 36, табл. 13: 1–12).

Помимо поливной посуды в коллекции обнаружены несколько небольших фрагментов «рейнской» керамики, изготовленных из плотной «каменной массы» и покрытых коричневой соляной глазурью. Такая керамика изготавливалась в мастерских на Рейне и широко распространялась по всей Европе. На одном из фрагментов отсиснуто рельефное изображение дубового листа и желудя (рис. 9: 32). Этот сюжет декора был широко распространен в XVI в. и встречен на псковских мемориальных плитах второй половины XVI в. (Филиппов, 1949. С. 57, рис. 13) и на белорусских изразцах (Левко, 1981. С. 26, рис. 16: 4).

Таблица 3. Статистика орнаментированных форм по типам сосудов и строительным горизонтам

Типы / Гор-ты	I	II	III	IV	V	VII	VIII	Всего	
I	1	–	2	–	7	3	–	13	3,7%
II	3	–	2	–	11	–	–	16	6,3%
III	5	1	20	3	20	3	1	53	20,5%
IV	7	–	14	6	9	10	–	46	32,2%
V	1	–	–	–	–	2	–	3	27,3%
Итого	17	1	38	9	47	18	1	132	12,9%

Таким образом, статистическая обработка керамической коллекции, расчленение ее по горизонтам, выделение типов и вариантов позволили увидеть достаточно динамичную картину развития и смены этой категории массового археологического материала. Наиболее четкая картина видится по материалам самой представительной группы керамических изделий – горшков (рис. 3).

Незначительность выборки керамики для V строительного горизонта (всего 12 фр.) не дает оснований для точной хронологической интерпретации, но стратиграфия и наличие в нем ранних типов горшков (типы I, II, V) позволяют отнести его к начальному этапу освоения территории крепости. Более четко это прослеживается на материалах IV горизонта. Здесь довольно широко представлены самые ранние типы горшков – I и II. Они хорошо известны в комплексах XII–XIII вв. (Малевская, 1971. Рис. 5: 1; 7: 1; Смирнова, 1956. С. 230, рис. 5: 5, 6). Но с того времени они видоизменялись, продолжая бытовать в Новгородской земле в XV–XVI вв. (Кильдюшевский, 1981. С. 114–115), что и прослеживается в материалах Ивангорода. Тип III (43,9 %) составляет основную массу горшков IV горизонта. Он широко представлен на средневековых памятниках Руси в слоях XIV–XV вв. (Раппопорт, 1956. С. 126–127, рис. 46: 11–14; Никитин, 1971. Рис. 6: 17–19; Полубояринова, 1978. Рис. 23: V) и продолжал использоваться в Ивангороде в XVI в.

Остальные типы представлены в IV горизонте примерно в одинаковой пропорции – от 11 % до 17,4 % – и только отдельными вариантами (рис. 3). Это в равной степени касается и типов, бытовавших на русских памятниках в XIV–XVI вв., например

типы IV и V (Раппопорт, 1956. Рис. 46: 1–8; Смирнова, 1956. Рис. 6: 10; 7: 4–5; Полубояринова, 1978. Рис. 23: VI; 24: X), и типа VII, появившегося в XVI в. (Никитин, 1971. Рис. 6: 42–46). Тип VIII, хорошо известный для XVI в. в крепости Орешек, в Ивангороде редок. В III горизонте в керамике сохраняются те же тенденции. Здесь заметно постепенное угасание типов I–III и дальнейшее развитие остальных, в том числе и за счет появления их новых вариантов.

Период существования построек II строительного горизонта стал важным этапом в изменении форм керамической продукции в Ивангороде. Здесь горшки I и II типов выходят из употребления, значительно уменьшается количество горшков III типа и увеличивается число остальных, при этом наблюдаются тенденции к доминированию одного из вариантов внутри каждого типа. Продолжается дальнейшая стандартизация размеров горшков (16–23 см) и почти полностью исчезает орнаментация (табл. 3). Также заметна и тенденция к использованию только одного сорта глины – во II горизонте отмечено 9,8 % белоглиняной керамики, а в I – 5,1 %. Вместе с тем улучшается качество обжига и обработки поверхности сосудов.

Все эти тенденции в еще большей мере проявляются в период функционирования I строительного горизонта. В основном используются горшки трех типов – III, IV и VII, при этом почти половину от общего числа предметов составляют горшки типа III. Доля сосудов V типа сокращается до 6,3 %, зато почти в два раза увеличивается количество горшков VII типа. Внутри каждого типа появляются один–два варианта, которые и доминируют.

Выводы

Отмеченные тенденции можно уловить и в керамике XVI в. из других городов северо-запада России. Изучение коллекций Новгорода, Орешка, Корелы, Копорья показывает, что в слоях XVI в. также продолжают бытовать типы горшков, появившиеся еще в XIII–XV вв. (типы I, II, III, IV, V). Внутри выделенных типов продолжается развитие форм – прекращают бытование одни варианты и возникают другие. Типы VII и VIII, появившиеся на рубеже XV–XVI вв., очень быстро начинают вытеснять старые и становятся доминирующими. Наблюдается быстрый процесс стандартизации форм, размеров, техники изготовления и обработки поверхности изделий, исчезает обычай орнаментировать сосуды.

В целом керамическую продукцию конца XV–XVI вв. из Ивангородской крепости надо рассматривать на общем фоне изменений этого разряда материальной культуры в Новгородской и Псковской землях в период их включения в централизованное Московское государство, который следует отнести к третьему этапу керамического производства Пскова (Кильдюшевский, 2002. С. 30–31).

В конце XV–XVI вв. в керамическом ремесле городов Псковской земли происходят изменения, обусловленные рядом причин. Прежде всего, заметны улучшения в технологии производства и совершенствование техники обработки поверхности сосудов, улучшение качества глиняной массы и техники обжига. В это время появляется посуда из беложгущейся глины, а также сосуды, покрытые зеленой поливой (конец XVI – XVII вв.). Появляется незначительное число серо- и чернолощенных сосудов.

Также изменяется ассортимент гончарной посуды. С конца XV в. появились новые модели горшков (типы VIII–XI в типологии В. И. Кильдюшевского), доминирующие в XVI–XVII вв. (60–90 %). Параллельно с этим появляется большое число новых керамических форм столовой посуды: кувшины, кумганы, ручнойники, миски, кубки, сковородки. Наблюдается четкое деление глиняной посуды на кухонную, столовую и тарную (сосуды для хранения), что отражается на их внешнем облике и технологии изготовления. Так, для столовой посуды характерны более качественное тесто, тщательная обработка и разнообразие методов внешней отделки при использовании разных сортов глин: зеленые (поливные), лощеные, белоглиняная и красноглиняная посуда.

Изменяется и орнаментация посуды. Известный состав элементов орнамента – два (волна и линия) имеют четыре–шесть комбинаций. Резко изменяется

процент орнаментированных горшков: от 70–80 % в XIV в. до 3–12 % в XVI–XVII в. Правда, в столовой посуде происходят обратные изменения. Кроме того, изменяется и сама форма горшков. Они становятся более приземистыми и широкодонными, усиливается стандартизация формы и размеров.

Такие тенденции происходят в то время не только в городах Псковской земли. Их можно назвать почти повсеместными в Восточной Европе: в городах Новгородской земли, центральных и восточных землях Московского государства, в северо-восточной Белоруссии (Розенфельдт, 1968. С. 39; Чернов, 1991. С. 50–59; Левко, 1992. С. 36–40). Это связано с созданием единого экономического пространства на всей территории Московского централизованного государства, где перекрещивались различные традиции и приемы гончарного производства, а также с влиянием (через Прибалтику и Белоруссию) западно-европейского ремесла (рейнская керамика, изразцы). Через Москву проникают и восточные влияния (лощенная керамика, кумганы).

Изменения формы горшков (приземистость, широкое дно, превращение венчика в широкий валик, распространение крышек), вероятно, связаны с широким распространением русской печи с ее невысоким устьем, куда было неудобно ставить неустойчивые высокие сосуды с узким дном. Для таких печей необходимы ухваты. Один из них найден в Пскове в постройке XVII в. на ул. Первомайской. Появление в слоях XVI–XVII вв. в Пскове дуговых кирпичей для облицовки сводов печей свидетельствует о широком распространении этого, более совершенного, типа отопительного устройства (Кильдюшевский, 2001. С. 57–64, рис. 3: 13).

Значительные изменения наблюдаются в технологии керамического производства. В качестве отощителя теста в основном используется мелкий и средний песок. Дресва, как правило, присутствует в тесте только крупных толстостенных сосудов-корчаг. При этом количество примесей в тесте сокращается. Мелкий песок составляет 80–89 %, а дресва 0,3–1,3 %. Улучшается сам обжиг: это наблюдается по изменениям цвета керамического черепка, где наряду с черепками, трехслойными на изломе, появляется посуда с однослойным в изломе черепком светло-серого, красного, белого цветов. Это характерно в основном для столовой посуды (белоглиняная, лощеная, частично поливная). Применяются более качественные способы заглаживания поверхности сосудов с помощью деревянного инструмента – *бочарки*. Используются химико-термические способы обработки поверхности: обваривание, лощение

с последующим чернением, покрытие поливой зеленого цвета. Заметна значительная стандартизация форм, размеров и типов горшков, что свидетельствует о хорошо налаженном массовом производстве посуды. Те же тенденции видны в материалах ряда малых городов Псковской земли.

Население нового города на западных границах Русского государства в конце XV–XVI вв. формировалось за счет притока выходцев из разных районов Новгородской земли, но главным образом благодаря появлению переселенцев из таких крупных городов, как Москва, Новгород и Псков (Косточкин, 1952. С. 230). Состав керамической коллекции из Ивангородской крепости в полной мере отражает эти процессы. В этой связи интересен факт несовпадения керамических комплексов XVI в. из Орешка и Ивангорода. Характер глиняной посуды из слоев I и II строительных горизонтов (стандартизация форм и размеров, упрощение технологии, повышение качества продукции) свидетельствует о периоде стабилизации жизни в городе, создании благоприятных условий для включения Ивангорода в систему общерусских и шире – международных отношений.

Основу первоначального населения Ивангородской крепости, надо полагать, составляли выходцы из самого Пскова, псковских пригородов и окрестных сельских приходов. Они были основной рабочей силой при заготовке камня и дерева осенью–зимой 1491–1492 гг., а также при его доставке к месту строительства. На это могут указывать практические соображения о целесообразности использования для заготовки материалов именно окрестного населения, в силу длительности самого процесса, необходимости провести эти работы скрытно от ливонской стороны и для удешевления работ. Надо принимать во внимание большой опыт псковских жителей и «каменных дел мастеров» в использовании выходов местных известняков для строительства в самом Пскове. Историческим подтверждением такого предположения служит сообщение Псковской летописи о поставлении наместником в Псков князя Василия Федоровича Шуйского: «В лето 6999 (1491) ... приехал князь Василей Федорович от великого князя Ивана Васильевича во Псков князем, месяца февраля въ 17 на зборной недели». Он заменил бывшего наместника Симеона Романовича (Псковские летописи, 2003. С. 81). Неслучайный характер смены псковского наместника в это время, за год до начала строительства крепости, отметил В. В. Косточкин. В. Ф. Шуйский был старым (если не коренным) жителем Пскова, хорошо знал местные условия и многие годы положительно

проявлял себя в управлении Псковской землей (Косточкин, 1952. С. 233).

Сравнение анализируемой категории находок с позднесредневековой посудой Ливонии показывает сходные черты керамики Восточной Прибалтики и древнерусских земель, наметившиеся благодаря постоянным контактам между этими регионами еще в период появления и широкого распространения гончарного производства в X–XII вв. (Mugurēvičs, 1977. S. 135), сохраняющиеся и в рассматриваемое время (Шноре, 1961. Табл. XIII–XV; Mugurēvičs, 1977. S. 66–68; Snore, Zarina, 1980. S. 87, 89, 115, 151). Надо отметить и сходные тенденции в развитии керамики северо-западных областей Руси и Прибалтики в XIV–XVII вв. (Cimermane, 1964. S. 135–139), и связь Пскова с городами Прибалтики, проявляющуюся в предметах материальной культуры. Псковская керамика XVI в. встречена при раскопках Тарту и, по мнению эстонских исследователей, типична для этого города (Трумал, 1998. С. 296, рис. 14).

Преобладание в Ивангороде в XVI в. псковских выходцев косвенно подтверждает существование на посаде Псковской улицы и целого района–конца, отмеченного в новгородских писцовых книгах под 1571 г. (Косточкин, 1961. С. 264–265; Новгородские писцовые книги, 1905. Стлб. 567–570). Если первое название можно считать только указанием направления магистрали, ведущей в Гдов и далее в Псков, то второе подразумевает распределение жителей по происхождению, т.е. выходцев из Пскова. Поэтому неслучайным выглядит сходство керамики Ивангорода с материалами других городов-крепостей на северо-западных рубежах России – Пскова, Копорья, Корелы (Петренко, Кильдюшевский, 1989. С. 37–40).

Источники и литература

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.
- Калинин В. А., Петренко В. П., 1985. Клад русских монет первой четверти XVI в. из Ивангорода // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Кильдюшевский В. И., 1981. Об одном из типов керамики XIV–XVI вв. крепости Орешек // КСИА. № 164.
- Кильдюшевский В. И., 2001. К вопросу о псковских керамических киотах // Архитектурно-археологический семинар, ГЭ. СПб.

- Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.
- Косточкин В. В., 1952. Крепость Ивангород // МИА. № 31.
- Косточкин В. В., 1961. Топография Ивангорода в XVI в. // СА. № 3.
- Крузенштерн Н., 1890. Нарва. Исторический очерк. СПб.
- Курбатов А. В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2.
- Курбатов А. В., 1997. Археологическая реконструкция застройки Большого Бояршего города в Ивангородской крепости (Раскоп № 1) // Крепость Ивангород. Новые открытия / Отв. ред. М. И. Мильчик. СПб.
- Курбатов А. В., 2006. Оборонительные сооружения Ивангорода по археологическим данным // Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем: Материалы научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 29–31 марта 2005 г.). СПб.; М.
- Левко О. Н., 1981. Витебские изразцы XIV–XVIII вв. Минск.
- Левко О. Н., 1992. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии. Минск.
- Малевская М. В., 1971. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 125.
- Мильчик М. И., Петров Д. А., 1997. Когда в Ивангороде построена Никольская церковь? // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб.
- Никитин А. В., 1971. К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933–1934 гг.) // Древности Московского Кремля. М. (МИА. № 167) (МИАМ. Т. IV).
- Новгородские писцовые книги. 1905. СПб. Т. VI.
- Петренко В. П., 1981. Рец. на: Ē. Mugarēvičs. Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi (3–15 gs. Archeologiskie pieminekli) // СА. № 3.
- Петренко В. П., 1985. Отчет о работах Ивангородской экспедиции в 1984 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1/1984. Д. 35.
- Петренко В. П., Кильдюшевский В. И., 1989. Ивангородская керамика конца XV–XVI вв. // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология: Тез. докл. Нарва.
- Полубояринова М. Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
- Псковские летописи, 2003. М. (Полное собрание русских летописей). Т. V. Вып. 1.: Языки славянской культуры.
- Раппопорт П. А., 1956. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 62.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. (САИ. Вып. E1-39). М.
- Смирнова Г. П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. М.
- Трумал В., 1998. Некоторые элементы средневековой немецкой городской культуры в свете археологических исследований в Тарту // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли.
- Филиппов А. В., 1949. Древнерусские изразцы. М. Т. 1.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М. (МИАМ. Т. 5).
- Шноре Э., 1961. Асотское городище. Рига.
- Cimermane J., 1964. Daži 17 gs. māla trauki // Arheologija un Etnogrāfija. Rīgā. Т. VI.
- Hansen H. J., 1858. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat.
- Kaljundi J., 1976. Narva kindlustused // Restaureerimisalaste artikliye kogumik. Tallinn.
- Mugarēvičs Ē., 1977. Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi (3–15 gs. archeologiskie pieminekli). Rīgā.
- Snore E., Zarina A., 1980. Senā Selpils. Rīgā.
- Soom A., 1937. Ivangorod als selbständige Stadt 1617–1649 // Sitzungsberichte dar Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1935. Tartu.
- Strauss K., 1942. Die Hermansfeste. Untersuchungen und Grabungen aus der Ordenburg Nāarva // Reval Zeitung. № 291.

Обзор нумизматических находок из раскопок ИИМК РАН 2010–2012 гг.

В. Н. Седых

На территории Большого Петербурга в ходе различных земляных работ было обнаружено несколько десятков кладов, в том числе монетных и монетно-вещевых, различного времени (Потин, 1967. С. 56–58; 1974. С. 188–216; Соболев, 1998. С. 280–289; Скрипунов, 2008). В последние годы в связи с расширением аварийно-спасательных исследований на территории Санкт-Петербурга количество нумизматического материала значительно возросло, что, однако, не нашло отражения в научной литературе. Так, при значительных объемах проведенных в устье Невы раскопок мы имеем лишь одну краткую публикацию о монетных находках в тезисах 15-й Всероссийской нумизматической конференции об одной группе шведских монет из раскопок Ниена (Сорокин, Травкин, 2009. С. 104–105).

В 2010–2012 гг. экспедициями и отрядами ИИМК РАН были проведены археологические исследования на территории города и области. Наиболее значительными по объему стали исследования крепости Ниеншанц и ее предшественницы Ландскроны (2010 г.), раскопки на Никольском полигоне и Зотовом бастионе Петропавловской крепости (2010–2011 гг.), в ранней части города Выборга (2011 г.), раскопки на территории бывшего таксопарка на Малой Монетной улице (2011–2012 гг.), на территории Смольного монастыря (2011 г.), исследования на Тульской улице, на территории бывшей мебельной фабрики № 3 (2011–2012 гг.), на территории Восточного крыла здания Главного Штаба и другие. В нескольких районах города были заложены разведочные шурфы и траншеи, которые также дали нумизматический материал, иногда достаточно интересный. Упоминания о монетных находках содержатся в публикациях о кратких итогах исследований за указанный период (Аветиков и др., 2011. С. 22; Городилов, Поликарпова, 2011. С. 61–62; Лапшин, Гарбуз, 2011. С. 95–97; Лапшин, Гарбуз, Новосёлова, 2011. С. 132–133; Лапшин, Гарбуз, Соловьёва, 2011. С. 135; Михайлов, Лапшин, Соловьёва, 2011. С. 156–158, 164–168; Семёнов и др., 2011. С. 206, 215–216).

Общие положения. В целом, значительная часть исследованных монет имеет безусловные следы пребывания в обращении, их состояние может

быть оценено как хорошее, часть имеет отчетливые следы износа вследствие длительного пребывания в обращении или условий археологизации. Отдельные экземпляры монет несут на себе царапины, изогнуты, имеют забитый гурт, что говорит об использовании их в качестве биты, выгнуты битой, очевидно при игре в «пристенок». Несколько экземпляров имеет пропил и шлифовку гурта, возможно, в целях определения качества металла (это, прежде всего, серебряные монеты). В коллекциях изредка присутствуют монеты со следами вторичного использования (отверстия, ушки и пр.). У значительной части отечественных монет XVIII в. оси лицевой и оборотной сторон имеют смещения, порой значительные.

В общей сложности анализу подверглись около 3000 предметов – русских монет конца XV – начала XVIII в., российских монет императорского периода 1700–1917 гг., советских монет и монет постсоветского времени, наградных и памятных медалей, пуговиц, печатей, перстней, жетонов и знаков.

В некоторых случаях типологически однородные монеты плохой сохранности датированы в достаточно широких рамках, например денги и полушки 1730–1754 гг., монеты достоинством 2 копейки 1810–1830 гг. или шведские монеты достоинством 1/4 öre 1633–1660 гг. и 1/6 öre 1666–1686 гг. Учитывая плохую сохранность монет, при одинаковых размерах взвешивание в некоторых случаях позволило определить дату чеканки шведских монет с точностью до двух–трех лет. Применение поштупельного метода для анализа русских монет XVI–XVII вв. позволило уточнить даты некоторых монет до одного года.

При определении русских монет допетровского времени использовались сводные работы А. С. Мельниковой (1989) и П. Г. Гайдукова (1993), иностранных монет – Д. Я. Фёдорова (1966) и каталог шведских монет В. Tingström (1969). Аналогии российским монетам императорского периода приведены по каталогу В. В. Узденникова (1985), монетам советского периода – по каталогу И. И. Рылова и В. И. Соболина (1994). Остановлюсь на некоторых наиболее представительных и интересных коллекциях.

Охтинский мыс. Коллекция из раскопок 2010 г. на Охтинском мысу составила выборку из 515 экз. (табл. 1). Обнаруженные монеты были разделены на четыре группы: русские монеты конца XV – начала XVIII вв., включая проволочные копейки Петра I; российские монеты периода 1700–1917 гг.; монеты советского периода и иностранные монеты, представленные преимущественно чеканкой Швеции.

1/4 копейки (полушки) до 5 копеек. Преимущественно зафиксированы монеты, изготовленные на екатеринбургском Медном монетном дворе.

Из монет XIX в. особо следует отметить большое число монет достоинством 2 копейки, чеканенных в период 1810–1830 гг. На их долю приходится почти половина всех российских монет

Таблица 1

Нумизматические материалы из раскопок на Охтинском мысу в 2010 г.

Государство	Количество монет (экз.)
Русские монеты допетровского времени (включая проволочные монеты Петра I и неопределенные с высокой степенью точности проволочные монеты)	29 (5,63 %)
Российские монеты 1700–1917 гг. (включая неопределенные с высокой степенью точности монеты)	293 (56,89 %)
Монеты СССР	23 (4, 27 %)
Иностранные монеты (включая неопределенные с высокой степенью точности монеты)	122 (23,69 %)
Неопределенные монеты	18 (3,69 %)
Объекты, не являющиеся монетами (вырубки, пуговицы и пр.)	24 (4,66 %)
Монеты, находящиеся в реставрации	6 (1,17 %)
Всего:	515 (100 %)

1. Русские монеты конца XV – начала XVIII вв.

Монеты этой группы были чеканены в период 1495–1718 гг. (табл. 2) и представлены выпусками Великого княжества Тверского, Ивана Грозного (1533–1584), Бориса Годунова (1598–1605), Лжедмитрия I (1605–1606), Василия Шуйского (1606–1610), Михаила Федоровича (1613–1645), Алексея Михайловича (1645–1676) и Петра I (1689–1725). Датированных серебряных копеек Петра I 1696–1699 гг. в материалах раскопок не встречено.

2. Российские монеты периода 1700–1917 гг.

Представлены чеканками практически всех правителей России XVIII – начала XX вв., за исключением монет Петра II и Петра III (табл. 3). Встречены, в основном монеты малого достоинства из меди – от

XVIII – начала XX вв. Чеканены эти монеты на Петербургском, Колпинском (Ижорском) и Екатеринбургском монетных дворах. Среди них есть монеты с изображением орла особого рисунка чекана 1810 г. (№ 3032, по Узденникову) и редкая монета 1811 г. со шнуровидным гуртом. Не совсем обыкновенной монетой является копейка 1799 г., чеканенная на Кольванском монетном дворе (№ 2912, по Узденникову). Разменные серебряные монеты обнаружены всего в шести случаях. Крупного серебра в выборке нет.

3. Советские монеты, чеканенные в 1928–1957 гг.

В коллекции отсутствуют медные и серебряные советские монеты первых лет чеканки (табл. 4). Рас-

Таблица 2

Охтинский мыс-2010. Русские монеты конца XV – начала XVIII в.

Даты / Номинал	Деньга	Копейка	Общее число монет
Иван Иванович, вел. кн. Твери (1486–1490)	1		1
Иван Васильевич IV Грозный князь (1533–1547) царь (1547–1584)	2	2	4
Борис Федорович Годунов (1598–1605)		2	2
Дмитрий Иванович – Лжедмитрий I (1605–1606)		1	1
Василий Иванович Шуйский (1606–1610)		2	2
Михаил Федорович (1613–1645)		3	3
Алексей Михайлович (1645–1676)		6	6
Петр I (1682–1717/18)		5	5
Неопределенные с высокой степенью точности	1	4	5
Всего:	4	25	29

пределение по номиналам довольно равномерное. Довоенный чекан несколько преобладает над чеканом военного времени и послевоенным.

4. Иностраные монеты

Представлены монетами Швеции и охватывают период правления двух династий – династии Ваза и Пфальц-Цвейбрюкенской династии (табл. 5; 6). Старшими монетами выборки из 122 экз. являются серебряные монеты Юхана III (1568–1592) достоинством 2 öre 1573 г. и 1/2 öre 1586 г. Монеты Сигизмунда III (1592–1598), Карла IX периода регентства (1598–1604) и Карла X Густава (1654–1660) в коллекции отсутствуют. Монеты короля Карла IX представлены монетами достоинством 1 öre 1609 г. и 1611 г. Монеты последующих правителей – Густава II Адольфа (1611–1632), Кристины (1632–1654) и Карла XI (1660–1697) – представлены в коллекции примерно в равной степени. Это монеты мелких номиналов: 24 медных и серебряных монеты достоинством 1 öre, 14 монет – 1/2 öre, 45 монет – 1/4 öre, 36 монет – 1/6 öre и одна монета достоинством fygk 1627 г. Более четверти монет достоинством 1/6 öre отчеканены в 1666 г. Среди

монет несколько преобладают монеты Кристины (не менее 40 экз.). В материалах раскопок крепости отсутствуют монеты Карла XII (1697–1718).

Вызывает интерес обнаружение среди монет правления Кристины экземпляров, выпущенных за пределами территории Швеции – в Ревеле. Это две монеты достоинством 1 öre 1649 г., чеканенные в период шведского административного правления в Прибалтике. При этом на монетах отмечены следы обрезки с целью проверки качества металла.

Таким образом, в ходе раскопок 2010 г. были обнаружены нумизматические материалы, свидетельствующие об активном денежном обращении на месте Ниеншанца не только в период существования крепости, но и в предшествующий, дошведский или русский период, что не было отмечено в материалах предшествующих лет раскопок. Материалами выявлены и внешние связи жителей Ниеншанца в рамках прибалтийского региона.

Выборг. Монеты из раскопок Выборгской археологической экспедиции в 2011 г. представлены вы-

Таблица 3

Охтинский мыс-2010. Российские монеты периода 1700–1917 гг.

Даты / Номинал	1/4 копейки	1/2 копейки	1 копейка	2 копейки	3 копейки	5 копеек	10 копеек	15 копеек	20 копеек	Общее количество
Петр I (1689–1725)	7	1	2			1				11 (3,75 %)
Екатерина I (1725–1727)						1				1 (0,34 %)
Анна Иоанновна (1730–1740), в т. ч. полушки и денги 1730–1754 гг.	7 7	7 4								25 (8,53 %)
Елизавета Петровна (1741– 1761)		10		4						14 (4,78 %)
Екатерина II (1762–1796)	5	6				15		1		27 (9,22 %)
Павел I (1797–1800)		2	17	4						23 (7,85 %)
Александр I (1801–1825) ¹		2	3	153		1				159 (54,27 %)
Николай I (1825–1855)		2	2	2	1		2			9 (3,08 %)
Александр II (1855–1881)	1		2	1					1	5 (1,7 %)
Александр III (1881–1894)					1				1	2 (0,68 %)
Николай II (1896–1917)			8	7	2					17 (5,8 %)
Всего	27	34	34	171	4	18	2	1	2	293 (100 %)

¹ Монеты достоинством 2 копейки, чеканенные в 1810–1830 гг. в правления Александра I и Николая I, не отличающиеся внешним оформлением и имеющие плохую сохранность, включены в общее число монет, отнесенных к чекану Александра I.

Таблица 4

Охтинский мыс-2010. Советские монеты: распределение по годам и номиналам

Номинал Год	1 копейка	2 копейки	3 копейки	5 копеек	10 копеек	15 копеек	20 копеек	Всего
1928			1					1
1929								
1930	1							1
1931				1				1
1932							2	2
1933	1				1			2
1934								
1935								
1936								
1937	1							1
1938			1					1
1939								
1940						1		1
1941		1	1			1		3
1942								
1943								
1944						1	1	2
1945								
1946				2		1		3
1947								
1948								
1949			1					1
1950								

Таблица 4 (продолжение)

Номинал Год	1 копейка	2 копейки	3 копейки	5 копеек	10 копеек	15 копеек	20 копеек	Всего
1951								
1952	1							1
1953	1							1
1954								
1955					1			1
1956								
1957							1	1
Всего:	5	1	4	3	2	4	4	23

боркой из 63 экз. (табл. 7). Монеты разделены на две неравные по количеству группы: иностранные монеты, представленные преимущественно чеканкой Швеции, и российские монеты (1 экз.).

1. Иностранные монеты

1.1. Монеты Прибалтики

Старшими монетами (63 экз.) являются пфенниги, чеканенные тартускими (дерптскими) епископами, рижскими архиепископами и магистрами Ливонского ордена в период 1424–1479 гг. (всего 6 экземпляров).¹ ВЫБ-III-612 – Тартуское епископство, епископ Хелмих фон Малинкрод (1459–1468), пфенниг. ВЫБ-III-613 – архиепископ Силвестр Штодеवेशер (1448–1479), по Т. Берга, или архиепископ Хеннинг Шарпенберг (1424–1448), по Гуннару Хальяку, пфенниг. ВЫБ-III-614 – Ливонский орден, Таллин, 1430–1470 гг., пфенниг. ВЫБ-III-652 – Ливонский орден, Таллин, 1430–1465 гг., пфенниг. ВЫБ-III-653 – Тартуское епископство, епископ Хелмих фон Малинкрод (1459–1468), пфенниг. ВЫБ-III-654 – Тартуское епископство, епископ Бартоломей Савиерве (1441–1459), пфенниг.

1.2. Шведские монеты

Шведские монеты из раскопок 2011 г. охватывают период правления двух династий – династии Ваза и

¹ Большую помощь при определении пфеннигов Тартуского епископства и Рижского архиепископства оказала Татьяна Берга, за что выражаю ей огромную признательность.

Пфальц-Цвейбрюккенской династии (табл. 8; 9). Наиболее ранними являются серебряная монета Эрика XIV (1560–1568) достоинством 1 öre 1564 г. и серебряные и медная монеты Юхана III (1568–1592) достоинством 1/4, 1/2, 2 и 4 öre.

Монеты Карла IX (1598–1611) и Карла X Густава (1654–1660) в коллекции отсутствуют. Монеты королевы Кристины (1632–1654), как и во многих случаях, преобладают в выборке. Чеканы Густава II Адольфа (1611–1632) и Карла XI (1660–1697) представлены в коллекции примерно в равной степени. Это монеты мелких номиналов: 1 öre, 1/2, 1/4 и 1/6 öre. Среди монет достоинством 1/6 öre также преобладают монеты чекана 1666 г.

Вызывает интерес обнаружение среди монет правления Густава II Адольфа (1611–1632) одного экземпляра, чеканенного вне территории Швеции – в Ревеле. Это монета достоинством 1 öre 1626 г., выпущенная в период шведского административного правления в Прибалтике.

2. Российские монеты

Монеты этой группы представлены единственным экземпляром – денгой 1740 г.

Таким образом, в ходе раскопок 2011 г. были обнаружены нумизматические материалы, свидетельствующие об активном денежном обращении в Выборге на протяжении XV–XVII вв., в том числе на начальном этапе его существования, о его связях

Таблица 5

Охтинский мыс-2010. Монеты, чеканенные представителями династии Ваза

Даты / Номинал	фүгк	1/6 öre	1/4 öre	1/2 öre медь	1/2 öre белый металл	1 öre медь	1 öre белый металл	2 öre	Всего
Юхан III (1568–1592)					1			1	2
Карл IX (1598–1611), включая регентство 1598–1604 гг.							2		2
Густав II Адольф (1611–1632)	1			13	1	16	3		34
Кристина (1632–1654, включая регентство 1632–1644 гг.) и одноипные для 1633–1660 гг. монеты достоинством в 1/4 öre			37				2		39
			7						7
Всего:	1		44	13	2	16	7	1	84

Таблица 6

Охтинский мыс-2010. Монеты, чеканенные представителями Пфалц-Цвейбрюкенской династии

Даты / Номинал	фүгк	1/6 öre	1/4 öre	1/2 öre	1 öre медь	1 öre белый металл	2 öre	Всего
Карл X Густав (1654–1660)								
Карл XI, регент (1660–1672)		19	1					20
Карл XI (1672 1697)		17				1		18
Всего:		36	1			1		38

Таблица 7

Нумизматические материалы из раскопок Выборг-2011

Государство	Количество монет (экз.)
Шведские монеты (включая монеты шведской администрации в Прибалтике)	54
Монеты Прибалтики	6
Российские монеты 1700–1917 гг.	1
Неопределенные монеты	2
Всего:	63

с подконтрольными государству территориями и важнейшими центрами на Балтике.

Большая Посадская. Из материалов раскопок на Большой Посадской, ул. д. 12 (угол Малой Монетной) происходит самая большая коллекция монет Петра I, обнаруженная на территории города. За два сезона (2011–2012 гг.) было найдено тридцать медных монет малого достоинства – от 1/4 копейки (полушки) до 5 копеек, чеканенных исключительно из меди (табл. 10). Среди монет Петра I выявлены варианты чеканки полушек, денег и копеек с надписями «повелитель» и «самодержец» 1705–1722 гг., чеканенных на Кадашевском монетном дворе (помечены аббревиатурой «МД») и на монетном дворе, до настоящего времени еще окончательно не установленном, помеченном аббревиатурой «БК» (Большая казна).

Насыщенность данного участка острова Койвусаари (Петроградского) монетами этого периода можно объяснить, очевидно, наличием здесь поселения первых строителей Петропавловской крепости: в непосредственной близости обнаружено как минимум 37 погребений с крестами-тельниками XVII – начала XVIII вв. По заключению антропологов, костяки принадлежат группам населения Ижорского плато и Южной Карелии, прежде всего, ижоре XVII–XVIII вв., т.е. потомкам местного приневского населения. Освоение этого участка началось, очевидно, в 1700–1710-е гг.

Название улицы вполне оправдано находками и иностранных монет. Они представлены монетами шести стран (табл. 11), старшей из которых (7 экз.) является медная монета достоинством 1/4 öre

королевы Кристины. Монеты этого номинала королевы Кристины – самые распространенные находки на территории Северо-Запада России, в том числе Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Медные монеты Швеции, в том числе так называемые плоты – медные доски (плиты) весом несколько килограммов, начиная с середины XVII в., ввозились в Россию в качестве шкилевой меди, т.е. предназначенной для торговли и последующей переплавки (Потин, 1974. С. 188–216). В Швеции была отчеканена и серебряная монета достоинством в 2/3 риксдалера (2 далера), чеканенная в 1779 г. (рис. 1). Младшей монетой выборки является монета достоинством 5 сентов, отчеканенная в Эстонии в 1931 г.

В качестве датирующего монетный материал наиболее продуктивно выступил при анализе объектов нижних горизонтов культурного слоя раскопок на Малой Монетной улице, когда нумизматическая датировка была подтверждена датировкой белоглиняных голландских курительных трубок, имеющих даты их клеймения с точностью до одного–двух лет. При исследовании основания колокольни Смольного монастыря датировка по монетам была проверена находками фаянсовой посуды с клеймами 1771, 1773 и 1774 гг.

Мичуринская. Нумизматические материалы из шурфов на ул. Мичуринской датируются первой четвертью – первой половиной XVIII в. В шурфах были обнаружены монеты только императорского периода – Петра I, Анны Иоанновны и Николая II (табл. 12). Медные монеты представлены мелкими номиналами – от 1/4 копейки полушки до 5 копеек. Чеканены монеты на Кадашевском и

Таблица 8

Выборг-2011. Монеты, чеканенные представителями династии Ваза

Даты / Номинал	гугк	1/4 öre	1/2 öre медь	1/2 öre белый металл	1 öre медь	1 öre белый металл	2 öre	4 öre	Всего
Эрик XIV (1560–1568)						1			1
Юхан III (1568–1592)	4			4			2	1	11
Сигизмунд (1592–1598)			1						1
Густав II Адольф (1611–1632), включая монеты шведской администрации в Прибалтике	1				6	3			10
Кристина (1632–1654, включая однотипные для 1633–1660 гг. монеты достоинством 1/4 öre		19							20
Всего:	5	20	1	4	6	4	2	1	43

Таблица 9

Выборг-2011. Монеты, чеканенные представителями Пфальц-Цвейбрюккенской династии

Даты / Номинал	1/6 öre	1/4 öre	1/2 öre	1 öre медь	1 öre белый металл	2 öre	Всего
Карл XI (1660–1697)	11						11

Таблица 10

Монеты чекана Петра I из раскопок на Большой Посадской ул., д. 12 (2011–2012 гг.)ул.

Даты / Номинал	1/4 копейки	1/2 копейки	1 копейка	5 копеек	Общее количество
Петр I (1689–1725)	8	7	14	1	30

Таблица 11

Иностранные монеты из раскопок на Большой Посадской ул., д. 12 (2011)

Объект	Страна	Номинал	Год чеканки	Горизонт
Раскоп 1	Швеция	1/4 öre	1633–1654	горизонт 4
Раскоп 1	Австро-Венгрия	2 геллера	1897	горизонт 1Д
Раскоп 1	Швеция	2/3 риксдалера	1779	техноген
Раскоп 1	Италия	5 чентезимо	1921	техноген
Раскоп 1	Эстония	5 сентов	1931	техноген
Шурф № 1	Франция	5 сантимов	1856	горизонт 1
Шурф № 8	Финляндия	10 пенни	1914	техноген

Таблица 12

Российские монеты периода 1700–1917 гг. из раскопок шурфов на ул. Мичуринской в 2011 г.

Даты / Номинал	1/4 копейки	1/2 копейки	5 копеек	25 пенни	Общее количество
Петр I (1689–1725)	1		1		2
Анна Иоанновна (1730–1740)		2			2
Николай II (1896–1917)				1	1
Всего:	1	2	1	1	5

Екатеринбургском монетных дворах. Можно отметить, что пятаки чеканки 1723–1727, 1729–1730 гг. («крестовики») в материалах раскопок в Санкт-Петербурге встречаются не часто. Серебряные монеты представлены разменной монетой достоинством 25 пенни для Великого княжества Финляндского, чеканенной на Гельсингфорском монетном дворе. Крупного серебра в выборке нет.

Тульская. Самая большая коллекция монет была получена в результате раскопок на Тульской улице – более 1660 монет. Иностранные монеты в выборке единичны, основная масса – российские монеты мелких номиналов. Единственное исключение – рубль Павла I 1798 г. (рис. 2). В коллекции присутствуют перечеканы (рис. 3; 4), «не совсем

обычные» и «редкие» монеты (по В. В. Узденникову); монеты, изготовленные на нестандартных кружках-заготовках и т.п. Значительное количество найденных монет объясняется тем, что на планах города с середины XIX в. у Большеохтинского перевоза обозначен питейный дом. Исходя из данных нумизматики, начало функционирования этого питейного заведения можно отнести к середине XVIII в.

И, наконец, хотелось бы упомянуть о двух наиболее интересных находках. Первая была сделана во время раскопок на территории Восточного крыла здания Главного Штаба. Это знак, изготовленный из белого металла, вероятнее всего, принадлежавший секретному сотруднику Уголовного розыска (рис. 5), некогда располагавшегося в упомянутом здании.

Рис. 1. Монета 2/3 риксдалера (2 далера) 1779 г. из раскопок на Большой Посадской, 12, 2011 г. (Швеция, серебро)

Рис. 3. Монета достоинством 2 копейки 1764 г., перечеканенная из 4-х копеек 1762 г., из раскопок на Тульской ул., 2012 г.

Рис. 2. Монета рубль 1798 г. из раскопок на Тульской ул., 2012 г. (серебро)

Рис. 4. Монета достоинством 2 копейки Екатерины II, перечеканенная из 4-х копеек 1762 г., из раскопок на Тульской ул., 2012 г.

Рис. 5. Знак секретного сотрудника (?) Уголовного розыска из раскопок на территории Восточного крыла здания Главного Штаба (белый металл)

Рис. 6. Кошелек, обнаруженный в 2012 г. при раскопках на набережной р. Мойки, д. 102 (кожа, медь, серебро)

Данный знак отсутствует в собрании Сектора нумизматических памятников стран Европы и Америки Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

Вторая находка – кошелек, обнаруженный в 2012 г. при раскопках на наб. Мойки, д. 102 с литерой М (рис. 6), внутри которого находились фрагмент запонки (?) и семь монет разного достоинства: 5 копеек 1730 г., денга 1731 г., 1 копейка 1799 г., 1 копейка 1854 г., два экземпляра пятикопеечников 1869 г. и 20 копеек 1880 г. Таким образом, в кошельке были монеты, чеканенные от имени пяти правителей России XVIII–XIX вв. Хронологический диапазон монет – 150 лет. Вероятнее всего, мы имеем дело с кошельком любителя-нумизмата, утерянным не раньше 1880 г.

В целом нумизматические материалы из археологических раскопок на территории Санкт-Петербурга дают достаточно четкое представление об интенсивности денежного обращения в различные периоды в разных частях столицы и о составе обрабатываемой денежной массы.

Источники и литература

- Аветиков А. А., Александров С. В., Боковенко Н. А., Ёлшин Д. Д., Кильдюшевский В. И., Стёганцева В. Я., 2011. Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб. № 2.
- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. Каталог монет. М.
- Городилов А. Ю., Поликарпова А. О., 2011. Предварительные результаты археологического исследования участков, расположенных по адресам: СПб., Невский пр., д. 68 и ул. Стремянная, д. 15 // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб. № 2.
- Лапшин В. А., Гарбуз И. А., 2011. Археологические исследования на Аптекарской набережной // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб. № 2.
- Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Новосёлова Н. Ю., 2011. Археологические исследования территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли на Лиговском проспекте // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб. № 2.
- Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Соловьёва Н. Ф., 2011. Исследование основания колокольни Смольного монастыря // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб. № 2.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.
- Михайлов К. А., Лапшин В. А., Соловьёва Н. Ф., 2011. Археологические работы в квартале между Смольным проспектом, Тульской и улицей Бонч-Бруевича // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб. № 2.
- Потин В. М., 1967. Пулковский клад талеров XVII в. // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. Вып. 28.
- Потин В. М., 1974. Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сборник. Таллин. Т. 19.
- Рылов И. И., Соболин В. И., 1994. Монеты России и СССР. М.
- Семёнов С. А., Попов С. Г., Румянцева З. Р., Лапшин В. А., 2011. Археологические исследования в излучине реки Невы // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб. № 2.
- Скрипунов А. В., 2008. Шведские монеты 1/4 эре королевы Кристины. 1633–1654. СПб.
- Соболев В. Ю., 1998. Клады и случайные находки на территории Большого Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.
- Сорокин П. Е., Травкин С. Н., 2009. Об одной группе шведских монет из археологических раскопок в устье Невы // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М.

Узденников В. В., 1985. Монеты России. 1700–1917. М.

Фёдоров Д. Я., 1966. Монеты Прибалтики XIII–XVIII столетий. Определитель монет. Комментарии и дополнения А. Молвыгина. Таллин.

Tingström B., 1969. Sweden coins 1521–1968. Stockholm.

Список сокращений

ВМОИДР – Временник Московского общества истории и древностей российских

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИАМ – Материалы и исследования по археологии г. Москвы

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ТАС – Тверской археологический сборник

Правила оформления рукописей для Бюллетеня охранной археологии ИИМК РАН

Рукопись должна быть представлена в электронной версии в текстовом формате RTF (Rich Text Format) или ODT (OpenDocumentText).

Формат страницы А4. Поля Normal (по умолчанию Microsoft Office).

1. Текст – шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал 1,5:

– выравнивание всего текста (включая заголовки) по левому краю без какого-либо дополнительного форматирования;

– в исключительных случаях допускается выделение отдельных частей текста подчеркиванием;

– использовать кавычки « » и скобки () [] указанного образца;

– при написании цифр десятичные доли отделяются запятой, а не точкой 0,5 а не 0.5:

– площади и объемы указываются в кв. м и куб. м, а не м² и м³.

2. Иностранные термины и имена собственные

– при упоминании иностранных фамилий в скобках дается их оригинальное написание (за исключением общеизвестных имен, встречающихся в энциклопедии, и имен, на которые даются ссылки в списке литературы);

– при упоминании в русской транскрипции иностранных учебных заведений, учреждений, фирм, а также иностранных географических названий (кроме общеизвестных) необходимо указывать в скобках их оригинальное написание или написание на английском языке;

– все вновь вводимые или редко употребляемые переводные термины следует сопровождать соответствующими им терминами на языке оригинала, указываемыми в скобках.

3. Примечания

– все примечания помещаются в конец статьи (endnotes) и имеют сквозную нумерацию (1, 2, 3...).

4. Иллюстрации и подписи к ним

– все иллюстрации, будь то рисунки, графики или фотографии, подаются в формате tiff или jpg с разрешением не менее 600 dpi без сжатия;

– ответственность за качество изготовления рисунков и фотографий возлагается на самих авторов;

– все иллюстрации, будь то рисунки, графики или фотографии, именуется «рисунками» с общей сквозной нумерацией соответственно цитированию их в основном тексте;

– каждый рисунок должен иметь общее название, фрагменты рисунка также должны быть поименованы;

– подписи к иллюстрациям должны соответствовать содержанию рисунков;

– список иллюстраций подается отдельным текстовым файлом.

5. Таблицы

– подаются отдельными файлами, либо в графическом, либо в текстовом форматах;

– пронумерованы в порядке отсылки к ним в основном тексте;

– все таблицы должны иметь четкие и краткие названия;

– данные таблиц не должны дублировать основной текст.

6. Цитирование литературы в тексте

– на работы, напечатанные кириллическими шрифтами, следует ссылаться следующим образом: «Фрагмент браслета с точно такой же композицией был обнаружен при раскопках селища Настасьино (Сарачева, Сапрыкина, 2004. С. 53, рис. 90: 9)» или «... кажется оправданным мнение Е. В. Переводчиковой и Д. С. Раевского (1981. С. 44, 49–51) ...» (с неперенным указанием инициалов);

– на работы, напечатанные латиницей, следует ссылаться следующим образом: (Owens, 1991) или «...по Яманучи (Yamanouchi, 1964. Fig. 42)...» (без инициалов автора!);

– при ссылке на несколько работ одного автора их следует перечислять в хронологическом порядке, используя при необходимости буквенные индексы для обозначения разных работ, опубликованных в один и тот же год, например: (Nowakowski, 1995a, 1996b) или В. Ф. Гайдукевич (1949, 1981);

– при одновременной ссылке на несколько работ разных авторов их следует перечислять в хронологическом порядке, отделяя друг от друга точкой с запятой: (Hansen, 1985; Паромов, 1998; Тункина, 2003);

– при ссылке на совместную работу более чем двух авторов следует использовать сокращения «и др.» или «et al.» после фамилии первого автора: (Александровский и др., 1998; Cruz-Uribe et al., 2003);

– ссылки на работы, не опубликованные или находящиеся в печати, не допускаются.

7. Список литературы

– список литературы подается отдельным текстовым файлом;

– работы указываются в алфавитном порядке по фамилиям авторов и в хронологическом порядке – работы одного автора;

– сначала перечисляются работы на основе кириллицы, затем – на основе латинской азбуки;

– на все работы, включенные в список литературы, должны быть ссылки в тексте статьи;

– источником библиографического описания является титульный лист издания.

8. Цитирование литературы в списке

– инициалы указываются после фамилий авторов и разделяются пробелами между собой: Иванов А. А., Petrov В. В.

– после фамилии(й) автора(ов) ставится запятая, пробел, затем указывается год публикации работы, например:

Арсеньева Т. М., 1977. Некрополь Танаиса. М.
Яганов А. В., Рузаева Е. И., 2003. Успенский собор в Дмитрове. М.

– для обозначения опубликованных в один и тот же год разных работ одного автора их следует перечислять, используя буквенные индексы:

Егоров В. Л., 1985а. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Егоров В. Л., 1985б. Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV вв. // ВИ. № 1.

– названия иноязычных работ приводятся в соответствии с оригиналом (в т.ч. сохраняется расстановка заглавных и строчных букв), при перечислении авторов запятая между фамилией автора и его инициалами не ставится, символ «&» не используется:

Singer R., Wymer J., 1982. The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. Chicago.

– для обозначения номера как русского, так и иностранного журнала употребляется символ «№»;

– том, номер журнала и т.п. разделяются между собой и отделяются от соответствующих цифр пробелами: «Т. 29. № 2» или «Vol. 29. № 2»:

Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.

D'Errico F., Henshilwood C., 2007. Additional evidence for bone technology in the southern African Middle Stone Age // Journal of Human Evolution. Vol. 52. № 2.

– при указании города используются общепринятые сокращения: М. (Москва), СПб. (Санкт-Петербург).

Журнальные статьи:

Автор, год. Название статьи // Название журнала. Том. Номер (выпуск).

Бокий Н. М., Плетнёва С. А., 1988. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. № 2.

Беленькая Д. А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // Средневековая археология Восточной Европы. М. (КСИА. № 208).

Армарчук Е. А., Новичихин А. М., 2004. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» // КСИА. № 216.

Klein R. G., 2000. The Earlier Stone Age of Southern Africa // South African Archaeological Bulletin. Vol. 55. № 172.

Статьи в сборниках:

Автор, год. Название статьи // Название книги / Отв. ред. Город.

Вишневский В. И., 2003. Новые материалы по погребальному обряду позднедьяковского населения Верхнего Поволжья // Археология: история и перспективы: Сб. статей / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль.

McBrearty S., Tryon C., 2006. From Acheulean to Middle Stone Age in the Kapthurin Formation, Kenya // *Transitions before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age* / E. Hovers, S.L. Kuhn (eds). New York.

или:

Кучкин В. А., 1997. Княжеский помяник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования*. 1995 год. М.

Леонтьев А. Е., 1996. Втульчатые височные кольца // *Древности Русского Севера*. Вологда. Вып. 1.

Зацаринный С. В., 2003. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища: (К вопросу о локализации летописного Алексина) // *Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История*. Тула. Т. 2: Археология. История, этнография, искусствоведение.

Пушкин Б. С., 1914. Двор боярина Никиты Ивановича Романова // *Старая Москва*. М. Вып. 2. (Репринт: 1993).

Гвоздовер М. Д., 1964. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // *Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья*. М. (САИ. Вып. А1–5).

Шкурко А. И., 1982. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. (Тр. ГИМ. Вып. 64).

Никитин А. В., 1971. К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933–1934 гг.) // *Древности Московского Кремля*. М. (МИА. № 167).

Schild R., 1996. Radiochronology of the Early Mesolithic in Poland // *The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship to neighbouring areas* / L. Larsson (ed.). (Acta Archaeologica Lundensia. Vol. 80. № 24).

Сборники статей:

Название сборника / Отв. ред. Город, год.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Америки: Проблемы и перспективы / Под ред. А. А. Синицына и Н. Д. Праслова. СПб., 1997.

Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса / Отв. ред. Н. А. Макаров. Вологда, 2001.

Материалы конференций:

Гоняный М. И., Зайцев А. К., 1990. Предварительные итоги и задачи изучения древнерусских

памятников района Куликова поля // VI Междунар. конгресс славянской археологии: Тез. докл. М.

Леонтьев А. Е., 1997. Ростов в X–XI // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М. Т. 2: Славянский средневековый город.

Кудряшов А. В., 2003. Поселение и могильник у д. Телешово на реке Согоже // *Археология: история и перспективы: Первая межрегиональная конференция: Сб. статей*. Ярославль.

Обломский А. М., 2004. Раннесредневековое труположение у с. Лихачевка Полтавской обл. // *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Докл. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова*. (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.

Dyer C., 1997. Material culture: production and consumption // *Material culture in Medieval Europe: Papers of the Medieval Europe (Brugge, 1997 Conference)*. Zellik. Vol. 7.

Монографии:

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. М.

Николаева Т. В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М. (САИ. Вып. Е1–60).

Броневский С., 1999. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик. (Переиздание книги: М., 1823).

Lawrence A. W., 1983. *Greek Architecture*. London.

Другие:

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Писцовые книги русского Севера // *Каталог писцовых книг Русского государства*. М., 2001. Вып. 1.

Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI вв.), ч. 2: Л–Я.

Диссертационные работы:

Автор, год. Название работы: Дис. ... канд. ист. наук. Город.

Панова Т. Д., 1990. Городской погребальный обряд средневековой Руси (XI–XVI вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М.

Автореферат диссертационной работы:

Автор, год. Название работы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Город.

Акимов Д. В., 2001. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III–V вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.

Ресурс Интернет:

Автор. Название работы. URL: адрес

Песков Д. Железный век. Электронная версия <http://www.kulichki.com/~gumilev/debate/Article07e>

Каталоги:

Древности страны Луров: Каталог выставки. СПб., 1992.

Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1908. Отд. VIII–IX.

Архивные материалы:

Никитинский И. Ф., 1982. Отчет о работе Вологодской экспедиции в 1982 году // Архив ИА. Р-1, № 9341.

Медведев П. В., 2002. Описание конструкции печи // Кренке Н. А. Отчет об археологических раскопках на Романовом дворе в Москве в 2002 г. Т. 1. (Архив ИА РАН).

9. Сокращения и аббревиатуры

– все сокращения в тексте кроме общеупотребительных должны быть раскрыты при первом упоминании;

– сокращения из нескольких слов разделяются пробелами (760 мм рт. ст.), за исключением самых общеупотребительных (и т.д.; и т.п.);

– список библиографических сокращений подается отдельным текстовым файлом.

10. Резюме

– объем не более 10 строк;

– подается отдельным текстовым файлом.

Для заметок

Подписано в печать 08.04.2013.
Формат 60X90/8. Печ. л. 36
Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ №108

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Периферия»
Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, 30
www.spbcolor.com